

РЕПЕРТУАРЪ И ПАЛТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СЫСЬОВА

=

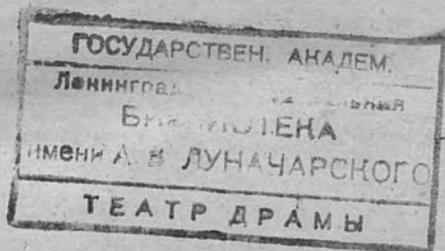
Издательство П. П. Сысова, Санкт-Петербургъ, 1844 года, № 30-то томъ.

Санкт-Петербургъ, 1844.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

=

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

2863-
26642
9763

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Комета. Стихотвореніе <i>Г. Г.</i>	183.
II. Молодые ключницы у старых холостяковъ или обочились въ рас- счотъ. Водевиль <i>П. А. Каратыгина</i>	184.
III. Гондола. Стихотвореніе <i>Н. С.</i>	210.
IV. История драматической литературы. Испанскій театръ. Перев. съ испанскаго <i>М. Н. Лихонина</i>	211.
V. Ирландская мелодія <i>Изъ Томаса Мура</i>	266.
VI. Пѣтухъ и курочки. Итальянскій народный фарсъ. Перев. <i>П. Р. Фур-</i> <i>манна</i>	267.
VII. Не удивляйся, другъ мой милый. Стихотвореніе <i>Виктора К-ка</i> ...	294.
VIII. Сынъ Нотаріуса. Разсказъ <i>Библиофила Жакоба</i>	295.
IX. Еврейская мелодія. Изъ <i>Байрона. А. Фета</i>	367.
X. Шарль Нодье, изгванникъ изъ отечества	368.
XI. Современные сценические артисты. Джулія Гризи, пѣвица пари- жской Итальянской-Оперы	383.
XII. Смѣсь. Актриса прошлаго вѣка. — Невинность Скарамуша. — От- чаянный Россинистъ. — Кто кого угостилъ. — Серафенъ. — Селе- ние, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. — Театръ и музыка въ Вѣнѣ. (Статья <i>франкфуртскаго капельмейстера Гура</i>). — Двѣ методы пѣнія. — Фанатизмъ. — Гробница Вебера въ Лондонѣ. — Ане- кдоты и мелочи	387.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА,

*Коммисіонера Министерства Финансовъ, Министерства
Внутреннихъ Дѣлъ, Главнаго Управленія Путей Сообщенія и
Публичныхъ Зданій, Редакціи Полцейской Газеты и др.*

на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ до-
мѣ Завѣтнаго и въ Гостинномъ дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 13,
поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

ДРАМАТИЧЕСКІЯ

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

Н. А. Полеваго.

Въ четырехъ частяхъ Спб. 1843 года. На лучшей веленовой бумагѣ.
Изданіе М. Д. Ольхина. Цѣна 5 руб. серебр. Вѣс. за 4 ф.

БІОГРАФІЯ

ГЕНЕРАЛИССИМУСОВЪ

и

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ,

СОСТАВЛЕННЫЯ

Бантышъ Каменскимъ.

Четыре тома въ 8-ю д. л., отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ,
съ 48 отлично-литографированными портретами. Спб. Цѣна, съ пор-
третами, 7 руб. 15 коп. серебр., а, безъ портретовъ, 4 руб. 30 коп.
серебр. Вѣс. за 5 ф.

КОМЕТА.

КОМЕТА.

Когда, средь сонма звѣздъ, размѣренно и стройно,
Какъ звуковъ переливъ, одна во слѣдъ другой,
Опредѣленный путь свершающихъ спокойно,
Комета полетитъ неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзвучанныхъ стихій неистоваго спора,
Горя еще сама, и на пути своемъ
Грозя инымъ звѣздамъ стремленьемъ и огнемъ, —
Что нужды ей тогда до общаго смятенья,
До разрушенія гармоніи? Она
Изъ ложа Отчаго, изъ родника творенья,
Въ созданья стройный кругъ борьбою послана,
Да совершитъ путемъ борьбы и испытанья
Цѣль очищенія и цѣль самосозданья.

1. 4.

МОЛОДЫЯ КЛЮЧНИЦЫ

АТМОС

у

СТАРЫХЪ ХОЛОСТЯКОВЪ.

или

ОВОЧЛЕСЪ ВЪ РАЗСЧОТЪ.

—
ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г. Дорваль.

Г. Дидье, другъ его.

МАРГАРИТА, ключница Дорваля.

ЖОРЖЕТА, ключница Дидье.

Жакъ, слуга Дорваля.

—
Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Дорваля.

(Театръ представляетъ столовую комнату, на-лѣво отъ зрителей дверь и окно, на-право столъ и каминъ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРГАРИТА (одна, пишетъ у стола). Надо поторопиться, чтобъ этотъ сумасшедшій Жакъ не помѣшалъ : онъ такъ любопытенъ.... (Пишетъ) «Сегодня вечеромъ въ 10 часовъ я уложу барина ; всѣ авъ домъ будутъ спать, кромъ меня. — Приходи, я буду ждать тебѣ въ столовой комнатѣ ; не ошибись дверьми, какъ случилось

«это съ тобой въ прошедшій разъ.... мы вмѣстѣ отужинаемъ, да «не забудь, прежде входа, ударить три раза въ дверь: надо принять «всѣ возможныя предосторожности.» (Свертываетъ письмо.) Бѣдный Морицъ! онъ ждетъ теперь подъ окномъ. (Въ окно.) Морицъ, Морицъ!.... Какъ-бы передать ему это письмо?.... А, счастливая мысль! (Завертываетъ письмо въ платокъ и бросаетъ его за окно.) Онъ поднимаетъ... хорошо... покорно васъ благодарю, сударь, не извольте беспокоиться... однакожъ, это не слишкомъ благоразумно... въ полдень, къ-счастію мы живемъ въ такой улицѣ, гдѣ, по цѣлымъ суткамъ, человѣка не увидишь... пойду къ нему на-встрѣчу... кто-то идетъ.... а, это ты, Жакъ?

ЯВЛЕНИЕ II.

МАРГАРИТА и ЖАКЪ.

ЖАКЪ. Я, сударыня, я, съ бутылкой и платкомъ.

МАРГАРИТА. Какъ?

ЖАКЪ. Вѣрно вы изволили выронить его какъ-нибудь печаянно за окошко.... въ это время проходилъ какой-то молодой человѣкъ и подвѣлъ его.... прекрасный молодой человѣкъ, высокой, темно-волосый, красавецъ, немножко лучше меня, — онъ хотѣлъ самъ вручить его.... онъ, вѣрно, думалъ, что можно будетъ завести какія-нибудь шашни.... да нѣтъ, не на такихъ наскочилъ, любезный!

МАРГАРИТА. Довольно, подай. (Развертываетъ платокъ.) А! онъ взялъ письмо.

ЖАКЪ. Я сейчасъ изъ аптеки и принесъ микстуру, которую нашъ баринъ каждое утро изволитъ кушать; право, странный человѣкъ, нашъ баринъ.

Безъ докторовъ ни ѣсть, ни пить,

Ужъ видно, онъ такой натуры,

Что безъ лекарства не заснетъ,

И не проснется безъ микстуры.

Честныхъ, порядочныхъ людей

Избави Господи во-вѣки

Отъ смертоносныхъ лекарей,

Отъ уморительной аптеки!

МАРГАРИТА. Поставь бутылку на столъ, и оставь свои замѣчанія.

ЖАКЪ. А, что? — Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость? Впрочемъ, это со мной часто бываетъ.... да, вотъ подождите,

какъ я обживусь, осмотрюсь, т. е., когда меня рѣшительно при-
мутъ сюда.... какъ вы думаете, Маргарита, понравлюсь-ли я.... какъ
бишь его.... да, г. Дорвалю?

МАРГАРИТА. О, конечно, твоя неуклюжая фигура говорить въ
твою пользу.

ЖАКЪ. Какъ говорить.... что это такое?

МАРГАРИТА. Это не твоё дѣло.

ЖАКЪ. Слушаю-сь.

МАРГАРИТА. Такъ-какъ въ этомъ домѣ все зависитъ отъ меня,
то, съ нынѣшняго утра, ты можешь называть себя нашимъ до-
машнимъ человѣкомъ.

ЖАКЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ага! Наконецъ я нашолъ себя теплое
мѣстечко.... а нельзя-ли васъ спросить.... объ моемъ.... объ моемъ
жалованьицѣ.

МАРГАРИТА. 100 франковъ въ голъ, и господское кушанье; что-
же касается до остальнаго, то доставай самъ.

ЖАКЪ. А гдѣ-же я остальное-то достану?

МАРГАРИТА. Не перебивай меня. Г. Дорваль человѣкъ довольно-
слабый, какъ характеромъ, такъ и здоровьемъ.... Конечно, онъ не
слишкомъ-веселъ....

ЖАКЪ. Да, онъ мнѣ показался какимъ-то мелвдемъ.

МАРГАРИТА. Но нѣтъ человѣка почтеннѣе его : онъ богатъ и из-
вѣстенъ въ свѣтѣ, начальникъ отдѣленія въ Министерствѣ.... смо-
три-жь, имѣй къ нему уваженіе, будь воздерженъ, опрятенъ, и не
смѣй ему противорѣчить.

ЖАКЪ. Слушаю-сь, я никогда ему ничего не буду говорить.

МАРГАРИТА. А главное, баринъ терпѣть не можетъ волокитства....
ты меня понимаешь? Смотри-же, я буду очень-строго наблюдать за
твоимъ.

ЖАКЪ. И я постараюсь, сударыня; впрочемъ, я по этой части
уже человѣкъ не свободный.

МАРГАРИТА. Какъ? ты влюбленъ? ты? — съ твоею наружностію.

ЖАКЪ. Ну, да, сударыня, я влюбленъ, съ моею наружностію въ
одну прекрасную дѣвушку изъ всей нашей деревни, но увы! на
которой я не могъ жениться.

МАРГАРИТА. Верно, она была богаче тебя?

ЖАКЪ. О нѣтъ, наши карманы были одинаково пусты, но, по
нѣкоторымъ обстоятельствамъ, мы рѣшились разойтись въ раз-
ныя стороны.

МАРГАРИТА. И хорошо сдѣлали.... Смотри-же, помни, что я тебя
говорила. (*Слышенъ колокольникъ.*) А! баринъ звонитъ, подожди
меня здѣсь.

жакъ. Возьмите-же микстуру.

МАРГАРИТА. Нѣтъ, къ ней надо еще примѣшать двѣ ложки темныхъ капель, которые имѣють успокоительное свойство, и даютъ сонъ. (Звонятъ). Сейчасъ, сейчасъ, сударь... онъ горячится, а это ему вредно — валий-же вмѣсто меня... смотри, двѣ чайныя ложки.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Жакъ (одинъ.)

Смѣшна мнѣ эта г-жа Маргарита, съ своимъ умничаньемъ и уроками.... она еще молода для этихъ фокусовъ; — ну, слава Богу, наконецъ я на мѣстѣ, дома, у себя! (Садится). Куда какъ трудно въ большомъ городѣ сыскать себѣ мѣсто! До-сихъ-поръ ни въ одномъ порядочномъ домѣ не уживался я болѣе трехъ дней... это какое-то несчастное число! Если я, сложа руки, задумаюсь, меня начинаютъ ругать лънивцемъ, и, не говоря худого слова, выталкиваютъ за двери, а эти толчки заставили меня прошаркать не одну подошву на парижскихъ тротуарахъ... гдѣ надо мной смѣялись даже мальчишки, дразнили, ругали; сколько глупыхъ, пустыхъ людей прошло мимо меня, но ни одинъ не пожалѣлъ своего брата.

Нѣтъ, видно по всему, нашъ братъ

Не возбудитъ ни въ комъ участя!

Зачѣмъ-же люди говорятъ,

Что дуракамъ на свѣтѣ счастье?

Въ Парижъ напрасно я пришолъ:

Чтò день, тò ссора или драка.

Тружусь, потѣю, какъ оселъ,

А голодаю, какъ собака.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Жакъ и Жоржета.

ЖОРЖЕТА. Ба! это правда! они въ-самомъ-дѣлѣ наняли слугу. Взглянуть по-дорогѣ на него, чтò это за чучело.... Боже мой! кого я вижу?

ЖАКЪ. Ахъ! батюшки-свѣты! Да это....

ЖОРЖЕТА. Какъ! это ты, мой добрый Жакъ? Какая счастливая встрѣча! Ты въ услуженіи у г. Дорвала?

жакъ. Да, да, моя красавица, со вчерашняго дня... но какииъ слушаемъ ты сюда попала?

жоржета. Я служу барину, которой живетъ отсюда въ двухъ шагахъ : это старинный другъ г. Дорвала.

жакъ. Другъ, стало-быть, это мужчина.

жоржета. Мужчина.

жакъ. Мужчина! — а что-же ты у него дѣлаешь?

жоржета. Чтó за вопросъ? — Я все дѣлаю.

жакъ. Какъ все!

жоржета. Рѣшительно. Но не ревнуй, мой добрый Жакъ : онъ однихъ лѣтъ съ г. Дорвалемъ.

жакъ. Да, пожалуйста, смотри въ зубы этимъ старикамъ!

Старикъ большого свѣта

Молодятся, хоть куда.

Нужды нѣтъ, что не-подъ-лѣта,

А волочатся всегда.

Женщинъ всѣхъ безстыдно хвалятъ,

И во рту хоть зубъ нѣтъ,

Но премило зубоскалятъ

И наводятъ свой лорнетъ.

жоржета. Нѣтъ, ты дурно знаешь моего старика.

жакъ. Но зачѣмъ-же ты пришла сюда?

жоржета. Меня мой баринъ послалъ узнать о здоровьѣ г. Дорвала... Ахъ, любезный Жакъ, если-бъ ты зналъ, какъ я довольна, что нашла тебя.

жакъ. И я тоже, только боюсь, если г-жа Маргарита замѣтитъ наши продѣлки, такъ я пропадъ съ руками и ногами. Она подл смертною казнью запретила мнѣ волочиться : должно думать, что эта женщина чертовски добродѣтельна.

жоржета. Маргарита? вотъ выдумалъ! ха! ха! ха!

жакъ. Да какъ-же она сама мнѣ это говорила?

жоржета. А ты и повѣрилъ? Не безпокойся, она такая-же женщина, какъ и всѣ, но очень-скрытна и осторожна. Я увѣрена, что она прикидывается смиренницей, только для того, чтобы завладѣть г. Дорвалемъ.... впрочемъ это весьма-естественно. Слабый, старый холостякъ, онъ ни во чтó не входитъ.

жакъ. А она?

жоржета

Хоть служить ключницей она,

Но по-господски поступаетъ,

И, какъ законная жена,

Имъ самовластно управлять.
Рѣшительно могу сказать,
Она приискиваетъ средство,
Или его къ рукамъ прибрать,
Или прибрать его наслѣдство.

жакъ. Ого! Вотъ какія штуки! однакожь все не мѣшало-бы намъ скрывать наше знакомство.

жоржета. Я согласна, я съ моей стороны буду такъ тебя любить, что никто не догадается.

жакъ. И я также.

жоржета. И они все будутъ славно одурачены.

жакъ. И я также, и я также, моя милая Жоржета... но кто-то влетѣть, это голосъ барина.

жоржета. Прощай, прощай! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

жакъ (*одинъ*).

Какъ она мила, любезна, — и даже очень-умна; да! гораздо-умнѣе меня.... О! такъ я не пропащій человекъ.... Ахъ, Боже мой, да я еще не приготовилъ микстуры, а баринъ ужъ идетъ, чортъ возьми! Сколько-же надо положить ложекъ этой аптекарской дявольщины. Я совсемъ забылъ.... кажется Маргарита сказала 4 или 6.... вотъ тебѣ и закорючка! — впрочемъ бѣды не будетъ — вѣдь-это лекарство, стало чѣмъ больше, тѣмъ лучше; скорѣй выздоровѣетъ... оно имѣетъ успокоительное свойство... положу 6 хорошихъ ложекъ (*Льетъ*): пусть-же его успокоится на здоровье!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Жакъ и дорваль, *поддерживаемый* Маргаритою.

маргарита. Обопритесь, сударь, обопритесь.

дорваль. Благодарю тебя, добрая Маргарита.... я очень-слабъ.... вотъ уже восьмой день я сижу на діетѣ.

маргарита. Садитесь, мой доброй господинъ, садитесь. Жакъ! подай микстуру.

жакъ (*подаетъ бутылку*). Извольте-съ.

дорваль. Опять микстуру. — Погоди немного, мой ангелъ.

маргарита. Но она вамъ такъ помогаетъ.

дорваль. Да очень помогаетъ, только не знаю, отъ-чего-же я все еще боленъ. А что, не приходилъ-ли другъ мой Дидье?

жакъ. Никакъ нѣтъ-съ.

дорваль. И никто не былъ отъ него?

жакъ. Формально никого, ей Богу никого.

дорваль. Это странно. Довольна-ли ты этимъ дуракомъ?

маргарита. Къ дуракамъ надобно привыкнуть, а вы меня знаете.

дорваль. Да, да, ты очень-снисходительна и терпелива! Эй ты, оставь насъ однихъ.

жакъ. Слушаю-съ (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Дорваль и Маргарита.

дорваль. Маргарита.

маргарита. Что угодно, сударь?

дорваль. Сядь, мой другъ, подлѣ меня.

маргарита. Сію минуту, сударь, сію минуту. (*Кладетъ елиу подушку подъ ноги*).

дорваль. Ты совсѣмъ избаловала меня, Маргарита.

маргарита. Помилуйте... дѣлать вамъ пріятное — это моя обязанность, мой долгъ.

дорваль. Повѣрь, что и я въ долгу не останусь.

маргарита. Помилуйте.

дорваль. Ахъ! (*Вздыхаетъ*).

маргарита. Что вы вздыхаете? ужъ не больно-ли вамъ гдѣ-нибудь?

дорваль. Мнѣ больно на себя смотрѣть — какъ несносно состояніе холостяка. Я раскаяваюсь, что не женился въ молодости.

маргарита. Въ молодыхъ лѣтахъ дѣлаютъ однѣ глупости.

дорваль. Ахъ! Тутъ-то-бы и жениться. — Право, смотря на тебя, я все боюсь, что скоро тебя надоѣсть и ты меня оставишь.

маргарита. Ахъ, сударь, какъ это возможно!

дорваль. Я замѣчаю, что ты съ каждымъ днемъ милѣе, красивѣе, а я....

Какъ ты мила, какъ хороша,
Чужда притворства и коварства,
Ты жизнь моя, моя душа....

МАРГАРИТА.

Пора-бы вамъ принять лекарства

дорваль. Опять микстура! Ахъ мнѣ такъ сладко говорить съ тобою. *(Пьетъ)* Тьфу! какъ это горько.... даже горче обыкновеннаго.

маргарита. Это вамъ такъ кажется.

дорваль. Но чѣмъ-бы закусить?—

Ахъ, деразость старика прости,

Жалѣя слабую натуру,

И поцѣлуемъ подласти

Мою полынную микстуру!...

(Маргарита цѣлуетъ его).

Благодарствуй, мой дружокъ.... Но что Дидье не-идетъ? Теперь именно тотъ часъ, въ который онъ навѣщаетъ меня каждый день; я начинаю беспокоиться : вѣрно, что-нибудь его задержало.

маргарита. Очень можетъ-быть какой-нибудь завтракъ, вли любовное свиданіе.... вы знаете, шампанское отбиваетъ память.

дорваль. Нѣтъ! Дидье ни на какой завтракъ не промѣняетъ меня... ты его не любишь, ты предубѣждена противъ него.

маргарита. Я откровенна сударь, и признаюсь вамъ, что терпѣть его не могу : его поведеніе не по моему вкусу.... какая разница съ вами.

дорваль. Ты отъ-части права. Можетъ-быть я имѣю въ себѣ что-нибудь особенное, отличное, но эти качества не приобретаются : онъ природный.... Жаль только, что онъ большой повѣса.

маргарита. И волокита : я, можетъ-быть, знаю это лучше другихъ.

дорваль. Право?

маргарита. Да, сударь, когда васъ нѣтъ дома, когда вы заняты въ своей канцеляріи....

дорваль. Ну, ну, что-жъ дальше, неужели онъ могъ себя позволить?

маргарита. Что-жъ мнѣ дѣлать сударь? я здѣсь бываю безъ защитника, безъ покровителя, и въ это время чувствую....

дорваль. Что ты чувствуешь?

маргарита. Всю неприятность своего состоянія.... Я рождена совсемъ не для такой должности....

дорваль. Перестань, дружокъ, ты не знаешь, какъ тяжело это моему сердцу.

маргарита. Ахъ, сударь я вижу, что я.... должна... не-смотря на мою привязанность....

дорваль. Не договаривай, не договаривай!... Ты не оставишь меня, я не позволю тебѣ оставить меня? Могу-ли я жить безъ дружбы, безъ попеченія, безъ твоей любви!... О еслибъ меня не удерживало мнѣніе свѣта, еслибъ не останавливали меня сплетни злыхъ языковъ... еслибъ... знаешь-ли, кого я больше всѣхъ боюсь?

маргарита. Вѣрно, г-на Дидье, его глупыхъ насмѣшекъ....

дорваль. Мы поклялись другъ-другу остаться вѣчно холостыми.

маргарита. Истинный другъ долженъ быть чуждъ всякаго эгоизма.

дорваль. Конечно, но какъ вразумить его.

маргарита. А вы безъ него не можете ни на что рѣшиться?

дорваль. Я? Ты жестоко ошибаешься, — и я тебѣ это докажу, да, докажу! мы поѣдемъ въ деревню и тамъ одни, вдали отъ свѣта, въ тишинѣ.... Но что тамъ за шумъ? А, это, кажется, Дидье.

маргарита (*съ-стороны*). Онъ вѣчно придетъ не во-время.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Дидье.

дорваль. Здравствуй, Дидье, здравствуй.

дидье. Здорово, дружище, мое почтеніе г-жа Маргарита. Съ чего же взяла Жоржета, что ты еще не вставалъ?

дорваль. Жоржета? а развѣ она была?

дидье. Разумѣется, я самъ посылаю ее.

дорваль. Видишь-ли, стало онъ не забылъ меня.

дидье. Ну, скажи-же пожалуста, каково твое здоровье?

дорваль. О моемъ здоровьи нечего говорить : плохо, другъ, очень-плохо.

дидье. А что бессонница?

дорваль. Напротивъ, я сплю очень-крѣпко, но это очень-нездорово.

дидье. Нѣтъ аппетита?

дорваль. Очень-много.... я всегда голоденъ, но это весьма-вредно.

дидье. Точно вредно : и для больного, и для здороваго! Плюнь пожалуста, на эту латынскую кухню : твоя чертовская діѣта ни къ чорту не годится.

дорваль. Ты думаешь?

дидье. Разумѣется! И какъ тебѣ не стыдно, молодому человѣку, хворать, живучи съ прекрасной Маргаритой.

Тебѣ нѣтъ нужды въ докторахъ :
 Лечись безъ ихъ шарлатанизма!
 Ты посмотри въ ея глазахъ
 Какая пропасть магнетизма!
 Тебѣ должна помочь любовь....
 Ищи лекарствъ въ ея улыбкахъ....
 Ошибки жъ нашихъ докторовъ
 Всегда смертельныя ошибки

(*Маргарита уходитъ*)

Что съ ней сдѣлалось, за что она разсердилась?

ЯВЛЕНИЕ IX.

Дорваль и Дидье.

дорваль. Это очень-естественно : у тебя, мой другъ, вырываются такія выраженія, особливо послѣ завтрака, когда голова твоя....

дидье. Послѣ завтрака? вотъ хорошо! да я еще ничего не ѣлъ, и стало-быть, голова и мой желудокъ также пусты, какъ твои собственныя. — Я обѣгалъ весь Парижъ, получилъ деньги, которыхъ совсѣмъ не ожидалъ, и купилъ тебѣ маленькой подарочекъ.

дорваль. Поларокъ?

дидье. Угадай что?

дорваль. Вѣрно, модный галстухъ, или стклянку духовъ.

дидье. О нѣтъ, гораздо-лучше : золотая вещь для слабаго чело-вѣка (*Вынимаетъ часы*).

дорваль. Га! да это дамскіе часы, и съ золотой цѣпочкой; да въ кой чортъ они мнѣ?

дидье. Виновать, виновать, мой другъ : это не тебѣ, это для одной модной особы.

дорваль. Ага! Повѣса!

дидье. (*Подаетъ ему очки*). Вотъ твой поларокъ.

дорваль. Очки? и золотыя? какъ тебѣ не стыдно дѣлать такія глупости? Благодарю тебя, ты хотѣлъ исполнить желаніе и предупредилъ меня, ну впередъ я буду осторожнѣе, и не проговорюсь.... спасибо, спасибо, вещь прекрасная и полезная.

дидье. Однакожъ сытый голоднаго не разумѣетъ, и если ты позволишь.

дорваль. Въ-самомъ-дѣлѣ, я позабылъ.... погоди, я позову Маргариту.

дидье. О вѣтъ, не нужно; она сегодня не въ-духъ; я самъ похлопочу, пошарю въ твоёмъ буфетѣ, и позавтракаемъ вдвоемъ.

дорваль. Вотъ выдумалъ... кромѣ микстуры, я въ ротъ ничего не беру.

дидье. Напрасно. (*Отворляетъ шкафъ*) Ба! что я вижу! какал пропасть дичи.

дорваль. Докторъ прописалъ мнѣ ее, какъ лекарство.

дидье. Да это прекрасное лекарство.... И бутылка! Чортъ возьми, да это лафить.

дорваль. Это тоже по предписанію доктора.

дидье (*ставитъ на столъ застрикъ*). О! у твоего доктора прекрасная метода леченія.

дорваль. Острись, любезный, острись: ты здоровъ, тебѣ хорошо.

дидье. Боже меня оборони смѣяться! А что я боленъ одною съ тобою болѣзнію, то докажу тебѣ тѣмъ, что стану лечиться твоимъ-же лекарствомъ.

дорваль. Ну, хорошо, садись-же подлѣ меня: мнѣ еще нужно съ тобою поговорить, посоветоваться. (*Въ-сторону*) Надо-же ему открыть мои намъренія.

дидье. Ну, вотъ мы опять вмѣстѣ за-столомъ, какъ бывало въ старые годы.— Пей-же, что ты не пьешь?

дорваль. Не могу, другъ мой, запрещено.

дидье. Ну хоть каплю, одну каплю. (*Наливаетъ полную рюмку*).

дорваль. Ну каплю, пожалуй; только, чтобъ не застала Маргарита (*Пьетъ*). А вино очень-недурно.

дидье. Славное вино!

дорваль. Знаешь-ли, любезный Дидье, мнѣ часто приходитъ странная мысль... очень-странная... повѣришь-ли, что я иногда думаю, зачѣмъ я дожилъ до сѣдыхъ волосъ, въ скучномъ холостомъ одиночествѣ.

дидье. Эта мысль глупѣ пустой бутылки!

дорваль. Не спорю; но если разсматривать женитьбу со стороны нравственнаго отношенія... т. е., разбирая ея моральныя свойства... ты, вѣрно, меня понимаешь?

дидье (*выпиваетъ рюмку*). Ни капли, впрочемъ продолжай. (*Наливаетъ ему*).

дорваль. Однимъ-словомъ, мнѣ кажется... что женитьба... вещь не совсемъ дурная.

дидье. Неблагодарный! ты на во-что ставишь свободу, независимость и дружбу... ты имѣешь самаго вѣрнаго друга, который...

который, не смотря на твою слабость, пьет твое здоровье. — А что-такое женитьба? нравственная каторга, безконечная галиматья. Помнишь-ли ты прежнее наше житье-бытье?

дорваль. Ахъ, что ты мнѣ напоминаешь! мы были съ тобой большіе повѣсы... ты больше всего любилъ хорошій сытный столъ и старое вино.

дидье. А ты молодыхъ женщинъ?

дорваль. Да, женщинъ!.. и не могу объ нихъ вспомнить безъ особеннаго удовольствія.

дидье.

Такъ вспомнимъ прежніе года,
Съ стаканомъ добраго лафита.

дорваль.

Ты помнишь-ли, я былъ всегда
И молодецъ и волокита.
Да здравствуетъ прекрасный полъ!
Здоровье женщинъ выпить надо:
Я въ ихъ кругу своей вѣкъ провелъ....
Въ немъ наше счастье и отрада.

дидье.

Пѣтъ, пѣтъ, да-здравствуетъ вино,
Цѣлитель горести сердечной.
Вотъ наслажденье, вотъ оно,
Вотъ радость жизни скоротечной.

вмѣстѣ.

Такъ вспомнимъ прежнія года, и проч.

дидье. Итакъ, ты хочешь жениться?

дорваль. Какъ жениться? что ты? что ты? разве я это говорилъ?

дидье. А! наконецъ я узнаю тебя! будемъ по-старому вмѣстѣ пользоваться жизнію.

дорваль. Будемъ, будемъ, и начнемъ съ того, что пойдемъ объ-
дать.

дидье. Какъ?

дорваль. Пойдемъ обѣдать въ трактиръ, говорю я тебѣ, и ни слова больше: я снова хочу начать веселиться.

Лидье. Я готовъ начать, только дай кончить эту бутылку : никогда не надо оставлять начатаго.

Дорваль. Твоя правда. (*Пьютъ*) Да-здравствуетъ любовь!

Лидье. Да здравствуетъ вино!

Оба. Вивать!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣже, Маргарита и Жакъ.

Маргарита. Какой ужасъ! что я вижу!

Лидье. Маргарита!

Дорваль. Что тамъ такое?

Маргарита. Какъ, сударь? въ вашемъ состоянii ? при такой строгой діетѣ.

Дорваль. Ну ее къ чорту! Съ этой минуты я человекъ здоровый; выбросьте всѣ стклянки за окошко. (*Ходитъ по комнатѣ*).

Жакъ (*съ-стороны*). Ай да баринъ, какъ онъ подь-старость разшаркался.

Маргарита. Я увѣрена, что вы довели его до этого сумазбродства; но вы увидите, что послѣдствiя будутъ ужасны.

Лидье. Ваши микстуры ужаснѣе моихъ совѣтовъ.

Дорваль. Да, да, микстуры! микстуры ужасно дурны.

Маргарита. Я исполняю предписанiе вашего доктора.

Дорваль. Я плюю на эти предписанiя, не хочу больше ни декокта, ни порошокъ, ни опиума.

Маргарита. Но всего только двѣ чайныя ложечки, это вамъ необходимо отъ бессонницы.

Лидье. Двѣ ложки, бездѣлица! это явная отрава!

Жакъ (*съ-стороны*). Право? а я ему закатилъ шесть ложекъ?

Маргарита. Я увѣрена, что вы теперь чувствуете себя гораздо хуже.

Дорваль. Вы жестоко ошибаетесь, г-жа Маргарита, я сталъ молодецъ молодцомъ. (*Кашляетъ*).

Маргарита. Вотъ видите-ли, сударь... вы кашляете... это отъ вина.

Лидье. Нѣтъ, отъ опиума!

Маргарита. Отъ проклятаго вина, говорю я вамъ.

Лидье. Отъ вашего дявольскаго опиума.

Дорваль. Перестань мой другъ! что-бы не случилось, это мое дѣло: но съ нынѣшняго дня, я перемѣню скучную систему моей жизни, и сейчасъ иду со-двора

МАРГАРИТА. Со двора? — вы, вѣрно, хотите идти къ нотариусу, какъ обѣщали мнѣ.

ДОРВАЛЬ. Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ, какъ мнѣ заблагоразсудится... я никому не обязанъ давать отчета. Во всякомъ случаѣ, я не обѣдаю дома.

МАРГАРИТА. Какъ?

ДОРВАЛЬ. Также! я иду съ Дидье обѣдать въ трактиръ.

МАРГАРИТА. Въ трактиръ! нѣтъ, сударь, это невозможно, вы отсюда не выйдете.

ДОРВАЛЬ. А кто мнѣ смѣетъ запретить?

МАРГАРИТА. Я! я такъ много принимаю въ васъ участія, я такъ привязана къ вамъ... однимъ словомъ, я не позволю вамъ.

ДОРВАЛЬ. Какая дерзость!

МАРГАРИТА. Да, я не позволю вамъ дѣлать глупости.

ДОРВАЛЬ. Глупости!

Какъ ты смѣешь, грубіянка,

Обходиться такъ со мной?

Ты въ дому моемъ служанка,

Я-жъ хозяйнѣ домовою!..

МАРГАРИТА.

Гнѣвъ напрасный свой умѣрьте.

ДОРВАЛЬ.

Взяться мнѣ за умъ пора,

А не то, меня до смерти

Здѣсь залечать доктора.

МАРГАРИТА. Я вижу, что васъ подучили сударь, васъ вооружили противъ меня... но хорошо... ступайте, ступайте... когда вы воротитесь, меня уже не будетъ въ вашемъ домѣ.

ДОРВАЛЬ. Какъ, что ты говоришь?

ДИДЬЕ (*тихо*). Не робѣй! не уступай!

ДОРВАЛЬ. Какъ вамъ угодно, это въ вашей волѣ.

МАРГАРИТА. Боже мой!

ДОРВАЛЬ. Мнѣ наскучило это рабство.—Я свободенъ, вы также.

МАРГАРИТА. Довольно, сударь, я буду приготовляться къ отъѣзду.

ДОРВАЛЬ. Приготовляйтесь. Пойдемъ, Дидье, пойдемъ, мой другъ.

ДИДЬЕ. Я готовъ, только заверну на одну минуту домой и сойду съ тобой у нотариуса.

дверь. Пойдемъ рука съ рукой, какъ Пяладъ и Орестъ.

Мы вспомнимъ прежніе года, и проч.

(Уходятъ Маргарита также въ боковую дверь.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЖАКЪ (одинъ).

Кто-бы могъ ожидать этой штуки!—Я вижу, мой баринъ человекъ съ характеромъ, а, можетъ-быть, онъ въ-самомъ-дѣлѣ выздоровѣлъ отъ моихъ шести ложекъ: вещь очень-возможная.... однакожь они оставили меня одного стеречь домъ... это не слишкомъ весело, тѣмъ болѣе, что начинаеть смеркаться, а нашъ домъ въ самомъ глухомъ кварталѣ, гдѣ такъ часто бываетъ воровство.... вчера еще мнѣ рассказывали, какъ обокрали одну нашу сосѣдку... она живетъ на концѣ этого переулка. И вотъ, съ невялю тому назадъ, варила она шоколадъ въ своемъ каминѣ, она ни о чомъ не думала и преспокойно, какъ женщина, которая варить шоколадъ, сидѣла у каминна, вдругъ въ эту самую минуту....

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЖАКЪ и ЖОРЖЕТА (подкрившись, бьетъ его по плечу).

ЖАКЪ (кричитъ во все горло). Ай, ай, батюшки-святы.

ЖОРЖЕТА. Ха, ха, ха! Ну, я не знала, что ты такой трусъ!

ЖАКЪ. Ахъ, это ты, Жоржета? ты испугала меня до-смерти!

ЖОРЖЕТА. Маргарита дома?

ЖАКЪ. Да, покуда дома, но она поссорилась съ баринномъ не на шутку, и съѣзжаетъ отъ сюда.

ЖОРЖЕТА. Въ-самомъ-дѣлѣ? Прекрасно! теперь на нашей улицѣ праздникъ.

ЖАКЪ. Какъ праздникъ?

ЖОРЖЕТА. Разумьется.

ЖАКЪ. Ба! ба, ба! это что такое? часы и цѣпочка изъ чистаго золота! Кто тебѣ это подарилъ?

ЖОРЖЕТА. Кто? разумьется, баринъ.

ЖАКЪ. Твой баринъ? ого!—прекрасно!—часы со стрѣлками, съ цѣпочкой... о, какъ счастливы женщины, тѣмъ, что онѣ женщины... для нихъ все удовольствія .. для нихъ все позволительно... Боже-

мой, зачѣмъ я не женщина? я также-бы сталъ кокетничать, влю-
бляться, забывать свои обѣщанія.

ЖОРЖЕТА. Что съ тобой съдѣлалось?

ЖАКЪ. Не въ доброй часъ ты мнѣ показала эти часы: они у меня
всю внутренность повернули.

ЖОРЖЕТА. Отчего-же? когда мы женимся, эти часы будутъ твои.

ЖАКЪ. Мой? но увѣрена-ли ты, что они золотые?

ЖОРЖЕТА. О, безъ сомнѣнія! баринъ не сталъ-бы меня обманыва-
ть: это человѣкъ золотого вѣка.

ЖАКЪ. Да, посмотримъ, часы-то того-ли-же вѣка? вѣдь пословица
говоритъ: золото въ грязи видно... главное дѣло, надо ихъ открыть,
поглядѣть, что внутри. Кой-чортъ, какъ трудно отворяется....

ЖОРЖЕТА. Будь осторожныѣе.

ЖАКЪ (*ронлетъ*). Ахъ.

ЖОРЖЕТА. Я это знала напередъ!... что у тебя за руки?

ЖАКЪ. Да это ужъ изъ-рукъ-вонъ.

ЖОРЖЕТА. Посмотри, они разбились.

ЖАКЪ. Разбились? Нѣтъ, изломались немножко... одно стекло раз-
билось въ дребезги, но у меня есть знакомый стекольщикъ: онъ да-
ромъ вставитъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Маргарита.

ЖОРЖЕТА. Тсъ, твше, Маргарита.

МАРГАРИТА. А, это вы, сударыня?

ЖОРЖЕТА. Правда-ли, г-жа Маргарита, что баринъ выгоняетъ
васъ?

МАРГАРИТА. Выгоняетъ! я сама оставляю его.

ЖАКЪ. Да, я испыталъ на себѣ, что если откуда выгоняютъ, не-
премѣнно надобно выйти.

МАРГАРИТА. Молчи, не съ тобой говорить. Что это у тебя въ ру-
кахъ, часы? Гдѣ ты ихъ взялъ?

ЖАКЪ. Гдѣ ихъ взялъ: гм! то-есть откуда? Да одинъ изъ дру-
зей моихъ просилъ меня отдать ихъ починить — они отстаютъ
часомъ.

МАРГАРИТА. Посмотримъ... Какіе прекрасные!... только мнѣ стран-
но, что твой другъ повѣрилъ тебѣ такую дорогую вещь.

ЖАКЪ. Да, сударыня, повѣрилъ, и я не знаю, почему вы не вери-
те.... Да вотъ Жоржета.... лучше меня знаетъ, спросите у нея....

ЖОРЖЕТА (*циплетъ его*). Сумасшедшій!

Т. VII.

ЖАКЪ. Перестань, больно, что ты съ-ума сошла.

МАРГАРИТА. Ба! это что значитъ? да вы, кажется, давно знакомы... это явная интрига, и въ моихъ глазахъ! Такъ ты меня обманывалъ?

ЖОРЖЕТА. Большая важности! Ну, да, васъ обманывали, а если вы хотите знать, чьи это часы, такъ они мои, сударыня, мои собственные, и потому прошу ихъ возвратить.

МАРГАРИТА. Ваши? довольно, они вамъ будутъ возвращены, но немало позже.

ЖОРЖЕТА. Что вы хотите делать?

МАРГАРИТА. Во-первыхъ, баринъ вашъ узнаетъ о вашемъ поведении, а потомъ....

ЖОРЖЕТА. А потомъ... вы на насъ хотите выместить свою досаду? развѣ мы виноваты, что васъ выгнали отсюда.

МАРГАРИТА. Какая дерзость?

ЖОРЖЕТА. Вы не испугаете меня вашей строгой нравственностью... вы всѣмъ известны съ хорошей стороны.

ЖАКЪ. Да, да, и я съ своей стороны скажу: всѣмъ, всѣмъ, безъ исключенія.

МАРГАРИТА. Молчи, дурачина.

ЖОРЖЕТА. Всѣ знаютъ ваше двусмысленное поведеніе.

ЖАКЪ. Да, да, бессмысленное поведеніе.

МАРГАРИТА. Ни слова больше.

Вонъ отсюда, вонъ подите,

Я приказываю вамъ.

Ваши пашни, погодите,

Я открою господамъ.

ЖАКЪ И ЖОРЖЕТА.

Вы напрасно такъ шумите....

Что кричать по пустякамъ?

Вы бѣситесь какъ хотите,

А совсѣмъ не страшно намъ.

МАРГАРИТА.

О твоихъ дѣлахъ, дѣвчонка,

Баринъ будетъ извѣщонъ.

ЖАКЪ И ЖОРЖЕТА.

Ну, пускай намъ будетъ гонка,
Да и васъ прогнали вопъ.

(Жакъ и Жоржета уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

МАРГАРИТА (одна). Какая дерзость! Какое неслыханное безстыдство! Эта деревенская кукла совсѣмъ съ-ума сошла! она хочетъ очернить мою добрую славу— это ясно... Я имѣю любовника... ну, что-жь? развѣ я запираюсь... бѣдный Морицъ!... Все, что я приготовила для нашего ужина, все по милости негодяя Дидье. А, вотъ идетъ г. Дорваль... не надо вдругъ ему показываться.

ЯВЛЕНИЕ XV.

МАРГАРИТА И ДОРВАЛЬ.

ДОРВАЛЬ (*не видя ея*). Уфъ! на-силу дотащился.. я предполагалъ болѣе силы въ себя... нѣтъ, мнѣ ужъ не подъялта такъ рисковать; гдѣ-же Маргарита?... ахъ, можетъ-быть... можетъ-быть, она уѣхала, не простясь со мной.

МАРГАРИТА (*кашляетъ*). Гмъ, гмъ!

ДОРВАЛЬ. А это она. Ты здѣсь, Маргарита?

МАРГАРИТА. Извините меня сударь, что я еще въ вашемъ домѣ: я-бы поторопилась, еслибъ знала, что вы такъ скоро воротитесь.

ДОРВАЛЬ. Да, я былъ у своего нотариуса и потолковалъ съ нимъ о загородномъ домѣ... онъ самъ сейчасъ ко мнѣ будетъ... уфъ! я такъ усталъ, такъ утомленъ...

МАРГАРИТА. Вы нездоровы?

ДОРВАЛЬ. Ничего, ничего, пройдетъ.... только на дорогѣ меня схватили спазмы, и я, не дождавшась Дидье, вернулся домой: пусть его объдастъ одинъ.

МАРГАРИТА. Теперь, сударь, мнѣ остается только проститься съ вами навсегда.

ДОРВАЛЬ. Какъ? теперь? да ужъ поздно, положи до завтра.

МАРГАРИТА. Нѣтъ, я не хочу быть вамъ въ тягость; но прежде отъѣзда моего, я должна открыть важную вещь.

ДОРВАЛЬ. Что ты хочешь сказать?

МАРГАРИТА. Знаю, что людское злословіе можетъ очернить и этотъ поступокъ, но ваши выгоды—мои собственныя, и вотъ за-

логъ истины, которую я вамъ намѣрена открыть. (*Показываетъ часы.*)

дорваль. Что это значить? Нѣтъ, я не ошибаюсь, эти часы видѣлъ я сегодня въ рукахъ Дидье?

маргарита. Такъ точно, сударь, и онъ ихъ подарилъ.

дорваль. Вамъ, говорите, говорите, онъ осмѣлился предложить ихъ?

маргарита. О, нѣтъ...

дорваль. Вы хотите скрыть отъ меня? но я все понимаю... теперь все для меня ясно.

маргарита. Но, сударь...

дорваль. Нѣтъ, нѣтъ, не старайтесь защищать его; конечно, рѣшено, и сегодня еще онъ вздумалъ мнѣ подарить очки! Очки... О, какая злая насмѣшка!.. Нѣтъ, я безъ очковъ вижу твое плутовство, предательство, лицемерство, старый развратникъ... между нами нѣтъ болѣе дружбы, нѣтъ ничего общаго!.. я его отдѣлаю. Но вотъ и онъ!..

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Тѣ же и Дидье.

дидье. А ты здѣсь? Зачѣмъ не дождался меня у нотаріуса? ты много потерялъ: обѣдъ былъ прекрасный; впрочемъ, если ты прозѣвалъ сегодня, то я приглашаю тебя на завтра.

дорваль. Покорно васъ благодарю; завтра вы можете обѣдать одни, если вамъ угодно.

дидье. Какой тонъ! Что это значить?

дорваль. Ничего, только я удивляюсь, что вы рѣшились прийти ко мнѣ послѣ такого низкаго поступка.

дидье. Послѣ какого? Я ничего не понимаю.

дорваль. Полно притворяться. Я не хочу быть твоею игрушкой... я не хочу имѣть съ тобою никакого сношенія... я не хочу... однимъ словомъ, я не хочу съ тобой говорить.

дидье (*Маргаритѣ*). Что съ нимъ сдѣлалось? не подливили ли вы ему сегодня бѣлены въ микстуру?

дорваль. Поберегите эти плоскости для себя, старый развратникъ. Съ этой минуты непремиримая вражда между нами.

дидье. Право, хорошо, хорошо, я вижу, что это значить... эта сплетница что-нибудь на меня наврала, а ты...

маргарита. Сплетница! Боже мой, какой стыдъ, и вы позволите?

дорваль. О! это уже слишкомъ! Оскорблять ее въ моемъ присут-

ствіи... извольте вонъ идти, милостивый государь, вонъ, вонъ отсюда.

дидье. Конечно, нога моя не будетъ въ твоёмъ домъ... вѣрь ей, слушайся ее, она тебя проведетъ.

дорваль. А ты ждешь, чтобъ тебя вывели, что-ли? Старый дуракъ! хочеть волочиться на 55-мъ году.

дидье. Молчи, пустая микстурная стклянка! полуживая египетская мумія!

дорваль. Вонъ отсюда, старый Адонисъ, трактирная вывѣска.

дидье. Негодай!

дорваль. Тартюфъ.

дидье. Мокрая курица!

дорваль. Индѣйской пѣтухъ!

маргарита. Онъ не уйдетъ отсюда до завтра. Ахъ! мнѣ дурно.

дорваль. Дурно, ей дурно! видишь-ли, въ какое состояніе ты ее привелъ, подлый убійца!

дидье. Прощай, прощай навсегда!

дорваль. Убирайся къ чорту! (*Дидье уходитъ*). Теперь я свободно лышу... его нѣтъ.

маргарита. Онъ ушелъ! Ахъ, какая ужасная сцена!

дидье (*отворяя дверь*). Смотри-же, я уже никогда не возвращусь, слышишь-ли?

маргарита и дорваль. Опять!

маргарита. Онъ не оставитъ насъ въ покоѣ.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Дорваль, Маргарита, потомъ Жакъ.

дорваль. Ахъ, какъ я сердитъ!... такъ сильно кричалъ, что совсѣмъ ослабъ.

маргарита. Успокойтесь, ради Бога!

жакъ (*въбѣгая*). Нотариусъ пришолъ, сударь: я провелъ его въ вашу кабинетъ.

дорваль. Нотариусъ? тѣмъ-лучше! мы сегодня-же все кончимъ.

маргарита. Да сегодня уже поздно... скоро 10 часовъ, въ это время вы обыкновенно ложитесь спать, а теперь вамъ болѣе нежели когда-нибудь нуженъ покой; нотариусъ можетъ придти завтра.

дорваль. Нѣтъ, нѣтъ, сегодня, сейчасъ, сію минуту.

маргарита (*въ-сторону*). Какая досада! я не успѣла предупредить Мориса.

— дорваль. Ты одна осталась мнѣ на семь свѣтъ, и ты увидишь, какъ я цѣню твою привязанность.

маргарита. Повѣрьте, сударь, что не корысть....

дорваль. Я докажу этому сумасброду, что истинная любовь не остается безъ награжденія. Пойдемъ къ нотаріусу, а ты оставься здѣсь и не впускай къ намъ никого, слышишь, никого рѣшительно! (*Уходитъ*).

жакъ. Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

жакъ (*одинъ*). Нотаріусъ! вотъ вопросъ: для чего нотаріусъ? Это очерь-любопытная штука! Да зачѣмъ-же они заперлись втроемъ, замѣтьте, — втроемъ? Это что-то необыкновенное — тутъ должна быть тайна, жестокая тайна.... какъ-бы открыть ее? Ахъ, я дуракъ! Да зачѣмъ-же щелкни-то у дверей: люди и не мнѣ чета, а этимъ промышляютъ... (*Подходитъ къ дверямъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Жакъ и Дидье.

дидье. Его здѣсь вѣтъ, мнѣ надо съ нимъ объясниться; онъ человекъ больной, слабый: надо быть къ нему снисходительнымъ. Жакъ, что ты тутъ дѣлаешь?

жакъ. Замки чищу-съ.... что вамъ угодно?

дидье. Гдѣ другъ мой?.. гдѣ твой баринъ?

жакъ. Въ своемъ кабинетѣ, сударь, съ нотаріусомъ и г-жою Маргаритой.

дидье. Съ нотаріусомъ? въ такое время. Что-бы это значило? Я хочу его видѣть.

жакъ. Нельзя-съ, не вельно никого впускать.

дидье. Какъ, запирается съ нотаріусомъ и безъ меня? Пусти, пусти, или я прибую тебя.

жакъ. Тише, сударь, тише: видите-ли вы, какой тамъ шумъ?...

дидье. Тѣмъ-хуже, я долженъ быть тамъ непременно.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и Маргарита.

маргарита. Боже мой, какое несчастіе! Жакъ, бѣги за докторомъ, проси его сейчасъ-же, сію-минуту.

дидье. Что случилось?

МАРГАРИТА. Ужасное несчастіе... нотаріусъ сталъ писать кон-
трактъ...

ДИДЬЕ. Ну?

МАРГАРИТА. Баринъ послѣ вашей ссоры ужасно ослабѣлъ... онъ
взялъ перо, чтобы подписаться... вдругъ перо валится изъ рукъ,
онъ затрясся и упалъ безъ чувствъ.

ДИДЬЕ. Несчастный! я убилъ его, я убилъ моего друга. (*Бѣжитъ
къ кабинету*).

ЖАКЪ. Что, если убили его мой шесть ложекъ!

МАРГАРИТА. Какъ, ты еще здѣсь?

ЖАКЪ. Бѣгу, сударыня, бѣгу. Докторъ живетъ въ двухъ шагахъ
отсюда, я мигомъ буду назадъ. (*Ублгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

МАРГАРИТА (*одна*). Онъ опоздастъ... я увѣрена... мнѣ страшно
войти въ эту комнату... въ первый разъ такое ужасное проис-
шествіе случилось... въ моихъ глазахъ... и, можетъ-быть, я одна
всему причиною (*Бьетъ 10 часовъ*). Уже 10 часовъ : въ этотъ
самый часъ я назначила Морицу свиданіе... Боже мой, если онъ
придетъ въ такую минуту... кто-то идетъ по лѣстницѣ... надо его
отправить назадъ.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Маргарита и Дидье.

ДИДЬЕ. Онъ все еще безъ чувствъ... ахъ, какъ мѣшкаетъ докторъ!

МАРГАРИТА. Не знаю, на что рѣшиться.

ДИДЬЕ. Меня въ жаръ кидаетъ! (*Слышитъ три удара въ дверь*).

МАРГАРИТА. Боже мой!

ДИДЬЕ. А! наконецъ, вотъ онъ! Войдите, сударь, войдите по-
скорѣй, безъ церемоній.

МАРГАРИТА. Нѣтъ, не входите, не смѣйте входить!

ДИДЬЕ. Что вы говорите?

МАРГАРИТА. Это не онъ, клянусь вамъ, это не докторъ.

ДИДЬЕ. Кто-же? чортъ возьми, это подозрительно... я хочу знать.

МАРГАРИТА. (*Запираетъ дверь*). Вы его не увидите.

ДИДЬЕ. Какъ, что это значитъ?

ЖАКЪ. (*За кулисами*). Помогите, помогите! воры! воры!

ДИДЬЕ. Это голосъ Жака.

ЖАКЪ. (*За кулисами*). Воры! воры! помогите!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Лидье, Дорваль, Маргарита, потомъ Жакъ.

ДОРВАЛЬ. Что это значить.... этотъ шумъ? (Маргарита вскрикиваетъ и падаетъ въ кресла).

ЛИДЬЕ (обнимаетъ его). Другъ мой! итакъ ты намъ возвращонъ.

ДОРВАЛЬ (садится). Дай мнѣ немного опомниться, придти въ себя... мнѣ кажется мнѣ... поспорилъ, или это былъ одинъ сонъ.

ЛИДЬЕ. Да, другъ мой, это былъ дурной сонъ, и мы оба видели его.

ЖАКЪ (За кулисами). Отворите, отворите, не бойтесь ничего, это я.

ЛИДЬЕ. Что-жъ ты не отворяешь, Маргарита?

МАРГАРИТА (Отворяетъ дверь). Что будетъ со мной.

ЖАКЪ (Входитъ съ платьемъ подъ-мышкой). Ба! что я вижу! такъ, стало, вы не умерли, сударь? тѣмъ лучше!

ДОРВАЛЬ. Еслибы я умеръ, такъ твой ослиный крикъ разбудить любого покойника.

ЖАКЪ. По-неволю закричишь, какъ нагрянуть разбойники.

ДОРВАЛЬ. Какъ разбойники?

ЖАКЪ. Да также. Я возвращался отъ доктора, взомолъ на лѣстницу.... кстати, онъ будетъ къ вамъ завтра: когда я сказалъ ему, что вы приказали долго жить, онъ отвѣчалъ мнѣ, что тутъ нечего беспокоиться, что это со всякимъ можетъ случиться.

МАРГАРИТА. Оставь свою болтовню, говори, что дальше?

ЖАКЪ. Дальше?... Ну вотъ.... на чомъ бишь я остановился? да, на лѣстницѣ, и вижу какой-то человекъ, во фракъ, старается отпереть двери; я собрался съ духомъ и подошелъ къ нему вотъ такъ, не очень-близко, и не очень-далеко, и спросилъ его въ полголоса: что вамъ угодно, сударь?

ЛИДЬЕ. Что-жъ? онъ тебѣ, вѣроятно, ничего не отвѣчалъ.

ЖАКЪ. Напротивъ, сударь, онъ отвѣчалъ полновѣсной пощочинной.

МАРГАРИТА (Въ сторону). Онъ никогда не кончитъ.

ЖАКЪ. Ну, такъ-какъ меня одной пощочинной не испугаешь, то я отступилъ назадъ шага на два и закричалъ во все горло: воры! воры! помогите! Онъ, вѣроятно, тоже не изъ храбраго десятка, струсилъ, хотѣлъ дать тягу, но я, что есть силы, схватилъ его за фракъ; онъ началъ рваться, пихаться руками и ногами, но я не выпускалъ его. Разбойникъ видя, что со мной ему не сладить,

бросилъ свой фракъ, и пустился, какъ заяцъ! И вотъ мои су-
ковные трофеи!...

МАРГАРИТА. Это его фракъ!

ЖАКЪ. Я увѣренъ, что у него въ карманъ кинжалы, пистолеты,
ружья и пули.

ДИДЬЕ. Ну что-же, ничего нѣтъ?

ЖАКЪ. Вотъ что-то нашолъ — книжникъ.

ДИДЬЕ. Посмотримъ, что въ немъ? письмо! надо прочесть — «Г-ну
Морицу».

ДОРВАЛЬ. Читай, читай...

ДИДЬЕ. «Сего дня вечеромъ въ 10 часовъ я уложу барина, всѣ
въ домъ будутъ спать.»

МАРГАРИТА. Я пропала.

ДОРВАЛЬ (*Идетъ смотрѣть подпись*). Что? что такое!

МАРГАРИТА (*Вырываетъ письмо*). Я вижу, сударь, что мнѣ нельзя
долге притворяться! Г. Морицъ не то, что вы думаете: это пре-
красный молодой человекъ, съ которымъ я имѣла нѣкоторыя сно-
шенія, но сношенія чистыя, безпорочныя, и который посещалъ
меня съ благонамѣренной цѣлью.

ДОРВАЛЬ. Какъ, сударыня, когда вы еще сію минуту....

МАРГАРИТА. Я очень-виновата передъ вами, сударь, и не заслу-
живаю вашихъ милостей.

ДИДЬЕ (*Въ-сторону*). Бѣдняжка Дорваль, какъ она его обманы-
вала! То-ли дѣло моя Жоржета.

МАРГАРИТА. Завтра я оставлю вашъ домъ, но прежде отъѣзда я
должна вручить г. Дидье эти часы, которыхъ онъ мнѣ никогда
не дарилъ, какъ вы предполагаете, и которыя я получила совсѣмъ
изъ другихъ рукъ.

ДИДЬЕ. Отъ кого-же?

ЖАКЪ. Эти другія руки — я, сударь: они мнѣ подарены.

ДИДЬЕ. Тебѣ?

ЖАКЪ. Да-съ мнѣ, одной прекрасной особой, которая служить
старому холостяку, и порядкомъ водить его за носъ.

ДИДЬЕ. Теперь моя очередь.

ДОРВАЛЬ. Какъ, Жоржета? (*Въ-сторону*). Бѣдняжка Дидье, какъ
она его обманывала!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ и ЖОРЖЕТА.

ЖОРЖЕТА. А вы здѣсь, сударь?

ЖАКЪ. Такъ это ея баринъ? ну, даль-же я промахъ!

ЖОРЖЕТА. Возможно ли такъ долго не возвращаться? Я уже стала бояться, не случилось ли съ вами чего : я искала васъ цѣлый часъ.

ДИДЬЕ. Ахъ ты плутовка? А куда ты дѣвала мои часы?

ЖОРЖЕТА. Какъ сударь?

ДИДЬЕ. Ну, ну я не сержусь, я человекъ незапамятный. Дѣвочки твоихъ лѣтъ не однихъ стариковъ обманываютъ.

МАРГАРИТА. Ахъ, сударь, какъ вы хорошо знаете человеческое сердце!

ДОРВАЛЬ (Дидье). Я былъ къ тебѣ несправедливъ, но ты, вѣрно, не сердитъ.

ДИДЬЕ. Я все забывъ, мой другъ.

ДОРВАЛЬ. И такъ мы никогда не разстанемся. (Обнимаетъ его).

ДИДЬЕ. Никогда.

ДОРВАЛЬ. Ну, Маргарита, помиримся : выходи за своего Морица.

ДИДЬЕ. А ты за своего дурака.

ЖОРЖЕТА и ЖАКЪ. Благодарю васъ, сударь.

ЖАКЪ. Право, эти старики славные ребята.

ДИДЬЕ. Ну, пріятель, обочлись-же мы въ нашихъ расчотахъ?

ВОДЕВИЛЬ.

ДИДЬЕ.

Вздумалъ я поволочиться

За Жоржетой молодой,

Но въ расчотъ ошибиться

Мнѣ назначено судьбой.

Впрочемъ, это все не ново,

Здѣсь расчотливый народъ : —

Обочтутъ отца роднаго,

Если видятъ свой расчотъ.

ЖАКЪ.

У кого-же нѣтъ расчотовъ?

Отъ дѣтей до стариковъ,

Отъ купцовъ, богатыхъ мотовъ

До безчотныхъ дураковъ....

И другой хотя глупенекъ, —

Что разинетъ ротъ — совретъ,

А коснется чуть до денегъ,

Такъ и умныхъ обочтеть.

ДОРВАЛЬ.

Все расчотъ безъ исключенья!

Здѣсь нѣтъ спуска ничему :

Докторъ длитъ свое леченье
По разсчету своему;
Пить любви, не вѣрю дружбѣ....
Пынче вѣкъ уже не тотъ :
И въ своихъ дѣлахъ и въ службѣ
Все комерческiй разсчетъ!

МАРГАРИТА (къ публикѣ).

Знаемъ мы, что безразсечно
Невозможнаго желать;
Но желали-бы охотно
Каждый разъ вамъ угождать.
Вы сюда къ намъ собралися
Время весело убить :
Коль въ разсчотѣ обочлися,
Просимъ насъ не осудить!

СЪ ФРАНЦ. П. КАРАТЫГИНЪ.

ГОНДОЛА.

Надъ Brentой катится луна

Блѣднѣ мертвеца....

Шумить кипучая волна,

Зоветь на дно жилья.

Гондолы парусъ надъ рѣкой

Какъ саванъ забывалъ, —

То падалъ въ пасть волны съдой,

То лебедью летѣлъ.

Въ гондолѣ видны два лица,

Мантилья и кинжалъ....

На бурной сватбѣ, въ знакъ вѣнца,

Ихъ мѣсяцъ накрывалъ.

Любовью жгло двѣ груди ихъ,

Огонь въ очахъ сверкалъ....

Какъ звѣрь къ добычѣ, съ горь крутыхъ

Бѣжалъ за ними валъ.

Надъ Brentой, въ полночь, вѣтра вой....

Преданье говорить :

Въ рѣкѣ мантилья полъ скалой.

Кинжалъ на днѣ блестить.

Тамъ стонетъ жалобно волна,

И вьется какъ змѣя.

Тамъ цѣвью крутится со дна

Лиловая струя.

Н. С

ИСТОРИЯ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ИСПАНСКИЙ ТЕАТРЪ *.

Происхождение новыхъ театровъ должно полагать послѣ образованія существующихъ нынѣ языковъ европейскихъ: но приписывать имъ большую древность, значитъ, смѣшивать съ театромъ латинскимъ. Это случилась въ то время, когда народы, покоренные сперва Имперіей Римской, а потомъ, варварами, по испорченности языка латинскаго, образовали разные діалекты, сообразно вліянію физическому климатовъ, среди которыхъ жили, и смотря по своему организму и свойству въ принятіи и выговорѣ словъ, или присвоеніи новыхъ, заимствованныхъ ими отъ новопрішедшихъ народовъ, которые съ ними смѣшались и составили одно цѣлое.

Визиготы ¹ которые въ продолженіе трехъ вѣковъ владѣли на-

* Эта статья заимствована нами изъ книги: *Tesoro del Teatro espanol, desde su origen (año de 1556) hasta nuestros dias; arreglado y dividido en quatro partes por Don Rugenio de Ochoa*, гдѣ 1-я часть заключаетъ въ себѣ *Origenes del teatro espanol* и т. д. *por Don L. F. de Moratin*, — въ подлинникѣ она названа: *Discurso istorico*: авторъ ея, Моратинъ, какъ узнаемъ изъ біографіи его, писанной г-мъ издателемъ — Очоа, родился въ 1760 году, а умеръ въ 1828.

¹ Въ началѣ V столѣтія Визиготы заняли часть Испаніи, а въ послѣдующія (побѣдивъ другихъ варварскихъ народовъ) овладѣли ею вполне. Когда они вступили въ нее, то всѣ, съ большимъ или меньшимъ оттънкомъ, говорили на языкѣ латинскомъ, — полагая, что ужѣ болѣе полувѣка, какъ, перешедъ Дунай, они расселились по разнымъ провинціямъ Имперіи, сперва въ качествѣ людей, искавшихъ убѣжища,

шимъ полуостровомъ, не оставили намъ другихъ памятниковъ своего первобытнаго языка, кромѣ нѣсколькихъ словъ, и въ столь маломъ количествѣ, что они не составляютъ и тысячной доли нашего: къ нимъ должно еще присовокупить употребленіе членовъ, несклоняемость именъ и нѣкоторыя другія грамматическія формы. Ни въ кодексахъ, ни въ монетахъ, ни въ мраморахъ — нѣтъ ни слѣда готики: почти все говорили и писали по-латински.

Этотъ идиомъ, хранившійся въ уважаемыхъ твореніяхъ ученыхъ, процвѣтавшихъ въ семь періодъ, все болѣе и болѣе искажался въ устахъ народа, и трудно сказать съ достовѣрностію, какъ

потомъ, какъ союзники, и, наконецъ, какъ враги и завоеватели. Большая часть Готскаго дворянства получила воспитаніе у Римлянъ. И потому, когда они основались въ Испаніи, то языкъ ея и обычаи были тѣ-же самые, какъ и у другихъ побѣжденныхъ народовъ.

Испанскіе авторы, процвѣтавшіе во-время Готскаго владычества, принадлежатъ исключительно къ отдѣлу латинизма: Юстиніанъ, Эльпидій, Юстъ, Небридій, Апригій, Луціанъ, Северъ, Евтропій, Леандръ, Іоаннъ Бикларензе, Фульгенцій, Максимъ, Пизидоръ, Бальгазанъ, Сизебуть, Артуаго, Пауло Емеритензе, Брауліи, оба Евгенія, Фруктуозъ, Ильдефонсъ, Оренцій, Таніонъ, Юліанъ, Валерій, — все они писали по-латински.

Такъ-какъ ученые и народъ говорили на одномъ языкѣ, съ тою разницею, что одни сохраняли его въ своихъ сочиненіяхъ въ какой только имѣли чистотѣ, а у другихъ онъ все портился со-дня на-день, то нечему и удивляться, что не осталось ни одного документа языка Готскаго. Нѣкоторые ученые собирали изъ него лишь отдѣльные слова, и больше нечего прибавить къ ихъ изысканіямъ.

Мы можемъ подтвердить безчисленными ссылками истину нами сказаннаго. Д. Томасъ Санчесь въ немногихъ строкахъ выразилъ слѣдующую, столь важную и очевидную истину: «Когда Готы и прочіе сѣверные народы вошли въ Испанію, то на всемъ нашемъ материкѣ, языкъ латинскій, введенный Римлянами, былъ народный и почти всеобщій. Но такъ-какъ владычествовавшіе на немъ Готы не старались ввести своего, то и соображались съ тѣмъ, который былъ у побѣжденныхъ Римлянъ, и ввели лишь въ него нѣсколько словъ, да оставили несклоняемыми имена, какъ то было въ ихъ идиомѣ. Таково было начало искаженія латинскаго языка въ Испаніи и начало романскаго, какой теперь употребляемъ.»

Единственно изъ желанія сказать противное тому, что утверждаютъ другіе, заставило переводчика Блэра высказать мнѣніе, что «Языкъ Кастильскій происхожденія готскаго, принявшій въ себя, въ продолженіе времени, слова латинскія,» — между-тѣмъ какъ должно читать на оборотъ: «Языкъ Кастильскій происхожденія латинскаго, принявшій въ себя, въ-продолженіе времени, слова готскія.»

говорили въ началѣ VII-го столѣтія. Довольно, если скажемъ, что въ Италіи, во время Визиготской династіи представлялись уже драматическія пьесы² и, вѣроятно, сочинялись на общенародномъ языкѣ — безобразной смѣси латинскаго, который уже исчезалъ, и романскаго, который возникалъ.

Когда Испанія, въ VIII вѣкѣ, была завоевана Арабами, и въ то же время началось ея освобожденіе, народное нарѣчіе все болѣе и болѣе отклонялось отъ прежнихъ своихъ элементовъ, и обого-

² Варварскіе народы съвера, наводнившіе Европу, размножили въ Испаніи, какъ и прочихъ провинціяхъ Римской Имперіи, зрѣлища амфитеатра, цирка и сцены, которыя нашли уже учрежденными, и кромѣ театровъ, которые они у себя строили по особеннымъ какимъ-либо случаямъ, у нихъ были обыкновенно каменные во всѣхъ главныхъ городахъ нашего полуострова, какъ на пр. въ Сагунтѣ, Ацинипѣ, Эмеритѣ, Августѣ и другихъ, которые теперь лежатъ въ развалинахъ, незванные.

Съ IV вѣка, когда Иллибеританскій Соборъ упоминаетъ о возникшихъ пантомимахъ и комикахъ, до VII-го, до котораго они существовали, замѣчаемъ, что представленія, принятыя и поддерживаемыя Готами, продолжались. Св. Исидоръ, въ своихъ *Origenes* (кн. 18, гл. 41 и 59) увѣщаетъ Христіанъ, чтобъ они воздерживались отъ празднествъ цирка, амфитеатра и сцены, зараженныхъ, по выраженію этого ученаго Святаго, вполне суевѣріемъ языческимъ, и представляющихъ взорамъ свѣтскую пышность, дикія жестокости, картины соблазнительныя и ужасныя непотребства. Въ 620-хъ годахъ, Сизебутъ изгналъ Евсевія, Барселонскаго Епископа, и велѣлъ поставить на мѣсто его другаго, какъ то видно изъ его собственныхъ писемъ. Поводомъ къ сему служило то, что театральные фарсёры представляли многое, заимствованное изъ пустыхъ мнѣологическихъ суевѣрій и оскорблявшее слухъ Христіанъ. Это было тогда достаточною виною для смѣненія Епископа.» Такъ приводитъ этотъ случай Маріана въ своей *Historia general de Espana*, lib. 6.

Изъ этого слѣдуетъ, что за 90 лѣтъ до вторженія Арабовъ въ Испанію продолжались театральныя представленія, и съ правдоподобіемъ можно утверждать, что они существовали до самаго того времени, какъ Родригъ лишился въ Хересѣ короны и жизни. Въ націи, находившейся подъ властію Агарянъ, незначительная лишь часть ея сохранила свою свободу подъ защитой горъ неприступныхъ: отсюда-то она расширяла постепенно свои завоеванія, и, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, не знала другихъ занятій, кромѣ сраженій, ни другихъ искусствъ, кромѣ тѣхъ, кои необходимы были для войны. Если въ какой-либо изъ европейскихъ націй прекращались увеселенія сценическія, то ни въ одной не было столько причинъ покидать ихъ.

щалось словами, фразами и оборотами арабскими. Но по-мѣрѣ того, какъ побѣды христіанъ распространялись по областямъ испанскимъ, и проза кастильская постепенно получала болъшую правильность и особность, и умножалась словами до-тѣхъ-порѣ, куда сдѣлалась способною къ выраженію на ней законовъ и исторіи.

Поэзія, ⁵ слѣдуя за успѣхами языка, подражала, приблизительно-

⁵ Первая сохранившаяся кастильская поэма, писанная неизвѣстнымъ авторомъ въ концѣ XII вѣка, есть *Сидъ*, что ясно видно изъ самой ея грубости. Во всемъ она безобразна: въ языкѣ, слогѣ, версификаціи и созвучіяхъ. Единственная тамъ правильность (и не необходимая въ поэмі) состоитъ въ послѣдовательномъ разсказѣ происшествій по порядку историческихъ преданій.

Каноникъ Хоанъ Лоренсо, родомъ изъ Асторги, написалъ въ 1520-хъ годахъ поэму: *Жизнь Александра*, слѣдуя сказаніямъ Квинта Курція, съ присовокупленіемъ кое-гдѣ обстоятельствъ и событій баснословныхъ, заимствованныхъ имъ изъ другихъ авторовъ. Языкъ его гораздо-обработаннѣе, чѣмъ въ поэмі «Сидъ», версификація звучнѣе и созвучія правилнѣе.

Въ это-же самое время процвѣталъ пресвитеръ Гонсало-де-Берсео, который, кромѣ другихъ поэтическихъ произведеній, написалъ біографіи: святаго Доминго Силасскаго, св. Миллана, св. Орія, и описалъ мученичество св. Лаврентія; въ нихъ, кромѣ немногихъ вымысловъ въ отношеніи историческомъ, которыя онъ предположилъ себѣ отдѣлать, показалъ такой блестящій талантъ, простоту, легкость, обиліе, и столь-чистое религиозное добродушіе (не безъ преместь въ слогѣ и гармоніи въ стихахъ), что его можно считать однимъ изъ украшеній первороднаго Кастильскаго парнасса и достойнымъ прославителемъ набожности и добродѣтели; его стихи показываютъ всю невинность его нравовъ, — и кто, читая ихъ, не полюбитъ и самого сочинителя?

Альфонсъ X, прозванный по справедливости мудрымъ, изъ числа многихъ своихъ литературныхъ произведеній, оставилъ намъ и поэтическія сочиненія на кастильскомъ и галисійскомъ нарѣчіяхъ, въ коихъ онъ воспѣваетъ чудеса Пресвятой Дѣвы; они сохранились и съ музыкой, на которую онъ самъ положилъ ихъ. Въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они пѣлись въ соборномъ храмѣ Севильи.

Да позволятъ мнѣ по сему поводу изложить свое мнѣніе о *Libro de las querellas* и *El Tesoro*: я не думаю, чтобъ они были сочиненія Альфонса X. Кто знаетъ, какіе успѣхи сдѣлали языкъ и поэзія кастильская, сочтете ихъ двумя вѣками моложе. Если сравните ихъ съ прочими стихотворными сочиненіями сего короля, то это мнѣніе окажется еще болѣе основательнымъ, а особливо, когда размыслимъ, что они найдены въ рукописяхъ маркиза Вильены; пусть всякій, кто можетъ, уга-

но, въ размѣрѣ стихамъ латинскимъ, замѣнивъ недостатокъ количества употребленіемъ консонанса; она сопровождалась иногда музыкой, а иногда бывала и безъ нея, служила къ прославленію частныхъ и общественныхъ радостей, или къ преданію потомству христіанскихъ добродѣтелей святыхъ, или геройскихъ подвиговъ государей и военачальниковъ.

Кромѣ этихъ сочиненій священныхъ и свѣтскихъ, были еще и другія, болѣе краткія, которыя пѣлись при звукѣ инструментовъ *югларами* и *югларками* (*yoglares* у *yoglaresas*),⁴ посвятившими себя

дѣлаетъ настоящаго ихъ автора и періодъ времени, къ которому они принадлежатъ.

Упомянувъ о первыхъ творцахъ нашей народной поэзіи, я не стану исчислять ихъ всѣхъ по-порядку: Валаскѣсъ говорилъ объ этомъ, и Д. Томасъ Санчѣсъ присовокупилъ нѣсколько подробностей, какія только могъ найти при своихъ изысканіяхъ.

⁴ *Juglar* (*yoglar*) происходитъ отъ латинскаго: *jocularis*, музыкантъ и пѣвецъ, пантомимикъ и актѣръ. Первое показаніе о нихъ въ Испаніи встрѣчается въ общей лѣтописи, гдѣ говорится о бракосочетаніи дочерей Сиды съ графами Карріонами (что должно полагать въ 1098 году): тамъ встрѣчаемъ мы югларовъ при празднествахъ, отправляемыхъ по сему случаю въ Валенсіи.

Тѣ-же самое оправдалось и тогда, когда Сидъ во второй разъ выдалъ дочерей своихъ за Д. Раміро, инфанта наваррскаго, и Д. Санчо инфанта арагонскаго — какъ сказано въ той-же лѣтописи.

Въ привиллегіи, давной въ Бургосѣ Альфонсомъ VII, въ 1136 году, скрѣпляеть между прочимъ и югларъ слѣдующими словами: «*Pallea juglar confirmat.*»

Въ послѣдующіе вѣка часто говорится о хугларахъ, и примѣръ это-можно видѣть въ *Leyes de Partida*, въ *Obras de Berceo* у *Juan Lorenzo*, въ лѣтописи: *Cuentas de Sancho IV*, въ *Historia de los reyes de Aragon* Монтанера, *El conde Lucanor*, *Obras del Arcipreste de Hita*, *Historia del monasterio de Sahagun*; *Ceremonial del Rey D. Pedro de Aragon*, и въ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ О. Лисивіано Санчѣсъ изъ архива *Contos de Navarra*.

Цитатъ болѣе новый, сколько мнѣ извѣстно, въ отношеніи къ хугларамъ, находимъ мы въ Д. Томасѣ Санчѣсѣ, заимствованный имъ изъ *Cancionero de Baena*, гдѣ есть одна кантата поэта Вильясандино, сочиненная въ похвалу и восхваленіе изобилующаго всѣмъ города Севильи, и представленная имъ собратству канониковъ, и пѣтая съ хугларами, въ присутствіи братіи, кои за сію кантату ведѣли дать ему въ подарокъ сто золотыхъ дублоновъ.» Это должно отнести къ понятіямъ XV вѣка, къ тому времени, когда хотя искусство хугларовъ еще и продолжалось, но забыто было ихъ имя и существовавшее въ

занятію музыкой, которую соединяли съ пляскою и пантомимами, граціозными или смѣшными, чѣмъ и свискивали себя пропитаніе, забавляя народъ. Ихъ принимали и въ частные дома и во дворцы, гдѣ они показывали свое искусство въ присутствіи короля и его придворныхъ. Нечего и розыскивать начала этого обычая: онъ скрывается во мракъ вѣковъ. Соединеніе пріятныхъ звуковъ, пѣніе, смѣхотворство, пляска, подражанія фигуръ, тѣлодвиженіямъ, голосу и отличительной характеристикъ намъ подобныхъ, такъ врожденны человеку, что во всѣхъ вѣкахъ и странахъ встречаются болѣе или менѣе удачныя подражанія въ семь родъ.

До-сихъ поръ были бесполезны изысканія ученыхъ, лъстившихъ себя надеждою найти въ поэзіи Арабовъ или Правансоловъ начала новыхъ европейскихъ театровъ, а следовательно и нашего.

Арабы, распространившіеся по Востоку, Африкѣ, Италіи и островомъ Средиземнаго моря, равно какъ и тѣ, которыя назвали Кордову своей столицей въ Испаніи, занимались съ большимъ успѣхомъ естественными науками, медициной, математикой и исторіей. Въ поэзіи, они ничего не создали, кромѣ родовъ: повѣствовательнаго, описательнаго, эротическаго, панегирическаго и сатирическаго, выражая свои понятія въ сочиненіяхъ краткихъ, исполненныхъ метафоръ, преложеній и загадокъ, акростиховъ, лабиринтовъ, антитезъ, паронимасій и двузнаменованій. Діалоги, безъ дѣйствія, встречаемые въ ихъ поэтическихъ созданіяхъ, не принадлежатъ къ драматическому роду⁵.

языкъ въ продолженіе болѣе четырехъ столѣтій, вполнѣ вышло изъ общаго употребленія.

⁵ Насарре, въ прологѣ къ комедіямъ Сервантеса, говоритъ : « Арабы и Маавры въ своихъ представленіяхъ, съ дѣйствіями, жестами и словами, были чрезвычайно-искусны, при помощи поэтическаго ума и прекраснаго языка своей націи, что и увидать, когда выладутъ въ свѣтъ ихъ литературныя сочиненія, кои, по великому счастью, не-за-долго предъ симъ найдены въ знаменитомъ Эскуриальскомъ книгохранилищѣ; но даже и безъ нихъ это можно доказать нашими историческими документами. Извѣстно только то, что въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего, что-бы оправдывало это мнѣніе. Въ Эскуриалѣ нѣтъ ни одного театральнаго произведенія Арабовъ. Касири, который издалъ бібліотеку арабско-эскуриальскую, не встрѣтилъ ничего такого, что-бы указывало на упражненіе Арабовъ въ этомъ родѣ поэзіи : « Арабы не играютъ ни трагедій, ни комедій, по обычаю Европейцевъ, а сочиняли-ли они ихъ, объ этомъ писатели хранятъ глубокое молчаніе. » — Ученый Д. Хосе Антоніо Ковде, котораго я заслу-

Провансалы, обладая ядіомомъ несравненно бѣднѣйшимъ арабскаго и менѣе ихъ свѣдующіе въ наукахъ, но надѣленные блестящимъ воображеніемъ (невыходящимъ изъ сферы выраженій точныхъ и неискаженнымъ ребяческими украшеніями), и равно подвижныя могучими пружинами героизма и любви, занимались особеннымъ, свойственнымъ имъ однимъ, родомъ поэзіи, который они усовершенствовали изученіемъ древностей и приложеніемъ здоровой критики, и ввели въ общее употребленіе всѣхъ новыхъ народовъ ⁶. Города: Тулуза, Авиньонъ, Э, Бесльеръ, Барселона и Тор-

жилъ сердечную пріязнь и довѣренность, увѣрялъ меня нѣсколько разъ, что въ числѣ многихъ лѣтописей, имъ прочитанныхъ, и изъ которыхъ онъ дѣлалъ выписки для своей *Historia de los Arabes en España*, не встрѣтилъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы эта нація когда-либо была знакома съ драматическою поэзіей.

⁶ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что итальянская поэзія имѣетъ своимъ началомъ провансальскую или лимозинскую. Что-же касается до нашей, то можемъ удостовѣрить, что она произошла отъ-туда-же, въ то время, какъ перестали подражать латинской. Того-же мнѣнія былъ и маркизъ де Сантльяна, который говоритъ такъ: «Думаю, что изъ этихъ земель и округовъ лимозинскихъ распространились у Галловъ сіи искусства, а отъ сихъ послѣднихъ къ западу находится и наша Испанія, воспользовавшаяся оными довольно-умно и изящно.... Кастиланцы, Валенсіанцы и нѣкоторые другіе изъ туземцовъ аррагонскихъ были и теперь суть великіе мастера въ семъ искусствѣ.... Между ними мы встрѣчаемъ знаменитыхъ людей, какъ по изобрѣтенію, такъ и по самой метрицѣ.»

Донъ Луисъ Веласкесъ сказалъ: «Поэты провансальскіе Испаніи, о коихъ имѣемъ свѣдѣнія, восходятъ къ XI вѣку. Въ семъ столѣтіи жилъ Д. Педро I, кор. Арагоніи, если только ему, а не Д. Педро II, должно приписать провансальскія стихотворенія, о которыхъ упоминаетъ Гильермо Кастель. Въ XII вѣкѣ ихъ сочинилъ Д. Альфонсо I, кор. арагонскій.» — и продолжаетъ поименовывать нѣкоторыхъ знаменитыхъ поэтовъ каталанскихъ и валенсіанскихъ, занимавшихся поэзіей на языкѣ лимозинскомъ до XVI вѣка. Къ симъ свѣдѣніямъ должно присовокупить и то, что утверждалъ о томъ-же предметѣ Д. Томасъ Санчесъ.

Тривадоры кастильскіе писали на своемъ собственномъ языкѣ, подражая Провансаламъ и принимая даже ихъ мѣру и стихопослѣдовательность. Арагонцы сочиняли не на лимозинскомъ, а по большей части на кастильскомъ, своемъ народномъ нарѣчій. Португальцы въ своихъ сочиненіяхъ слѣдовали той-же школѣ. Словомъ, версификація и языкъ провансальскій были общи въ Каталунѣ и Валенсіи: но Аррагонцы, Португальцы и Кастилійцы болѣе обрабатывали свой языкъ, вводя въ него поэтическія формы, заимствованныя ими отъ Провансаловъ.

тоса были знамениты въ изученіи *веселой науки* (*gaya Sciencia*)⁷ которою занимались и знатные люди, воспѣвая любовь и победы,

⁷ Съ XII вѣка начали процвѣтать въ южной части Франціи трубадуры, занимаясь поэзіей, которая называлось провансальскою. Отъ владѣльцевъ обширныхъ земель, графовъ Барселонскихъ, на другой сторонѣ Пиреней, легко перешелъ въ Каталунью вкусъ къ этой версификаціи, тѣмъ-болѣе, что, какъ въ той, такъ и другой части горь, этотъ языкъ былъ народный; въ послѣдствіи-же онъ распространился и по Валенсіи, завоеванной королемъ Іаковомъ I.

Въ книгѣ, написанной маркизомъ де-Вильена о *Gaya Sciencia*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ рассказываетъ объ успѣхахъ, которые эта *веселая наука* сдѣлала въ королевствѣ арагонскомъ, говоритъ: «Король Д. Іоаннъ Арагонскій, I и по имени, сынъ короля Д. Педро II, отправилъ торжественное посольство къ королю французскому, прося его, чтобъ онъ прислалъ изъ коллегіи трубадуровъ, въ его королевство, людей опытныхъ въ *Веселой наукѣ*; и ему ихъ прислали, и образовали училище оной въ городѣ Барселонѣ два мантенедора, прибывшіе на сей конецъ изъ Тулузы, устроивъ все слѣдующимъ образомъ: чтобы при обученіи ими въ консисторіи сей науки, въ Барселонѣ, находились четыре мантенедора: одинъ кавалеръ, другой — учитель богословія, третій законовѣдецъ, а четвертый почетный гражданинъ: и если который изъ нихъ умретъ, то пусть Коллегія трубадуровъ, съ утвержденія королевскаго, изберетъ, изъ его же званія другаго.»

Въ царствованіе короля Д. Мартина, его брата, привилегіи и доходы Консисторіи были увеличены, какъ для необходимыхъ на то издержекъ, такъ и для поправки книгъ библіотеки, касающихся до сей науки, и серебряныхъ прутьевъ, которые носятъ предъ мантенедорами, или консисторскихъ печатей, равно какъ и на призы, раздаваемые для большаго торжества при всеобщихъ праздникахъ; притомъ-же въ это время вышло много произведеній, достойныхъ уваженія.

По смерти-же короля Д. Мартина, по причинѣ преній, бывшихъ въ Арагонскомъ Королевствѣ по поводу престолонаслѣдія, нѣкоторые изъ мантенедоровъ и начальниковъ Консисторіи принуждены были уѣхать въ Тулузу, и такимъ-образомъ упразднилась барселонская коллегія.

Сюжеты, предлагаемые въ Барселонѣ, въ бытность тамъ Д. Эрика (говоритъ онъ самъ о себѣ) были нѣсколько разъ въ хвалу Пресвятой Дѣвы Маріи, а другіе имѣли предметомъ любовь и добрые нравы. Когда наступалъ назначенный день, то во дворецъ, занимаемый мною, собирались мантенедоры и трубадоры, а отсюда чинно, съ прутьями и книгами по части сего искусства и реестрами, которые несли впереди, отправлялись мы туда, и приходили мы въ помяну

улаждая придворныя веселости плодами ума, чувствительности и гарманіи. Эти поэты, называвшіеся *травадарам*, образовали изъ

Капитуль, прибранный и украшенный тканями по стѣнамъ, и впереди съ возвышеннымъ мѣстомъ съ ступенями, гдѣ садился Д. Энрикъ, а по обѣимъ сторонамъ мантенедоры, у ногъ нашихъ консисторскіе писцы, а еще ниже, прутоносцы; на самомъ полу, покрытомъ коврами, два круга кресель, гдѣ сидѣли травадоры, а по срединѣ четверугольное зданіе, вышиною съ алтарь, покрытое парчей, а на верху лежали книги по части сего искусства, и призы; по правую руку стоялъ высокій тронъ для короля, который самъ часто тутъ присутствовалъ (и много всякаго другаго народа приходило)... наступало молчаніе, и вотъ вставалъ учитель богословія (который былъ изъ числа мантенедоровъ) и предлагалъ съ своей темой и доводами похвалы Веселой наукѣ, и предметъ, о которомъ должно было разсуждать въ сей Консисторіи, и потомъ снова садился. Послѣ этого, одинъ изъ прутоносцевъ говорилъ, чтобы всѣ собравшіеся здѣсь травадоры показали и предложили публично свои сочиненія, которыя у нихъ были написаны на заданный имъ предметъ: и вотъ каждый вставалъ и читалъ свое сочиненіе голосомъ внятнымъ; а писались они обыкновенно на лощеной (?) (*damasquinos*) разноцвѣтной бумагѣ золотыми и серебряными буквами, и съ лучшими, какія только можно достать, раскрашенными картинками; и по-мѣръ-того, какъ сочиненіе прочитывалось, каждый отдавалъ его консисторскому писцу...

Послѣ были два консисторіальныхъ засѣданія, одно, тайное, а другое, публичное: въ первое всѣ произносили клятву судить право, безъ малѣйшаго пристрастія, но по началамъ искусства, и рѣшать: которое изъ отчотливо-разсмотрѣнныхъ и прочитанныхъ писцомъ было всѣхъ лучше. Каждый изъ нихъ отмѣчалъ сдѣланныя въ нихъ ошибки, выставляя ихъ на поляхъ. И когда такимъ образомъ всѣ ихъ пересмотрѣли, тому, въ чьемъ не нашли ни одной погрѣшности, или нашли, но меньше, чѣмъ въ другихъ, голосами засѣдающихъ въ консисторіи, назначали призъ.

Для публичнаго засѣданія мантенедоры и травадоры собирались во дворцѣ, и Д. Энрике, какъ ужé было сказано, шолъ оттуда съ ними въ Капитуль братіевъ-проповѣдниковъ; и когда всѣ ужé собрались, и водворялось безмолвіе, тѣ, съ похвальнымъ отзывомъ о представленныхъ сочиненіяхъ, и объявленіемъ, которое изъ нихъ удостоилось награды, писецъ консисторскій выносилъ сіе послѣднее въ раскрашенномъ пергаментѣ, съ возложеннымъ на него золотымъ вѣнкомъ, что тутъ-же скрѣплялъ сперва Д. Энрико и потомъ, мантенедоры; писецъ-же запечатывалъ его всячею консисторскою печатью, и подносилъ подарокъ къ Д. Энрико, который, вызвавъ сочинителя, вручалъ ему и призъ и увѣчанное на память сочиненіе; оно потомъ

себя коллегіи и академіи: вные изъ нихъ читали и пѣли свои собственные стихи, другіе—же поручали это музыкантамъ: но изъ уцѣлѣвшихъ произведеній сего рода, вѣтъ ни одного, который-бы можно назвать театральнымъ: *травы* (*trovas*), *дитады* (*ditados*), *виллянески* (*villanescas*), *тенціоны* (*tenciones*), *сервентесіи* (*Serventesios*), и другія піесы, которыя тогда писались, не принадлежатъ къ разряду поэмъ лѣйствующихъ, требующихъ представленія. И потому, въ поэзіи Арабовъ и Провансаловъ бесполезно искать началъ театра новѣйшаго.

Италія была первая изъ европейскихъ государствъ, гдѣ послѣ владычества варваровъ (коихъ послѣднія династіи исчезли при появленіи побѣдоноснаго оружія Карла Великаго), стали заниматься науками и воскрешать погибшія искусства. Многія политическія обстоятельства способствовали къ ея просвѣщенію въ XI, XII и XIII вѣкахъ. Венеціане приставали ко всемъ пристанямъ Средиземнаго моря, привозя чрезъ Александрію плоды Азіи, и отъ Истріи, Далмаціи и острововъ, занимаемыхъ ими въ Архипелагѣ, угрожали своими войсками и кораблями столицѣ Имперіи Восточной. Пиза, Флоренція, Падуа, Кремона, Лукка, Сіена, Генуя и другіе города, вызывая свободу, поддерживали ее съ перемѣнной удачей, и сами цвѣли торговлей, при пособіи политики и оружія. Болонья начала становиться учоною; Миланъ, воскресая изъ своихъ развалинъ, приобрѣталъ имя роскошнаго; Амальфи обогащалось торговлею и промышленностію, и Римъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ погруженный въ невѣжество, подъ управленіемъ мудрыхъ Первосвященниковъ, присовокупилъ къ дарамъ Пепина и графини Матильды другія сокровища, которыя, по случаю нововведеній, сдѣланныхъ въ іерархіи духовной, начали вручать ему власть надъ всеми дѣлами католическаго міра. Крестовые походы, посылая на Востокъ многочисленныя войска, содѣйствовали къ благоденствію Италіи, которая изъ городовъ своихъ и

вносилось въ консисторскій реестръ, и давалось разрѣшеніе и позволеніе пѣть его и читать при публичныхъ собраніяхъ.

• Исполнивъ все это, мы въ томъ-же порядкѣ возвращались во дворецъ, а тотъ, который выигралъ призъ, шолъ между двухъ мантенедоровъ; впереди его юноша несъ самый призъ, сопровождаемый министрелями и трубами; прибывъ ко дворцу, предлагали имъ закуски и вина; потомъ отправлялись оттуда и мантенедоры и тровадоры съ министрелями и призомъ, сопровождая того, кто его выигралъ, до его дома, указывая тѣмъ на различіе, какое Богъ и природа положили между свѣтлыхъ и темныхъ умовъ. • (*Origenes de la lengua española, per Mayans*)

гаваней снабжала оружіемъ, съветными припасами и кораблями для невгодныхъ и столько разъ повторявшихся экспедицій. Базары и ярмарки, бывавшія тамъ столь-часто, распространяли обиліе и роскошь, а съ ними и празднества и общественныя увеселенія. Тамъ великолѣпно праздновались браки * мирныя договоры и коронаціи ихъ государей, въ такъ-называемыхъ *Corti bandite*; и вся эти обстоятельства, подстрекая народный характеръ, произвели множество іогларовъ, буфоновъ, шутовъ (*truhanes*), мимиковъ, плясунновъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, которые съѣзжали повсюду, куда лишь призывали ихъ выгода и одобреніе.

Тогда начали снова возобновляться (если только когда были утрачены) * драматическія фикціи, изображающіе природу въ грубыхъ

* Учоный Муратори, въ своихъ разсужденіяхъ «О древностяхъ Италіи», даетъ намъ понятіе о великолѣпнн и блескѣ этихъ праздниковъ. Что-же касается до театральныя представленія, которые въ этомъ народѣ стали входить въ употребленіе, то стоить только справиться изъ числа многихъ авторовъ, говорящихъ о семъ предметѣ, въ *Historia litteraria d'Italia* Тирабоски, и *De los teatros* Синьорелли.

* За комедіями и трагедіями греческими или латинскими, представлявшимися по всему пространству Римской Имперіи, слѣдовали мимы и пантомимы, которыя, во-время послѣднихъ языческихъ Императоровъ, занимали почти исключительно всѣ театры Рима и провинцій, находившихся подъ его владычествомъ.

Миръ, данный Церкви Константиномъ, въ IV вѣкѣ, не уничтожилъ сихъ обычныхъ зрѣлищъ, и едва могъ удержать отъ кровопролитныхъ жестокостей амфитеатра, и умѣрить на сценѣ постыдную безнравственность мимовъ и безмолвныхъ дѣйствій. Константинъ запретилъ бои гладіаторовъ; но такъ мало послушались его указа, что нѣсколько годовъ сряду Аркадій и Гонорій снова должны были запрещать ихъ. Папа Гелазій I жаловался, въ концѣ V вѣка, на отправленіе дуперкалій, которыхъ ни ревность, ни власть его не могли уничтожить. Такъ-то народы поздно покидаютъ свои обычаи и забываютъ свои увеселенія!

Итакъ театральныя представленія съ большимъ или мѣньшимъ блескомъ продолжались не только на Востокѣ (ибо только въ XV вѣкѣ пада эта Имперія), но и у прочихъ народовъ Европы. Въ Испаніи, какъ ужѣ сказано, пресѣклись они вторженіемъ Мавровъ въ VIII вѣкѣ. Но видны, впрочемъ, нѣкоторыя попытки продолженія сихъ театральныя зрѣлищъ, разумѣется, въ иной формѣ, пріобрѣтённой ими съ теченіемъ годовъ и измѣненіемъ обычаевъ.

Въ IV вѣкѣ, на Карфагенскомъ III-мъ соборѣ, въ 397-мъ году, слышимъ: *Дѣйствующимъ на сценѣ, и актерамъ и прочимъ такого рода ли-*

фарсахъ, съ смѣшными тѣлодвиженіями, переодѣваньемъ и дѣйствіями, подражавшими обычаямъ вѣка. Духовенство ¹⁰ многократно

цамъ, или отступникамъ, обратившимся, либо вновь-обращеннымъ ко Господу, въ милости или примиреніи да не отказываютъ.

Поэтъ Авзоній, умершій въ концѣ этого вѣка, въ 10-мъ письмѣ къ своему другу Авксію Паулу, говоритъ :

Dactylicos elegos choriambum carmen epodum
Socci et cothurni musicam
Carpentis impone tuis : nam tota supellex
Vatum piorum chartea est.

А въ письмѣ 14-мъ :

Attamen ut citius venias leviusque vehare
Historiam, mimos, carmina linque domi.

Въ V вѣкѣ, на Африканскомъ соборѣ, въ 417 году, сказано : *Должно просить Императора, чтобъ онъ запретилъ театральныя зрѣлища по воскреснымъ днямъ и другимъ святымъ праздникамъ.*

Въ VI вѣкѣ Феодорикъ приказалъ сдѣлать необходимыя переправки въ Римскомъ театрѣ Помпея, какъ читаемъ въ 51-мъ посланіи Кассіодора, въ кн. 4, въ которой, въ письмѣ къ Симаху, говоритъ ему король : *и потому, въ театральномъ зданіи, падающемъ отъ тяжести массы, по вашему совѣту, думаемъ, должно сдѣлать поправки.* Въ томъ-же самомъ мѣстѣ упоминаетъ онъ о томъ, что есть мимы и пантомимы, и говоритъ о совершенствѣ, до какого достигли въ его время эти представленія.

Аталарихъ, его непосредственный наслѣдникъ, въ письмѣ къ римскому сенату говоритъ (кн. 9, посл. собранн. Кассіодоромъ) : *если мы будемъ щедры на вспоможеніе театральнымъ представленіямъ для увеселенія народнаго и будутъ тщательно исполняться тѣ, что не считается нужнымъ : то тѣмъ-болѣе безъ отлагательства должно доставлять тѣ, отъ чего происходятъ добрыя нравы и чѣмъ въ нашемъ дворцѣ воспитывается духъ наукъ словесныхъ.*

На Соборѣ Константинопольскомъ, собранномъ противъ безначальныхъ еретиковъ, въ 536 году, говорится объ одномъ изъ нихъ, именно о Петрѣ, слѣдующимъ образомъ : *какъ онъ потворствовалъ непристойнѣйшей своей страсти къ Стефаніи актрисѣ, которую разными уврѣненіями и лестію преступнымъ образомъ заманилъ въ свой монастырь и во все это время частнымъ образомъ съ нею бесѣдовалъ.*

Анекдотъ о самой Феодорѣ, которую Юстиніанъ возвелъ на свое ложе и императорскій престолъ, такъ извѣстенъ въ исторіи, что излишне было-бы повторять ихъ.

Въ VII вѣкѣ, на Римскомъ Соборѣ, подъ 680 годомъ, читаемъ : *Ука*

стараясь уничтожать такого рода позорища, коихъ наглость была чрезвычайно-предосудительна, созналось наконецъ въ безенли

зывается и повелевается, чтобы епископы и всѣ духовныя особы, посвятившія себя жизни религіозной, не употребляли оружія, не имѣли у себя цитръ, никакихъ либо друиыхъ мусикійскихъ орудій, и не позволяли-бы представлять предъ собою никакихъ ирищъ или зрѣлищъ (*jocos vel ludos*).

На Константинопольскомъ III Соборѣ, 680 года, отъ сею святаю и всемірною синода воспрещаются такъ-называемыя мимы и зрѣлища оныхъ, а посему и представленія боя звѣрей, равно какъ и плясокъ на сценѣ чтобы не было... Не позволятся тоже тѣмъ, кои состоятъ въ священническомъ санѣ, ни монашествующимъ, быть на скачкахъ и имѣть у себя сценическія зрѣлища.

Въ VIII вѣкѣ, въ капитулярахъ Карла Великаго (въ 790 годахъ) воспрещается «чтобы епископы, аббаты и аббатиссы не держали у себя ни собачьихъ своръ, ни соколовъ, ни ястребовъ, ни иральящиковъ (*joculatores*, то-есть хугларовъ).

Въ то же самое время монахъ Алжунъ упрасивалъ въ своихъ грамотахъ Ангильберта, зятя Карла Великаго, чтобы онъ воздерживался отъ присутствія при театральныя зрѣлищахъ (см. Мабильонъ: *Annales benedictinos*, lib 26 num 13).

Въ IX вѣкѣ, на Турскомъ соборѣ, въ 813 году, предписывается слѣдующее: должно проповѣдывать, чтобы прочіе священники избывали даже помыслиній о студныхъ и срамныхъ ирищахъ актеровъ.

На Ахенскомъ (*aquisgranense*) соборѣ, въ 816 году, говорится, что не хорошо, чтобы священники и вообще духовенство присутствовали на сценическихъ позорищахъ и сватьбахъ.

На Парижскомъ соборѣ, въ 827 году предписывается именно, чтобы святыя мужи (коиъ наиболее должно о томъ ситовать) вполне себя не дозволяли (присутствовать) при смѣхотворныхъ ирищахъ и суетловіи и (воздерживались-бы) отъ срамныхъ шутокъ актеровъ и прочіихъ суетностей, кои разныживая христіанскія души и (мшала) ихъ твердости, искажаютъ уста смѣхомъ.

Вѣкъ X. Въ рѣчи англійскаго короля Эдгара, въ 967 году, говорится, въ отношеніи къ разврату клериковъ: «скажу, что добрыя сѣютъ, дурныя люди смѣются, говорю это съ сожалѣніемъ, и если только можно выговорить, какъ они разливаются въ пириществахъ, плясать, въ наложничествахъ и всякихъ безстыдствахъ, то подумаешь, что домъ ихъ есть жилище непотребныхъ жещицъ, сборище лицедѣевъ.

Въ это-же столѣтіе, Росвита, инокиня бенедиктинскаго ордена въ Грандесгеймѣ, сочинила на латинскомъ языкѣ шесть драмъ, подъ заглавіемъ: *Galicanus, Dulcitus, Callimichus, Abrahamus eremita, Paphnutius* и *Fides, spes et charitas*. Заглавіе этихъ піесъ и санъ писательницы заставляютъ думать, что она сочинила ихъ для представленія въ храмѣ, по обычаю того времени, въ присутствіи избранныхъ зрителей.

законовъ въ борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ; и установившійся за нѣсколько предъ симъ столѣтій, обычай, — съ торжественными религіозными празднествами, въ соборныхъ храмахъ, съ веселой музыкой, пѣснями, плясками, представлять маскарадныя зрѣлища, заставилъ присовокупять къ оному новую прелесть представлений, и предоставить народу, въ самомъ святилищѣ, тѣже самыя удовольствія, которыя такъ размножались на площадяхъ и гульбищахъ.

Но оно этимъ не только не уменьшило соблазна, но еще увеличило его. Къ торжественности католическихъ обрядовъ присоединились театральныя вольности, и тѣ-же самыя люди, которые поучали съ каедръ и священнодѣйствовали при алтарѣ, стали,

ХІІ вѣкѣ. Одинъ монахъ изъ Кантербюри, по имени Вильгельмъ Стефанилесъ или Фицъ Стѣфенъ, который написалъ, въ царствованіе Генриха II, сочиненіе подъ заглавіемъ: *Descriptio nobilissimae civitatis Londoniae*, говоритъ въ немъ: «Лондонъ, вмѣсто обыкновенныхъ фарсовъ, свойственныхъ театру, имѣетъ у себя драмы болѣе священнаго содержанія: представленіе чудесъ святыхъ исповѣдниковъ, или страданій, въ коихъ видимъ достопамятное терпѣніе мучениковъ (см. *Viograph. dramatica*. Лонд. 1782)».

Къ этому-же вѣку, по мнѣнію многихъ ученыхъ, относится латинская драма, писанная въ Германіи, подъ заглавіемъ *Ludus paschalis de adventu et interitu Antichristi*. Дѣйствующія лица суть: папа, императоръ, владетели Франціи, Греціи и Вавилона, Антихристъ, Ересь, Липемѣріе, Синагога и Язычество.

Въ ХІІІ вѣкѣ на Латеранскомъ соборѣ, въ 1215 году, указано, чтобы клерики не занимались шутовскими мимами и лицедѣями.

Соборомъ Равенскимъ, въ 1286 году, запрещается, чтобы клерики не принимали отъ мірянъ ни шральчиковъ, ни лицедѣевъ.

Въ этомъ вѣкѣ мы получаемъ первыя свѣдѣнія, сохранившіяся намъ о существованіи драматическихъ пиесъ въ Испаніи, служившихъ вначаломъ нашему новѣйшему театру. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что съ этого времени со всѣхъ государствъ европейскихъ вошли въ употребленіе такого рода зрѣлища: и только въ Греціи — какъ уже было сказано — они утратились въ концѣ XV вѣка.

¹⁰ Синьорелли, въ своей книгѣ *Historia de los teatros* (lib 3), говоритъ: *Духовенство, заботившееся о томъ, чтобы народъ не развлекался отъ своей набожности, сперва воспрещало всякаго рода зрѣлища. потомъ, перемѣнивъ направленіе, и вопреки обычаю предшествовавшихъ столѣтій (когда къ стыду, не смотря на запрещеніе, позорища были введены въ самыя церкви), ввело ихъ въ употребленіе и само наряжалось въ маски и распѣвало среди святилища мірскія пѣсни.*

потомъ, снявъ священныя одежды, забавлять своихъ прихожанъ буфонадами и шутовствами, переодвзаясь въ негодяевъ, непотребныхъ женщинъ, скомороховъ и паяцковъ (*botargas*). Къ происшествіямъ, представляемымъ въ этихъ фарсахъ, присоединялись и намѣки на таинства религіи, на священныя ея догматы, на постоянство ея мучениковъ, на дѣйствія, жизнь и страсти нашего Искупетіа... смѣшеніе неблагоговѣное и нелпное!

Злоупотребленіе это продолжалось до Иннокентія III, который, въ началѣ XIII вѣка, строго запретаъ духовенству брать на себя роли въ этихъ фарсахъ: но если въ Италіи, и особливо въ Римѣ, сей обычай нѣсколько и уменьшился, то зло нигдѣ не истребилось вполне, и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій господствовало по всей Европѣ, распространяясь по ней съ необыкновенною быстротою.

Изъ четырехъ христіанскихъ королевствъ, на которыя дѣли-

11 Для доказательства того, что мы сказали, достаточно немногихъ легкихъ сказаній; но кому любопытно узнать объ этомъ болѣшія подробности, тотъ найдетъ ихъ во многихъ иностранныхъ историко-критическихъ сочиненіяхъ, гдѣ говорится о семъ предметѣ.

Въ 1423 году, въ первый день самой Пасхи дано было на падуанской площади, называвшейся *Prato della Valle*, театральное представленіе.

Въ 1264 году учредилась въ Римѣ компанія, называвшаяся *Gonfalone*, имѣвшая главною цѣлію представленіе мистерій: Страстей Господа Иисуса Христа, — что и дѣйствительно въ-продолженіе многихъ лѣтъ исполнялось. Въ 1445 году, представленіе давалось въ Колизеѣ. Въ 1584 году напечатаны были въ Римѣ ея постановленія.

Въ 1261 году учредилась компанія *Battuti*, въ Травизо, и въ одномъ изъ ея регламентовъ сказано, что каноники этой церкви должны ежегодно для вышеупомянутой школы выставлять двухъ взрослыхъ клириковъ, для ролей Маріи и ангела, и чтобы они были хорошо обучены пѣнію, для праздника, имѣющаго, по обычаю, быть отправляему въ день Благовѣщенія... Каждый изъ пѣвцовъ получить по десяти золотыхъ солидовъ... въ день Благовѣщенія (В. М. в.) когда дудеть дано сіе представленіе.

Въ 1298 году, клиръ фріульскій далъ представленіе Страстей Иисуса Христа въ день св. Троицы. Въ королевствѣ неаполитанскомъ давались тоже представленія такого рода, равно какъ и тѣ, которыя съ незапамятныхъ временъ введены были въ Данчіано (Абруцкой провинціи) и производились ночью наканунѣ Страстной-Пятницы, оканчиваясь церковнымъ ходомъ, продолжались до 1740 года, когда это было запрещено правительствомъ.

Въ 1304 году, въ Тосканѣ происходило театральное празднество,

лась въ семь столѣтій бѣлая часть Испаніи, могущественнѣйшими были: Аррагонское, подѣ управленіемъ блаженной памяти Д.

на которомъ представлялся адъ съ дьяволами и осужденными, издававшими ужасные крики.

Въ томъ-же самомъ году, братіями и клиромъ, въ Фріулѣ дано представленіе сотворенія Адама и Евы, Благовѣщенія и Успенія Божіей Матери.

Въ теченіе этого-же столѣтія по всей Италіи представляли обращеніе Маріи Магдалины и св. Павла.

Въ слѣдующій вѣкъ представляли въ Римѣ священную драму св. Лаврентія и Павла; а на Страстной-Недѣлѣ въ 1452 году игрались мистеріи Страстей въ церкви св. Клары, въ Неаполѣ, съ великолѣпными декораціями и въ присутствіи Альфонса I.

Во Фландріи и Германіи, были также въ обычаѣ эти священныя зрѣлища. Фридерикъ, Ландграфъ Турингскій, присутствовалъ въ городѣ Эйзенахѣ, въ 1322 году, на одномъ изъ такихъ представлений, котораго предметомъ были евангельскія дѣвы.

Въ *Biografia drammatica*, на которую мы указывали, говорится объ англійскомъ театрѣ слѣдующее: «Въ 1378 году, ученики школы св. Павла представили королю Ричарду I прошеніе, въ коемъ умоляли его запретить невѣжественной черни представлять исторію Ветхаго Завета, что соединено съ великимъ вредомъ для вышеприведеннаго клерикатства, ибо причинилось много порчи при устроеніи театральнаго зрѣлища въ день Рождества-Христова.»

«Дѣтъ 12 спустя послѣ того, то-есть, въ 1390 году, священники лондонскихъ приходовъ, какъ говорятъ, представляли фарсы въ Скиннерсъ-Веллѣ, 18, 19 и 20-го іюля, а въ 1409-мъ, на десятомъ году царствованія Генриха IV, играли въ Клеркенвеллѣ (Колодезѣ Клериковъ), получившемъ свое названіе отъ обычая представлять тамъ фарсы, которые продолжались восемь дней сряду: предметомъ оныхъ было сотвореніе міра. На эти зрѣлища собирались бѣлая часть дворянства и кавалеры королевскіе.»

«Извѣстно, что въ 1518 году, хористы церкви св. Павла играли драматическія піесы, и дѣтъ 12 послѣ того, представлялись священниками лондонскихъ приходовъ въ Скиннерсъ-Веллѣ и мистеріи.»

Въ 1380-хъ годахъ были представленія моральностей и мистерій.

Въ 1402 году, *Hermanos de la Pasion* (Братія Страстей), получивъ отъ Карла VI позволеніе, учредили свой театръ въ Парижѣ, и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, представляли на немъ фарсы страстей и мистерій Ветхаго Завета. Въ драмахъ, приписываемыхъ епископу анжерскому, выходили на сцену: Богъ-Отецъ, Иисусъ Христосъ, Люциферъ, сатана, Магдалина и нѣкоторыя изъ ея любовниковъ. Люциферъ билъ палками сатану за то, что онъ не умѣлъ, какъ слѣдовало, искусить Христа. Хананейская дочь, одержимая оубами, от-

Иакова, прозваннаго Побѣдителемъ, и Кастильское, гдѣ государствовалъ Фердинандъ III., заслужившій имя святаго. Мавры, желая остаться въ провинціяхъ, которыя были завоеваны тѣмъ и другимъ, занимались физическими и математическими науками, словесностью, земледелиемъ и ремеслами. Жилы, жившіе подъ владичествомъ сихъ государей, сдѣлали большіе успѣхи въ знаніяхъ медицинскихъ и занимались торговлею, умножающею богатство и доставляющею народамъ удобства жизни. Побѣжденные содѣйствовали къ умягченію нравовъ побѣдителей. Дворъ кастильскій Альфонса X усвоивилъ и обмѣлялъ науки и знанія послѣдователей Талмуда и Алкорана; при немъ и при отцѣ его, королѣ Санчѣ Фернандѣ, и при сынѣ и наследникѣ его Д. Санчѣ, раздавались стихи траводаровъ и пѣсни югларовъ, и распространялась наклонность къ изученію полезнаго и пріятнаго. Знанія не ограничились одними монастырями, гдѣ нашли себѣ убѣжище отъ звука оружія, во времена суровыя, но приблизились къ престоломъ монарховъ, и какъ они, такъ и вельможи и кавалеры, составлявшіе дворъ, стали пріучаться къ наслажденіямъ умственнымъ и къ прелести образованности, безъ утраты своего мужества.

Невозможно опредѣлить времени, когда изъ Италіи въ Испанію перешолъ обычай священныя представленія; впрочемъ, если вспомнимъ, что въ началѣ XIII вѣка были уже нестерпимы вкравшіяся въ нихъ злоупотребленія, то съ правдоподобіемъ можно предположить, что въ XI столѣтіи они уже начали быть известны и на нашемъ полуостровѣ.

Когда образованіе отечественнаго языка сдѣлало уже значительныя успѣхи, и поэзія стала предметомъ изученія духовенства, кавалеровъ и самыхъ королей; когда гремѣла въ храмахъ, дворцахъ

водила душу, говоря всякія глупости и мерзости. Душа Іуды, не имѣя возможности пройти сквозь уста, кои облобызала Божественный злаго Апостола. Сатана взлетѣлъ съ Исусомъ Христомъ на вершину горы... И это представлялось въ столицѣ Франціи, въ срединѣ XV вѣка, и продолжалось до конца XVI столѣтія!

Къ сей послѣдней эпохѣ, кромѣ жизни и чудесъ Святыхъ, представленныя въ драмѣ, принадлежатъ моральности и мистеріи, кои суть слѣдующія: *Воплощеніе и Рождество Господа нашего Исуса Христа; мистерія Страстей, Воскресеніе Христово; мистерія: Кавалеръ, отдавшій сею жену дьяволу; Дьяніа св. Апостоловъ; Успеніе Богоматери; Борьба плоти и духа; Мистерія: Рождество Богоматери; Всемирный потопъ; моральность: Сынъ ибемъ, повѣсившій своего отца; трагедія: Рожденіе и твореніе міра и т. д.*

и сборищахъ народныхъ; музыка, съ которою не рѣдко соединялись искусство пантомимъ и пляски, — не много нужно было для образованія драматическихъ зрелищъ, какъ слѣдствіе соединенія четырехъ первыхъ.

И действительно, духовныя празднества первыя подали поводъ къ нашимъ сценическимъ попыткамъ: каноники были первыми нашими актёрами, ибо Римъ служилъ примѣромъ въ позволительности сего обычая, а религіозность самыхъ сюжетовъ, подавшихъ къ этому поводъ, удаляла всякое подозрѣніе въ соблазнѣ кошунства. Въ этихъ фарсахъ представлялись разныя происшествія, взятыя изъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, и даже изъ Евангелій апокрифическихъ. Празднество, установленное Урбаномъ IV, въ честь святой Евхаристіи, распространилось по всему христіанскому міру въ царствованіе, въ Кастиль, Альфонса X, и въ то же время служило началомъ къ другимъ театральнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ уже начали появляться и фантастическія лица, дѣлая такимъ образомъ безобразную смѣсь аллегоріи съ исторіей.

Скудность документовъ не позволяетъ намъ сообщить болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ театрѣ: но собравъ сколько возможно данныхъ, относящихся къ сему предмету, кажется, съ достовѣрностію можно заключить, что въ Испаніи, драматическое искусство получило свое начало въ XI вѣкѣ, и исключительно обращено было на торжествованіе церковныхъ праздниковъ и таинствъ религіи; что піесы писались на кастильскомъ нарѣчій и стихами; представлялись въ соборныхъ храмахъ, оглашаемыхъ музыкой съ хоровъ; и что какъ актеры, такъ и поэты, сочинявшіе эти драмы, были духовныя особы.

Альфонсъ X, соображаясь частію съ постановленіемъ Иннокентія III, обозначилъ ¹² для канониковъ, разрядъ піесъ, которыя

¹² «Клерики... не должны играть въ кости, не яхаться и не дружить съ игроками, не входить въ таверны для пьянства, но если бы и случилось имъ войти, ия по дорогѣ, то не должны представлять насмѣшливыхъ игръ, потому что люди увидятъ, какъ они представляютъ. Но еслибы тутъ другіе и представляли ихъ, то клерикамъ не входить туда, потому что тамъ дѣлаются всякаго рода мерзости и непристойности. Кромѣ того, не должны они ничего такого дѣлать и въ церквахъ, но и даже выгонять изъ нихъ съ безчестіемъ тѣхъ, которые бы такъ поступали: потому что церковь Божія создана для молитвы, а не для насмѣшекъ, ибо Господь вашъ Іисусъ Христосъ говорить въ Евангеліи: домъ мой есть домъ молитвы, и не обращайтесь въ вертепъ разбойниковъ. Впрочемъ есть

они могутъ играть, и именно: историческія, аллегорическія, нравственныя или догматическія, и ихъ продолжали представлять въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, до тѣхъ-поръ, покуда они, будучи изгнаны изъ храмовъ, перешли на общественные театры. Тотъ-же самый Альфонсъ X¹³ въ своемъ указѣ назы-

• театральныя представленія, которыя для нихъ позволительны, какъ-
• то: Рождество Господа Іисуса Христа, въ коемъ можно показать,
• какъ Ангелъ явился пастырямъ, и какъ сказалъ имъ, что родился
• Христосъ. Кромѣ того, можно представлять и то, какъ явились на
• поклоненіе Богу младенцу три волхва (*reges-magos*), равно какъ и
• Воскресеніе Іисуса Христа, показавъ сперва, какъ его распяли и
• какъ онъ въ третій день воскресъ. И такъ-какъ такого рода пред-
• меты склоняютъ человѣкъ къ добрымъ дѣламъ и къ усердію въ вѣрѣ,
• то и можно представлять ихъ, тѣмъ-болѣе, что они напоминаютъ
• людямъ, что, судя по этимъ, можно заключать и о тѣхъ, кои въ са-
• момъ-дѣлѣ были. И сія представленія должно дѣлать съ цѣлію и
• величайшимъ благоговѣніемъ, въ большихъ городахъ, гдѣ находятся
• архіепископы и епископы, и съ ихъ позволенія или другихъ, за-
• нимающихъ ихъ мѣста; но въ деревняхъ не представлять (см. *4-a*
• *Partida, tit. VI. ley 34*). • —

¹³ «Сверхъ того и хугларовъ и подражателей, и фарсёровъ (*zahar-
-rones*), кои представляютъ публично, поютъ и играютъ для народа
• за деньги, и такимъ-образомъ унижаютъ себя предъ другими за
• плату. Но тѣ, кои бы играли на инструментахъ и пѣли для своего
• собственнаго наслажденія, или для доставленія удовольствія своимъ
• друзьямъ, или въ угѣху королей и другихъ семействъ, — не считаются
• обезчещенными (см. *VII, Partida, tit VI ley 4*).» —

• Знаменитыя особы называются на языкѣ латинскомъ особами
• уважаемыми и знатнаго рода (*de gran guisa*), потому-что они имѣютъ
• почетныя званія, равно какъ и короли и тѣ, кои отъ нихъ происхо-
• дятъ, и графы и ихъ потомки, и всѣ прочіе, подобныя имъ, досто-
• уважаемые люди. И всѣ таковыя, по закону, могутъ носить барканъ
• (*bagaganas*); но не должны носить его такія женщины, какковы:
• рабы, или дочери рабовъ; и кромѣ сихъ, да не смѣютъ одѣваться
• въ барканъ: ни дочь ихъ, ни хугларка, ни дочери ея, ни содержа-
• тельница трактира, ни торговка (*rigatira*), ни сводница, ни дочери
• ея, никакіе другіе люди изъ тѣхъ, кои называются *подлыми* или сами
• по себѣ, или по тѣмъ, отъ коихъ произошли; и не прилично было-
• бы, чтобы благородная кровь смѣшивалась или соединялась съ столь-
• низкими женщинами. И еслибы кто изъ вышеназванныхъ поступилъ
• вопреки сему, и прижилъ-бы, законно, съ такою женщиной сына,
• то онъ назывался-бы не побочнымъ, но беззачетнымъ или беззакон-
• нымъ (*spurio*), или, какъ-бы сказать — — — мъ; и всѣ такіе сыно-
• вья не должны имѣть права на имѣніе отцовское, и отецъ не обяза-

вають обезцещенными (*infactados*) тѣхъ, которые станутъ представлять пантомимы, плясать, пѣть и играть за деньги: въ этомъ-то, между-прочимъ, заключается, вѣроятно, главная причина, почему сценическое искусство въ теченіе столь-долгого времени находилось въ рукахъ духовенства, ибо разъ принявъ оное за увеселеніе чисто-священное и религіозное, нельзя уже было поручить его тѣмъ, которые, по силѣ закона, были обнародованы какъ люди позорные.

Санчо IV держалъ у себя въ услуженіи ¹⁴ этотъ классъ людей, каковы: хуглары, буфоны и *дразнилишки* (*facedores de escarnia*), которые въ пьсахъ и романахъ говоря всякія остроты, пляша и играя на инструментахъ, потѣшали частнымъ образомъ королевскую фамилію.

Краткое царствованіе сего монарха, исполненное смятеній, равно-какъ и сына его, Фердинанда IV, и въ малолѣтство Альфонса XI, когда Кастилья была возмущена частными ссорами и раздорами, не было періодомъ времени выгоднымъ для искусствъ, дѣтей обилія и мира, но и тогда не совсѣмъ однако прекратились изученія философскія, учоность и словесныя науки.

Знаменитый Д. Хуанъ Мануэль ¹⁵, внукъ Фердинанда III, былъ

• вается ихъ дѣлать наследниками, если не захочетъ (см. IV. *Partida*, tit. XIV, ley 3). » —

¹⁴ Въ счетныхъ книгахъ этого короля, относящихся къ 1293 году, упоминается объ одеждахъ и содержаніи, даваемыхъ во дворцѣ пятнадцати *барабанищикамъ или людямъ барабанящимъ* (*tamboreros ò omes de los atambores*), четыремъ трубачамъ, двумъ плясунамъ и хугларамъ или музыкантамъ на тамборетѣ (*tamboret*), айюбебѣ, мавританской трубѣ (*anafil*), гитарѣ (*gota*) и органисту. Давалось тоже содержаніе одному, который игралъ на тамбуричѣ, по имени Хуаноту. Плясуны, какъ кажется, были изъ Мавританъ, одинъ изъ нихъ назывался Фате. Были и женщины-пѣвицы и музыкантши на инструментахъ, и въ одной изъ *Partidas* (книгъ Законовъ Кастильскихъ) сказано, что стоялъ осель для одной изъ хугларокъ. Эта любопытная рукопись находится въ королевской библіотекѣ, въ Мадридѣ.

¹⁵ Онъ жилъ въ царствованія Санчо IV, Фердинанда IV и Альфонса XI. Исторія говоритъ о его военныхъ и политическихъ дѣйствіяхъ, а литература сохранила извѣстія о ученыхъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ теперь напечатаны его *Conde Lucanor*. Но кромѣ того онъ написалъ: *Cronica de España*, *Libro de los sabois*, *Libro del caballero y del Escudero*, *Libro del infoute*, *Libro de Caballeros*, *Libro de la Caza*, *Libro de los Engenos*, *Libro de los Cantares*, *Libro de los Ejemplos*, *Libro de los Consejos*. Эти сочиненія хранились въ монастырѣ, св. Павла

въ нихъ отличнымъ знатокомъ, кромѣ-того, что за побѣды онъ пріобрѣлъ имя славнаго полководца. Въ его учоныхъ и поэтичскихъ сочиненіяхъ остался намъ памятникъ его обширныхъ свѣдѣній въ литературу и прекраснаго вкуса, а во повеллахъ или разсказахъ изъ всего, что тогда сочиняли — *El Conde Lucanor*, первое собраніе такого рода въ Испаніи, и безъ всякаго сомнѣнія предшествовавшее Декамерону Бокаччіо, хотя и уступавшее ему въ достоинствѣ.

Хуанъ Руйсъ¹⁶, Архипресвитеръ де-Гита, равнымъ образомъ

Отцовъ Доминиканцевъ, въ городѣ Пеньяфьель; тамъ они были вѣка два съ половиной; кто знаетъ, гдѣ они теперь, или уже погибли, какъ многія другія, которымъ невѣжество и полное пренебреженіе къ изученіямъ серьёзнымъ дало погибнуть?

Учюный Германецъ Бутервекъ полагаетъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній, находящихся въ *Cancionero geneal.* сочинены тѣмъ-же, авторомъ, который написалъ *Condelucanor*; но они не его, а развѣ кого-либо изъ его предковъ; и по самой чистотѣ языка и правильности стиховъ, авторъ оныхъ долженъ былъ процвѣтать нѣсколько прежде изданія въ свѣтъ книги *Cancionero*. Одно уже то подтвердитъ наше мнѣніе, что въ романсѣ, на который ссылается Бутервекъ, упоминается о Павларскихъ (Paular) братіяхъ; а Инфантъ Д. Хуанъ Мануэль умеръ въ 1347 году, межъ-тѣмъ-какъ монастырь Павларскій основанъ въ 1440 году.

¹⁶ Намъ остались очень-скудныя извѣстія объ авторѣ. Думаютъ что онъ былъ родомъ изъ Алкала де-Генаресеъ, и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1331 году.

Изъ смѣшанныхъ поэмъ (говоритъ Доль Хуанъ Антоніо Пеллисеръ) нѣзъ состоитъ этотъ сборникъ архипресвитера Гиты, главнѣйшее составляетъ баснь, въ которой разсказывается, что по совѣту богини Венеры и по ходатайству старой *Ханжи по монастырляхъ* (Trola-coouentos) Д. Мелонъ де ла Гуэрта женится на одной вдовѣ по имени донѣ Эндриуѣ. Но эта поэма не есть оригинальное изобрѣтеніе Гиты, не смотря на его плодотворный геній. Онъ нашолъ этотъ вымыселъ въ одномъ поэтѣ, писавшемъ испорченною латинью и отъ него и заимствовалъ. П есть дѣйствительно шутивая поэма, приписываемая Овидію, подъ заглавіемъ *de Vetula*: объ ней говоритъ Фабрицій (см. *Bibl. lat. t. 4. pag. 277*), прибавляя, что ее, ни на чомъ не основываясь, приписываютъ Овидію, а что она случайно сочинена Пафилломъ Мавреліаномъ, монахомъ, жившимъ въ Среднія времена; онъ упоминаетъ о двухъ изданіяхъ оной, одномъ въ 1470-мъ году, а другомъ, въ 1471-мъ (ибо не зналъ изданія 1511-го года, которое я видѣлъ въ любопытной библіотекѣ моего друга Д. Мануэля Сильвея), но пропускаетъ единственно, на которомъ остановилось, по

продвѣталъ въ царствованіе Альфона XI, и хотя не написал ни одной драматической пьесы, но подражалъ сему роду въ своихъ сочиненіяхъ, примѣшивая къ нимъ забавныя выходки, описанія и комическіе діалоги, исполненные генія. Какъ онъ, такъ и прочіе Тривалоры его времени употребляли разнаго рода формы и размыры стиховъ¹⁷, обогащая ими нашу поэзію; равно какъ и въ музыкѣ входили въ употребленіе разнаго рода инструменты¹⁸, принятые отъ Арабовъ, Итальянцевъ и Французовъ.

увѣдомленію, напечатанному въ Парижѣ, въ 1550 году, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Pamphilus de Amore cum commento familiari in 4-e*, состоящее изъ 3¼ лист. съ текстомъ и комментаріями. Издатель его есть Антоній Протъ, который прежде, нежели Фабрицій и другіе, зналъ, что это было не Овидіево сочиненіе, что и легко было узнать тѣмъ-богѣе, что все сходство ихъ ограничивается предметомъ любовнымъ, или лучше сказать, прежде всѣхъ открылъ это намъ Архипресвитеръ, который объ Овидіи и Памphilѣ говорилъ, какъ о двухъ различныхъ поэтахъ... Оно писано гекзаметрами и пентаметрами, и драматизировано; въ немъ четыре дѣйствующихъ лица: Венера, Памфилъ, старуха и дѣвушка, по имени Галатея; раздѣлено на 5 актовъ... Изъ этой краткой выборки слѣдуетъ, что Гита основала свою экзотическую поэму (о свадьбѣ Д. Мелона де ла Гуэта съ дочерью Д. Эндрино и доньей Раной) на томъ-же самомъ сюжетѣ; въ немъ замѣчаются мысли и сравненія поэмы латинской. Но это переводъ свободный и перифрастическій: переводчикъ остротой своего ума и прелестью воображенія умѣлъ прибавить столько своего, что, заимствуя предметъ у Овидія, создалъ какъ-бы новое сочиненіе, но въ которомъ вездѣ проглядываетъ чужая ткань и т. д. См. Собран. поэт. Кастильск. до XV. вѣка, собр. Д. Том. Санчесомъ томъ IV. —

¹⁷ Сказавъ о неправильной версификаціи поэмы: *Cid*, въ которой есть стихи 12, 14, 15, 16 и 18 слоговъ, и разсматривая сочиненія позднѣйшія, писанныя съ большимъ тщавіемъ и правильностію тривалорами XIII и XIV столѣтій, мы видимъ въ нихъ разные размыры стиховъ; несравненно съ большимъ совершенствомъ, расположенные*.

¹⁸ Въ разныхъ старинныхъ сочиненіяхъ и особливо въ поэзіи Архипресвит. де Гиты, упоминается объ инструментахъ, бывшихъ въ употребленіи прежде половины XIV вѣка, названія коихъ не излишнимъ считаю здѣсь выставить, каковы; арфа, барабанъ (atambor), ахабеба, альбоге (въ родѣ флейты, гобоя, или цимбала), адедура

* Здѣсь нашъ авторъ прилагаетъ примѣры разныхъ размыровъ: въ 4, 6, 7, 8, 9 и 10, 11, 12 и 14 слоговъ. Тѣ, кому любопытно видѣть эти примѣры, могутъ прочесть ихъ на 28. стр. вышеприведенной нами книги, изъ которой заимствована эта статья, въ примѣчаніи. —

Замѣч. русск. переводч.

Между-тѣмъ дворъ королей Аррагонскихъ процвѣталъ, при болѣе-безопасной тишинѣ, въ созданіяхъ своихъ поэтовъ, и въ граціозности хугларовъ. При коронаціи Альфонса IV,¹⁹ въ 1328 году, представлялись, пѣлись и выражались въ пляскахъ инфанта Д. Педро, графа Рибаргоса, королевскаго брата, и вельможей, съ акомпанированіемъ нѣсколькихъ хугларовъ, разными поэтическія сочиненія, писанныя самимъ инфантомъ. Изъ сего показанія самою собою слѣдуетъ, что званіе хугларовъ не только было въ большомъ уваженіи, но и приобрѣло значительные успѣхи, ибо они не только играли, пѣли и плясали, но и представляли разные пѣссы и діалоги.

Въ 1360-хъ годахъ, въ царствованіе кастильскаго короля Д. Педро, начали показываться (кромѣ драмъ, назначаемыхъ для церквей), нѣкоторыя и другія театральныя сочиненія; и есть одна пѣса, которая, какъ полагають, принадлежитъ этому вѣку²⁰: въ ней авторъ умѣлъ соединить пляски, инструментальную музыку, декламацию и пѣніе. Сюжетъ этой пѣсы заставляеть думать, что она была изъ числа тѣхъ многихъ, которыя представлялись въ храмахъ, и въ такомъ случаѣ она была-бы самая древняя изъ сохранившихся въ этомъ родѣ.

Д. Педро Гонсалесъ де Мендоса, который, не повинаясь власти короля Д. Педро, присталъ къ партіи Д. Энрика, у котораго, потомъ, былъ мажоръ-домомъ — мажоромъ (*mayordomo mayor*), пи-

(не отъ *hadador*-ли, т. е. вѣщій?), аньяфиль (родъ трубы), альбардана, адуфе (тимпанъ), атабаль (литавра), бигуэла (или вихуэла, родъ гитары), гитара, на которой играютъ перышкомъ (*bihuela de péndola*), гитара, на которой играютъ смычкомъ (*bihuela de arco*), бальдоса, *cano entero* (полногласная металлическая труба (?), гобой, флажолетъ, ситола (*citola*), дульсема, гитара, гитара мавританская, гитара латинская, гига, французская галипе (*galipi frances*), люгня, ман-дурриа, полу-труба (?) (*medio cañõ*), духовой инструментъ (*ministril*), французскій одресилью (небольшой мѣхъ), орабинъ, органъ, тимпанъ (*panderõ*), тимпаникъ (*pandereto*), гудокъ или ребека (*gabè*, или *gabel* (?), мавританская ребека, рота (родъ гитары), исалтеріонъ, віола, сонáха (родъ тимпана) тамборете (родъ барабанчика (?), труба или рогъ (*trompa*), сампона (родъ вольнки). — Въ сихъ рукописныхъ сочиненіяхъ, находившихся при Альфонсѣ X въ Эскуріальской бібліотекѣ, нѣкоторые изъ упомянутыхъ инструментовъ, изображены на раскрашенныхъ картинахъ.

¹⁹ См. Монтанера *Cronica de los reyes de Aragon* (В. см. Выписк. изъ нея въ показ. книгѣ, на стр. 29. въ прим. 2).

См. 1. нум. Каталога.

саль²¹ драматическія піесы, подражая театру латинскому и украшая ихъ *эстримбильями* (estribailly) и пастушескими пѣснями. Надо полагать, что онъ, какъ авторъ, сочинялъ эти драмы изъ приверженности къ королю, для частныхъ увеселеній во дворцѣ.

Въ это-же время и въ послѣдующія царствованія королей Іоанна I и Генриха III, кромѣ постоянного чтенія провансальскихъ трубадуровъ, общаго всей Испаніи, приобрѣли уваженіе между нами²², знаменитые Итальянцы: Гвидо Кавальканти, Данте Алигьери, Чино де-Пистонія и царь лирическихъ поэтовъ, Францискъ Петрарка. Въ Кастиль они нашли особенное одобреніе, и Кастильцы, сравнивая ихъ съ старинными trovadores, видѣли въ нихъ болѣе возвышенности генія, необходимой для сего учености, болѣе отдѣлки въ поэтической фразеологіи, и версификацію, несравненно разнообразнѣйшую и болѣе удобную для приспособленія ея къ гармоніи. Поэтической вкусъ Арабовъ и званіе ихъ обычаевъ (служившихъ началомъ многихъ нашихъ) поддержали и усовершенствовали историческіе или эротическіе романы²³, кото-

²¹ Педро Гонсалесъ де Мендоса, мой прадѣдъ .. употреблялъ особенный способъ пѣть *говоромъ* пѣсни, драмы, *плаутины* и *теренсіаны*, и съ стихами, приложенными къ концу піесы (en estrambotes) и съ *серранами* (en serranos). Марк. де Сантльяна, въ предислов. къ жизнеопис. Коннетабля.

²² Гвидо Кавальканти умеръ въ 1300 году; Данте — въ 1321; Чино де Пистонія, въ 1336, а Петрарка въ 1374. —

²³ Начало нашихъ романсовъ теряется во мракѣ временъ: мы знаемъ только, что Кастильцы заимствовали этотъ метрическій родъ сочиненія отъ Арабовъ. Конде въ предисловіи къ знаменитой своей *Historia de los arabes en España*, говоритъ: «Такъ-какъ учоность и поэзія составляли главнѣйшее требованіе въ рыцарскомъ воспитаніи нашихъ Арабовъ, и служатъ къ указанію на ихъ умственные способности и обычаи, то я не хотѣлъ лишитъ свою исторію сего украшенія въ арабскомъ вкусѣ, ибо у нихъ нѣтъ ни одной хорошей исторіи, которая съ болѣшимъ или меньшимъ обиліемъ не была-бы украшена стихами, и потому я помѣстилъ только тѣ, которые мнѣ казались болѣе характеристическими и, какъ то бываетъ обыкновенно, находились въ соотношеніи съ послѣдовательностію самаго повѣствованія. Но и въ этомъ я желалъ подражать и въ самомъ переводѣ, передавая ихъ стихами нашихъ романсовъ, какъ размѣръ наиболѣе употребительномъ на языкѣ арабскомъ, съ котораго они, безъ сомнѣнія, и взяты, — и велѣлъ ихъ напечатать такъ, какъ они тамъ пишутся, ибо каждые два стиха нашихъ романсовъ соотвѣтствуютъ одному арабскому, который они раздѣляютъ на двѣ части.»

Вотъ, на прим. одно изъ краткихъ стихотвореній, помѣщенныхъ

рые, сперва окончиваясь только однимъ *консонансомъ*, освободились потомъ отъ этой безвкусной монотоніи, и ввели у себя *ассонансъ* — кадансъ, свойственный лишь Испанцамъ. Но нельзя навѣрное сказать, приобрѣла-ли большее совершенство, глядя на успѣхи лирики, поэзія драматическая, которая всегда была исключительнымъ достояніемъ духовенства; но такъ-какъ у насъ не осталось ни одной современной сему періоду пьесы, удобной для представленія, то и нельзя судить ни о достоинствѣ оной, ни сравнить съ предшествовавшими ей драмами.

За царствованіемъ Генриха III, слѣдовалъ малолѣтній Іоаннъ II, во время коего, дядя и опекунъ его, Д. Фернандъ, показалъ все свое благоразуміе въ дѣлѣ правленія, равно-какъ мужество и свѣдѣнія въ искусствѣ военномъ: онъ, поддержавъ колеблющійся

Конде въ вышеприведенной исторіи: это сочиненіе одного изъ любимыхъ поэтовъ Альманзора, который послалъ ему зимою корзину розъ:

{ Какъ изъ сада моего
 { Розъ тебѣ прислалъ прекрасныхъ,
 { То народъ, дивясь, молвилъ,
 { Съ изумленьемъ на нихъ глядя:
 { - Голь спѣшитъ благополучный,
 { На лугу созрѣлъ цвѣтъ равній!
 { Что за время Альманзора:
 { У него весна безсмѣнно!

Фердинандъ III оказалъ особенное благоволеніе въ Севильѣ двумъ trovadorамъ, сопутствовавшимъ ему при завоеваніи этого города, назвавъ одного *Николаемъ Романсовъ*, а другаго, *Доминичъ-аббатомъ романсовъ*.

Самые древніе романсы, какіе только намъ извѣстны, принадлежатъ ко времени царствованія Хуана II, но предшествовашіе имъ всѣ потеряны, — развѣ лишь могутъ найтись изъ нихъ нѣкоторыя въ рукописяхъ Д. Хуана Мануэля, если только когда-нибудь, по счастью, отыщутся.

Этотъ родъ былъ также усовершенствованъ, какъ и прочія сочиненія лирическія: въ немъ выражались нѣжныя, или героическія ощущенія, смотря по цѣли писателей. Гонгора и подражатели его занимались съ величайшимъ успѣхомъ симъ отдѣломъ нашей національной поэзіи.

Въ предыдущемъ вѣкѣ, Д. Винкентій Гарсія де ла Гуарта и Д. Николасъ Фернандесъ де Моратинъ возобновили родъ историческихъ романсовъ; а въ эротическихъ, Мелендесъ обнаружилъ всю свою нѣжную чувствительность и тонкій вкусъ.

престолъ кастильскій предъ могуществомъ гранадскихъ Мавровъ, обуздаль и интриги завистливыхъ и честолюбивыхъ придворныхъ. Его похвальныя качества дѣлали его достойнымъ арагонской короны, которая, вопреки искательству другихъ государей, единогласно, девятью избирателями (въ числѣ коихъ находился и знаменитый христіанскій ораторъ Санъ-Виссенте Ферреръ) была предложена ему, и въ 1414 году, онъ великолѣпно коронованъ въ Сарагоссѣ. На сіе торжество собралось не только все дворянство этихъ королевствъ, но и большая часть кастильскихъ грандовъ. По сему случаю давались весьма-замѣчательные праздники, и знаменитый Д. Генрихъ Арагонскій, маркизъ де-Вильена, сочинилъ²⁷, аллегорическую комедію, которую и представляли предъ королемъ, королевой и всѣмъ блестящимъ дворомъ.

Съ этого времени, придворный этикетъ, обычаи, одежда, увеселенія, языкъ, литература и поэзія кастильская получили право гражданства въ столицѣ Арагоніи, а, слѣдственно, и лишились прежняго своего блеска вкуса и идиомъ Лемозинскій, въ которомъ Каталонцы и Валенсіавцы приобрѣли столь-заслуженную знаменитость.

Царствованіе Іоанна II, продолжавшееся около полустолѣтія, благопріятствовало успѣхамъ словесности, воздѣлываемой въ прозѣ и стихахъ самыми образованными авторами, одаренными умомъ свѣтлымъ и воображеніемъ плодотворнымъ. Изъ числа многихъ сочинителей сего періода отличался нашъ Эниій Кордобецъ Хуанъ де-Мэна, который, не находя достаточнымъ нашъ отечественный языкъ для высокихъ своихъ мыслей, умѣлъ обогатить его, сообщить ему звучность и силу, смѣло вволя въ оный обороты и слова латинскія, которые и остались въ нашемъ поэтическомъ способѣ выраженій, и употребленіе коихъ всегда будетъ похвально, если съумѣютъ избѣгать крайностей, отъ которыхъ непосредственно происходятъ темнота и надутость.

²⁷ См. нум. 2 каталога. Сервантесъ имѣлъ полное право сказать, что онъ первый «сталъ представлять мечты и мысли, скрытыя въ глубинѣ души, и выводитъ на сцену лица нравственныя.» Со времени существованія нашего автора, нѣкоторые изъ драматическихъ сочинителей впадали въ тѣже недоразумѣнія: въ нихъ мы встрѣчаемъ (въ числѣ дѣйствующихъ лицъ): «Смерть, Правосудіе, Молву, Истину, Мысль, «Счастіе, Милосердіе, Любовь, Миръ, Время, Сонъ, Совѣтъ, Средство, «Миръ и Плоть,» — и прежде нежели Сервантесъ, въ своихъ комедіяхъ заставлялъ говорить: «Болезнь, Голодъ, Любопытство, Войну, Необходимость, Отчаяніе, Страхъ, Случай и Ревность.»—

Соперниками его славы были и названный нами маркизь де-Вильена, и Д. Иньиго Лопезъ де-Мендоса, Маркизь де-Сантьяна, кроме многихъ другихъ, которыхъ именовать было-бы излишне. Король самъ писалъ стихи; сочинялъ ихъ и его любимецъ. Д. Альваро де-Луна, Констабль кастильскій. Знатнѣйшія особы этого вѣка были trovadores ²⁵. Среди политическихъ смятеній, волновавшихъ королевство сего монарха, турниры, вристойныя игры, поединки, пиры, пляски, музыка, забавныя комическія игры, утѣшали дворъ, и народъ, смотря на роскошь, богатство, вкусъ, великолѣпіе и отважность тѣхъ, которые такъ-худо имъ управляли, развлекался и забывалъ свои бѣдствія. Д. Альваро де-Луна, добрый рыцарь и среди поприща, и на празднествахъ, возбуждавшій боязнь въ своихъ соперникахъ по своему полномочию, постоянству счастья и силъ характера, нравившійся дамамъ своею воинственною наружностью, естественною прелестію, лестнымъ вниманіемъ и скромностію, и соединявшій въ рукахъ своихъ всю власть, которую вполне предоставлялъ ему его безпечный король,—умѣлъ забавлять своего монарха, устраняя его отъ его обязанностей, представленіями затѣйными и великолѣпными, достойными образованности того времени.

Въ 1436 году, Сорія увидѣла въ стѣнахъ своихъ короля Д. Хуана и сестру его, королеву аррагонскую: тамъ давались великолѣпные праздники ⁽²⁶⁾, и жуглары и ремедаторы (подражатели

²⁵ Въ общемъ *песенникъ* (Cancionero general), собранномъ Гернандомъ дель Кастилію, напечатанномъ въ Валенсіи, въ 1511 году, мы находимъ списокъ ста-тридцати-шести авторовъ, коихъ сочиненія въ немъ и помѣщены. Многие изъ нихъ принадлежатъ ко времени Д. Хуана II, а послѣдніе, къ періоду католическихъ королей; и хотя здѣсь не мѣсто исчислять ихъ всѣхъ: но чтобы дать понятіе, съ какимъ рвеніемъ занимались тогда поэзіей, назову изъ нихъ нѣкоторыхъ, принадлежавшихъ къ самому высшему испанскому дворянству, каковы:

Герцогъ де Мединосидонія, герцогъ де Альба, герцогъ де Альбукерко; маркизы: де Сантьяна, де Асторга, де Вильена; графы: де Олива, де Бенаvente, де Гáро, Кастро, Феріа, и т. д.; Висковтъ Альтамара; Альмиранте де Кастилья; маршалъ Сойяведра и т. д. Еслибы вынѣ кто-либо захотѣлъ выдать въ свѣтъ поэтическій сборникъ, и назвать тѣхъ, которые занимались симъ искусствомъ въ послѣднія пять лѣтъ, то ему нельзя-бы было обогатить его столь славными именами.

²⁶ Король учреждалъ великолѣпные праздники для королевы, во всевремя покуда она была въ Соріѣ: происходили великолѣпные праздники, гдѣ выходили рыцари богато одѣтые, и были танцы и мимы

т. е. актеры) музыкой, пляской и представлевіями забавляли дворъ.

Въ 1440 году, Д. Педро де-Веласко, гр. де-Гаро, Маркизь де-Савтильяна ⁽²⁷⁾ и Д. Алонсо де-Картагена, Епископъ Бургосскій, прибыли въ Логроньо, для принятія и сопутствованія Инфантъ Доньи Бланки, супруги государя Д. Эарика, и его матери, королевы наваррской. Гр. де-Гаро, въ числѣ многихъ увеселеній дѣлаемыхъ имъ въ Бравіескѣ, въ честь этихъ сеньйоръ, учредилъ бой быковъ, игру въ палки, тавцы и театральныя представлевія ⁽²⁸⁾.

Геврихъ IV наследовалъ съ королевствомъ неспособность управлять имъ. Онъ хорошо зналъ по-латинъ, любилъ очень читать, играть на лютивъ и пѣть, имѣлъ у себя въ службѣ превосходныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которые находились при его придворной церкви, и проводилъ большую часть времени въ слушаніи каноническихъ часовъ. Остальная часть его жизни проходила на охотѣ, въ лѣсу; и между-тѣмъ какъ онъ гонялся за

²⁷ Изъ числа многихъ поэтическихъ сочиненій этого знаменитаго учонаго, сохраняется одно подъ заглавіемъ: *Comedieta de Ponza*. Кто-нибудь подумаетъ, что подъ этимъ заглавіемъ написана театральная піеса. Но это не комедія и не діалогъ, который-бы можно представлять, но поэма въ куплетахъ, чрезвычайно-хорошихъ, гдѣ авторъ предлагаетъ, взываетъ, описываетъ, размышляетъ, и приводитъ наконецъ свой плодовитый рассказъ, примѣшивая его съ разными разсужденіями, о двухъ Королевахъ: Аррагонской и Наваррской и Инфантъ Донь Каталинѣ; Боккачіо имъ софтуетъ, и фортуна обѣщаетъ близкую свободу Королей Аррагонскаго и Наваррскаго, взятыхъ Генуевцами въ морскомъ Понскомъ сраженіи, 26 августа 1435 года. Если кто спроситъ: зачѣмъ эта поэма названа комедіей, то можно сказать, что этотъ сочинитель имѣлъ на то также причины, какъ и Дантѣ, назвавшій также свою.

²⁸ И въ слѣдующіе три дня были пляски кавальеровъ и дворянъ («gentiles hombres») во дворцѣ, и мимы, и бой быковъ, и игра въ палки». См. *Cronica de D. Juan el II*.

Всѣ эти мавританскія игры, кромѣ мимовъ, описаны въ очень-занимательной книгѣ: *Guerras civiles pe Granada*, сочиненія Гинеса Переса де Гиты, писанной, какъ полагаютъ, въ началѣ XVI вѣка. См. переденный мною отрывокъ въ *Наблюдатель* 1833, № 16. Вспомнимъ, кстати и о забытой литераторами книгѣ: «*Эль Тровадоръ, или месья за месья*», соч. А. Тонкачевымъ, (Москва 1833 год.), гдѣ (какъ онъ себя называетъ) издатель такъ живо описываетъ, въ формѣ романа, обычаи, нравы и игры Испанцевъ.

(Примѣч. переводчика).

днями звѣрjami въ чащахъ Парла и Бальсайна, гравды несли на себя тяжесть его власти и сокровищъ, покоряли его крѣпости, укрѣпляли ихъ твердынями, нарушали миръ городовъ и провозводили во всемъ королевствѣ ужаснѣйшую анархію. Если меланхолическій характеръ короля, въ первые годы его царствованія, допускалъ при дворѣ кое-какія празднества, то они состояли въ танцахъ, поединкахъ и рыцарскихъ упражненіяхъ, которыя, по дорогѣ къ Пардо, учреждалъ Д. Бальтранъ де ла Куэва. Искусства мимическія, кои во-время Д. Хуана II были въ такомъ уваженіи, въ царствованіе его сына значительно упали; даже забывалось на общенародномъ языкѣ самое имя хугларовъ.

Внутреннее поведеніе королевы, соблазны дворскіе, физическая и нравственная нецѣлостность короля, подали поводъ къ дерзости многихъ прелатовъ, грандовъ и кавальеровъ, отложиться отъ короны и избрать своимъ государемъ Инфанта Д. Альфонса, коего ранняя смерть подала надежду и желаніе царствовать сестрѣ его, Довнѣ Исабель. Изъ числа тѣхъ, которые искали руки ея, она выбрала Д. Фернанда, принца аррагонскаго, съ коимъ и обвѣнчалась, безъ вѣдома короля Д. Генриха, въ 1469 году. Когда Д. Фернандъ прибылъ тайно въ Кастилью, для бракосочетанія, то Гр. де-Уренья скрылъ его въ своемъ домѣ, и сдѣлалъ въ честь ему театральное представленіе какой-то комедіи, которой ни авторъ, ни названіе не извѣстны ⁽²⁹⁾.

Политическія бѣдствія въ послѣдніе годы Генриха IV все болѣе и болѣе умножались, и одно изъ ихъ послѣдствій было невѣжество, распространившееся во всѣхъ классахъ народа. Изъ небольшого числа писателей, процвѣтавшихъ въ этотъ враждебный для словесныхъ наукъ періодъ, отличался Родриго де-Кота, авторъ одного *Диалога между Амуромъ и старикомъ* ⁽³⁰⁾, піесы удобной для представленія, написанной съ граціей и прелестью; онъ также сочинилъ пастушескій діалогъ между *Минго Ревульго и Гиль Арлибато*, въ которомъ изобразилъ въ хорошо-выдержанной аллегоріи безпорядки и бѣдствія своего времени.

Духовенство-же находилось въ жалкомъ невѣжествѣ и самомъ соблазнительномъ нравственномъ развратѣ, какъ сказано въ декретахъ собора, который повелевалъ учредить въ Аранъ Д. Альфонсъ Каррильо, Епископъ Толедскій, въ 1473 году. На немъ разсуждали о средствахъ улучшить чиноположеніе и ученіе испан-

²⁹ См. № 3 Каталога.

³⁰ См. № 4 Каталога.

скаго духовенства, и, между-прочимъ, запретили⁽⁵¹⁾ клерикамъ соборныхъ и прочихъ церквей представлять самими и позволять другимъ, въ праздники Рождества Христова, Св. Стефана, Св. Иоанна, св. младенцевъ и новыхъ обрядовъ, сценическія забавы съ маскаральными играми, чудовищными мимами, непристойными остротами, буфонадами и другаго рода безпорядками, недостойными величія храма, которыя до того времени была въ обычае; но впрочемъ, позволялось играть священныя и пристойныя мистеріи, съ-тѣмъ, чтобы возбуждать ими набожность въ Христіанахъ.

Царствованіе королей католическихъ было началомъ эпохи болѣе счастливой для монархіи. Королевская власть, единая, бли-

⁵¹ *Отъ Церкви нашей, здѣ искупитель нашъ Іисусъ, во имя Коего всяко колѣно поклонится. ежеминовенно ради насъ заколается, да будетъ, какъ-то слѣдуетъ, устранено всякое важное несчастіе. Но такъ-какъ въ епархіальныхъ, кафедральныхъ и другихъ провинціи нашей церквахъ, вошло въ обычай, и именно, въ праздники: Рождества Господа нашего Іисуса Христа, и святыхъ: Стефана. Иоанна и невинныхъ младенцевъ, и другіе извѣстные праздничные дни, даже при торжественномъ служеніи новыхъ обрядовъ (межъ тѣмъ, какъ совершается священнодѣйствіе), вводитъ въ церкви театральныя шры, рожи, чудища, зрѣлища и мноія непотребства и разныя вымыслы, (производитъ) шумъ, (пѣть) непристойныя стихотворенія и читать насмѣшливыя проповѣди, что Божественному служенію мѣшаетъ и народъ развлекаетъ отъ набожности: то мы, по одобренію священнаго собора, устраняя такого рода испорченность, вполне воспрещаемъ выводить рожи, шры, чудища, зрѣлища и вымыслы, равно какъ (пѣть) непристойныя стихи и говорить неприличныя проповѣди, какъ въ епархіальныхъ, такъ и кафедральныхъ и прочихъ провинціи церквахъ, когда предъ присутствующими совершается Божественная служба; и указываемъ, притомъ, чтобы духовныя особы вышеименованныя шрица и безчинные вымыслы къ священнымъ обрядамъ не примѣшивали и другимъ примѣшивать не позволяли или тѣ, изъ духовенства, кои при вышесказанныхъ епархіальныхъ, или кафедральныхъ церквахъ состоятъ, имѣютъ быть за то мѣсячнымъ своимъ содержаніемъ наказаны, а еслибы духовныхъ особъ (beneficiário) было тридцать, и еслибы даже ихъ не было пятнадцати, то чиномъ церковнымъ подлежатъ королевской пенѣ, и равно облагаются третью частію синодальной (Si in praefatio.... beneficiati exlitterint, ex ipso per mensem portionibus suis mulctentur; si vero in parochialibus fuerint beneficiati triginta et si beneficiati non fuerint quindecim, regalium poenam incurrant fabricis ecclesiarum et tertio synodali aequaliter applicandam). Но что касается до пристойныхъ и набожныхъ представлений, возбуждающихъ народъ къ набожности, то мы какъ вышесказанные, такъ и другіе дни, ихъ воспрещать не намѣрены.*

тельная и правосудная, упрочивъ въ государствѣ внутреннее спокойствіе, и усмиривъ насиліе столькихъ высокихъ тирановъ, жертвовавшихъ всею своему тщеславію и личной мстительности, заключила въ извѣстныхъ границы свободу народа, который тогда лишь и счастливъ, когда повинуется законамъ. Напрасно король португальскій желалъ поддержать оружіемъ сомнительныя права Инфанты Доньи Хуаны, своей племянницы: жребій войны, дающей и отнимающей царства, вручилъ скипетръ Исабель и Фердинанду.

Резность къ религіи заставила этихъ государей предпринять покореніе королевства гранадакаго: подвигъ трудный, стоившій имъ десятилѣтнихъ трудовъ и войны! Но наконецъ, побѣдивъ упорное сопротивленіе враговъ своихъ, счастливо окончили они на башняхъ Алгамбры завоеваніе, начатое Д. Палапіо въ Кобадонгъ.

Велика и могуча была его нація подъ его правленіемъ: она расширивъ свои предѣлы, и открывъ пути по морямъ въ западныя страны, стала наслаждаться тѣми удобствами, которыя приносятъ съ собою науки, искусства, земледѣліе, промышленность, мореплаваніе и торговля.

Въ это самое время Хуанъ де ла Энсина⁽³²⁾, являсь съ своими драматическими сочиненіями, заслужилъ покровительство и одобреніе двора, удивлявшагося въ сихъ вымыслахъ (хотя и чрезвычайно простыхъ) хорошему языку, естественной граціозности и звучному стихосложенію. Эти приватныя увеселенія и другія забавы перешли и къ народу, который съ-тѣхъ-поръ началъ видѣть официальныхъ комиковъ, назначавшихъ себя на то, чтобъ представлять небольшія драмы изъ трехъ или четырехъ лицъ, заставляя дѣтей играть женскія роли.

Современникомъ Хуана де ла Энсина былъ знаменитый Фернандо де-Рохаъ, продолжитель драматической новеллы⁽³³⁾ подъ названіемъ: *Целестина*⁽³⁴⁾, въ которой прибавилъ двадцать ак-

³² См. съ № 5 до 17-го того-же каталога.

³³ Моратинъ называетъ ее *Драматической новеллой*, и она во всѣхъ своихъ частяхъ извѣстна подъ именемъ *Трагикомедіи* Калисты и Мелибея, данными ей, по праву или нѣтъ, ея авторами названіемъ, подъ коимъ она перешла и къ потомству.

(Евг. de Oroá).

³⁴ Первое изданіе *Целестины* было въ Саламанкѣ, въ 1500; г. но прежде сего, въ-продолженіе нѣкотораго време ни ходилъ по рукамъ людей любопытныхъ. въ рукописи, только первый ея актъ, приписываемый нѣкоторыми Хуану де Мёнъ, а иными Родригу де-Кота. Студентъ правовѣдѣнія, Фернандо де Рохаъ, уроженецъ Пуэблы де Монталь-

товъ къ первому, написанному невзвѣстнымъ авторомъ. Хуанъ де ла Эспина въ своихъ удобопредставляемыхъ сочиненіяхъ, служилъ примѣромъ тѣмъ, которые шли по слѣдамъ его, и потому, перегнавъ, сочиняя драмы въ стихахъ: и самъ Рохастъ, хотя не назначалъ сочиненія своего для театра, оставилъ въ немъ столь превосходный діалогъ, что при подражаніи ему многихъ, было очень мало такихъ, которые съ нимъ сравнились. Такого-то рода удачными опытами начался XV вѣкъ.

Изобрѣтеніе книгопечатанія, имѣющаго цѣлю увѣковѣчивать и

банъ, прибавилъ къ тому, что было написано, еще 20 актовъ, завявшихъ у него двѣ недѣли вакансій, которыя, правду сказать, и не могъ онъ употребить съ бѣльшею пользою.

Если онъ самъ не зналъ, кто сочинилъ то, что было не издано, то теперь будетъ трудно, если не невозможно, дойти до этого. Довольно, если скажемъ, что въ первомъ актѣ не узнаемъ мы ни слога Хуанъ де Мены, ни въ тоже время нельзя сравнить его и съ Котой, пусть хотя изъ сихъ авторовъ сохранились только сочиненія въ стихахъ. Кто-бы съ должнымъ изученіемъ сталъ разсматривать первый актъ и двадцать къ нему присовокупленныхъ, то не нашолъ-бы замѣтной между-ни-миразницы, и еслибы не дошло до насъ свѣдѣніе отъ самого Фернандо де Рохаса, то мы готовы-бы принять это сочиненіе произведеніемъ одного автора. Я излагаю свое мнѣніе, отклоняясь отъ того, которое выразилъ авторъ *Диалога языковъ* и повтореннаго потомъ другими. Думаю, наконецъ, что первый его авторъ не могъ быть гораздо прежде втораго, и что тотъ, кто не знаетъ анонима какого-либо творенія, не имѣетъ достаточной причины считать оное очень древнимъ.

Какъ трагедіи греческія сочинялись по рельефамъ Гомера, такъ комедія испанская первая свои формы заимствовала отъ *Целестины*. Эта драматическая новелла, написанная превосходной кастильской прозой, съ правильной фикціей, разнообразимой, притомъ, ситуаціями правдоподобными и занимательными, оживленная выраженіемъ характеровъ и страстей, вѣрнаго зеркала національныхъ обычаевъ, и діалогомъ, обилующимъ комическими остротами—была предметомъ изученія всѣхъ тѣхъ, которые въ XVI вѣкѣ писали для театра. Въ этой новеллѣ хотя и есть недостатки, но они таковы, что человекъ съ здравымъ умомъ, можетъ легко ихъ уничтожить, не прибавивъ отъ себя къ тексту ни одного слога, и мы, сохранивъ такимъ-образомъ красоты сего произведенія, могли-бы включить его въ одно изъ самыхъ классическихъ, кои когда-либо являлись въ испанской литературѣ.

Начиная съ 1500-го года было его въ одномъ XVI столѣтіи *двадцать-пять* изданій; въ XVII-мъ *пять* (изъ коихъ послѣднее въ 1644-мъ году), и наконецъ еще *одно* въ 1822-мъ, итого всѣхъ изданій *двадцать девять*.

распространять полезныя для человечества истины, разсыало своихъ типографщиковъ, въ началѣ XVI-го столѣтія, повсюду. Италия, вѣчная царица наукъ, занималась словесностію съ необычайнымъ успѣхомъ, отыскивая примѣры совершенства въ произведеніяхъ классической древности, печатая ихъ, перевода, или подражая имъ. Исторія, краснорѣчіе, поэзія, учюность и всѣ роды рисовавья, стали процвѣтать въ ней въ высочайшей степени. Венеція, Феррара, Миланъ, Флоренція, Римъ и Неаполь, были въ это время образованнѣйшими столицами Европы. Великіе заслуги по части учюности дома Медичи и Папы Льва X., воскресили въ Италіи вѣка Перикла и Августа.

Въ это время наши войска, находясь подъ предводительствомъ того, который заслужилъ имя великаго полководца, упрочили обладаніе Неаполемъ и наше вліяніе надъ всеми областями этой націи. Напрасно могущество Франціи желало воспротивляться удачамъ нашего оружія: за одними побѣдами слѣдовали другія, еще болѣе славныя. Пораженіе при Гарельянь и уступка Гаэты предрекали потомъ взятіе короля и ужасное опустошеніе Рима.

Отношенія съ итальянцами распространили, улучшили и сообщили болѣе прелести нашимъ изученіямъ; и какъ земледѣльческій Лаціумъ, за многія предъ тѣмъ столѣтія, просвѣтилъ себя искусствами и литературой побѣжденной имъ Греціи, такъ и Испанія, въ подобномъ сему случаѣ, умѣла присвоить себѣ то, что наша цвѣтушимъ въ странахъ, покоренныхъ ея правительству.

Всего болѣе воспользовался этимъ переворотомъ творческій талантъ Сиснероса, вспомоствуемый его образованностію, приобрѣтенною имъ во-время его путешествій, и сильнымъ характеромъ, необходимымъ условіемъ для того, чтобъ просвѣщать людей и управлять ими. Въ началѣ XVI столѣтія, подъ его покровительствомъ возникъ знаменитый *Комплутскій* университетъ⁽⁵³⁾, и какъ въ немъ, такъ и въ прочихъ такого рода высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стали отличатся многіе профессеры по всѣмъ факультетамъ, тѣмъ-болѣе, что по свѣдѣніямъ своимъ классическихкихъ языковъ и изящной своей учюности, они преподавали науки, до-толь въ Испаніи неизвѣстныя, или улучшили методу тѣхъ, которымъ прежде сего такъ-худо обучали. Усиліямъ этого великаго министра успѣхами своими обязаны: словесность духов-

⁵³ Университетъ въ Алкалъ, который такъ названъ отъ древняго имени сего города: *Комплуто* (Compluto).

ная, правовѣдніе, медицина, науки гуманическія, исторія, классическіе языки, грамматика и критика, хотя и не все они могли процвѣтать съ равнымъ блескомъ, потому—что не во всехъ можно было получать равныя награды.

Францискъ де-Вильялобось (⁵⁶), учоный медикъ и хорошій прозаикъ, ознакомилъ насъ съ *Амфитріономъ* Плавта, издавъ переводъ этой комедіи въ 1515 году.

Бартоломей де-Торресъ Нагарро (⁵⁷), который жилъ тогда въ Италіи, сочинилъ восемь комедій, въ которыхъ показалъ свои большія свѣдѣнія въ языкѣ отечественномъ, легкость въ стихосложеніи и талантъ драматическій. Устранивъ робкую манеру сочиненія, которой слѣдовалъ Хуанъ де-ла Энсина, онъ сообщилъ своимъ комедіямъ болѣе занимательности и объема, раздѣлялъ ихъ на пять *хорнадъ* (дней, *jougnée*), умножилъ число дѣйствующихъ лицъ и изобразилъ въ нихъ характеры и страсти согласно съ самымъ вымысломъ, распространилъ сферу сего рода сочиненія, и подчинилъ нѣкоторыя изъ своихъ піесъ тремъ единствамъ—дѣйствія, мѣста и времени. Будучи представлены и напечатаны въ Италіи, онъ перешли и въ Испанію, гдѣ, то печатаемыя, то запрещаемыя, и снова печатаемыя (смотря по вліянію обстоятельствъ), служили онъ образцами изученія для тѣхъ, которые занимались сочиненіями въ родѣ комическомъ.

Васко Діасъ Танко (⁵⁸) написалъ три трагедіи (первыя, какія когда-либо сочинялись въ Испаніи), взявъ для нихъ сюжеты изъ Священной Исторіи: но онъ не дошли до насъ.

Граціозныя комедіи (⁵⁹), которыя началъ потѣмъ писать Кристобаль де-Кастильехо, были приняты съ величайшимъ одобреніемъ. Этого поэта можно считать послѣднимъ, и, можетъ-быть, лучшимъ въ старинной испанской лирикѣ, а въ родѣ комическомъ достойнѣйшимъ наследникомъ Торреса Нагарро: плодотворное воображеніе, знаніе обычаевъ, свѣтлый разсудокъ, сатирическая

⁵⁶ См. № 20 Кatalога.

⁵⁷ См. съ № 21 до 20-го того-жъ Кatalога. Въ моихъ книгахъ было рѣдкое римское изданіе, in folio 1517 года, печатанное готическими буквами, о которомъ не зналъ ни одинъ изъ нашихъ библиографовъ. Онъ подарено Д. Гаспаромъ де Ховельянось, украсившимъ поля текста собственноручными замѣтками, что придаетъ много достоинства рѣдкости самаго изданія, и сообщаетъ ему въ глазахъ моихъ еще болѣе драгоценности. Перевороты времени лишили меня этого рѣдкаго и безцѣннаго клейвода!...

⁵⁸ См. № 30, 31 и 32 Кatal. — ⁵⁹ См. № 35. Кatal.

острота, способъ выраженія ясный, стихосложеніе пріятное, — таковы свойства, которыми его комическіе вымыслы заслужили одобреніе однихъ, и въ тоже время порицаніе многихъ почтенныхъ особъ, за отсутствіе нравственности и слишкомъ-вескромный образъ мыслей и положеній его дѣйствующихъ лицъ.

Въ 1527 году праздновали въ Вальядолидѣ, съ представленіемъ некоторыхъ *аутовъ*, крестины Филиппа II. Эти короткія драмы, представляемыя на улицахъ и площадяхъ, сочиняли комики, кои въ это время составляли ихъ безъ разбора изъ священныхъ и свѣтскихъ піесъ, приспособляя къ извѣстнымъ обстоятельствамъ.

Фернандъ Пересъ де Олива ⁽⁴⁰⁾ перевелъ въ прозу Плавтова *Амфитріона*, Софоклову *Электру* и Эврипидову *Гекубу*. Талантъ его былъ болѣе склоненъ къ величію трагедій, нежели къ остротамъ и легкости комической; и если его переводъ Плавта ниже нежели Виллалобосовъ, то въ этихъ обихъ трагедіяхъ кастильская проза возвысилась до такой прелести и силы, что могла служить примѣромъ для тѣхъ, которые вздумали-бы представлять на сценѣ предметы героическіе. Эгихъ піесъ никогда не играли, а когда напечатали, то дурной вкусъ былъ уже господствующимъ на нашемъ театрѣ.

Вотъ тѣ отличные авторы, которые воздѣлывали въ Испаніи поэзію сценическую до 1540 года; но нельзя, говоря объ этой эпохѣ, умолчать о причинахъ, способствовавшихъ къ ея искаженію. Главѣйшими были недостатокъ поощренія и награды въ пользу тѣхъ, которые употребляли талантъ свой на этотъ столь-трудный ролю; далѣе, рѣшительный вкусъ ко всему чудесному, непосредственное слѣдствіе всеобщаго чтенія сочиненій въ духъ рыцарскомъ; худо понимаемая набожность, опрофанировавшая священныя таинства нашей вѣры и сдѣлавшая ихъ предметомъ шутовскихъ представленій и злоупотребленія ценсорской власти.

Испанскіе университеты ⁽⁴¹⁾ хотя и исправили и улучшили, въ

⁴⁰ См. № 43, 44 и 45, Катал.

⁴¹ Д. Гаспаръ де Ховельность, въ своемъ Отношеніи къ королю, во время своего министерства, говоритъ такъ: Было время, когда Испанія, выходя изъ столѣтій мрака, предалась ревностно наукамъ словеснымъ. Увѣрившись сперва, что всѣ человѣческія знанія заключались въ твореніяхъ древнихъ, она старалась изучить ихъ; изучивъ, принялась издавать въ свѣтъ и иллюстрировать; издавъ въ свѣтъ, поддалась увлеченію преимущественно тѣхъ, въ коихъ блистало болѣе ума, и которыя наиболѣе льстили вкусу и воображенію. Она отыскивала въ нихъ не истину, а изящность; и между-тѣмъ-

значені вкуса, свои преподаванія, но не измѣнили своєї старинной организаціи: и въ этихъ всеобщихъ школахъ, гдѣ юность должна была искать элементарнаго изученія всѣхъ наукъ, преподавали только богословіе, каноническое право, юриспруденцію и медицину. Изъ сихъ факультетовъ три первые имѣли преимущество: для нихъ учреждены были великолѣпныя коллегіи; между-тѣмъ, какъ послѣдній, мало уважаемый тѣми, которые посвящали себя вышесказаннымъ другимъ, существовалъ только какъ необходимый, по общей всемъ вѣкамъ боязни смерти: но самый лучший профессоръ медицины не могъ никогда надѣяться ни на премію, ни на честь, которой удостоивались богословъ, каноникъ или юрисконсультъ. На прочія-же знанія смотрѣли какъ на вспомогательныя или второстепенныя, и потому, ни изученіе языковъ, ни ученость историческая, ни нравственная философія, ни ораторское искусство, ни поэтика, ни изящная литература, не доставляли другой награды своимъ профессорамъ, кромѣ самой кафедры: и если тѣ, которые столь непосредственно оказывали услуги привилегированнымъ, получали столь жалкое вознагражденіе, то что-же бы-

какъ оставала въ небреженіи знанія полезныя, гналась за блѣстками ихъ остроумія... Пришла, потомъ, и другая эпоха, когда опасности религіозной отваги восхитили все ея вниманіе и изученіе. Настало время ересей и сектъ, столь враждебное наукамъ, когда разсужденія о правахъ царей и народовъ стали угрожать общественной власти и обнаруживать грозное чело анархіи и неустройства. Съ этой поры науки духовныя возбудили все ея рвеніе, и сколько въ нихъ она сдѣлала успѣховъ, можетъ служить образцами Тридентскій Соборъ и знаменитыя творенія, намъ имъ оставленныя. Въ эту эпоху образовались наши университеты, основанные на тотъ-же конецъ и въ томъ-же духѣ. Съ-самага-начала это были лишь духовныя учебныя заведенія, въ силу чего и основывались съ дозволенія Папы. Въ назначеніи кафедръ всѣ преимущества отданы были богословію и каноническому праву, философію-же преподавали только какъ одну изъ пріготовительныхъ къ нимъ наукъ, и даже правовѣдѣніе и медицина остались-бы въ пренебреженіи, если бы приверженность человѣка къ жизни и собственности могла пренебречь своими защитниками. Не стану говорить я о ложности такого преподаванія, которое, частію, произошло отъ общаго изученія литературы европейской, а частію отъ самаго устройства этихъ школъ. При возрожденіи наукъ, міръ учоный — былъ перипатетикъ, а по методѣ, схоластикъ, — какъ неблагорождевший сынъ его, распространившій на вса свое вліяніе. Но ранѣе или позже, всѣ народы свергли съ себя это иго... а намъ все еще несетъ его на себѣ! —

ли тѣ, которые назначали себя для наукъ естественныхъ и точныхъ? И какіе-жъ потомъ могли быть успѣхи театра? И кто-же-бы сталъ прилежать къ изученію роля столь-труднаго, если онъ не представлялъ никакихъ перспективъ къ состоянію; если онъ, не уважаемый высшимъ сословіемъ, и презираемый тѣми, которые величали себя учеными, былъ предоставленъ наградамъ и рукоплесканіямъ черни?

Въ прежніе вѣка, грубыя произведенія нашего драматизма заслуживали болѣе благосклонности, и самыя просвѣщеннѣйшія особы ободрая его, сами имъ занимались, и онъ равно былъ въ уваженіи — и въ дворцахъ, и въ храмахъ, — во этотъ періодъ уже миновался! Фернандъ Католикъ, котораго жесткій характеръ сталъ еще суровѣе отъ старости недуговъ, вѣкогда качества добраго рыцаря, политика и благоразумнаго короля не соединялъ съ ролью ни литератора, ни учонаго: Германа де Фоксъ, чуждая нашего языка и обычаевъ, не могла быть покровительницей и содѣйствовать къ оживленію нашего театра. Филиппъ I и весь его дворъ, прибывъ изъ Фландрій, принесли съ собою во дворецъ незнакомыя намъ этикетки и обряды, но больше вичего не сдѣлали. Карль V⁽⁴²⁾ все путешествуя и воюя, былъ Фламанецъ, и окруженный Фламандцами, которые съ соблазнительною алчностью оспаривали другъ у друга права и сокровища націи, не содѣйствовалъ къ блеску нашего театра, не умѣя оцѣнить его; а кочевой и воинственный дворъ его подражалъ лишь наклонностямъ своего монарха. Мятѣжи и междоусобные раздоры, нарушавшіе, въ первые годы его царствованія, наши провинціи, мало также способствовали успѣхамъ испанской сцены.

Рыцарскія сочиненія, которыя стали быть извѣстны въ Европѣ съ XI вѣка, распространились по всемъ ея государствамъ и занимали праздность тѣхъ, которые любили читать, и, пристрастивъ ихъ къ гигантскому и необычайному, замѣнили имъ брошенную ими исторію. Въ Испаніи, въ подражаніе тому, что было писано въ другихъ земляхъ, сочинили, около половины XIV столѣтія, книгу: *Амадисъ Гальскій*, а послѣ въ томъ-же родѣ и другія, хотя менѣе замысловатыя, но столь-же сумазбродныя книги. Ихъ увеличи-

⁴² Его политическія и военныя предпріятія, заставляли его быть почти всегда въ Испаніи, и потому не было ни двора, ни постояннаго мѣстопробыванія, какъ для государя: такъ и для грандовъ-рыцарей и полководцевъ, ему сопутствовавшихъ. Десять разъ онъ былъ въ Африкѣ, два въ Англіи, четыре во Франціи, шесть въ Италіи, девять въ Германіи и десять во Фландріи.

вавшееся число, огромныя издержки на переписку рукописей⁽⁴⁵⁾, а слѣдственно и недостаточность экземпляровъ, поддерживали въ тайнѣ эту предосудительную учюность въ частныхъ библіотекахъ королей и вельможъ, и не могли попасть въ руки къ народу и слѣжаться всеобщимъ чтеніемъ до-тѣхъ-поръ, покуда книгопечатаніе, сберегая время и издержки, не открыло тайны размножать ужа-

⁴⁵ Въ одномъ изъ учюныхъ замѣчаній, украшающихъ сочиненіе о монетахъ во время Генриха III. П. Лицаніана Саэса, находимъ очень-занимательныя свѣдѣнія о недостаткѣ книгъ и чрезвычайной ихъ дороговизнѣ до изобрѣтенія книгопечатанія. Не излишнимъ считаю что-нибудь изъ нихъ выписать.

Альфонсъ X во II ч. кастильскихъ уложеній (Partida), 11 законовъ и XXXI титулъ, предписалъ слѣдующее: «Книгопродавцамъ (Estacionerios) указывается, чтобъ они въ книжныхъ лавкахъ своихъ имѣли, для полноты общаго преподаванія, хорошія, разборчивыя и исправныя книги и въ текстѣ и въ глоссѣ; чтобъ они для учащихся приготавливали книги снова или исправляли уже написанныя,» и проч. —

Архидіаконъ де Алкоръ, жившій въ 1401 году, говоритъ, что въ Кастильѣ былъ такой недостатокъ книгъ, что онѣ брались на голы, на откупъ, и доставляли *книгописцамъ* каедральныхъ церквей, гдѣ они были, очень много денегъ (maravedis)... они обыкновенно отдавались на откупъ ежегодно, за деньги, тѣмъ, кто вносилъ большую сумму въ церковь.

Аббатъ Плюшѣ, въ сочиненіи: *Зрѣлище природы*, говоритъ: Въ одномъ прекрасномъ рукописномъ экземплярѣ каноническихъ правъ Граціана, хранящемся тщательно въ библіотекѣ отцевъ-Целестинцевъ, въ Парижѣ, узнаемъ объ одномъ переписчикѣ (и въ то-же время приводитъ его имя и отчество), который употребилъ 21 мѣсяць на переписку одной рукописи. Изъ этого должно заключить, что для 4000 экземпляровъ сего книгохранилища, 4000 переписчиковъ должны трудиться около двухъ лѣтъ, а одинъ писецъ долженъ бы былъ употребить на то 8,000 лѣтъ, — межъ-тѣмъ-какъ теперь на это дѣло достаточно менѣ четырехъ мѣсяцевъ! —

Самая многотомная библіотека, по извѣстію О. Лициніанца, была у графовъ де Бенавенте, въ крѣпости сего города, въ половинѣ XV-го стол. По каталогу, въ ней было 120 волюмовъ, изъ нихъ притомъ-многіе были въ двойномъ числѣ; одного Тита-Ливія считалось восемь болѣе или менѣ полныхъ копій.

Болѣе многотомна должна быть библіотека маркиза де Вильена, потому-что книгами ея нагружались двѣ телеги.

За деньги, на которые теперь можно купить 2,000 волюмовъ, тогда нельзя было имѣть и пятидесяти. Чтеніе было достояніемъ людей замыхъ богатыхъ, а народъ не читалъ. —

свѣйшимъ образомъ рукописи въ сходныхъ между собою копіяхъ. Первое, въ семь родѣ, сочиненіе, напечатанное въ Испаніи, была вышешприведенная «Исторія Амадиса», какъ самая у насъ знаменитая въ этомъ разрядѣ, которая еще до начала XV вѣка составляла уже общенародное чтеніе.

Въ послѣдующее столѣтіе многіе принялись подражать сего рода вымыслу и слогу; а такъ-какъ фантазія, удаляясь отъ истинны и естественности, находить для своего разгула безпредѣльные пространства, то обиліе рыцарскихъ сочиненій въ этомъ вѣкѣ было таково⁽⁴⁴⁾, что они одни составили-бы огромную библіотеку, еслибы превосходное перо одного изъ лучшихъ нашихъ повелителей не предускорило ихъ паденія, оставивъ только память о томъ, что они существовали. Ими исказился вкусъ толпы, представляя ей блестящіе и чудесные вымыслы, порядокъ физическій и нравственный, отличный оттого, какой существуетъ, словомъ, другой міръ и другихъ людей. Эти писатели нагромодили чудо на чудо, чтобы обаять фантазію; искусственнымъ соединеніемъ обстоятельствъ опутали, какъ сѣтями, самую басню, для того, чтобы поддерживать любопытство, и изображали чувства героическія или нѣжныя, чтобы тронуть сердце. Прекраснѣйшія дамы, принцы, короли и императоры; отсутствія, ревность, наслажденія любви, турниры, девизы, победы, безразсудныя предпріятія, сверхъестественные труды, мѣдныя башни, кристальные дворцы, кипяція озера, ужасныя пустыни, плавающіе острова, воздушныя колесницы, волшебники, любовныя яблочки, геніи, чудовища, карлы, гиганты, драконы, гиппогрифы — все это было предметомъ разказа въ этихъ квивахъ, которыя они называли «исторіями». И какъ было послѣ народу, къ нимъ привыкшему, находить удовольствіе въ театрѣ,

⁴⁴ Чтобы дать понятіе, съ какимъ восторгомъ принимались въ Испаніи рыцарскія сочиненія; какое вліяніе должны были они имѣть на образъ мыслей и обычай; и какой фантастическій вкусъ должны были поселять въ народѣ, занимавшемся такимъ предосудительнымъ чтеніемъ, — стоить только представить списокъ книгъ, изданныхъ отъ конца XV до начала XVI-го столѣтія, предполагая даже что тутъ включены не всѣ, и исчислить ихъ невозможно, но только тѣ, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія. Прибавимъ къ этому, что многія изъ нихъ перепечатывались, смотря по тому, какъ были приняты публикой.

НВ. Здѣсь нашъ авторъ выписываетъ заглавія и года изданій 71-го сочиненія въ этомъ родѣ, изъ коихъ, впрочемъ, немногія въ нѣсколькихъ томахъ (См. отъ 41. до 44 стр).

гда представлялся правдоподобный вымысел, подражаніе жизни домашней, извѣстной выраженіемъ характеровъ и чувствъ обыкновенныхъ, соединенныхъ средствами естественными и распутывающихся непредвидяною, но легкою развязкою, между-тѣмъ, какъ все это располагалось съ замысловатостію, имѣющею цѣлю научать зрителей истинамъ полезнымъ, внушить имъ ужасъ къ пороку и любовь къ добродѣтели? Притомъ, и самое искусство не столько еще усовершенствовалось, чтобы можно было требовать этого отъ многихъ драматическихъ произведеній; да и самые зрители, привыкшіе въ рыцарскихъ сочиненіяхъ къ изобретеніямъ, болѣе обольстительнымъ, не были способны понять и оценить достоинство хорошо написанной театальной пьесы. Такимъ-образомъ, тѣ самыя, которые стали было только обрабатывать поэзію сценическую, сообщая ей болѣшую степень совершенства, сами начали искажать ее, примышлявая въ своихъ сочиненіяхъ лица и обстоятельства преувеличенныя, фантастическія и невозможныя, — и эти недостатки, переходя отъ однихъ къ другимъ и распространяясь одобреніемъ, съ какимъ ихъ принимали, уничтожали всѣ усилія гения, и утушали добрыя начала вымысла драматическаго, котораго цѣль есть подражаніе тому, что существуетъ, существовало и можетъ существовать среди людей.

Къ чудесамъ рода романическаго присоединились еще чудеса религиозныя; а такъ-какъ таинства вѣры стали выводиться изъ представленій, которыя народъ привыкъ видѣть въ церквахъ, то легко перешли они на общенародные театры, открыли новый источникъ для поэтовъ — возбуждать удивленіе зрителей священными драмами, въ которыхъ всеобщее вѣрованіе дѣлало правдоподобными всѣ чудеса, — и совершенное забытіе искусства было ручательствомъ всеобщаго одобренія. Отсюда произошло такое множество комедій о святыхъ, и священныхъ или рождественныхъ драмъ аптосъ⁽⁴⁸⁾, которыя, въ продолженіе сего времени, питая двузнамательную набожность народа, производили еще болѣшее затрудненіе въ преобразованіи нашего театра.

Лирическая поэзія, не подлежащая критикѣ черныя, свободная въ

⁴⁸ «Что если мы приступимъ къ Божественнымъ комедіямъ? сколько въ нихъ ложныхъ чудесъ, сколько худо понимаемыхъ апокрифовъ! Какъ часто въ нихъ чудеса одного Святаго приписываются другому... сколько все это несходно съ истиной, во вредъ исторіи и въ позоръ испанскимъ авторамъ!» Сервантесъ. *Don Quijote*, Ч. 1. гл. 48.

выборъ своихъ предметовъ, дочь фантази, высказывающая собственныя свои чувства и ревностно идущая во-слѣдъ самымъ знаменитымъ образцамъ, подъ перомъ Гарсиласо и тѣхъ, которые за нимъ слѣдовали, достигла до высшей степени изящества съ того времени какъ *Dulce lamentar* Салисіо и Неморосо, до *Santas ceremonias pias*, Луперсіо, пророчества Тахо Лувса де Асонъ и побѣды Лепантской, воспѣтой Гервандомъ де Геррера — произвела чудныя творенія; но поэтическіе роды такъ другъ-отъ-друга отличны, что то, что въ одномъ составляетъ совершенство, въ другомъ недостатокъ. Пышность эпическая и восторги съ гармонією лирики, худо приспособленныя къ вымысламъ драматическимъ, содѣйствовали къ уклоненію вкуса. Не рѣдкі разсыпанныя блестки воображенія, населившаго сцену вымыслами и лицами ви историческими, ви возможными, смѣшала все слоги, и приняло обороты словъ столь-далекія отъ истины, что трагедія и комедія, благодаря этимъ чуждымъ ей украшеніямъ, лишились той безъискусственной простоты, которая должна быть отличительнымъ ихъ достоинствомъ.

Новыя ученія, отдѣлившія отъ общества Католиковъ бѣольшую часть Европы, и боязнь, чтобы водвореніе ихъ не произвело тѣхъ-же золъ и соблазновъ въ Испаніи, подали поводъ къ необычнымъ предосторожностямъ, которыя, можетъ-быть, безъ этой причины никогда-бы не были приняты; тогда положены были извѣстныя ограниченія для полета умовъ и свободы книгопечатанія: а такое стѣсненіе предѣловъ въ дѣлѣ искусствъ, имѣющихъ свой источникъ въ воображеніи, конечно не могло имъ быть благопріятно. Но власть пожертвовала пріятнымъ полезному, и удержала полетъ вдохновенія, чтобы сохранить миръ и спокойствіе въ государствѣ. Впрочемъ, эти мѣры были не столь-строги, чтобы могли вполне уничтожить силы и юный порывъ талантовъ испанскихъ: и нынѣ еще мы удивляемся произведеніямъ тѣхъ, кои, слѣдуя высокому вдохновенію музъ, прославили въ сей періодъ нашу словесность и оставили образцы, которымъ желаютъ подражать и въ настоящее время, но не всегда могутъ съ ними сравняться.

Въ 1548 году, праздновали въ Вальядолидѣ, въ отсутствіе Императора Карла V, бракосочетаніе Инфанты Доньи Маріи, его дочери, съ Эрцгерцогомъ Максимилианомъ. По поводу этого торжества представляли во дворцѣ комедію съ великолѣпными украшеніями и декорациями, по примѣру того, какъ тогда дѣлалось въ Римѣ. Ни одинъ испанскій гений не удостоився употребить своего пера въ честь сихъ властителей: комедію представляли на итальян-

скомъ, точно такъ, какъ, за много лѣтъ тому назадъ, написалъ ее самъ авторъ — Луовико Аріосто ⁴⁶.

Разговорной прозой до-сего-времени никто еще изъ драматурговъ не писалъ, и это достоинство естественности предоставлено было въ пользу того, который, казалось, всѣхъ менѣе способенъ былъ ей послѣдовать. Одинъ Севильецъ, простолюдинъ, безъ наставниковъ, безъ ученья, снискивавшій себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, произвелъ на испанскомъ театрѣ славное нововведеніе, которое открыло драматическимъ авторамъ путь новый, ко-ему не усумнилась послѣдовать. Таковъ былъ Лопе де-Руэда: ⁴⁷ онъ, ранѣе половины XVI столѣтія, явился на отечественномъ театрѣ, какъ остроумный авторъ и ловкой актеръ.

Целестина и прочія новеллы въ прозѣ, сочинявшіяся въ подраженіе ему, имѣли два нестерпимые на театрѣ недостатки: изысканную и педантскую учоность и длинныя рѣчи о ненужныхъ ученіяхъ, отдѣльно отъ безконечно-длинныхъ вымысловъ, которые писались не для представленія, но больше для чтенія. Руэда, изучая ихъ съ благоразумною разборчивостію, звалъ ихъ недостатки, и принаравливаясь къ нетерпѣливости публики, способной къ разсѣянности, (которой должно было выслушать это на одномъ мѣстѣ, въ стѣнахъ театра или балагана, вдругъ, въ тѣнотѣ), писалъ небольшія драмы изъ трехъ или четырехъ лицъ, съ дѣйствіемъ самымъ простымъ, характерами естественными, языкомъ хорошимъ, діалогомъ забавнымъ. Впрочемъ, онъ сочинилъ нѣсколько пьесъ и большаго размѣра, съ большею занимательностію и затѣйливостію, примѣшивая въ нихъ эпизоды не совсѣмъ необходимыя, которые представляли отдѣльно и когда было прилично; но въ этихъ пьесахъ, гдѣ хотѣлъ подражать господствовавшему тогда вкусу въ Италіи, онъ неоднократно уклонялся отъ той простоты, которая составляла отличительную черту его драмы. Впрочемъ, онъ болѣе уважаетъ за свои замысловатые пастушескіе діалоги, писанные имъ стихами, и напечатанные послѣ его

⁴⁶ Сандоваль, въ *Исторіи Карла V*, говоритъ: «И черезъ три или четыре дни послѣ бракосочетанія, представляли во дворцѣ комедію Луовика Аріоста, въ родѣ театра и сценъ, такъ, какъ представляютъ обыкновенно Римляне: и то-то уже было царское и пышное представленіе!»

Кальвете говоритъ тоже-самое въ своемъ *Путешествіи Принца Д. Филиппа*.

⁴⁷ См. въ Катал. № 66 до 73; отъ 75 до 78; отъ 80 до 82; и отъ 89 до 92.

смерти; но это изданіе совершенно неизвѣстно, и намъ осталось только одно полное и другое въ отрывкѣ. За эти сочиненія онъ заслужилъ имя «отца испанскаго театра»; и какъ въ нихъ самыхъ, такъ и въ единогласномъ свидѣтельствѣ людей учныхъ, которые видѣли ихъ представленными, заключается причина, почему его соотечественники осыпали его похвалами и передали имя его потомству.

Валенсіецъ Хуанъ де-Тимонедъ ⁴⁸, современникъ, другъ и издатель его сочиненій, подражавшій ему въ нѣкоторыхъ комическихъ пьесахъ, сочиненныхъ имъ въ прозѣ, также не безъ достоинствъ по своей ясности дикціи, быстротѣ діалога и правильности вымысла. Но тѣ, которыя онъ писалъ въ стихахъ, не заслуживаютъ такой похвалы, ибо, кромѣ того, что стихосложеніе Тимонеды тяжело и безпорядочно, онъ, желая сообщить имъ что-то новое, вводилъ (хотя и не во всѣхъ) неправдоподобныя обстоятельства и чудесныя лица, которыя, не существуя въ природѣ, непригодны для театра. И въ этомъ даже онъ старался подражать Лопе де-Рудъ: такъ-то неосмотрительность чловѣка знаменитаго влечетъ обыкновенно за собой несчастныя послѣдствія!

Алонсо де ла Вега ⁴⁹, актеръ и авторъ компаніи комедіантовъ, сочинилъ нѣсколько комедій въ прозѣ, которыя въ свое время были очень-хорошо приняты; но здравая критика нашла столько недостатковъ въ трехъ, до насъ дошедшихъ, какъ въ самомъ изобрѣтеніи, такъ и въ характерахъ и слогѣ, что нельзя оправдать одобренія его современниковъ.

Въ соревнованіи съ этими, писали и многіе другіе, изъ коихъ сохранились и сочиненія нѣкоторыхъ, или только свѣденія объ оныхъ. Странствующіе комедіанты ⁵⁰, переходя изъ провинціи въ провинцію, потѣшали народъ своими комедіями, трагедіями,

⁴⁸ См. въ катал. №: 95 и 96, и отъ 106 до 118.

⁴⁹ См. въ Катал. №: 100, 107 и 105. —

⁵⁰ По уничтоженіи общества фарсѣровъ, которые стали быть извѣстны въ Кастильѣ въ началѣ XVI-го столѣтія, появилось еще многочисленнѣйшее, въ которомъ были музыканты и пѣвцы и женщины. Въ прагматикѣ Карла V-го и матери его Дони Хауны, изданной въ 1534 году, сказано: указываемъ, что то, что запрещено въ силу законовъ сего положенія, касательно одежды, простирается равно и на комедіантовъ, мужчинъ и женщинъ, музыкантовъ и прочихъ лицъ въ комедіяхъ, поющихъ и играющихъ, т. е., что они подвергаются тѣмъ-же пенямъ, какія на тѣхъ положены. —

Театральныя увеселенія перешли изъ Кастильи въ Португалію, и

трагикомедіи, эклогами, разговорами, діалогами, псами (въ-роль мистерій), представленіями, аутами, фарсами и интермедіи.

Чистота²¹ и приличіе костюмовъ, декораціи и украшенія специическія, ужасно какъ отставали отъ самыхъ представленій, ибо такъ-какъ ни въ одномъ городѣ не было постоянного театра, и

король Д. Мануэль присутствовалъ, совсѣмъ своимъ семействомъ и дворомъ, при представленіяхъ, данныхъ въ Лиссабона знаменитымъ фарсѣромъ и поэтомъ португальскимъ Гиль Висенте, авторомъ многихъ комическихъ португальскихъ и кастильскихъ піесъ. Помогали ему въ сочиненіи и представленіи оныхъ дочь его Паула Висенте, знаменитая актриса, которая въ свое время возбуждала удивленіе въ Лиссабоа какъ своимъ счастливымъ талантомъ, миграціозностію и красотою, такъ и честнымъ и добрымъ поведеніемъ. Португальцы въ продолженіе всего этого вѣка упражнялись въ драматическомъ искусствѣ, и изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманіе: Франсеско Саа де Миранда, авторъ двухъ комедій: *Os estranheiros* и *Os vilhalpandos*; Антонио Фёррейра, сочинившій трагедію подъ заглавіемъ: *Castro*, и великій Луизъ де Камозансъ, изъ сохранившихся комедій коего одна называется *O Rey Silenco*, и другая, *Osmfitrioens*. Поименованіе прочихъ драматиковъ португальскихъ и оцѣнка ихъ достоинствъ, не принадлежитъ къ нашей исторіи словесности, ни къ плану сего сочиненія.

²¹ Всѣ аппараты комического автора помещались въ сумкѣ, и состояли въ четырехъ бѣлыхъ мѣховыхъ шукахъ, отороченныхъ золоченой кожей, и четырехъ бородахъ да парикахъ, и въ четырехъ бѣлой или меньшей величины посошкахъ. Театръ составляли четыре лавки въ-видѣ четырехугольника, да еще четыре или шесть столовъ сверху, что вызывало ихъ надъ поломъ на четыре пальца.... Украшенія театральныя состояли изъ стараго плаща, передвижавшагося на двухъ шнуркахъ съ одной стороны къ другой, что и составляло такъ-называемую уборную (*vestuario*), за которой стояли музыканты, и пѣли, безъ гитары, какой-нибудь старинный романсъ. См. Сервантеса, въ его прологѣ къ своимъ комедіямъ.

Августинъ де Рохасъ, рассказывая о томъ же періодѣ, въ своемъ *Viage entretenido*, говоритъ:

На одной бречать гитарѣ,
Преплохой, почти безструнной, —
Но она впередъ не лезетъ,
Прячется внутри скамеекъ; —
Пляшетъ шутъ въ концѣ спектакля;
А толпа, глядя на это,
Высуня языкъ, дивится,
Говоря: «ну, вотъ ужъ чудо!» —

актеры оставались недолго въ каждомъ изъ нихъ (ибо скудность піесъ, какія съ нимъ были, имъ этого не позволяла), то и не возможно было по дорогамъ возить съ собой ни декорацій, ни машинъ, ни театральныхъ снарядовъ, да притомъ и бѣдная выручка, какую они за это получали, не позволяла имъ дѣлать большихъ издержекъ.

Но злоупотребленія, которыя соборъ, созываемый епископомъ Арандо, желалъ уничтожить, все еще продолжались: въ храмахъ все еще представляли смѣшную фарсу: «невинныхъ младенцевъ», и даже священныя драмы, терпимыя симъ соборомъ, далеко не соответствовали цѣли пристойныхъ и религіозныхъ сочиненій! Но когда соборъ былъ Толедскій Соборъ, въ 1565 и 66 годахъ, то на это снова обратили вниманіе: грубый фарсъ «Невинныхъ младенцевъ» былъ запрещенъ⁵², и сказано, чтобы впредь не прерывали никакого рода увеселеніями божественной службы; чтобы представленія не давались въ церкви, и епископы приказывали-бы сперва просматривать священнаго содержанія піесы, представляемыя предъ народомъ; и снова повторено запрещеніе, въ силу котораго духовныя особы не должны были ни надѣвать на себя масокъ, ни брать ролей въ вышепоименованныхъ зрелищахъ. Въ прочіихъ епархіяхъ Испаніи обнародовались тѣже повелѣнія, и употреблены все мѣры, чтобы удалить изъ святилища столь-соблазнительныя безпорядки, и заставить, чтобы священнослужители не были комедіантами и не унижали своего сана предъ народомъ.

Древнія драматическія представленія въ церквахъ обратились въ краткіе діалоги, перемѣшанные съ пристойными пѣснями и плясками, которыя выполняли дѣячки, хористы, пѣвчіе и свѣченосцы, въ день Рождества, подавая оныя прежде на разсмотрѣніе Викарія. Но тутъ не было уже ни патріарховъ, ни пророковъ, ни апостоловъ, ни исповѣдниковъ, ни мучениковъ, ни только ангелы и пастыри: роли первыхъ раздавались, по сходству лѣтъ, вида, голоса и роста, дѣтямъ, а вторыхъ юношамъ. Отсюда получили начало піесы-кантаты, которыя продолжаютъ еще и теперь подъ

⁵² Впредь запрещается св. Синодомъ вошедшее въ обычай злоупотребленіе: въ самой церкви, въ день Невинныхъ Младенцевъ, представлять театральныя шпы, какъ азартныя для сана духовныхъ, и притомъ оскорбительныя для Божескаго величія, тѣмъ болѣе, что оны, отклоняя очи Христіанъ отъ духовнаго, къ коему-бы должно было направлять ихъ, возбуждаютъ ихъ къ соблазну грѣховному. . . Но зрелища, или какія-бы то не было шпы и хористы пѣнія, кои если-бы по предварительному изслѣдованію были и позволены, тогда имѣютъ быть производимы при какихъ-либо торжествахъ или процесіяхъ, по никакимъ образомъ въ са-

именомъ *Вильянсиковъ* (*Villancicos*)³⁵; они тогда, будучи замысловатѣе, нежели нынче, состояли изъ представлений, пляски, без-

мыхъ церквахъ, когда отправляется или поется Божественная служба (*divina officia vel celebrantur vel dicuntur*).... Но да остерегаются епископы и ихъ викаріи и не дозволяютъ чтобы ради торжественности духовной, производились всенародно какія-либо игры или позорища; но да позволяютъ только тѣ, кои ни мало не оскорбляютъ христіанской религіи, и не вводятъ зрителей въ какія либо неправыя пути.... И потому св. Синодъ повелѣваетъ епископу не дозволять никакихъ другихъ зрелищъ, кромѣ тѣхъ, кои способны подвинуть души зрителей къ благочестію, и отклонять отъ путей неправыхъ.

И дабы не происходило ничего непристойнаго для духовнаго сана, запрещается св. Синодъ всѣмъ, кои посвящены въ духовный чинъ или имѣютъ духовныя приходы (*beneficium ecclesiasticum*), ни въ какомъ мѣстѣ и ни въ какое время не надѣвать личинъ, и не быть дѣйствующими лицами ни въ какихъ позорищахъ, и проч. —

См. также въ Компустельск. Соборѣ, созываемомъ въ 1565 и 1566-мъ годахъ; равно, какъ и Толедскомъ, 1582 года, Валенсійскомъ, въ 1590-мъ, и Таррагонскомъ, 1591 года.

³⁵ См. 102. N. Катал. Употребленіе *Вильянсиковъ* было общимъ въ XV-мъ столѣтіи. Это стихотвореніе состояло изъ одного или двухъ куплетовъ восьмисложныхъ стиховъ, съ *эстремилемъ* (т. е. рефреномъ), повторявшимся на концѣ каждаго изъ нихъ. Иногда сюжеты были набожные, а вообще эротическіе. Такого рода тѣ, которые находимъ въ *Cancionero*, каковы напр. слѣдующія:

¿Que sentis corazon mio?

¿No decis

Que mal es el que sentis?

¿Que sentistes aquel dia

Cuando mi señ'ora viste,

Que perdistes alegria

Y descanso despedistes?

¿Como a mi nunca volvistes?

¿No decis

Donde estais que no venis? и т. д.

т. е. «Что чувствуешь ты, сердце мое? Ты не говоришь, что за страданіе ощущаешь? Что чувствовала ты въ тотъ день, когда увидѣло мою сеньйору; что потеряло ты веселость и отогнало покой? — Что ты ко мнѣ никогда не обращалось? Не говоришь: гдѣ ты находишься. что не приходишь?» и т. д. (См. 49 стр. под.)

Хуанъ де-ла Энсина, Нагарро, Кастильехо, Тимоведо и другіе имѣли обыкновеніе театральные свои вымыслы оканчивать *вильянсикомъ*; они пѣлись также и въ церквахъ, служа украшеніемъ діалогу между

молвннхъ тѣлодвиженіи, костюмовъ, театральныхъ принадлежно-
стей и инструментальной музыки.

ангеловъ и пастырей, или празднуя Таинство Евхаристіа, и всего
чаще Рождество Иисуса Христа.

Этотъ родъ сочиненій все еще продолжался, и даже не всегда об-
ходился безъ плоскостей, низостей и шутовства, столь неприличныхъ
величію христіанскаго Богопочитанія. Иногда ихъ пѣвали слѣпые
при дверяхъ шинковъ въ то самое время, какъ они съ торжественно-
стію гремѣли подъ сводами храма. Любопытствующіе могутъ видѣть въ
нѣкоторыхъ печатныхъ сборникахъ вильянки и мотеты, пѣвшіеся,
назадъ тому за два вѣка, при діалогахъ, въ каедральныхъ церквахъ
Испаніи, и тамъ-то они увидятъ, какъ нужно, чтобы духовная власть
употребляла всю свою дѣятельность для исправленія подобныхъ зло-
употребленій.

Послушаемъ еще, что говоритъ объ этомъ-же предметѣ писатель
прошедшаго вѣка, въ религіозности, патріотизмѣ и ревности коего къ
славу Испаніи, никто не можетъ сомнѣваться, — и именно, знамени-
тый Фейхдо, въ рѣчи своей о храмовой музыкѣ (т. 1. рѣч. 14.): «Въ
Испаніи... поэзія въ жалкомъ состояніи... Это можно сказать во-
обще о новой испанской поэзіи, ибо она есть самое худшее, что
когда-либо слышали въ священннхъ пѣсняхъ: онѣ таковы, что лучше
ужь-бы пѣли куплеты слѣпцовъ... Вся прелесть кантатъ, раздѣ-
ющихся нынѣ въ нашихъ церквахъ, заключается въ низкихъ двузна-
менательностяхъ, пошлыхъ метафорахъ и въ дѣтской игрѣ словъ;
а главное то, что въ нихъ ни мало нѣтъ духа и движенія, чего болѣе
всего, или лучше сказать, единственно этого и должно отъ нихъ
требовать. Въ семъ отношеніи погрѣшали и хорошіе поэты... Это,
думаю, зависѣло отъ того, что какъ Солисъ, такъ и другіе дарови-
тые поэты на эти *летрилли* (*letrilla*, родъ стихотвореній), сочиняемыя
для извѣстныхъ праздниковъ, смотрѣли, какъ на игрушки, межъ-
тѣмъ-какъ ихъ должно было писать съ большею тщательностію, не-
жели какое другое сочиненіе...» «Она не дѣтская игрушка (гово-
рить намъ Мабильонъ о поэзіи),» — «а поэзія священная еще и
менѣе того. — То же самое должно разумѣть и о нашихъ церковныхъ
кантатахъ... межъ-тѣмъ какъ никогда и ничто не писалось хуже,
какъ наши духовныя пѣсни, ибо если не всѣ, то очень многія изъ
нихъ сочинялись въ родѣ шуточномъ... Какое-же понятіе сообщать
о неизглаголанномъ Таинствѣ Воплощенія разныя неѣлости, вло-
женныя въ уста Гилъ и Паскуаля? Но полно, я выхожу изъ терпѣнья,
говоря объ этомъ. Да и того, кто самъ не гнушается столь ужаснымъ
злоупотребленіемъ, мнѣ не увѣрить своими разсужденіями!»

Академія сочла необходимымъ укрѣпить своимъ одобреніемъ слова
Моратина, чтобы не показались слишкомъ грубыми выраженія, употре-
бленныя автромъ, охудавшимъ сіи злоупотребленія. *Примѣчаніе*
Академіи Исторіи.

Это запрещеніе служило новымъ поощреніемъ къ образованію театровъ публичныхъ, на которыхъ съ того времени стали чаще появляться священныя драмы, привлекавшія къ себѣ народъ; число драматическихъ авторовъ также умножилось, равно какъ и компаніи комедіантовъ. Соревнованіе актёровъ, личные ихъ выгоды, и желаніе свискать одобреніе зрителей, подвинули впередъ ихъ искусство, между-тѣмъ-какъ съ ихъ стороны ничто не было упущено, чтобы придать сямъ зрѣлищамъ все очарованіе и блескъ, который такъ необходимъ для театральныхъ представленій.

Одинъ комикъ, уроженецъ Толедскій, по имени Нагарро⁶⁴, авторъ компаніи, *изобрѣлъ театръ* въ 1570 году, или говоря иначе, ввелъ въ нихъ расписанныя и подвижныя декорации, соображаясь съ требованіемъ тиесъ; умножилъ костюмы, сдѣлалъ разныя перемѣны въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи, пустилъ въ ходъ машины, ввелъ подражаніе бурямъ, и оживилъ свои вымыслы грознымъ зрѣлищемъ битвъ и строемъ войска.

Изъ этого слѣдуетъ, что испанскій драматизмъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ той простоты, которая дѣлала его столь почетнымъ въ лучшихъ сочиненіяхъ предшествовавшихъ авторовъ. Напрасны были усилія учонаго анонима, который въ 1550 году напечаталъ въ Амбересѣ прекрасный переводъ двухъ комедій Плавта. Достойный уваженія гуманистъ Педро Симонъ Аврель познакомилъ своихъ соотечественниковъ, въ 1570 и 77 годахъ, съ *Плутономъ* Аристофана, *Медеею* Еврипида и комедіями Терренція на языкъ общенародномъ: ничто это не служило примѣромъ тѣмъ, которые писали для театра. Геронимъ Бермудесъ, въ томъ-же самомъ 1577 году, представилъ въ своей трагедіи *Nise lastimosa*, дѣйствіе интересное, патетическое, полное правдоподобныхъ и чувствительныхъ положеній, выраженныхъ возвы-

⁶⁴ За Лопе де Руэда слѣдовалъ Нагарро, уроженецъ толедскій но... Онъ нѣсколько украсилъ комедіи, и сумъ съ костюмами замѣнилъ сундуками и баулами; музыку, которая сперва игрывала за плащомъ, вызвалъ на сцену; бросилъ заребскія бороды (межъ тѣмъ-какъ до-сихъ поръ никто не игралъ безъ накладной бороды) и ввелъ въ употребленіе играть безъ масокъ, кромѣ того, если пужно было представлять стариковъ, или такихъ людей, которые должны перемѣнять лица. Онъ изобрѣлъ кулисы, облака, громъ и молнію, вызовы на дуэль и сраженія. См. Сервантеса, въ Прол. къ своимъ комедіямъ.

Здѣсь снова слѣдуетъ выписка изъ стихотворенія: *Забавное Путешествіе* Авг. Рохаса (см. подл. стр. 51).

Здѣсь опущено десять ссылокъ на нумера Каталога.

шевыиъ и приличныиъ слогомъ. Трагедіи въ прозѣ Фернанда Переса де Олива, издавныя Амвросіемъ де-Моралесъ, уважаются учеными: но никто не позаботился подражать имъ.

Другіе литераторы въ это-же время писали комедіи и трагедіи на языкѣ латинскомъ, съ заслуживающею уваженія правильностію; но тѣ были произведенія учюности, которыя не могли имѣть вліянія на успѣхи театра. Д. Луисъ Сапата перевелъ и напечаталъ: «О поэтическомъ искусствѣ», Горация; Хуанъ Пересъ де-Касгро — «Питику» Аристотеля. Алонсо Лопесъ, по прозванію Пинсіано, издалъ, не много спустя послѣ того, пространную и умную питику, въ которой онъ, съ большимъ вкусомъ, собралъ правила драматургіи, — но все бесполезно: искаженіе испанскаго театра было уже неизбѣжно!

Севильецъ, Хуанъ де-Малара, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе тому способствовали, сочиняя неправильныя драмы, коимъ, публика неоднократно рукоплескала за ихъ легкій и звучный языкъ, которымъ авторъ умѣлъ украсить заблужденія блестящаго своего воображенія.

Хуанъ де ла Куэва, его соотечественникъ, многорѣчивый версификаторъ, занимавшійся всеми родами поэзіи, потому-что не усовершенствовался ни въ одномъ, шолъ по слѣдамъ Малары, в началѣ, съ 1579 года, издавать свои комедіи и трагедіи, и когда ихъ въ первый разъ приняли съ одобреніемъ въ Севильѣ, и перевиграли во всѣхъ городахъ королевства, то онъ и послужили образцомъ или извиненіемъ тѣмъ, которые, еще съ мѣньшимъ талантомъ, стали подражать ему.

Тогда стали смѣшивать комическій родъ съ трагическимъ, какъ въ тканн самаго сюжета, такъ и въ лицахъ, страстяхъ и самомъ слогѣ. Вошелъ въ употребленіе, безъ всякаго разбора, языкъ лирической, эпической и элегической, забыто было всякое единство и подражательное соотношеніе выраженій съ чувствами и характерами дѣйствующихъ лицъ. Стала выходить изъ употребленія, какъ нестоющая уваженія, драматическая проза, которая въ обихъ родахъ достигла до такой степени совершенства, благодаря учюности въ которыхъ заслужоныхъ авторовъ. Комедіи были ничто-иное, какъ новеллы въ стихахъ, составленныя изъ неправдоподобныхъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ сказокъ; трагедіи-же — безтолковое сплетеніе происшествій безвкусныхъ и отвратительныхъ по своимъ жестокостямъ и звѣрствамъ, или рядъ событій, чуждыхъ единства и поэтическаго вымысла, копія съ исторіи, гдѣ на долю автора ничего не доставалось, кромѣ діалога и стиховъ.

Такимъ-же точно находимъ и театръ Мигеля Сервантеса, который не только не усовершенствовалъ его, что-бы онъ, можетъ-быть, и сдѣлалъ: но онъ заботился лишь о томъ, чтобы искать въ немъ необходимаго для него вспоможенія въ своей бѣдности, и писалъ, какъ прочіе, забывая то, что зналъ, и приравливаясь только ко вкусу толпы, чтобы заслужить ея одобреніе.

Этой школѣ (если ужѣ должно такъ называть ее) слѣдовали потомъ: Сетина, Вирузъ, Гевара, Дуперцій де Аргенсола, Артведа, Сальданья, Косаръ, Фуэнтесъ, Ортисъ, Беррио, Лоййола, Мехіа, Вега, Сиснеросъ, Моралесъ, и безчисленное множество поэтовъ менѣе знаменитыхъ, жившихъ въ Кастиль, Андалусіи и Валенсіи.

Такъ-какъ театръ былъ ужѣ необходимою для народа, по всемъ провинціямъ умножавшіяся компаніи комедіантовъ поселились наконецъ при Дворѣ, въ двухъ *корралесахъ* (залахъ для представленій)³³ — крестовой и государевой, изъ коихъ первая была построена въ 1579, а вторая въ 1582 году.

³³ Компаніи комедіантовъ проживали въ Мадридѣ и прочіихъ многочисленныхъ городахъ, смотря потому, какъ ихъ принимали и сколько у нихъ бывало пьесъ. Они для этого брали на откупъ нѣсколько дворовъ или сараевъ (*corrales*), гдѣ настилали помосты и разставляли стулья для зрителей; и потому, слова: *patio* (дворъ) и *corral* (сарай, зала) стали синонимами *театра*. Даже въ наше время сохранились древнія названія: *tablas* (доски, столы), *patio* (дворъ, вартѣръ) *gradas* (скамьи, ступеньки), *corredorcillo* (крытый переходъ, корридорчикъ), *apostas* (жилище, ложа), *barandilla* (небольшой балюстрада), *degolladero* (подмостки), *cazuela* (мѣсто для женщины въ театрѣ) и *alojeros* (ложи на-верху, надъ *казулою*). — То, что нынче *luneta* (оркестръ тигра), то въ старину называлось *bancos* (скамьи); возвышенность, которая нынче носитъ имя *tertulia* (ложи передъ самою сценою) и *palcos* (подмостки для какого-нибудь зрѣлища), называлась *desvanes* (чердакъ, подкровельная свѣтелка), потому-что они дѣйствительно то и были.

Луисъ Кивьонесъ де Бенавенте, въ одномъ изъ своихъ прологовъ говорить:

Лоренсо. Будьте милостивы, остроумныя *скамьи* (*bancos*)!

Синторъ. Простите, благородныя *ложи* (*apostas*)!

Линаресъ. Будьте благосклонны, воинственныя *скамьи* (*gradas*)!

Бернардо. Будьте спокойны, грозныя *чердаки* (*desvanes*)!

Пинэло. Вниманіе, мои *балюстрады* (*barandillas*)!

Пиньеро. Дражайшіе зрители, стоящіе на *партерѣ* (*mosqueteros*)!

Вы, сѣмьички аудиторіи,

Защитите, помогите, молчите!

Въ нихъ начали слышать съ удивленіемъ легкіе стихи юности Лопе де Веги, этого необыкновеннаго человека, котораго природа одарила воображеніемъ столь-плодовитымъ, такимъ поэтическимъ, обиліемъ, что ни въ какомъ вѣкѣ подобнаго еще не было. Ничѣмъ публика не уважала въ театрѣ, кромѣ Лопе де Веги; прочіе поэты видѣли, что единственное средство, приобрести одобреніе, заключается въ подражаніи ему, и потому перестали изучать хорошихъ драматиковъ древности, правила лучшихъ критиковъ и тѣ очевидныя начала, внушаемыя однимъ разумомъ и невмѣющія нужды въ примѣрахъ и чтеніи.

Въ началѣ XVI вѣка⁸⁶, не будучи еще сорока лѣтъ, Лопе пода-

Лоренсо. Дамы, въ престеляхъ конхъ величественно сосредоточилась вся красота неба!

Инесъ. Да будетъ апрѣль дней вашихъ вѣченъ, и сколько-бы вы не жили, да не почувствуете никогда времени.

Маргарита. И будучи сострадательны и честны, да налагаете вѣчное молчаніе....

Инесъ. Ружейнымъ огнивамъ и свисткамъ, кодексами разныхъ слуховъ! *

Въ 1568 году были театральныя представленія въ корралѣ Двери Солнца (Puerta del Sol), въ улицѣ Государевой, въ корралѣ Исабелы Пачеко; въ той-же самой улицѣ у одного Н. Баркильюса и т. д. Въ 1579 году и въ 1582 Собратства Страстей и Уединенія отвели два корраля, первое въ улицѣ Креста, а второе, въ Государевой; ови потомъ обращены въ театры, на которыхъ и теперь играютъ; сохранили и свои мѣста и имена. Пельисеръ, въ сочиненіи: *О началѣ комедій и театровъ въ Испаніи*, въ 1 томѣ, собралъ множество любопытныхъ подробностей о матеріальной части театровъ мадритскихъ.

⁸⁶ Многочисленность драматическихъ сочиненій Лопе де Веги — не есть темное преданіе, но основано на свидѣтельствахъ неопровержимыхъ. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя.

Въ 1603 году ходили по рукамъ его 336 комедій, которымъ онъ приложилъ и списокъ въ своемъ сочиненіи *El Peregrino*, и говоритъ самъ, что, кромѣ *аутовъ* и нѣкоторыхъ комедій, которыхъ не помнитъ, онъ написалъ 462 драматическія піесы. Въ *Новомъ искусствѣ сочинять комедій*, изданномъ въ 1609 году, объявляетъ намъ, что у него было ихъ написано 483. Францискъ Пачеко, въ рѣчи, напечатанной въ томъ-же году, о портретѣ Лопе, утверждаетъ, что число комедій этого поэта простиралось до пяти-сотъ. Сервантесъ, въ прологѣ своимъ драмъ, въ 1615 году, увѣряетъ, что у Лопе было написано болѣе восьми-

* Въ подлинникѣ сказано: *Naves* («А las llaves y à los potos») что значитъ и ключъ и ружейное *огниво*: я предпочелъ послѣднее значеніе.

рилъ театры болѣе нежели четырьмя стами импровизированныхъ комедій, что должно разумѣть и о прочихъ, вышедшихъ изъ-подъ пера его, какъ въ прозѣ, такъ и стихахъ; но если изумительно изобиліе его фантазій, неумѣвшей никогда подчиниться правиламъ искусства, то не менѣе должно удивляться и тому, что онъ, всегда, импровизируя, много разъ достигалъ своей цѣли. Тѣмъ, кои, не замѣчая безчисленныхъ красотъ, разсѣянныхъ въ его драматическихъ сочиненіяхъ, желаютъ видѣть лишь его недостатки, будетъ обильный предметъ для критики; но если они прострутъ эти обвиненія Лопе де Вега до того, что станутъ обвинять его въ

соть. Самъ Лопе, посвящая дочери своей комедію: *Истинный любовникъ*, въ 1620 году, говоритъ, что онъ ихъ сочинилъ 900; въ прологѣ къ 20-й ихъ части, напечатанной въ 1627 году, самъ онъ увѣряетъ, что сочинилъ ихъ уже 1070. Въ *Эклогѣ къ Клавдіи*, написанной до 1632 года, Лопе говоритъ, что у него сочинено 1500 комедій.

Хуанъ Боино, въ своемъ латинскомъ посланіи къ Леону Алясси (Алассі), въ 1636 году, когда уже Лопе умеръ, приписываетъ ему послѣдному 1500 комедій. Фернандъ Кардосо, въ надгробной рѣчи сему поэту, полагаетъ число его комедій до 1500; О Маэстро Авалось, въ панегирикѣ Лопе, говоритъ, что онъ ихъ написалъ 1700. Лиценціатъ Антоніо де Леда, въ своей поэмѣ *Мадридскій Фениксъ*, хваля Лопе, признаетъ его авторомъ 1800 комедій.—Кавальеро Хуанъ Баутисто Марино, въ панегирикѣ Лопе, приписываетъ ему ихъ до 2000. Д. Хуанъ Антоніо де ла Пенья, въ посвященіи своей элегической злогіи: *Белардо*, говоритъ, что Лопе написалъ 1600 комедій, а въ прологѣ при томъ-же сочиненіи что комедій у него было 1600, священныхъ аутовъ болѣе 200 то-есть, приписываетъ ему 1800 драматическихъ сочиненій. Докторъ Хуанъ Пересъ де Монтальбанъ, исключительный свидѣтель, въ своей книгѣ: *Для всѣхъ* говоритъ, что въ 1632 году, было напечатано сочиненій Лопе: 20 томовъ комедій, и представлено на театрѣ 1500, не считая аутовъ. Тотъ-же самый авторъ, въ *Посмертной славы* Лопе, утверждаетъ, что представленныхъ комедій сего послѣдняго было 1800, а священныхъ аутовъ 400, и всего 2200 драматическихъ сочиненій. Николай Антоніо, видя, что такого рода свѣдѣнія, сообщенныя искренними друзьями Лопе, и напечатанныя въ самый годъ его смерти, не опровергались ни однимъ изъ многочисленныхъ соперниковъ поэта, и что самъ онъ могъ повѣрить ихъ дошедшими до него въ послѣдніе годы жизни Лопе де Веги свѣдѣніями, и еще болѣе того самими сочиненіями, которыя должны были тогда быть на лицо—не усомнился въ своей Библіотекѣ удостовѣрить, что этотъ поэтъ дѣйствительно сочинилъ 1800 комедій и 400 священныхъ аутовъ.

искаженіи испанскаго театра ⁶⁷, то не найдутъ доказательствъ для подтвержденія столь-несправедливыхъ нападокъ.

Лопе не искажилъ театральнаго вкуса, потому-что его совсѣмъ не было, когда онъ началъ писать; и если въ чомъ можно укорить его, то развѣ въ томъ, что не хотѣлъ исправить его, между-тѣмъ какъ—дѣйствительно, много можно было надѣяться отъ такого таланта, какъ его, отъ его нѣжной чувствительности, пылка-

⁶⁷ Въ прологѣ Д. Бласа Пассаре къ комедіямъ Сервантеса есть много превосходныхъ правилъ въ отношеніи къ драматическому искусству; но этотъ литераторъ часто увлекался своимъ воображеніемъ и духомъ ложно-понимаемаго патриотизма, и непростительнымъ упорствомъ въ неуваженіи къ Лопе де Вега и Кальдерону, полагая ихъ указателями нашего театра, какъ-будто они нашли его менѣе ошибочнымъ, и кто-либо изъ его современниковъ писалъ-бы съ большимъ успѣхомъ. Здѣсь я выставлю тѣ изъ его заблужденій, которыя показались мнѣ наиболѣе важными въ этомъ прологѣ, въ отношеніи къ нашей исторіи литературы и другимъ предметамъ, касающимся до хорошаго вкуса и критической разборчивости.

«Арабы и Мавры были превосходны въ драматическихъ представленіяхъ. Провансальскіе трубадуры первые стали писать комедіи. — Въ поэтическихъ твореніяхъ Альфонса Мудраго, Гонсало де Бессей и древнихъ романсахъ хранятся подлинники свидѣтельства нашихъ театральныхъ сочиненій, нѣсколькими вѣками болѣе младшихъ, нежели жалкіе фарсы Итальянцевъ и Французовъ. Богомольцы, ходившіе отъ св. Іакова, пѣли и представляли въ лицахъ таинства религіи и библейскія событія, отъ обычаевъ коихъ остались преданія о слѣдщахъ и священные ауты. — Сервантесъ сочинялъ свои комедіи съ тою-же мыслию, какъ и Донъ-Кихота, нарочно дѣлая ихъ неправильными и полными безвкусія, съ тѣмъ, чтобы очистить вкусъ и театральную безнравственность. — Когда Лопе началъ писать, то комедіи были уже въ полной зрѣлости и совершенствѣ, а онъ ихъ запуталъ въ пеленки. — Кальдеронъ былъ второй искажитель театра. — Мольеръ поставилъ на сцену нѣкоторыя изъ комедій этого автора, и они были приняты и принимаются теперь у Французовъ съ большимъ одобреніемъ. — Гильенъ де Кастро, Рохасъ и Солисъ сохранили ту умѣренность, какой требуетъ слогъ комедій. — У насъ есть множество трагедій совершенныхъ и писанныхъ по правиламъ, какъ у Французовъ, Итальянцевъ и Англичанъ. — У насъ есть комедіи самыя сообразныя съ законами разума и правилами искусства, которыя ни въ чомъ не уступаютъ Мольеру, Вичерли, Маффеи и Риккони. — Д. Эстабана Мануэля де Вильегаса можно сравнить съ лучшими греческими поэтами».

Еслибы кто спросилъ мое мнѣніе о сихъ положеніяхъ, то я, ни мало не опасаясь быть опровергнутымъ, отвѣтилъ-бы: «все это ложно».

го воображенія, естественнаго преизобилованія фантазій, гармоническаго слуха, его навыка и наклонности къ своему языку, учености и огромной начитанности древнихъ и новыхъ авторовъ, практическаго знанія характеровъ и обычаевъ національныхъ. Если съ такими преимуществами овъ не искалъ славы, какую приобрѣли во Франціи, нѣсколько лѣтъ послѣ того, Корнель и Мольеръ, то это единственный недостатокъ, въ которомъ можно обвинять его.

Театръ испанскій, который, какъ уже было сказано, получилъ начало въ храмахъ, подчинилъ сценическому вымыслу самыя таинства религіи. Въ храмѣ, и потѣмъ на площадяхъ и въ корраляхъ, слышался гласъ Бога, Христа, Его Пречистой Матери, Апостоловъ и Мучениковъ; ангелы, діаволы, пороки и добродѣтели — были обыкновенными дѣйствующими лицами въ этихъ драмахъ: этого не выдумывалъ Лопе, а нашолъ уже введеннымъ на театрахъ своей націи. Если овъ запутывалъ свои сюжеты неправдоподобными вымыслами, избывая естественнаго порядка, въ которомъ слѣдуютъ событія жизни; если овъ соединялъ въ нихъ людей высокаго званія съ низшими, смѣшивалъ героическія дѣйствія съ простонародными, переступалъ границы мѣста и времени, погрѣшалъ противъ исторіи и характеристическихъ обычаевъ націй, — то предшествующіе поэты служили ему въ томъ примѣромъ. Если овъ вводилъ на сцену тѣ, что прилично лишь въ описательности эпосовъ, тѣ, что позволительно лишь въ движеніяхъ лирики; если овъ льстилъ невѣжеству черни, представляя возможность видѣній, союзовъ съ дьяволомъ, волшебниковъ, и всего того, что допускаютъ безуміе и суевѣріе, — то и другіе, прежде его, дѣлали то-же. Если овъ въ число дѣйствующихъ лицъ вводилъ языческихъ боговъ, коихъ существованіе столь нелѣпо, что разрушаетъ всякое театральное правдоподобіе, — то овъ не дѣлалъ ничего новаго, но повторялъ только тѣ, что уже прежде дѣлалось, что народъ видѣлъ и одобрялъ въ продолженіе многихъ годовъ. — И такъ овъ не искажалъ театра; но рѣшился писать въ духъ господствующаго тогда вкуса, не имѣя намѣренія ни учить чернь, ни исправлять ея понятій, но угождать ей и сбывать съ честію свои сочиненія, желая свмъ средствомъ (что не очень-то похвально!) льстить своему самолюбію и увеличивать свое состояніе.

Разборъ его драматическихъ твореній, и того, что писали, въ подражаніе ему, его современники; нововведенія, сдѣланныя Кальдерономъ, который ввелъ болѣе искусства въ самый вымысль; ошибки, красоты нашего театра и его вліяніе на прочія страны Европы въ теченіе XVII столѣтія; его упадокъ въ послѣдую-

шемъ вѣкъ; усилія, употребляемыя для его преобразованія; то состояніе, въ какомъ онъ теперь находится, и средства улучшить его — суть предметы разсужденія, коими кто-либо другой, съ большою образованностію и менѣе меня близкій къ могилѣ, пусть украситъ этотъ отдымъ нашей литературы, которая можетъ имѣть столь-сильное вліяніе на успѣхи ума и на исправленіе и улучшение нравовъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ.

РИДО ТЕ ВАНДА НАУНЪ
СЪ ИСПАНСКАГО М. ЛИХОНИНЪ.

(Лягу М. Лихонинъ гласитъ)

Ужъ въ нѣмъ и дондѣнъ гласитъ
Успѣхъ въ наукѣ и въ искусствѣ
Ахъ, какъ въ наукѣ и въ искусствѣ
Жизнь въ наукѣ и въ искусствѣ!

О, какъ въ наукѣ и въ искусствѣ
Не въ наукѣ и въ искусствѣ
Ты въ наукѣ и въ искусствѣ
И въ наукѣ и въ искусствѣ!

Кто въ наукѣ и въ искусствѣ
Ты въ наукѣ и въ искусствѣ
Онъ въ наукѣ и въ искусствѣ
Ръ въ наукѣ и въ искусствѣ!

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ.

(изъ Томаса Мура.)

Ужъ на-небѣ полночь, и звѣзды рососою
Осыпали зелень холмистыхъ долинъ;
Ахъ, тамъ, гдѣ мы прежде, другъ милый, съ тобою
Ходили — хожу безъ тебя я одинъ!

О, другъ мой! коль можетъ душа отдѣлиться
На-время отъ чистыхъ, эфирныхъ паровъ —
Ты, вѣрно, захочешь на землю спуститься
И небомъ объять земную любовь!

Есть эхо въ долинѣ : какъ я начинаю
Ту пѣсню, что пѣли мы вмѣстѣ съ тобой,
Оно повторяетъ... но я уповаю,
Что ты запѣваешь ту пѣсню за мной!

ПѢТУХЪ и КУРОЧКИ *.

ИТАЛЬЯНСКІЙ НАРОДНЫЙ ФАРСЪ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. Сографв.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

Морицію, путешественникъ.

Маріанна, жена его.

Валерію, другъ его.

Бернардо, трактирщикъ.

Фостина, жена его.

Эстачію, докторъ.

Аврора, невѣста его.

Тимотео.

Сусанна, жена его.

Панфилю, адвокатъ.

Джаково, прислужникъ въ трактирѣ Бернардо.

Слуги.

Мѣсто дѣйствія : трактиръ въ Римѣ.

* Это одна изъ самыхъ народныхъ итальянскихъ комедій. Ее по-сю-пору съ большимъ успѣхомъ играютъ не только въ городахъ, въ селахъ, но даже и въ корчахъ. Репертуаръ всѣхъ странствующихъ труппъ начинается этой пьеской. Даже маріонетки, кукольные комедіи, овладѣли ею и потѣшаютъ на улицахъ, перекресткахъ и площадяхъ, прохожихъ.

У насъ почти неизвѣстенъ итальянскій театръ. Мы не говоримъ и не думаемъ, чтобы эта пьеска могла дать читателямъ совершенное по-

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Общая зала у Бернардо.

БЕРНАРДО (одинъ). Опять проклятый шумъ! (Подслушиваетъ у дверей комнаты Морицио). Надобно наконецъ показать этимъ почтеннымъ гостямъ двери и высказать этой дамъ всю правду!.. Чортъ возьми! ревнивая жена ближайшая родня сатанъ! Мнѣ душевно жаль бѣднаго мужа, но вѣдь я долженъ-же подумать о самомъ-себѣ и о спокойствіи дома моего! Неужели изъ угожденія этой дурь я буду беспокоить всехъ постояльцовъ своихъ и сосѣдей?.. Только-бы пришло сивьйоръ Валеріо — тогда я очищу домъ свой отъ безпокойныхъ гостей!

ВТОРАЯ СЦЕНА.

БЕРНАРДО, ВАЛЕРІО.

ВАЛЕРІО. Здравствуйте, Бернардо!

БЕРНАРДО. Всепокорнѣйшій слуга, сивьйоръ; а я только-что объ васъ вспоминалъ.

ВАЛЕРІО. Что, пріятель мой всталъ?

БЕРНАРДО. Кажется; впрочемъ я его еще не видалъ.

ВАЛЕРІО. Что съ вами? Вы какъ-будто не въ духъ.

БЕРНАРДО. Кажется и есть отъ чего!

ВАЛЕРІО. Нельзл-ли узнать причину?

БЕРНАРДО. Конечно... вы даже должны знать ее!

ВАЛЕРІО. Что-же?

БЕРНАРДО. Не прогнѣвайтеся — а постояльцы, которыхъ вы мнѣ рекомендовали, не могутъ больше оставаться у меня! Они всемъ надоѣли,.. я долженъ... съ вашего позволенія... просить ихъ, чтобы они убрались отсюда!

ВАЛЕРІО. Огъ-чего?

твѣе о духѣ и направленіи итальянскаго драматическаго искусства — нѣтъ! но она, по-крайней-мѣрѣ, познакомитъ ихъ съ итальянскимъ юморомъ. Последнее безспорно : доказательствомъ тому служить удивительный успѣхъ этой комедіи.

Костюмы XVIII столѣтія. Всѣ характеры, исключая характера Авроры, должны быть переданы съ комизмомъ, но не каррикатурно : иначе пѣсса потеряетъ всю ту прелесть, которая сдѣлала ее народною въ Италіи.

БЕРНАРДО. Отъ-того, что ни днемъ, ни ночью, никому отъ нихъ покоя нѣтъ! Они прогонять всѣхъ постояльцовъ моихъ, беспокоятъ соседей... однимъ словомъ... онъ-то ничего, а она не женщина, а воплощенный дьяволъ!

ВАЛЕРІО. Чѣмъ такъ?

БЕРНАРДО. Она вѣчно ревнуетъ къ мужу своему, благородному другу вашему. Я не понимаю, откуда у него достается терпѣніе держать при себѣ женщину, которую я давно-бы бросилъ въ Тибръ!

ВАЛЕРІО. Неужели?

БЕРНАРДО. Да развѣ вы не знаете?

ВАЛЕРІО. Это для меня новость!

БЕРНАРДО. Такъ послушайте только, что происходило вчера вечеромъ, послѣ того, какъ вы ушли. Сидяте, знаете, за ужиномъ, какъ вдругъ... ну, ужъ хорошъ былъ ужинъ!.. вдругъ полетѣли суповая миска, блюда, тарелки, бѣда, да и только!.. Соусница разбилась въ дребезги и прорвала изображеніе почтеннаго родителя моего... такая поднялась суматоха, что синьйоръ Панфилю, живущій напротивъ насъ, выскочилъ изъ постели, въ одной рубахѣ, подбѣжалъ къ окну и всѣми проклятіями ада осыпалъ трактиръ мой, когда узналъ о ссорѣ нѣжныхъ супруговъ.

ВАЛЕРІО. Но изъ за-чего-же произошло весь этотъ шумъ?

БЕРНАРДО. Изъ одной шуточки, которую пріятель вашъ сказалъ мимоходомъ служанкѣ. Слѣдовательно, вы сами видите, что въ такое время, когда толпами навъзжаютъ къ намъ путешественники, подобныя исторіи могутъ крайне повредить гостинницѣ моей!.. Я не хочу и не могу ихъ больше держать у себя!

ВАЛЕРІО. Успокойтесь, я устрою все дѣло. Я сейчасъ поговорю съ ними... надо положить конецъ этимъ безпорядкамъ!

БЕРНАРДО. Ахъ, мужъ-то добрыйшій человекъ... онъ, пожалуй, пускай навсегда здѣсь поселится, только чтобы ее не было! Это... какое-то адское исчадіе!

ВАЛЕРІО. Не можетъ-быть! Сказать-ли вамъ, Бернардо... только чтобы это осталось между-нами — если-бъ она была не за-мужемъ, я бъ сейчасъ на ней женился!.. Я-бъ обожалъ ее!

БЕРНАРДО. Вы женились бы... на ней? Обожалъ-бы ее?

ВАЛЕРІО. Самая пылкость ея, живость, эта пламенная ревность, придають ей тысячу прелестей въ глазахъ моихъ! Я-бъ могъ ее любить. . горячо, пламенно!

БЕРНАРДО. Ну ужъ вкусъ! Да вы-бы съ такимъ чортомъ не имѣли-бъ ни минуты покоя!

ВАЛЕРІО. Любовь ея открыла-бъ предо мною рай!

БЕРНАРДО. Она низвергла-бъ васъ въ преисподнюю!

ВАЛЕРИО. Неужели вы не понимаете блаженства имѣть возлѣ себя любимое существо, которое чуть несходитъ съ ума отъ одной боязни лишиться одного взгляда супруга своего? Вы влѣ сами недавно женаты и... позвольте спросить, не изъ ревности-ли скрываетъ синьоръ Бернардо милую супругу свою отъ нескромныхъ взоровъ?

БЕРНАРДО. Ого! Бернардо нечего бояться. Хоть я и очень люблю жонку свою, но я такъ увѣренъ въ вѣрности ея, что остался-бъ очень-равнодушенъ, если-бъ ее кто нибудъ и поцѣловалъ! Бернардо ревнивъ? Ха, ха, ха! Сто разъ просилъ я жену свою, чтобы она искала развлеченія, веселилась, забавлялась; но она, бѣдняжка, не хочетъ и слышать объ удовольствіяхъ! Она все груститъ, скучаетъ...

ВАЛЕРИО. Вотъ диво! Вѣрная жена!.. и синьоръ Бернардо обладатель этого рѣдкаго сокровища? Говорите, расскажите... гдѣ нашли вы этого феникса? Она изъ Рима?

БЕРНАРДО. Нѣтъ, изъ Неаполя!

ВАЛЕРИО. Какъ-же вы познакомились съ нею?

БЕРНАРДО. Это длинная исторія. Она ѣхала съ первымъ мужемъ своимъ изъ Неаполя въ Римъ. На нихъ напали разбойники, ее раня, а мужъ остался мертвый на мѣстѣ. Пышкой добралась она до моей гостиницы, и въ такомъ жалкомъ состояніи, что расстрогала-бы медвѣдя;—такъ какъ я, съ-позволенія сказать, почувствительнѣе медвѣдя, то несчастное положеніе ея тронуло меня до глубины души; я сжался надъ бѣдствіемъ ея и женился на ней.

ВАЛЕРИО. Нельзя-ли мнѣ познакомиться съ вашей красавицей женой?

БЕРНАРДО. Если-бъ не была у меня въ домъ эта ревнивая сумасбродка, то я почолъ-бы за честь представить вамъ жену...

ВАЛЕРИО. Шутки въ сторону... покажите мнѣ ее!

БЕРНАРДО. Попытаюсь; только врядъ-ли мнѣ удастся: она ужасно дичится!

ВАЛЕРИО. Ага!—вотъ идетъ пріятель мой!

БЕРНАРДО. Поговорите, пожалуста, съ нимъ.

ВАЛЕРИО. Непременно; оставьте насъ однихъ.

БЕРНАРДО. Вашъ покорнѣйшій слуга!

(Уходитъ).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Морицио. Валерию.

Морицио. А! это ты, другъ мой! Ты пришолъ очень-кстати.

Валерию. Какъ поживаешь?

Морицио (*пожавъ плечами*). Такъ-такъ!

Валерию. Что это значитъ? Ужь не боленъ-ли ты?

Морицио. Напротивъ, я здоровѣхонекъ! (*Въ сторону*) О! адская ночь!

Валерию. А здорова-ли любезная Марианна твоя?

Морицио. О!.. да... она... такъ-такъ!.. Кажется, здѣшній воздухъ ей вреденъ; и еслибъ меня не задерживали здѣсь дѣла, такъ я тотчасъ-же воротился-бъ домой.

Валерию. Другъ, говори прямо! Точно-ли воздухъ здѣшній вреденъ женѣ твоей? Нѣтъ-ли другой причины?

Морицио. Это что за вопросъ?

Валерию. Между нами булъ сказано... вѣдь мы старые друзья... хозяинъ твой разсказалъ мнѣ довольно-странныя вещи... которыя заставляютъ меня сожалѣть о тебѣ. Всѣ постояльцы жалуются на вась... даже сосѣди начинаютъ роптать...

Морицио. Милосердное небо! Следовательно, всѣ знаютъ уже о происшествіи этой ночи?

Валерию. Вѣдь ты окружонъ не глухими.

Морицио. Ахъ, любезнѣйшій другъ мой, умилосердуйся надо мною, помоги, посоветуй мнѣ! (*Тише*). Я пахожусь въ отчаянномъ положеніи; не знаю, что дѣлать! Меня вѣчно преслѣдуетъ, осаждаетъ эта безумная! За какіе грѣхи наложилъ я на себя эти адскія оковы?

Валерию. Не прогнѣвайся, другъ мой; но ты поступилъ безразсудно, женившись въ четвертый разъ.

Морицио. Это дѣло конченное. Но что мнѣ теперь дѣлать? Другъ, не знаешь-ли какое вибудь средство? Говори...

Валерию. Постой,—ты давно уже обѣщалъ мнѣ разсказать похождения свои. Разскажи-жъ мнѣ теперь все подробно. Потомъ подумаемъ.

Морицио. Да... но обѣдай мнѣ, не считать меня лгуномъ, когда услышишь вещи, которыя покажутся тебѣ невѣроятными, баснословными. Бываютъ вещи неправдоподобныя, но истинныя!.. Слушай-же. Ты знаешь, я родомъ изъ Флоренціи; отецъ мой умеръ, не оставивъ мнѣ большаго состоянія. Я всегда имѣлъ

страсть къ путешествіямъ. Итакъ, вскорѣ послѣ смерти отца, я пустился странствовать. Судьба привела меня прежде всего въ Сицилію. Въ Мессинѣ я познакомился съ дочерью богатаго купца. Она была настоящій ангелъ; любовь моя была неограниченна, и отецъ ея былъ такъ добръ, что согласіемъ на бракъ нашъ содѣлалъ меня счастливейшимъ изъ смертныхъ!.. Ужасное землетрясеніе, разрушившее большую часть Мессины, ввергло меня въ пропасть отчаянія! Домъ тестя моего разрушился... словомъ... я одинъ спасся... удалился въ Неаполь, и по привычкѣ невыразимой горести своей прослылъ тамъ сумасшедшимъ!

ВАЛЕРІО. Бѣдный другъ!

МОРИЦІО. Въ Неаполь познакомился я съ сестрою палермскаго врача; она славилась игрой своей на скрипкѣ. Небо! Какъ она владела смычкомъ, какое стаккато! Ей было шестьдесятъ лѣтъ... Я женился на ней!

ВАЛЕРІО. На шестидесятилѣтней старухѣ?

МОРИЦІО. Женился... и раскаялся. Удрученный судьбою, я возненавидѣлъ весь міръ. Въ подобныхъ случаяхъ мы теряемъ рассудокъ... бѣдный смертный познаетъ доброе, но избираетъ дурное! Впрочемъ я тебѣ уже сказалъ, что горестъ почти лишила меня разсудка, а потому я и поступилъ какъ сумасшедшій!.. и въ самомъ-дѣлѣ чуть не сошелъ съ ума отъ старой, привязчивой...

ВАЛЕРІО. И вѣроятно безобразной?

МОРИЦІО. Безобразной въ такой-же степени, въ какой первая жена моя была хороша. Виртуозка моя походила на одинъ изъ тѣхъ препаратовъ, по которымъ въ университетяхъ учатся анатоміи!.. Къ счастью моему, дражайшей моей половинѣ вздумалось посѣтить брата своего. Я послѣдовалъ за нею. Помнишь-ли ты еще страшную ночь на 25-е октября?

ВАЛЕРІО. Въ которую между Неаполемъ и Палермо погибло такое множество кораблей?

МОРИЦІО. Именно. Мы находились на одномъ изъ этихъ кораблей, и претерпѣли крушеніе. Старуха моя при моихъ глазахъ погрузилась въ пучину, и какъ по особенному чуду я одинъ спасся!

ВАЛЕРІО. Послѣ этого ты женился на третьей?

МОРИЦІО. Почему-же нѣтъ?.. Прибывъ счастливо въ Неаполь, я нанялъ квартиру у книгопродавца; у него была дочь, очаровательная дѣвушка; добрал, кроткая, но неможко—глупая! Я привыкъ уже быть жеватымъ, а потому женился на дочери книгопродавца, уѣхалъ съ нею изъ Неаполя, чтобы наконецъ поселиться на родинѣ. Но судьба опредѣлила иначе!.. На насъ напали разбойники и при моихъ глазахъ закололи бѣдную жену мою!.. Я

былъ раненъ, но спасся и прибылъ въ Римъ; на другой-же день воротился я на злополучное мѣсто, чтобы предать землѣ трупъ жены моей, но искалъ и плакалъ тщетно!.. Горы и долины вторгли вою и реву моему... все тщетно! Вѣроятно, бандиты зарыли гдѣ-нибудь тѣло ея...

ВАЛЕРІО. Въ-самомъ-дѣлѣ, судьба жестоко преслѣдовала тебя.

МОРИЦІО. О! это все еще ничего. Слушай далѣе. Я опять воротился въ Римъ и увы! къ-несчастью моему встрѣтился съ этой вдовой изъ Флоренціи! Она недавно лишилась мужа; находясь самъ въ горестномъ положеніи, я старался утѣшить ее; она, со слезами на глазахъ, утѣшала меня. Мы до-того утѣшали другъ-друга, что... соединились законнымъ бракомъ. Тутъ вдругъ пришло къ концу утѣшеніямъ... и я, какъ ты знаешь, навязалъ себѣ на шею страшную обузу! Давно-бы я сунулъ какому-нибудь абеллино пару цехиновъ, чтобы онъ избавилъ меня отъ нея, но боюсь — судьба сведетъ меня съ пятой женой, съ которою будетъ еще большая мука!

ВАЛЕРІО. Балъ спасеніе возможно!

МОРИЦІО. Неужели ты надѣешься образумить ее?

ВАЛЕРІО. Я?

МОРИЦІО. Да... ты, ты одинъ! Она уважаетъ, почитаетъ тебя одного!

ВАЛЕРІО. Меня? о, я счастливецъ! Ревность — это любимая страсть моя; я былъ-бы въ раю, еслибъ судьба дала мнѣ ревнивую жену!

МОРИЦІО. А я былъ-бы въ раю, еслибъ могъ уступить тебѣ свою жену.

ВАЛЕРІО. Я-бъ взялъ ее съ восторгомъ!

МОРИЦІО. Вотъ она... ради-Бога, не поджигай страсти ея!

ВАЛЕРІО (смѣется). Я употреблю все средства, чтобы доказать ей, что она поступаетъ дурно!

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Теже, МАРИАННА.

ВАЛЕРІО (идетъ ей на-встрѣчу; — охель-нѣжно). Прелестнѣйшая синьйора... вашъ покорнѣйшій...

МАРИАННА (не обращая на Валеріо вниманія, скоро мужу). Глазъ ты до-сихъ-поръ былъ?

МОРИЦІО. Разговаривалъ здѣсь съ другомъ.

МАРИАННА. Точно-ли?

ВАЛЕРІО. Точно, синьйора.

МОРИЦІО *(тихо Валеріо)*. Чтò скажешь?

ВАЛЕРІО *(тихо)*. Она сокровище!

МОРИЦІО. Я-было хотѣлъ иди немножко прогуляться, для мо-
ціону...

МАРИАННА. Очень-хорошо.... мы пойдемъ вмѣстѣ!

МОРИЦІО. Но, милая моя.... я не велѣлъ присылать кареты.

МАРИАННА. Такъ пойдемъ пѣшкомъ.

МОРИЦІО. *(тихо Валеріо)* Примѣчаешь?

ВАЛЕРІО. *(тихо)*. Она ангелъ!... *(Въ-слухъ)* Прелестная синьйора,
пустите его одного, доставьте ему это удовольствіе.

МАРИАННА. Но развѣ гулять вмѣстѣ съ женою не удовольствіе?

МОРИЦІО. *(тихо Валеріо)*. Хорошо удовольствіе!

ВАЛЕРІО. *(тихо)*. Впрочемъ она говоритъ правду, другъ мой!
(Въ-слухъ) Э, э, да вы, кажется, немножко ревнивы!

МАРИАННА. Я? ревнива? Ошибаетесь, почтеннѣйшій свніоръ
Валеріо!

ВАЛЕРІО. Такъ вы отпустите его одного?

МАРИАННА. Я ничего не могу ему приказывать! Онъ имѣетъ пол-
ную свободу дѣлать, чтò ему угодно.

ВАЛЕРІО. Вы говорите это такимъ голосомъ....

МАРИАННА. Какимъ должно. Иди, другъ мой.... ты сдѣлаешь мнѣ
этимъ удовольствіе.

ВАЛЕРІО. Коли такъ, то иди!

МОРИЦІО. Такъ я схожу за шляпой и тростью.

МАРИАННА. Нѣтъ, мой милый, это мое дѣло. Я тебѣ сейчасъ все
привесу.... *(въ-сторону)* А не то онъ, пожалуй, встрѣтится съ гор-
ничною.

(Поспѣшно уходитъ)

МОРИЦІО. Примѣчаешь?

ВАЛЕРІО. Примѣчаю.

МОРИЦІО. А чтò скажешь?

ВАЛЕРІО. Такая жена для мужа сушій кладъ!

МОРИЦІО. Полно вздоръ молоть! Ты еще меня самого съ ума
сведешь!

МАРИАННА *(возвращается со шляпой и тростью)* Вотъ, мой ми-
лый!

МОРИЦІО. Благодарю. Я возвращусь не позже, какъ чрезъ часъ.

МАРИАННА. Ахъ, Боже мой! да чтò-жъ ты будешь дѣлать все это
время?

МОРИЦІО. Гулять, дышать свѣжимъ воздухомъ.

МАРИАННА. Да на это довольно пяти минутъ. Неправда-ли, почтенный другъ нашъ?

ВАЛЕРІО. Конечно.... въ пять минутъ можно нагуляться до сыта....

ПЯТАЯ СЦЕНА.

ТѢЖЕ, ДЖАКОВО.

ДЖАКОВО. Хозяинъ проситъ позволенія представить господамъ жену свою.

МАРИАННА. (*Поспѣшно мужу*) Иди, иди гулять, мой милый, иди скорѣе! (*Джакобо*) Скажи хозяину, что мы сочтемъ за удовольствіе познакомиться съ женой его.

ДЖАКОВО. Слушаю, синьйора!

(*Уходитъ*)

МОРИЦІО. Такъ я могу...?

МАРИАННА (*поспѣшно*) Иди, иди!

МОРИЦІО. Но пяти минутъ....

ВАЛЕРІО. Пять, шесть.... восемь.... десять минутъ....

МАРИАННА (*всплывиво*). Уйдешь ли ты наконецъ!

ВАЛЕРІО. Иди-же, другъ мой!

МОРИЦІО (*тихо Валеріо*). Примѣчаешь?

ВАЛЕРІО (*тихо*). Примѣчаю.

МОРИЦІО (*также*). А что скажешь?

ВАЛЕРІО (*также*). Ты счастливѣйшій человекъ въ мірѣ!

МОРИЦІО. (*также*) Убрайся ты къ чорту!

(*Уходитъ*).

ШЕСТАЯ СЦЕНА.

МАРИАННА. ВАЛЕРІО.

МАРИАННА. Что вы не присядете?

ВАЛЕРІО. Послѣ васъ, синьйора. (*Садятся*) Вы, какъ кажется, не любите разлучаться съ мужемъ вашимъ?

МАРИАННА. О, онъ во всемъ имѣетъ полную свободу; я люблю его такъ, какъ жена должна любить мужа, но ревности я не знаю!

ВАЛЕРІО. Однако-жъ... простите мнѣ... но судя по наружности, можно подумать, что отсутствіе его вамъ неприятно, а что онъ, напротивъ, съ удовольствіемъ удаляется отъ васъ.

МАРИАННА. Неужели вы это замѣтили? О, зачѣмъ я поступила

такъ безразсудно и вышла за человека, который три раза уже былъ женатъ!

ВАЛЕРІО. Оставьте его въ покоѣ. Единственное средство быть любимымъ есть не надѣлать предмету любви своей безпрестанными требованіями. Постарайтесь заставить его ревновать!

МАРИАННА. Заставить ревновать человека, который уже три раза былъ женатъ! что вы говорите! Да развѣ это возможно?

ВАЛЕРІО. Испытайте. Да, да, прелестная, очаровательная синьорина, мы подшутимъ надъ вашимъ мужемъ! Пусть придетъ и его очередь, пусть и онъ побѣгаетъ за вами... а не все вы за нимъ!

МАРИАННА. Я? за нимъ?

ВАЛЕРІО. Довольно! Позвольте мнѣ, восхитительная синьора, со всѣмъ слѣдующимъ вамъ уваженіемъ, поволочиться за вами?

МАРИАННА (*въ-сторону*). Опъ, въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасный полковѣкъ, и желаетъ услужить мнѣ! (*Въ-служѣ*) Я ничего не могу сказать противъ дружескаго совѣта вашего. О, какъ я рада, что увижу наконецъ, какъ мужъ мой будетъ бѣситься изъ ревности. Однако-жѣ... если... намъ не удастся..?

ВАЛЕРІО. Удастся! И съ этой минуты я объявляю себя вѣвпокорнѣйшимъ слугою и рабомъ вашимъ!

МАРИАННА. Согласна! (*Въ-сторону*). Гдѣ это такъ долго остается мужъ мой?

ВАЛЕРІО. Откажитесь отъ ревности!

МАРИАННА. Я никогда и не ревновала! (*Въ-сторону*) Я желала-бы знать гдѣ онъ? Что онъ дѣлаетъ? О, я сижу на горячихъ угольяхъ!

СЕДЬМАЯ СЦЕНА.

Тѣже, БЕРНАРДО, ФОСТИНА, потомъ ДЖАКОБО.

БЕРНАРДО. Высокопочтенные господа, честь имѣю представить вамъ жену мою.

МАРИАННА. Очень-рада познакомиться. Садитесь пожалуйста.

ФОСТИНА. Извините... я не хотѣла беспокоить васъ... но мужъ мой требовалъ... а потому осмѣлюсь беспокоить васъ... извините...

МАРИАННА (*въ-сторону*). Она недурна! О, я ни за что здѣсь не оставусь!

ВАЛЕРІО (*Фостинѣ*). Я упробилъ его познакомиться насъ...

МАРИАННА (*Валеріо*). А? вы желали познакомиться?

ВАЛЕРИО (*Маріаннѣ*). То есть... знаете... это такъ говорится...
впрочемъ...

МАРИАННА (*съ-удовольствіемъ*). О, я понимаю, понимаю...

ВАЛЕРИО (*въ-сторону*). Ужъ она и ко мнѣ ревнуетъ? о, какое
блаженство!

ФОСТИНА (*мужу*). Слышишь... напрасно я сюда пришла...

БЕРНАРДО (*женѣ*). Я самъ раскаяваюсь, что привелъ тебя.

ВАЛЕРИО (*Маріаннѣ*). Какъ она вамъ нравится?

МАРИАННА (*ему*). Она недурна... мужъ мой охотно-бъ познако-
мился съ нею... словомъ, я не хочу болѣе оставаться въ этой
гостинницѣ... и... (*Фостинѣ*). Но что-же вы не сядете?

ФОСТИНА. Ужъ позвольте мнѣ въ другой разъ придти... теперь у
меня слишкомъ-много дѣла, .. неправда-ли, любезный! Бернардо, у
меня много дѣла?

БЕРНАРДО. Правда, теперь постояльцы одинъ за-другимъ на-
ѣзжаютъ къ намъ.

ДАЖАКОБО (*входитъ*). Хозяинъ, сейчасъ въѣхали къ намъ на
дворъ двѣ кареты; одна съ господами изъ Мессины—кажись мужъ
и жена; другая со старымъ господиномъ и старой барыней изъ
Чиввтавекки!

ФОСТИНА. Видите-ли, что я правду говорила? Гости за гостями!

БЕРНАРДО. Отвори скорѣе 5-й и 6-й номера! Поди, выдай скорѣе
нужное бѣлье!

ФОСТИНА. Вы позволите...

МАРИАННА. О, ради Бога, не церемоньтесь съ нами!

ФОСТИНА. Ваша покорнѣйшая служавка!

(*Уходитъ*).

БЕРНАРДО. И я, съ вашего позволенія, пойду принимать пріѣз-
жихъ!

МАРИАННА. Какъ вамъ угодно. Позвольте мнѣ только замѣтить
вамъ, что у васъ прекраснѣйшій вкусъ!

БЕРНАРДО. Почему?

МАРИАННА. Потому-что вы умѣли выбрать такую прелестную
жену.

БЕРНАРДО. А!... благодарю, синьора! Да... Фостина моя хороша
и притомъ удивительно-добра; я очень люблю ее, и она меня лю-
битъ, но никто изъ насъ не ревнивъ... слава Богу, эта глупость
намъ и въ голову не приходитъ! Честь имѣю клясться!

(*Уходитъ*).

ВОСЬМАЯ СЦЕНА.

МАРИАННА, ВАЛЕРІО.

ВАЛЕРІО. Честный Бернардо!

МАРИАННА (*въ-сторону*). Этотъ трактирщикъ говоритъ мнѣ въ глаза грубости, и я должна молчать!... (*Въ-слухъ*) Что мы будемъ теперь дѣлать, синьйоръ Валеріо?

ВАЛЕРІО. Что вамъ угодно!

МАРИАННА. Я думаю, что не худо-бы намъ идти за почтеннымъ супругомъ мопмъ, прогулка котораго продолжается что-то слишкомъ-долго!

ВАЛЕРІО. Извольте, но врядъ-ли мы найдемъ его... Римъ такъ великъ!

МАРИАННА. Мы исходимъ всѣ улицы.

ВАЛЕРІО (*въ-сторону*). Прекрасно! (*Въ-слухъ*) Какъ вамъ угодно. Пойдемте!МАРИАННА. Но... повремените минуточку! (*Въ-сторону*) Что, если онъ воротится, когда меня здѣсь не будетъ.... онъ можетъ.... проклятая горничная! (*Запираетъ комнату свою и беретъ ключъ къ себѣ*). Дайте мнѣ вашу руку!

ВАЛЕРІО. Но, кажется, кто-то есть въ вашей комнатѣ?

МАРИАННА. Ничего!

ВАЛЕРІО. Хе, хе! И вы говорите, что вы не ревнивы?

МАРИАННА. Я... ревнива? Боже сохрани!

ВАЛЕРІО. Пожалуйте!

(Уходятъ).

ДЕВЯТАЯ СЦЕНА.

ЭСТАЧЧІО, АВРОРА, БЕРНАРДО, СЛУГИ.

ЭСТАЧЧІО. Гдѣ наши комнаты?

БЕРНАРДО. Здѣсь, синьйоръ! Двѣ маленькія, хорошенькія комнаты — извольте выбирать — онѣ очень-удобны и изъ нихъ прекрасный видъ на самую оживленную улицу Рима.

ЭСТАЧЧІО. Это-то мнѣ и не нравится! Нѣтъ-ли у васъ другихъ, болѣе покойныхъ комнатъ? Гдѣ нибудь-сзади, поотдаленнѣе....

АВРОРА. Зачѣмъ хотите вы опять запереть меня въ какой-нибудь-уголокъ?

ЭСТАЧЧІО. Потому-что тамъ васъ никто беспокоить не будетъ!

БЕРНАРДО. Теперь вся моя гостинница занята, но сегодня-же выйдутъ нѣсколько постояльцевъ; тогда нѣсколько такихъ комнать, какія вы желаете, будутъ къ услугамъ вашимъ.

ЭСТАЧЧЮ. Очень-хорошо... такъ мы сначала помѣстимся здѣсь!

БЕРНАРДО (*служамъ, входящимъ съ разными пожитками*). Несите все туда.

ЭСТАЧЧЮ. Хозяинъ!

БЕРНАРДО. Чтò прикажете?...

ЭСТАЧЧЮ. Не знаете-ли вы честнаго адвоката?

БЕРНАРДО. Адвоката? знаю.

ЭСТАЧЧЮ. Честнаго...?

БЕРНАРДО. Адвоката? знаю, синьйоръ.

ЭСТАЧЧЮ. Которому можно вѣряться въ весьма-важныхъ обстоятельствахъ?

БЕРНАРДО. Знаю, синьйоръ, удивительнаго человѣка — синьйора Панфилио. Онъ живетъ напротивъ насъ.

ЭСТАЧЧЮ. Могу-ли я поговорить съ нимъ?

БЕРНАРДО. Хоть сейчасъ? Не угодно-ли послѣловать за мною?

ЭСТАЧЧЮ. Не можетъ-ли онъ сюда придти?

БЕРНАРДО. Я спрошу, и если ему можно, то я сейчасъ-же приведу его къ вамъ.

ЭСТАЧЧЮ. Пожалуста... поскорѣе!

БЕРНАРДО. Черезъ пять минутъ!

(*Уходитъ*).

ДЕСЯТАЯ СЦЕНА.

ЭСТАЧЧЮ, Аврора.

АВРОГА. Зачѣмъ-же вы сами не пошли къ адвокату?

ЭСТАЧЧЮ. Потому-что ваше присутствіе необходимо въ нашемъ совѣщаніи (*Въ-сторону*). Оставьте ее одну! Какъ-бы не такъ!

АВРОГА. Но какое мнѣ дѣло до вашихъ совѣщаній?

ЭСТАЧЧЮ. Станный вопросъ! Развѣ я могу безъ васъ жениться на васъ? Вы сами должны подробно объяснить ему все дѣло и услышать, чтò онъ присоветуетъ.

АВРОГА. Почтеннѣйшій синьйоръ Эстаччю... послушайте, чтò я вамъ скажу: я не хочу повторять вещей, которыя я говорила вамъ уже сто разъ. Вы знаете, что въ продолженіе двухъ недель, я лежала, какъ-бы заживо погребенная, подъ развалинами родительскаго дома моего, и только какимъ-то чудомъ спаслась изъ ужасной, преждевременной могилы... въ которой только найденные

мною плоды поддерживали существованіе мое. О, зачѣмъ я не умерла! Я не знала-бы смертельной горести, не была-бы принуждена оплакивать смерть мужа моего — незабвеннаго, вѣчно-любимаго мужа моего! Даже трупъ его нельзя было отыскать въ развалинахъ!... Вы спасли мнѣ жизнь, и, изъ признательности, я не могла отказать вамъ въ рукѣ, которую вы спасли отъ смерти. Но позвольте мнѣ теперь еще предаваться душевной горести, и избавьте меня отъ разговоровъ про свадьбу!

эстаччіо. Но... какой вредъ могутъ принести вамъ эти разговоры?

аврора. Какую пользу принесутъ они вамъ?

эстаччіо. Они развлекаютъ васъ! доставляютъ вамъ нѣкоторое утѣшеніе!

аврора (*съ горестью и неудовольствіемъ*). Развлекаютъ? Утѣшеніе?... Если вы это думаете, такъ говорите, сколько вамъ угодно.

эстаччіо. Вотъ это прекрасно, моя Авроринька! будьте благодарны, уступчивы, любезны... а прочее само придетъ! О, будьте только жонущкой моею, и вы скоро забудете вашего Мориціо, блаженной памяти!

аврора. Забуду? Я... его? Никогда! Мориціо будетъ вѣчно жить въ сердцѣ и умѣ моемъ!

эстаччіо. Но я никакъ не могу понять, чѣмъ въ немъ было особеннаго?... И что нѣкто... даже, хоть-бы напримѣръ, обожающій васъ Эстаччіо... не можетъ замѣнить вамъ этого Мориціо.

аврора. Онъ не имѣлъ ни одного качества, которое могло-бы не нравиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ всеми качествами, которыя заставляютъ любить!...

эстаччіо. О — о! Это... знаете... неможно многовато... Чѣмъ же я, напримѣръ...

аврора. Онъ былъ, по-крайней-мѣрѣ, тридцатью годами моложе васъ... обладалъ прекраснымъ сердцемъ... умомъ... обращеніе его было неподражаемо... и со всемъ этимъ, онъ имѣлъ еще то великое преимущество...

эстаччіо. Великое преимущество! А какое, позвольте узнать?

аврора. То, что онъ никогда и ни къ чему не сталъ-бы принуждать меня!

эстаччіо. Я самъ такъ думаю и поступаю! Прелестная Авроринька!... время, терпѣніе, благоразуміе, уступчивость...

аврора (*презрительно*). И любезность? не правда-ли?

эстаччіо. Именно!... и любезность!... И мы оба будемъ удивительно счастливы!

аврора. Счастлива? Я... послѣ смерти моего Мориціо!

эстаччио. Мориціо не умеръ!

аврора. Возможно-ли?... Ахъ, дай Богъ, чтобы вы говорили правду!

эстаччио. Желаете-ли вы видѣть его?

аврора. О, окончите страданія мои! Ахъ, я-бъ умерла отъ радости!

эстаччио (*выпрямившись*). Такъ смотрите-жъ на него!

аврора. На кого?

эстаччио. На Мориціо!

аврора. Но гдѣ онъ?

эстаччио. Предъ вами!... Да, милая Авроринька, я замѣню вамъ Мориціо! Я буду любить, обожать васъ! Я ни къ чему не стану принуждать васъ... словомъ, я превзойду перваго мужа вашего!

аврора (*презрительно*). Если вамъ непременно хочется шутить такимъ неприличнымъ образомъ, то обдумайте, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ находимся, и говорите потише!

эстаччио. Говорите, что хотите.... но мы созданы другъ для друга!

аврора (*въ-сторону*). О терпѣніе... не покидай меня!

эстаччио (*въ-сторону*). Она что-то шепчетъ!... она сдается!... убѣжденія мои подѣйствовали!

ОДИННАДЦАТАЯ СЦЕНА.

ТѢЖЕ, Джаково, Сусанна, Тимотео, Слуги съ пожитками.

сусанна. Помогите Боже! Дайте стулъ! у меня подкосились ноги!

тимотео. И мнѣ стулъ! Я упаду въ обморокъ!

джаково (*поспѣшно*). Вотъ, вотъ! Потрудитесь присѣсть! (*Въ-сторону*), Чего добраго, еще они у насъ духъ испустятъ!

эстаччио (*Аврорѣ*). Пойдемте въ наши комнатки; тамъ мы безъ помѣхи можемъ поговорить о нашей любви до прихода адвоката!

аврора. Какъ вамъ угодно! (*Въ-сторону*). О небо! даруй мнѣ терпѣніе, чтобы перенести мучительную привязчивость этого величайшаго глупца!

(*Уходятъ*).

сусанна. Уфъ! Я прихожу въ себя.

тимотео. Да!... и мнѣ стало полегче.

джаково. Прикажете снести вещи ваши въ номера?

сусанна. Да! не забудь моей скрипки и моего дорожнаго прибора.

джаково. Слушаю! (*Хочетъ идти*).

ТИМОТЕО. Слуга!

ДЖАКОБО. Что прикажете?

ТИМОТЕО. Не забудь мѣховаго халата моего.

ДЖАКОБО. Слушаю! (*Хочетъ идти*).

СУСАННА. Въ сундукѣ коляски лежатъ подушки мои!

ТИМОТЕО. Мои бритвы съ приборомъ...

СУСАННА. Вынь все осторожно... особенно скрипку мою! Не разбей! Не задвѣнь!

ДЖАКОБО. Будьте покойны! (*Хочетъ идти*).

СУСАННА. Слуга!

ДЖАКОБО. Что прикажете?

СУСАННА. Въ одномъ изъ боковыхъ кармановъ въ коляскѣ лежатъ мой ночной чепчикъ и очки мои. Только осторожный со скрипкой!

(*Джакобо хочетъ идти*).

ТИМОТЕО. Слуга!

ДЖАКОБО. Что прикажете?

ТИМОТЕО. Въ другомъ карманѣ мой колпакъ, туфли и новый парикъ!

ДЖАКОБО. Все принесу, все принесу! Будьте только покойны! (*Убѣгаетъ, и со все продолженіе слѣдующей сцены проходитъ съ вещами и уходитъ*).

СУСАННА. Какъ пріятно путешествовать!

ТИМОТЕО (*вздыхая*). Очень!

СУСАННА. Жаль только, что это сопряжено съ такими неудобствами.

ТИМОТЕО. Да! особенно для насъ... въ наши лѣта!

СУСАННА. Для тебя!... Я еще въ самой силѣ жизни, свѣжа и здорова, не-смотря на то, что претерпѣла множество горя и бѣдъ!

ТИМОТЕО. Въ самой силѣ жизни! Ха, ха, ха! На седьмомъ десяткѣ!

СУСАННА. Я поступила очень-дурно, что вышла за такого стараго дурака! Но дѣло сдѣлано! Если-жъ я опять овдовѣю, то ужъ выберу лучше!

ТИМОТЕО. Выберешь? Нѣтъ, жена, для выбору нужно имѣть личныя прелести, а... моя любезная Сусанна... ты давно истратила не только капиталъ, но и проценты прелестей своихъ! Ха, ха, ха!

СУСАННА (*передразнивалъ его*). Ха, ха, ха! Вѣчно смѣется! А давно-ли я овдовѣла? Покойникъ-то былъ молодъ и хорошъ!

ТИМОТЕО. Правда!... но вѣдь ты сама говорила, что онъ женился на тебѣ съ горя и отчаянія!

СУСАННА. Съ отчаянія... да, конечно... потому-что онъ былъ отчаянно влюбленъ въ меня! Ахъ, мой милый Мориціо, зачѣмъ ты не живь! Какая разница между молодымъ и старымъ мужемъ!

ТИМОТЕО. Все еще бредитъ молодыми мужьями, а скоро у самой ни одного волоса на головѣ не останется! Выбрось изъ головы этотъ вздоръ—старуха!

СУСАННА. Ни одного волоса? Да знаешь-ли ты, что я лишилась ихъ отъ ужаса, во-время бури!... Пожалуйста не ревнуй! Я знаю и уважаю долгъ свой... хотя ты и недостойнъ обладать такою вѣрною женой!... (*Нѣжно*). Неблагодарный! сколько разъ доказывала я тебѣ непоколебимость супружеской вѣрности своей!

ТИМОТЕО. Да кому взбрѣдетъ на-умъ поколебать вѣрность твою? Ха, ха, ха!... (*Съ комическимъ гнѣвомъ*). Гдѣ этотъ извергъ? Скажи мнѣ имя его. . и онъ умретъ не иначе, какъ отъ руки моей!...

СУСАННА. Успокойся, неблагодарный! не горячись...

ТИМОТЕО. То-то-же! Ты вѣдь знаешь, какой... (*Кашлетъ*) Кхъ! кхъ!... Ка... кхъ!... кой... пла... кхъ!... пламень... кхъ!... какой пламень въ груди моей! Помиримся-жъ Сусанна! Только не напоминай мнѣ про твоего Мориціо!

СУСАННА (*со вздохомъ*). А-а-ахъ!... онъ!... Ну, такъ и быть, помиримся! На этотъ разъ я тебѣ прощаю!

ТИМОТЕО. Неужели? вотъ добрая душа!

СУСАННА. Только, смотри, не ревновать!

ТИМОТЕО. Изволь! Только съ тѣмъ, чтобы меня одного любила, Сусанночка моя!

СУСАННА. Тебя одного, мой сладкій Тимоша!

ТИМОТЕО. Дай мнѣ залогъ любви своей!

СУСАННА. Сыграть что-нибудь на скрипочкѣ?

ТИМОТЕО. Какая теперь скрипочка!... Мышеночекъ! неужто ты не поняла меня? Мнѣ надо кое-что послаще!... самаго сладкаго!

СУСАННА. Обворожительный шалунъ!

ТИМОТЕО. Плотовочка!

(*Комически обнимаются*).

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ТѢЖЕ, БЕРНАРДО И ДЖАКОБО.

БЕРНАРДО (*въ-сторону*). Помоги Богъ, какія нѣжности! (*Въ-слухъ*). Всепокорнѣйшій слуга! Не прикажете-ли чего?

СУСАННА. Мы ждемъ только, чтобы вещи наши были спесены въ наши комнаты.

ДЖАКОБО. Все готово. Не угодно-ли самимъ посмотреть, все-ли тамъ?

ТИМОТЕО. Пойдемъ, мой ангельчикъ!

СУСАННА. Съ удовольствіемъ, милашка!

(Уходитъ рука-подъ-руку).

БЕРНАРДО. Вотъ любовь!

ДЖАКОБО. Пойду спрошу, не нужно-ли имъ чего!

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

БЕРНАРДО, ПАНФИЛЮ, потомъ ЭСТАЧЧІО

ПАНФИЛЮ. Здравствуй, сосѣдъ.

БЕРНАРДО. Ахъ, господинъ адвокатъ, какъ вы добры, что пришли! Я сейчасъ доложу пріѣзжему! *(Стучится въ дверь комнаты Эстаггіо)*. Синьйоръ! синьйоръ! господинъ адвокатъ пришолъ!

ЭСТАЧЧІО *(за дверьми)*. Сейчасъ,сейчасъ!

ПАНФИЛЮ. Откуда этотъ пріѣзжій?

БЕРНАРДО. Изъ Мессины.

ЭСТАЧЧІО *(выходя на сцену)*. Вотъ и я!

БЕРНАРДО. Честь имью представить вамъ знаменитѣйшаго законъѣдца нашего города; какое-бы вы не поручили ему дѣло — онъ исполнитъ его къ совершенному вашему удовольствію! Честь имью откланиваться!

(Уходитъ).

ПАНФИЛЮ. Чѣмъ могу я служить вамъ, синьйоръ?

ЭСТАЧЧІО. Потрудитесь присѣсть! *(Садятся)*. Мнѣ надобно разсказать вамъ мельчайшія подробности моего дѣла!... Синьйоръ... какъ прикажете звать васъ?

ПАНФИЛЮ. Панфилю.

(Оба встаютъ и кланяются другъ-другу, потомъ опять садятся).

ЭСТАЧЧІО. Синьйоръ Панфилю! Я страстно влюбленъ... это первая любовь моя!

ПАНФИЛЮ. Первая?

ЭСТАЧЧІО. Да, первая!... Не прикажете-ли табаку?

(Панфилю шюхастъ; оба встаютъ, кланяются другъ-другу и опять садятся).

панфилю. А позволѣте узнать, какое мнѣ дѣло до первой любви вашей?

эстачію. Ваши совѣты мнѣ необходимы, Извольте видѣть, я люблю прелестную молодую женщину, вдову; прежній мужъ ея былъ молодъ, и она его по-сію-пору любить!

панфилю. Молода и молодъ? Это согласно съ законами природы!

эстачію. Вы думаете? Можетъ-быть. Но вѣтъ въ чемъ дѣло: я хочу на ней жениться.

панфилю. Вы, на ней? Это несогласно съ законами природы!

эстачію. Какъ-такъ?

панфилю. Она молода, а вы слишкомъ-стары.

эстачію (*въ-сторону*). Экой дуракъ!

панфилю. Чѣмъ-же я могу помочь вамъ?

эстачію. Я-бы желалъ, чтобы вы доставили мнѣ средства жениться на ней.

панфилю. Какія средства? Неужели вы, милостивый государь, думаете, что намъ, юристамъ, въ Римѣ, только и дѣла, что женить старыхъ холостяковъ на молодыхъ вдовушкахъ?

эстачію. Не горячитесь! Выслушайте-ка лучше меня.

панфилю. Чтѣ вы, принимаете меня за сваху? или за колдуна? Это дерзко, милостивый государь!

эстачію. Послушайте, синьйоръ, любовь моя такъ сильна, что я нарочно приготовилъ въ этомъ кошелькѣ 500 скуди тому, кто женить меня на обожаемомъ предметѣ.

панфилю (*очень-спокойно*). А какія вамъ нужно средства?

эстачію. Я даже готовъ дать 1000 скуди...

(Панфилю встаетъ, оба кланяются и опять садятся).

панфилю (*очень-ласково*). Конечно, это такія обстоятельства, о которыхъ надо подумать и подумать. Вы должны какъ можно спокойно объяснить мнѣ все дѣло, иначе я ни за чтѣ не ручаюсь!

эстачію. Я вѣдь и хотѣлъ вамъ все объяснить.

панфилю (*въ-сторону*). 500! 1000 скуди! Вотъ сильная любовь!

эстачію. Молодая вдовушка мнѣ многимъ обязана; я спасъ ей жизнь... но все-еще пламенная любовь ея къ первому мужу есть одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ исполненію желаній моихъ!

панфилю. Ха, ха, ха! Умершій мужъ! Это не можетъ быть препятствіемъ!

эстачію. Ну, слава Богу! Это уже утѣшаетъ меня!

панфилю. А имѣтъ-ли возлюбленная ваша нѣкоторую склонность къ вамъ?

эстаччіо. Склонности? Сколько вамъ угодно!

панфилю. Bravo! Consensus nuptias facit! (*Въ-сторону*) Получу 500 скуди!

эстаччіо. Но у меня нѣтъ доказательствъ вдовства ея. Вотъ второе препятствіе.

панфилю. Эго бездѣлица! Я докажу вамъ, что угодно!

эстаччіо. Послушайте!... да вы настоящій ангелъ! Не хотите-ли повидаться со вдовушкой?

панфилю. Очень-охотно!

эстаччіо. Я позову ея! (*Подходитъ къ двери*). Аврора! Милая Аврора!

панфилю. (*Въ сторону*). 500 скуди за свадьбу! Неслыханное дѣло! Черезъ годъ онъ-же заплатитъ мнѣ вдвое, чтобы только развести его!

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ СЦЕНА.

ТѢЖЕ, АВРОРА.

АВРОРА. Что вамъ угодно?

эстаччіо. Намъ нужно ваше восхитительное присутствіе! Этотъ господинъ знаменитый законовѣдецъ — онъ желаетъ имѣть честь насладиться вашимъ знакомствомъ.

АВРОРА. Я вамъ очень-обязана....

эстаччіо. (*Тихо Панфилю*). Посмотрите сами! Не правда-ли, какая любезность! Какія прелести! Какой огонь! (*Аврора*) Садитесь, пожалуйста.... вотъ такъ, между нами! (*Ставитъ ей кресла*).

АВРОРА. Какъ вамъ угодно.

эстаччіо. Моя Аврора самая любезная и благоразумная женщина, которую мнѣ когда-либо случалось видѣть.

панфилю. Это рѣдкія качества! Вы, сивыйора, еще такъ молоды, и уже овдовѣли?

АВРОРА. Ахъ, да!... Къ-несчастью....

панфилю. Но въ ваши лѣта надобно поскорѣе опять выдти замужъ!

эстаччіо (*въ-сторону*). Удивительное краснорѣчіе у этого адвоката!

АВРОРА. Я не чувствую къ тому ни малѣйшей охоты.... Я-бъ желала остаться вдовой!

панфилю (*въ-сторону*). Ай, ой, ой! Тутъ дѣло плохо! Какъ-бы 500 скуди не ускользнули отъ меня!

эстаччо (*тихо Панфилю*). Вы понимаете, она говоритъ это изъ одного приличія; она чрезвычайно-чувствительна и до-сихъ-поръ не можетъ еще забыть перваго мужа своего!

панфилю. Никогда не должно предаваться горестнымъ чувствованіямъ....

эстаччо. Я всячески стараюсь развлечь ее....

панфилю. Надобно утѣшиться.

эстаччо. Да, надобно утѣшиться!

панфилю. Выйти за-мужъ!

эстаччо. Я твержу это каждый день!

аврора. Изъ словъ вашихъ я вижу, господа, что вы не понимаете всей горести, которую можно ощутить при подобной потерѣ! Тутъ не помогутъ ни развлеченія, ни утѣшеніе, ни замужество!

панфилю (*Эстаччо*). Объ этомъ препятствіи вы мнѣ не говорили!

эстаччо (*адвокату*). Могутъ-ли существовать какія-нибудь препятствія для такого искуснаго адвоката, какъ вы, Панфилю! (*Аврора*). Но, прелестнѣйшая Аврора, вѣдь Морицію вашъ умеръ, следовательно, тутъ не помогутъ ни вздохи, ни слезы! Вѣдь ужъ онъ не воскреснетъ!

панфилю. Ужъ умеръ, такъ умеръ! Это вѣрнѣйшая аксіома!

аврора. Вы раздираете сердце мое, и думаете этимъ излечить раны его!

эстаччо. Не раздирайте, не раздирайте, синьоры! (*Нѣжно*). Поговоримте о болѣе-пріятныхъ вещахъ.

панфилю. Съ удовольствіемъ!

эстаччо. Поговоримте о нашей свадьбѣ!

панфилю. Свадьба самая пріятная, самая утѣшительная вещь въ мірѣ!

аврора. Не всегда!

эстаччо. Вотъ что правда, то правда! Именно — не всегда! Но когда встрѣтятся два благородныя сердца, дышащія одними ощущеніями дружбы, любви, признательности.... Когда мужчина любить съ благоразуміемъ, разсудительностію....

аврора. Но когда нѣтъ соединенія дружбы, любви и благодарности.... когда только одна признательность, и то очень-слабая, заставляетъ женщину не отказывать.... что тогда женитьба?

(*Панфилю и Эстаччо молчатъ*).

эстаччо (*въ-сторону*). Я не знаю, что отвѣчать! Но что-жъ?

неужели краснорѣчіе адвоката стало въ-тупикъ? (*Въ-слухъ*) Да.... въ томъ-то и дѣло.... что тогда женитьба? Какъ вы думаете, синьйоръ Панфилио?

панфилио. То-есть... что я думаю?... Извольте видѣть, я думаю, что и тогда.... женитьба... понимаете?... женитьба, утвержденная на основномъ столбѣ такого благороднаго.... высокаго чувства, какъ благодарность.... есть ничто-иное.... какъ.... (*Скороговоркой*) какъ счастливый союзъ двухъ благополучныхъ сердець! (*Въ-сторону*) Уфъ! (*Утираетъ потъ со лба*),

эстаччо. Bravo!.. Ну, прелестная Аврора.... вы молчите?... Краснорѣчіе синьйора Панфилио убѣдило васъ? О, мы будемъ вести райскую жизнь.... готовъ побиться объ закладъ!

аврора. Не бейтесь.... можете проиграть!

эстаччо. Почему?

аврора. Потому-что въ этомъ сердцѣ будетъ вѣчно жить Мориціо!

эстаччо. Поговоримте лучше о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ.

панфилио. Умеръ, такъ умеръ! Вотъ моя аксіома!

ПЯТНАДЦАТАЯ СЦЕНА.

ТѢЖЕ. Мориціо.

мориціо. (*Входитъ поспѣшно*) Вотъ и я! Ну, городокъ! кажется и конца нѣтъ! ужъ за то какъ я и торопился!

аврора. О небо! какой голосъ!

Всѣ скоро вскакиваютъ.

эстаччо. Что это значить?

аврора. Мориціо! Не приведѣніе-ли?...

мориціо. Аврора! Ты?...

аврора. Это я!

мориціо. Это я!

панфилио. } Это онъ!

эстаччо. }

аврора. О, мой возлюбленный! Приди въ объятія мои!

мориціо. Дорогая, къ сердцу моему!

эстаччо. Что вы, что вы! Подальше!

панфилио. Смирно! не фамильярничайте!

Эстаччо старается оттащить Аврору, Панфилио тащитъ Мориціо.

мориціо. О, моя Аврора!

аврора. Мой Мориціо.

эстаччио. Чтѣ вы, смѣтаетесь надо мной?
панфило. Это противу всѣхъ правъ и законовъ!

ШЕСТНАДЦАТАЯ СЦЕНА.

Тѣже, Бернардо, Фостина.

БЕРНАРДО. Опять здѣсь шумъ? Въ первой гостинницѣ Рима подобные безпорядки не терпятъ!

ФОСТИНА. Чтѣ здѣсь за шумъ, Бернардо?

БЕРНАРДО. Посмотри сама!

ФОСТИНА. Небо!... возможно-ли? Мориціо! мой Мориціо! (Хотѣтъ броситься въ его объятіа).

МОРИЦИО (какъ громомъ пораженный). Еще одна!...

БЕРНАРДО. Жена! чтѣ ты взбѣсилась, что-ли?

МОРИЦИО. Она жива! Фостина моя жива!

ФОСТИНА. Жива! и въ объятіяхъ твоихъ! (Бросается въ объятіа его).

БЕРНАРДО. Ахъ, чортъ возьми! (Почосывая затылокъ) Проклятые разбойники! Они дали промахъ!

СЕМНАДЦАТАЯ СЦЕНА.

Тѣже, Маріанна, Валеріо.

МАРИАННА (вбѣгал). Чтѣ я вижу! Мужъ мой въ объятіяхъ двухъ женщинъ!

ВАЛЕРІО. Двѣ за-разъ! Ну, пріятель, это роскошь!

МАРИАННА. Вѣроломный! Измѣнникъ! Я поймала тебя на-дѣлѣ!

АВРОРА. Оставьте меня и мужа моего въ покоѣ!

ФОСТИНА. Не кричите такъ громко! Это мой мужъ, а не вашъ!

МАРИАННА. Какъ? Чтѣ? Онъ мой законный мужъ!

ФОСТИНА. Онъ мой мужъ!

АВРОРА (вспыльчиво). Онъ мой!

БЕРНАРДО. Бѣдный Бернардо!

МАРИАННА. На яву-ли я это вижу?

ПАНФИЛО (выступая впередъ). Смирно! тише!... Приступимте къ дѣлу по-порядку. Позвольте узнать, милостивый государь, сколько у васъ жонъ?

МОРИЦИО (растерявшись). Успокойтесь... дайте мнѣ духъ перевести!... Вы все узнаете... выслушайте меня только...

эстаччио (съ досадой Аврорѣ). Да отпустите-же его... вы ви-

дите, онъ не можетъ сказать ни одного слова!

БЕРНАРДО (*Фостинѣ*). Я удивляюсь тебѣ!... Какъ это тебѣ не стыдно... въ присутствіи мужа... Фи!... неприлично!... О, ты еще не знаешь, на что Бернардо способенъ!

ВАЛЕРІО. (*Бернардо*). Да дайте-жъ ему сказать слово!

БЕРНАРДО. Я не ревнивъ... но, чортъ возьми!...

МАРИАННА. Я не ревнива... но...

ВАЛЕРІО. Тише, смиренно!... Пусть Мориціо говоритъ!

МОРИЦИО. Аврора.... Фостина... Марианна .. вы всѣ три жены мои!

БЕРНАРДО. Три жены! И онъ еще живъ!

ЭСТАЧЧІО. Удивительный человекъ!

ПАНФИЛИО. Настоящій султанъ!

МОРИЦИО. У меня было четыре жены — одна изъ нихъ была старуха... но Аврора была первая! Я думалъ, и имѣлъ право думать, что она погибла... съ-горя я женился на старухѣ.. та, какъ я вижу, не шута отправилась на тотъ свѣтъ... потомъ женился я на Фостинѣ... бандиты закололи ее при моихъ глазахъ... а она жива!... тогда я сочетался законнымъ бракомъ съ Марианной.. теперь изъ четырехъ жонъ моихъ, три оказались въ живыхъ, и судьба свела ихъ здѣсь вмѣстѣ... неслыханный случай!.. Но, и по собственному выбору, и по праву, я уже рѣшился...

ЭСТАЧЧІО. Вы не имѣете никакого права ни выбирать, ни рѣшаться... Аврора принадлежитъ мнѣ!

МАРИАННА. Мориціо принадлежитъ мнѣ!

АВРОРА. Онъ мой... и ничто не разлучитъ меня съ нимъ!

ФОСТИНА. Фостина...

БЕРНАРДО. Принадлежитъ мнѣ!

МАРИАННА. Я задыхаюсь отъ бѣшенства, горя и отчаянія!

ВАЛЕРІО. Потихе, господа! Терпѣніе, спокойствіе! это странный, удивительный, единственный случай! Надо разрѣшить дѣло. Вотъ между нами адвокатъ... онъ можетъ и долженъ рѣшить. Говорите, синьйоръ Панфилио, рѣшайте!

ПАНФИЛИО. Рѣшеніе очень-просто и ясно: Prior in tempore, potior in jure!

МАРИАННА. Что это за чепуха?

ФОСТИНА. Я не понимаю!

АВРОРА. Что значать эти слова?

ПАНФИЛИО. Первая жена имѣетъ право надъ всѣми!

МАРИАННА. Я несогласна!

ВАЛЕРІО. Это законъ, синьйора!

АВРОРА (*весело*). Вѣдь онъ знаетъ законы!

Видеть,
съ
актисиміо

ФОСТИНА. Я вижу, что мнѣ нѣтъ надежды!... Бернардо!

БЕРНАРДО (*громко*). Не слышу!

ФОСТИНА (*нѣжно*). Бернардо!

БЕРНАРДО (*кричитъ*). Не слышу!.. Не надо мнѣ жены, которая была супругой какого-то султана!

ВАЛЕРІО. Вотъ какъ? Слѣдовательно и Бернардо ревнивъ? Смотрите, послѣдуйте лучше моему примѣру! Синьйора Маріанна, вы теперь свободны... согласитесь-ли вы отдать мнѣ руку и сердце ваше? Вы составите счастье мое? Только съ условіемъ...

МАРИАННА (*сердито*). Съ какимъ условіемъ, синьйоръ?

ВАЛЕРІО. Что-бы вы сдѣлались еще ревниве!

МАРИАННА. Я никогда не была ревнива!

ВАЛЕРІО. Не были?... такъ извините, позвольте мнѣ отступиться!

МАРИАННА (*въ-сторону*). Онъ однакожъ недуракъ, въжливъ, уменьъ... Кто знаетъ, найду-ли я другаго? — (*Въ-слухъ*). Валеріо... да... я ваша!

ВАЛЕРІО. Слѣдовательно, вы будете ревновать?

МАРИАННА. Я всегда исполняю желаніе мужа!

МОРИЦІО. Въ этомъ отношеніи—точно! Только слушай, Валеріо... постарайся защититься чѣмъ-нибудь отъ суповыхъ мисокъ и телячьихъ костей, а не то, какъ разъ голову прошибутъ!

ВАЛЕРІО. Вотъ рука моя! Наконецъ-то я нашолъ жену, какую давно искалъ!

ПАВФИЛО. Какое счастье, что вкусы такъ различны!

Въ сосѣдней комнатѣ слышится адажіо на скрипкѣ.

МОРИЦІО. Боже! какіе звуки! Эту мелодію всегда наигрывала Сусанна!

ВОСЕМНАДЦАТАЯ СЦЕНА

Тѣжь, Тимотео, Сусанна, потомъ Джакобо.

СУСАННА (*со скрипкой*). Bravo! здѣсь очень-веселая компанія (*Играетъ*).

ТИМОТЕО. Куда ты, голубчикъ мой?

МОРИЦІО (*съ ужасомъ*). Чтò это? сонъ! видѣніе! мечта!... И старуха моя тутъ-же!

СУСАННА. Боги! Поддержите меня! Скрипка моя... моя душа... моя жизнь... мой Моричіо!

(*Упадаетъ, ронлетъ скрипку. Тимотео поддерживаетъ Сусанну*).

морицио. Держите ее... крѣпче!... не пускайте!... Други!... Это вторая жена моя! Теперь всѣ четыре на-лицо!

бернардо. Брр! Надо правду сказать—у васъ должно-быть желудокъ хорошъ, коли могъ сварить эту старую кожу!

фостина. Я стыжусь теперь, что была женой Морицио!

морицио. Но, друзья, вѣдь я говорилъ вамъ, что женился на ней съ отчаянія!

тимотео. Приди въ себя, моя Сусанночка!

морицио. Вылейте ей ушатъ воды на голову—авось очнется! Да стаканъ водки въ глотку, такъ вы увидите, какъ она запляшетъ!

сусанна (*приходитъ въ себя*). Морицио! Твое присутствіе возвращаетъ меня къ жизни!... о, приди, приди, въ пламенные объятія мои!

морицио (*удалляясь въ противоположную сторону*). Держите ее, держите!

тимотео. Сусаночка, мой дружокъ, ты вздоръ городишь!

морицио. Сусанна, ужъ коли иначе быть не можетъ, то я, хоть по-неволѣ, долженъ радоваться тому, что ты еще жива! Но, къ неопisanному счастью моему, и первая жена моя жива, и никому не хочетъ уступить право свое... не такъ-ли, Аврора?

аврора. О, мой милый!

сусанна. Человѣкъ... нѣтъ! извергъ, чудовище! позволь мнѣ до-мечтать сладостныя мечты юности моей... на твоей груди, въ твоихъ объятіяхъ... еще одинъ поцѣлуй и я умру... умру счастлива!

морицио. Изволь, Сусанна... если ты въ-самомъ-дѣлѣ будешь от-того счастлива... изволь... (*Тихо другимъ*). Держите ее, а не-то она меня съестъ! (*Сусанна бросается на Морицио; Тимотео идетъ за нею; въ ту самую минуту, когда Сусанна хочетъ объ-нять Морицио, онъ толкаетъ въ объятія ея Тимотео*). Вотъ, насла-ждайся блаженствомъ своимъ!

панфилю. Вотъ такъ лучше! Старики къ старикамъ! Молодые къ молодымъ!

сусанна. Га! еще разъ обманута! Но ищеніе тебѣ, Морицио (*Под-нимаетъ скрипку и обнимаетъ Тимотео*). Для меня цвѣтетъ еще любовь и искусство!

тимотео. Боги!... она еще моя!

джаково (*входя*). Синьоры, столъ накрытъ!

морицио. Пойдемте объядать!

бернардо. Синьоръ Морицио... не прогнѣвайтесь, пожалуйста.... прошу васъ... увѣжайте завтра пораньше отсюда.

морицио. Зачѣмъ?

БЕРНАРДО. Извольте видѣть... мнѣ какъ-то не ловко... даже не пріятно... держать у себя въ домѣ мужа жены моей!

МОРИЦИО. Вы правы, почтенный зять мой! Какъ вамъ угодно. Марианна! будь счастлива! Фостина, да осчастливитъ тебя небо!... Сусанна, будь блаженна!.. Аврора... моя Аврора, приди въ объятія мои! Ты заря жизни моей, звезда любви моей... свѣти мнѣ еще долго, долго!

(Всѣ попарно идутъ къ средней двери. Эстачіо идетъ съ Пауфилю. Тимотео хочетъ взять руку Сусанны, но, какъ-бы воодушевленная, она хватается скрипку и, играя комическій маршъ, медленно идетъ за прочими, рядомъ съ Тимотео, который смотритъ на нее съ комическою нѣжностью).

II. ФУРМАННЪ.

Не удивляйся, другъ мой милый,
Что часто я
Передъ тобой стою унылый —
Не говоря!

И въ этотъ мигъ, на рѣчь живую,
Не вызывай —
И пѣсно дѣтскую, простую
Не напѣвай!

Но отвернись, уйди уградкой —
Оставь меня!
Одинъ съ тобой не думы сладкой
Исполненъ я;

Не радость вѣжнаго свиданья
Въ глазахъ горить :
Душа томится отъ страданья —
Она болить....

Болить.... что ты, мой другъ прекрасный,
Твоя весна —
На судъ толпы, молвы пристрастной
Обречена!

Что взоръ твой, дружбою сіяя,
Тоски далѣкъ, —
Что носишь ты, не замѣчая,
Терновъ вѣнокъ!

ВИКТОРЪ К—КЪ.

СЫНЪ НОТАРІУСА.

РАЗСКАЗЪ БИБЛЮФИЛА ЖАКОБА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ хорошенькой деревенькѣ Фонтенѣ-су-Буа, подѣ Венсеномъ, происходила странная сцена.

Мосѣ Канталъ, веселый и добрый нотаріусъ, уважаемый за свою примѣрную честность на десять миль въ околodкѣ, возвратился однажды вечеромъ изъ Парижа, скучный и озабоченный. Облако грусти рѣдко омрачало прямое и открытое лицо мосѣ Кантала; обыкновенно румяный и веселый, въ этотъ вечеръ онъ былъ блѣденъ и пасмуренъ. Кабриолетъ его остановился у зеленой рѣпотки, по обоямъ краямъ которой сіяли вывѣски изъ позолоченной мѣди.

Слуга, выпрыгнувъ изъ экипажа, потерялъ равновѣсіе и чуть-чуть не расшибъ голову о тумбу. Конечно, положеніе бѣдняка было достойно состраданія, и во всякое другое время мосѣ Канталъ пожалѣлъ-бы его отъ души; но какъ честный маклеръ былъ очень не въ-духъ, то и закричалъ на слугу:

— Глупецъ! разиня! болванъ! не умѣешь ловчѣе соскочить!

Несчастный Жеромъ, оправившись, стоялъ совершенно озадаченный; въ ухахъ его раздавались страшныя слова: «глупецъ, болванъ, разиня!» но онъ не былъ увѣренъ, слышалъ-ли ихъ дѣйствительно, или ему только почудилось.

— Ахъ, сударь... пролепеталъ онъ, поднимая свою шляпу, упавшую въ грязь.

— Болванъ! проклятый болванъ! возопилъ снова мосьё Канталь.

Съ этими словами онъ бросилъ слугъ возжи, и быстро прыгнувъ изъ кабриолета; но, худо-ль онъ рассчиталъ прыжокъ, или, къ несчастію, пола его дливнаго сюртука зацѣпилась за фартукъ кабриолета, только онъ тяжело шлепнулся на брюхо, и обѣ полы сюртука закинулись ему на голову, въ видъ капюшона.

Тутъ послѣдовалъ уже вовсе другой взрывъ гнѣва.

Мосьё Канталь, маленькой, толстенькой и кругловатый, никакъ не могъ привстать. Жеромъ поспѣшилъ подать ему руку, но нотаріусъ, задыхаясь отъ бѣшенства, ослѣпленный яростью, не видалъ руки, которую ему протягивалъ челолюбивый слугитель.

— Мерзавецъ! бестія! — воскликнулъ онъ, съ трудомъ откидывая полы сюртука, покрывавшія ему голову: ты рѣшился уморить меня!...

— Это все подножка.... сударь.... борматалъ Жеромъ.

Нотаріусъ ничего не слышалъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій, удалось ему стать на ноги; но голова была у него дурна, и все вокругъ его шаталось и вертелось. Къ довершенію несчастія, старая кобыла, съ испугу, ринулась во весь духъ съ кабриолетомъ, которой жестоко прыгала по неровной мостовой, словно Ипполитова колесница по скаламъ.

— Пулетта! проклятая Пулетта! кричалъ мосьё Канталь, грозя кулакомъ кобылѣ, умчавшейся уже на цѣлый ружейный выстрѣлъ: такъ ты за-одно съ этимъ дуракомъ?... Охъ! несчастный я челоубъ! видно, мнѣ суждено всегда жить съ мерзавцами!... Скоты и люди, всѣ, даже мой сынъ, всѣ за-одно противъ меня!...

— Успокойтесь.... немножко... сударь.... сказалъ Жеромъ съ почтительнымъ и умоляющимъ поклономъ.

— Успокойтесь! бездѣльникъ! успокойтесь!... Тогда-какъ Пулетта....

Больше онъ не могъ ничего произнести, духъ занимался у него отъ бѣшенства.

— Будьте покойны, сударь.... я ручаюсь, что она уже поймана.... Да, да, такъ и есть, слышите, кричатъ.... сейчасъ вамъ приведутъ Пулетту.

Мосьё Канталь, не отвѣчая ни слова, сильно дернулъ за козлиную лапу, служившую рукоюткой звонка. Тутъ поднялась на малень-

комъ дворикъ ужасная суматоха, раздавался оглушительный концертъ женскихъ криковъ и собачьяго лая.

Между тѣмъ рѣшотку все не открывали, и мосьё Канталъ все продолжалъ звонить.

Явно, на дворъ завязался горячій и визгливый споръ; но нотариусъ не могъ ничего видѣть, что тамъ происходило; рѣшотка, на высоту человеческого роста, была заколочена широкими досками, окрашенными зеленой краскою.

Вскорѣ однако достойной маклеръ не могъ не узнать двухъ рѣзкихъ и провантальныхъ голосовъ, покрывавшихъ, словно свистомъ дудки, хриплый лай собакъ.

То были Маделона и Жанета, спорившія между собой, которой изъ нихъ пойти отпереть ворота господину.

— Негодяйки! закричала мосьё Канталъ, стуча кулакомъ въ доски рѣшотки: отперете-ли вы?...

Ворота не открывались.

— Жеромъ, продолжалъ нотариусъ, грозно возвысивъ голосъ: перелезь черезъ заборъ... да отлуй мнѣ этихъ мерзавокъ!

Но доброй нотариусъ воиѣлъ въ пустынь.

Споръ все продолжался, воротъ все не открывали. Мосьё Канталъ успѣлъ одуматься, и гнѣвъ его, мало-по-малу, простылъ.

— Право, я съ ума сошолъ!— сказалъ онъ самъ-себѣ, пожавъ плечами. — Въ мой-то лѣтъ!... точь-въ-точь ребенокъ, который хочетъ прибить кормилицу! И къ-чему это? Боже мой! Боже мой!

Затѣмъ, испустивъ глубокий вздохъ, онъ крѣпко задумался. Но между-тѣмъ-какъ уста его оставались недвижимы и нѣмы, въ сердцѣ раздавался горькій и плачевный монологъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Наконецъ стукъ кабриолета, торжествующій голосъ Жерома, скорая и неровная рысь старой кобылы, вывели нотариуса изъ его грустнаго раздумья.

— Ну, вотъ, сударь! вотъ! — повторялъ Жеромъ, воинственно хлопая бичомъ: за то ужъ досталось мнѣ побѣгать!... Ай-да, мамзель Пулетта! кто-бы подумалъ?... въ ея годы.... Другой ужъ и кормить-бы ее пересталъ!

— Ахъ, это ты, мой добрый Жеромъ! — сказалъ нотариусъ, необыкновенно ласковымъ голосомъ: дай мнѣ руку, бѣдняжка... ты сердитъ на меня, не правда-ли?

— Кто? я, сударь.... отвѣчалъ улыбенный и растроганный Жеромъ.

— Ну, да! я взбѣсился! обругалъ тебя....

— Ни крошечки, сударь, ни крошечки, бормоталъ добрый слуга, утирая слезы.

— Да, не сердись на меня, бѣдняга Жеромъ! — сказалъ нотаріусъ съ благосклонною и грустною улыбкою: я сего-дня разстроенъ... очень-разстроенъ!

Жеромъ былъ не въ-силахъ промолвить слово, и отвѣчалъ только всхлипываньемъ.

Между-тѣмъ споръ у женщинъ прекратился за усталосью спорщицъ. Ворота отворились, и Маделона, еще вся въ-попыхахъ и цепецъ на-бокъ, ожидала господина, потупивъ глаза и держась одной рукой за замѣкъ.

Старая Маделона уже очень-давно знала, какъ вспыльчивъ бывалъ иногда ихъ добрый господинъ, и сморкалась изъ всехъ силъ, чтобы какъ-нибудь скрыть свое смущеніе; она предвидѣла вспышку и дрожала всѣмъ тѣломъ. Но каково-жъ было ея удивленіе, когда мосѣ Канталъ сказалъ ей кротко и привѣтливо:

— Здорово, моя добрая Маделона: что новаго?

— Діана оценилась, отвѣчала она: семейю милашекъ, трое бѣлыхъ съ коричневымъ, двое совсѣмъ бѣлыхъ, да двое черныхъ....

— А! бѣдная Діана! сказалъ нотаріусъ голосомъ, полнымъ живѣйшаго участія. — Ну тѣмъ лучше! она была очень-тяжела!... Ну! что-же сдѣлали съ ея семейю?

Садовникъ отобралъ троицъ, сударь, самыхъ лучшихъ; а остальные четверо ужъ завязаны въ мѣшокъ....

— Какъ въ мѣшокъ? — перебилъ нотаріусъ.

— Точно такъ, сударь!... Жакъ сейчасъ собирается идти побросать ихъ въ болото....

— Какъ! въ болото? этихъ певинныхъ тварей!... сказалъ мосѣ Канталъ съ живостью. Чтобы этого не было! что за варварство!

— Такъ вы, сударь, не прикажите ихъ топить? отвѣчала Маделона съ удивленіемъ: что же намъ съ ними будетъ дѣлать?

— Сберечь ихъ.... выкормить.... Слышши-ли, Маделона? скажу Жаку, чтобъ онъ не смѣлъ топить щенятъ....

— Слушаю, сударь, будетъ сказано, отвѣчала Маделона....

Вдругъ мосѣ Канталъ снова сдѣлался грустенъ и мраченъ.

— Маделона, спросилъ онъ разстроеннымъ голосомъ: а что сынъ?

Маделона не отвѣчала ни слова и глядѣла на барина съ остолбенѣлымъ видомъ, выпуча глаза и разинувъ ротъ.

— Развѣ ты не слышишь. Маделона? я у тебя спрашиваю про сына....

— Про мосьё Фердинанда?

— Ну, да, отвѣчай мнѣ, онъ здѣсь? Да ну поскорѣе! онъ ждетъ меня? Отвѣчай—же! что ты запынаешься? Вопросъ, кажется, очень-простой....

— Ахъ! право, сударь! не совсѣмъ-то простъ! бормотала Маделона, весьма, по-видимому, затрудняясь съ отвѣтомъ.

— Боже мой! Боже мой! они выводятъ меня изъ терпѣнія!—сказалъ добрый нотаріусъ, топнувъ ногою.—Еще разъ, у себя ли въ комнату сынъ?

— Какъ-же, сударь... то есть...

— Охъ! ну, ужъ это черезъ-чуръ!.. Хорошо, пойду самъ... скорѣе добьюсь толку...

И мосьё Канталь большими шагами пошелъ къ крыльцу, какъ окно въ третьемъ этажѣ быстро расхлопнулось и изъ него послышались крики.

— Сынъ дома!—пробормоталъ Канталь.

Не-смотря на свою тучность, добрякъ поднимался, шагая по четыре ступени за-разъ.

Уже онъ стучалъ въ дверь къ сыну; но дверь не отворялась.

— Фердинандъ, это я; отпри-же!..

Отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ; глубокое молчаніе царствуетъ въ комнатѣ.

Мосьё Канталь стучится сильнѣе.

— Господи! что-жъ это такое? съ безпокойствомъ говорить онъ самъ-себѣ. — Сынъ у себя въ комнатѣ, безъ всякаго сомнѣнія... выйдти ему было некогда... Господи! что тутъ за крики?

Снова стучитъ онъ, опять кличетъ Фердинанда.

Тутъ въ головѣ у него начинаеть толпиться хаосъ мрачныхъ и тяжелыхъ мыслей; онъ воображаетъ себѣ ужаснѣйшія бѣды: еще въ это утро Фердинандъ, отчаянный, только чудомъ спасся отъ рукъ коммерческихъ приставовъ, караулившихъ его около дома. Бѣдный отецъ узналъ это случайно. Итакъ Канталю казалось сбыточнымъ, что Фердинандъ, въ припадкѣ безумія и мрачнаго унынія, поднялъ на себя руки.

Опасение это даже такъ сильно овладѣло Канталемъ, что колѣна у него затряслись и сердце замерло. Видя, что дверь не отпирается и что на его зовъ никто не отвѣчаетъ, онъ кинулся долой съ лѣстницы, клича дрожащимъ голосомъ Жерома. Но вдругъ ему послышалось, будто надъ головой у него отворилась дверь и кто-то прошолъ по корридолу. Дверь эта могла быть только изъ комнаты

Фердинанда. Мосьё Канталь снова взбѣгаетъ на лѣстницу съ необыкновеннымъ проворствомъ, и слышитъ, что дверь у сына поспѣшно захлопнулось; но онъ успѣлъ, при блескѣ свѣчи, разглядѣть блѣдное и встревоженное лицо Фердинанда.

— Другъ мой, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ : отвори, сдѣлай милость...

Тутъ мнугу зазвенѣли ключи, дверь отперлась.

— Ну, что, мой милый! что съ тобою? воскликнулъ нотаріусъ : какъ ты блѣдень! Господи! какое грустное и разстроенное лицо!

— Батюшка! добрый батюшка!.. отвѣчаетъ Фердинандъ, поводя вокругъ себя безпокойный и дикій взглядъ : простите!..

— Да что съ тобою, мой другъ? ты меня пугаешь!..

— Что? ничего... Со мной ничего, батюшка!..

— Какъ-же!.. ничего!.. Сейчасъ у тебя отворилось окошко, я слышалъ жалобные крики!..

— Слышали? ахъ! пролетѣлъ Фердинандъ глухимъ, испуганнымъ голосомъ.

— Видишь, я еще весь дрожу!.. Шагаль по четыре ступени!.. Но скажи, пожалуй, отчего ты не отперъ мнѣ тотчасъ?

— Я? я? я вамъ не отперъ?.. Ахъ! виновать! мнѣ было душно... Да, — продолжалъ онъ, схвативъ себя обѣими руками за голову: въ ухахъ у меня звенѣло... жилы бились необыкновенно!.. Я думалъ, что умираю... Не мудроно, что тутъ я кричалъ... Я ничего не помню!..

— Ахъ, дитя мое! бѣдное мое дитя! — сказалъ нотаріусъ съ выраженіемъ несказанной вѣжности : давно ужъ я тебѣ твержу, что доживешь до бѣды! Ты такого вѣжнаго сложенія!.. а эта тревожная, безпутная жизнь не можетъ долго длиться!.. Гдѣ тебѣ, несчастный, гдѣ тебѣ ее перенести?..

Уже нѣсколько минутъ молодой человекъ блѣднѣлъ больше и больше. Судорожный трепетъ пробѣгалъ по его членамъ. Наконецъ онъ не выдержалъ, упалъ въ кресла, и, закрывъ руками лицо, зарыдалъ.

— Батюшка! о, сколько я васъ огорчаю! пролепеталъ онъ прерывающимся голосомъ : еслибъ я хоть умеръ!..

— Умеръ! — подхватилъ нотаріусъ съ худо-скрытымъ вздохомъ. — Неблагодарный! тебѣ-ли желать смерти!.. Я такъ люблю тебя; ты знаешь!.. Охъ! вспомни, какъ я заботился о твоёмъ воспитаніи!.. И бѣдная мать твоя, царство ей небесное! какъ она трепетала, какъ молилась Богу за тебя!.. Слабый, больной и хилый, ты-бъ не уцѣлѣлъ, если-бы не материнскія заботы!.. Ахъ! за-

чѣмъ ты ее потерялъ такъ рано! Она-бы смотрѣла за тобой, давала-бъ тебѣ добрые совѣты!...

— Матушка! матушка! — горестно прошепталъ молодой человекъ

— Фердинандъ, все, что съ тобой теперь есть, все по моей, можетъ-статься, винѣ, — продолжалъ со вздохомъ нотаріусъ : я худо глядѣлъ за тобою съ-молода... Занятіе дѣлами отвлекало меня, признаюсь, отъ моей родительской обязанности... Но, послушай, еще время не ушло, ты молодецъ... можешь трудиться... Ради-Бога! послушайся моихъ словъ... Сиди хоть только по три часа въ день у меня за работою... При твоихъ дарованіяхъ, при твоей понятливости, больше не нужно, чтобъ узнать дѣло, и черезъ нѣскольکو лѣтъ ты заступишь мое мѣсто...

— Батюшка, какъ вы добры! — сказалъ Фердинандъ, сжимая его руку въ своихъ. — Какъ вы милостивы!..

— Отъ-того-что я люблю тебя, Фердинандъ!

— Я не стою вашей любви, батюшка... нѣтъ, я слишкомъ виновенъ! Если-бъ вы знали, что я сдѣлалъ!..

Лицо юноши выражало отчаяніе.

— Все знаю, Фердинандъ, но прощаю тебя.

— Онъ все знаетъ! — прошепталъ Фердинандъ съ видомъ несказаннаго ужаса. — Я пропалъ!

— Нѣтъ, сынъ мой, нѣтъ. Я все забываю... Правда, ты виновать! Бурныя страсти совратили тебя съ пути... Но вѣдь однако-жъ ты ничего не сдѣлалъ противу чести; вотъ что меня утѣшаетъ.

Фердинандъ вздрогнулъ.

— Да, ты ничего не сдѣлалъ такого, чѣмъ могли-бы попрекнуть твоего отца, какъ безчестьемъ, какъ неизгладимымъ пятномъ!.. У тебя есть интриги... но онѣ бываютъ у всѣхъ молодыхъ людей; есть долги... но должны бываютъ и честнѣйшіе на свѣтѣ люди; тебѣ грозятъ арестомъ... что-жъ за важность? деньгами можно унять преслѣдованія приставовъ.

— Онъ ничего не знаетъ! — подумалъ Фердинандъ, и съ сердца его будто спала страшная тяжесть.

— Любезный Фердинандъ, я не богачъ, ласково продолжалъ нотаріусъ : однако, слава-Богу, не терплю нужды. Дѣла мои идутъ прекрасно; и, если ты дашь мнѣ слово исправиться, я заплачу всѣ твои долги. Конечно, этимъ деньгамъ лучше-бы лежать въ моемъ карманѣ; но душе всего, видишь, надо быть честнымъ человекомъ. Кто долгъ заплатилъ, тотъ нажилъ, говоритъ пословица, и это суцая правда. Нечего дѣлать! въ пять

шесть лѣтъ наживу опять эти деньги. Бѣда еще не велика, особливо коли ты общаешь мнѣ вести себя лучше впередъ. Отдаю тебя на-волю выбирать адвокатство или нотаріатство. Къ-чему ты больше чувствуешь склонности?

— Увы, батюшка! признаюсь вамъ, оба эти ремесла, столько почтенныя, не для меня: я потерялъ охоту и способность къ труду, аккуратность для меня невозможна. Я вѣчно буду адвокатомъ безъ довѣрителей. А что до нотаріатства, право, я не достоинъ имъ заниматься послѣ васъ, батюшка! Ваше имя такъ уважаемо, такъ чисто! ваша благородная репутація приобретена цѣлою жизнью честности и труда!.. А я, я буду, можетъ-быть, недобросовѣстенъ!

— Ты, сынъ мой, ты! нѣтъ, быть не можетъ! Я никогда не повѣрю... И, если-бъ кто вздумалъ мнѣ сказать про тебя что-нибудь подобное, я назвалъ-бы его клеветникомъ!

— Несчастный я! несчастный!—произнесъ Фердинандъ глухимъ голосомъ, утеревъ рукою слезу.

— Ну, мой милый! будь-же, пожалуйста, откровененъ! Расскажи мнѣ все. Что у тебя за долги? на какую сумму?

— Нѣтъ, батюшка, не могу сказать... не смѣю...

— Полно, говори.. Десять тысячъ франковъ?

Фердинандъ стоялъ угрюмый и безмолвный.

— Что-же, пятнадцать?

Молодой человекъ стоялъ по-прежнему и не отвѣчалъ ни слова.

— Вѣрно, двадцать тысячъ?.. Какъ! еще больше? Двадцать-пять?.. Тьфу, пропасть! такъ неужто тридцать?.. Ты не отвѣчаешь!.. Можетъ-ли быть! больше тридцати тысячъ?..

— Батюшка, послушайте... я не могу васъ долѣе обманывать! — вскричалъ Фердинандъ громкимъ и потрясающимъ голосомъ, падая къ ногамъ нотаріуса.— Я мерзавецъ, подлець!..

— Что такое?

— Я вамъ говорю, что я сдѣлалъ ужасную вещь! низкую, недостойную честнаго человека!..

— Несчастный!—воскликнулъ Канталъ суровымъ голосомъ, оттолкнувъ его съ содроганіемъ.— Прочь отъ меня! прочь! не дотрогивайся до моихъ рукъ!.. Но прежде, объяснясь, скажи скорѣе!.. Ты мерзавецъ, говоришь ты? Ну! что-же ты сдѣлалъ?

— Все скажу, батюшка, только не здѣсь!.. Пойдемте, пойдемте къ вамъ въ кабинетъ... Охъ! да, это гнусно!

— Пойдемъ, Фердинандъ! пойдемъ!—сказалъ нотаріусъ, поднимая его насильно и таща къ двери.— Необходимо привести все въ ясность! Недоумѣніе тутъ слишкомъ мучительно!

Нотаріусъ уже спускался съ лѣстницы съ Фердинандомъ, который шолъ за нимъ блѣдный, уничтоженный, какъ преступникъ предъ судьей.

Вдругъ колокольчикъ рѣшотки громко зазвенѣлъ; у воротъ остановилась карета; собаки залились лаемъ.

— Дома мосьё Канталъ? спросилъ кто-то громкимъ и задыхающимся отъ поспѣшности голосомъ. — Мнѣ нужно видѣться съ нимъ сію-же минуту!

Въ это время нотаріусъ съ сыномъ только-что сошли съ лѣстницы.

— Какая-то госпожа проситъ съ вами, сударь, видѣться сейчасъ. — сказалъ Жеромъ.

— Некогда мнѣ теперь, Жеромъ, — отвѣчалъ нотаріусъ съ неудовольствіемъ. — У насъ съ сыномъ есть дѣло.

— Воля ваша, сударь, возразилъ Жеромъ: пріѣзжая требуетъ непременно васъ видѣть!.. Видно, дѣло-то важное.. должно-быть, завѣщаніе.

— Все-равно! все-равно! мнѣ недосугъ.

Мосьё Канталъ оттолкнулъ Жерома и пошелъ въ свой кабинетъ, слылавъ Фердинанду знакъ слѣдовать за нимъ, какъ вдругъ дама, закутанная въ длинную черную шубу, выбѣжала изъ соседней комнаты и кинулась къ нотаріусу.

— Ради-Господа, сударь! сказала она ему тихимъ и глубоко-скромнымъ голосомъ: дайте сказать съ вами нѣсколько словъ!.. Дѣло идетъ о моей жизни!..

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее мосьё Канталъ; но сѣни были темны; на дворѣ смеркалось; Канталъ не могъ разглядѣть черты дамы.

Фердинанду, неслыхавшему того, что она говорила въ-полголоса, показалась она знакомою; но мысль эта, безъ сомнѣнія, призречная, только мелькнула въ его умѣ.

— Извините, сударыня! Что-же вамъ угодно отъ меня? — сказалъ Канталъ въксивымъ тономъ, въ которомъ отзывалось нетерпѣніе. — Теперь поздненько разговаривать о дѣлахъ!..

— Ахъ, сударь! — отвѣчала незнакомка съ умоляющимъ выраженіемъ: никогда не бываетъ поздно сдѣлать доброе дѣло, предупредить несчастье!..

— Несчастье?

— Да, сударь, можетъ быть, ужаснѣйшее изъ несчастій!.. Ахъ! если-бъ вы знали!.. Но пойдемте! пойдемте, ради-Бога! Здѣсь я не могу говорить!.. Моя надобность требуетъ глубокаго секрета!.. Тутъ насъ слышать!.. Пойдемте!

— Успокойтесь, сударыня... я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ нотаріусъ, невольно тронутый. — Какъ скоро дѣло идетъ объ услугѣ, я готовъ. Тотчасъ, Фердинандъ, — примолвилъ онъ, наклонясь на-ухо къ сыну: — пода кокуда въ свою комнату: сейчасъ я за тобою пришло.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ ни слова, и отошелъ на нѣсколько шаговъ.

— Чтò-бъ это была за дама? — подумалъ онъ: — неужто она? Нѣтъ, нѣтъ, я съ ума сошелъ, это невозможно!

И онъ поспѣшно воротился къ себѣ на-верхъ.

Мосѣ Канталъ, предшествуемый слугою, который несъ свѣчу, жестомъ пригласилъ незнакомку войти въ небольшой корридоръ, ведшій къ его кабинету.

— Жеромъ, сказалъ онъ: выдь отсюда.

Слуга ушелъ.

— Ну, сударыня, сдѣлайте одолженіе, скажите, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ, — ласково спросилъ Канталъ, подставляя стулъ бѣдной трепещущей жейщинѣ. — А прежде всего, позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Умоляю васъ, сударь, не спрашивайте моего имени... Все, чтò я могу вамъ сказать, это — что я страдаю, что я несчастна... о! очень-несчастна!.. и нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ, въ вашей помощи...

Съ этими словами, незнакомка отдернула вуаль, закрывавшій ея лицо, и мосѣ Канталъ увидѣлъ кроткую и прелестную фязіономію, ангельски-невинныя черты, блѣдное, но прекрасное лицо, большіе голубые глаза, смоченные слезами, которыхъ каждый взглядъ, устремленный къ нему, походилъ на молитву. Добрый нотаріусъ, котораго сердце всегда было нѣжно и весьма-чувствительно къ красотѣ, не могъ удержаться отъ сильного и глубокаго ощущенія, чувства чрезвычайнаго доброжелательства, которое заставило его немедленно объявить себя другомъ и покровителемъ этого прекраснаго страждущаго существа.

— Извольте говорить, сударыня, — сказалъ онъ съ почтительнымъ участіемъ. — Душевно радъ вамъ служить; не опасайтесь съ моей стороны нескромныхъ вопросовъ.

— Нѣтъ, сударь, этого я не боюсь: я знаю, что вы честный человѣкъ, добрый и обязательный человѣкъ.

Мосѣ Канталъ поклонился.

— Постараюсь, сударыня, оправдать лестное мнѣніе, какое вы имѣете обо мнѣ, — сказалъ онъ. — Жду вашихъ приказаній.

— Я рѣшаюсь на тяжкое, прискорбное объясненіе, сударь! — начала молодая дама, качая головою: но съ вами оно не такъ жестоко, не такъ унизительно... Заклинаю васъ, отвѣчайте мнѣ... Отъ этого зависитъ моя жизнь, моя честь! Не пустое любопытство понуждаетъ меня, о! нѣтъ... Я, сударь, мать семейства... У меня есть мужъ и дѣти, которыхъ я люблю... и которые, завтра, можетъ-быть, будутъ обезславлены!

— Обезславлены! — перебилъ нотаріусъ, вздронувъ.

— Да, сударь... Но вы можете ихъ спасти... Боже мой, Боже мой! какъ я несчастна?..

Она залилась слезами.

— Сударыня, не отчаявайтесь! — сказала Канталъ вѣжливѣе и дрожащимъ голосомъ. — Ободритесь немножко, ради, Бога! Несчастіе, котораго вы опасаетесь, вѣдь еще не случилось, надюсь... Стало-быть, мы можемъ его предупредить... Говорите! говорите!..

— Да, сударь, вы такъ добры! Во всякомъ вашемъ словѣ столько искренности, что я осмѣливаюсь... Я рѣшаюсь говорить...

Дама замолкла; поникла головою на грудь, какъ-будто о чомъ-то задумалась. Наконецъ, она, казалось, сдѣлала жестокое усиліе надъ собою, и, поднявъ голову, сказала болѣе твердымъ голосомъ...

— Кажется, вы, сударь, нотаріусъ г-на Фредерика Дюронеля?

— Точно такъ, сударыня; этотъ молодой человекъ и весь его родъ уже очень-давно дѣлаютъ мнѣ честь своимъ довѣріемъ.

— Еще разъ повторяю, сударь, не подумайте, что одно нескромное любопытство заставляетъ меня спрашивать у васъ... Назадъ тому два-года, кажется, да, точно два-года, почти ровно день въ день, г-нъ Фредерикъ Дюронель приходилъ къ вамъ протѣяться передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе, не правда-ли, сударь?

— Дѣйствительно такъ, сударыня.

— Онъ отправлялся, кажется, въ Индію, — продолжала дама, потушивъ глаза: и самъ не могъ назначить срока, когда воротится во Францію... Онъ бѣжалъ отъ огорченій, отъ жестокихъ огорченій!..

На минуту она остановилась: слезы мѣшали ей говорить.

— Онъ былъ тогда боленъ, — продолжала она: здоровье его, очень-разстроенное, могло потерпѣть неслыханное потрясеніе отъ тягостей путешествія и отъ тамошняго климата, столько губительнаго для Европейцевъ... Можетъ-быть, онъ себя преувеличивалъ опасность, дай Богъ, чтобы такъ! Но, какъ-бы то ни было, а

бѣдливый молодой человекъ повхалъ съ убѣжденіемъ, что ему уже не видать Франціи...

— Именно, сударыня, будто теперь слышу, какъ онъ мнѣ это говоритъ, — грустно отвѣчалъ нотаріусъ.

— Онъ отправился... Но, передъ отъездомъ, не оставлялъ ли онъ у васъ чего-нибудь... напримѣръ, запертой шкатулки съ домашними бумагами?...

Мосё Канталъ пристально глядѣлъ на незнакомку, покамыстъ она говорила.

— Къ чему это она ведетъ рѣчь? подумалъ онъ.

— Въ этой шкатулкѣ, сударь, заключенъ секретъ... Охъ! если-бъ вы знали!... Но, скажите, она точно у васъ, сударь, до-сихъ-поръ?

— Сударыня... отвѣчалъ нотаріусъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

Въ душѣ добраго человека происходила жестокая борьба его личнаго состраданія съ долгомъ нотаріуса: онъ не зналъ, что ему дѣлать; сохранить-ли въ этомъ случаѣ молчаніе, или сказать вещь, которая могла имѣть важныя послѣдствія.

— Въ случаѣ его смерти, сударь, не просилъ-ли онъ уничтожить эти бумаги, не читавъ ихъ?

— Сударыня...

— Вотъ именно, чего я не знаю, сударь, и умоляю васъ сказать мнѣ всю правду... О! если-бъ это такъ, я-бы меньше терзалась, меньше могла бояться! Съ уничтоженіемъ шкатулки, мои бѣдныя дѣти... Но, можетъ-быть, я ошибаюсь... скажите-же мнѣ, сударь!... Поручалъ-ли вамъ это Фредерикъ... г-нъ Фредерикъ Дюрошель? .. Или не говорилъ-ли онъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, отдать шкатулку тому, кто представитъ вамъ запечатанную записку его руки?...

— Точно, это онъ говорилъ, сударыня, — отвѣчалъ съ живостью нотаріусъ. — Не знаю, какія причины заставляютъ васъ интересоваться этой шкатулкою, но не могу рѣшиться васъ обманывать... Видно, вы очень страдаете! въ каждомъ вашемъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ есть что-то глубоко скорбное, что меня трогаетъ... Можетъ-быть, я дурно дѣлаю, отвѣчая вамъ откровенно о подобномъ предметѣ... Но такъ и быть! сударыня... все, что нотаріусъ въ-состояніи вамъ сказать, вы узнаете...

Нѣсколько минутъ, между-тѣмъ-какъ Канталъ говорилъ это, молодая дама казалась жестоко встревожена; руки ея тряслись, глаза дико глядѣли.

— Чтò съ вами, сударыня? спросилъ вдругъ нотаріусъ, испугавшись такой перемены въ лицѣ незнакомки. Господи! Боже мой!

Дама быстро вскочила съ мѣста; била себя въ грудь, и безпокойно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, вскрикивая и дѣлая жесты отчаянія.

— Ахъ! все конечно! — говорила она. — Я погибла!... все извѣстно!... я опоздала!...

— Сударыня, успокойтесь!...

— Онъ ужъ былъ у васъ, не правда-ли? — продолжала она видя себя. — Низкій человекъ, предатель!... Онъ показавъ вамъ записку Фредерика?... О! Боже! и вы отдали ему шкатулку?...

— Чтò такое, сударыня? Клянусь честью! я васъ не понимаю!...

— Безчестный! мерзавецъ! онъ не мѣшкалъ ни минуты!... О! едва услышалъ о смерти Фредерика, какъ бросился!... Несчастливая я! несчастная!... теперь мужъ все знаетъ!...

— Разсудокъ ея поврежденъ, — подумалъ нотаріусъ, начинавшій опасаться, что имѣетъ дѣло съ помѣшанной.

— Да, я узнала слишкомъ-поздно!... продолжала она, быстро ходя по комнатѣ: — онъ слышалъ прежде моего!... О! его злоба не дремала! онъ выжидалъ первой минуты!... Мосё Канталь, мосё Канталь! видно, вы его не знали? онъ мерзавецъ, говорю вамъ! Онъ хочетъ моей смерти! моего безчестія. . безчестія моего мужа, моихъ дѣтей!

— Бѣдныжка! она рѣшительно помѣшана! съ горестью сказалъ себѣ нотаріусъ.

— О! да, вчера ужъ онъ грозилъ мнѣ!... Глаза его сверкали гнусной и жестокой радостью!... Каждое его слово вонзалось кинжаломъ мнѣ въ грудь!... Теперь я все понимаю!... онъ хорошо все знаетъ, онъ былъ увѣренъ въ своемъ мщеніи!... О! Господи! чтò-жъ теперь дѣлать! какъ показаться мужу!... Бѣдныя дѣти! бѣдныя дѣти!... И ты, Фредерикъ, о! сколько зла ты мнѣ сделалъ!... но, я прощаю тебѣ; ты также страдалъ отъ меня!... Боже мой! Боже мой! я заслужила все это!

Заливаясь слезами, упала она въ кресло.

Всѣ слова дамы казались нотаріусу такъ безсвязны, что онъ даже не искалъ въ нихъ какого-нибудь смысла. Но вдругъ ему пришло на память, что она говорила о чьей-то смерти; разумѣла она Фредерика Дюронеля, или кого-либо вовсе другаго? вотъ въ чомъ Канталь не могъ себѣ дать отчета. Но мрачная и печальная мысль внезапно овладѣла имъ; дрожь пробѣжала по тѣлу; онъ поблѣднѣлъ.

— Чтò вы сказали, сударыня? — спросилъ онъ измѣнившимся

голосомъ. — Вы говорили сейчасъ о г-нѣ Фредерикѣ Дюронелъ? поминали что-то про смерть?..

— Да, бѣдный молодой человекъ! по-крайней-мѣрѣ, онъ ужъ не страдаетъ!..

— Господи! ужели это правда?

— Все кончено, сударь! отвѣчала она печально. — Вчера я получила извѣстіе о его смерти...

— Боже великій! но вѣдь это извѣстіе еще не подтвердилось; почему знать!..

— Прочтите это, сударь..

Дама подала нотаріусу письмо, взятое и смоченное слезами. Подпись письма была оторвана. Мосѣ Канталъ поспѣшно пробѣжалъ начальныя строки, и провелъ рукою по лбу, съ видомъ глубокой горести.

— Такой прекрасный молодой человекъ! — прошептала онъ: такая прямая и чистая душа!

— Да, благородная душа! — тихо промолвила дама. — Сколько онъ страдалъ! какъ ужасна, какъ одинока была его жизнь!.. Теперь, моя очередь страдать!.. О! ты страшно огмщенъ, Фредерикъ!..

Но вдругъ выраженіе ея лица совершенно перемѣнилось; на немъ показалась иная скорбь, болѣе жестокая и болѣе раздражающая скорбь.

— Я плачу! продолжала она, проворно отирая слезы: о! надо еще беречь слезы для дѣтей!.. Что-то съ ними станется?.. за нихъ я трепещу, за нихъ однихъ!.. Богъ свидѣтель, что я встрѣтила-бъ твердо ударъ, если-бъ не была матерью!..

Въ этихъ вопляхъ, вырвавшихся изъ глубины души, слышалось столько отчаянія, что несчастная разжалобила-бы самаго нечувствительнаго мужчину. Мосѣ Канталъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Сударыня, сказалъ онъ, усиливаясь казаться спокойнымъ: сдѣлайте милость, не подавайтесь столько горести.. положитесь на меня. Я заслуживаю вашей довѣренности, сударыня, тѣмъ участіемъ, какое имѣю къ вамъ... Говорите со мной откровенно, не скрывайте отъ меня ничего... Несчастію, котораго вы, какъ видно, опасаетесь, вѣдь можно еще пособить, надѣюсь?..

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ! вскричала она, ломая себѣ руки. — Въ этой шкатулкѣ заключалась жизнь и честь моихъ дѣтей, моего мужа... Теперь шкатулка въ рукахъ моего жестокаго врага, низкаго человека, который меня погубить!..

— Коли такъ, сударыня, успокойтесь! — сказалъ нотаріусъ

грустнымъ голосомъ, гдѣ однако отъзывалось удовольствіе. — Шкатулки нѣтъ въ рукахъ ни у кого, кто могъ бы вамъ повредить... она у меня!...

— Возможно-ли! воскликнула молодая женщина, падая на колѣна и скрестивъ руки, съ восторгомъ невыразимой признательности. — Благодарю тебя, Господи! благодарю тебя за дѣтей!

— Будьте покойны, сударыня, она не выходила изъ моихъ рукъ, повторяю вамъ... Да, она здѣсь, въ этомъ шкафѣ... и что-бы ни случилось...

Вдругъ онъ замолчалъ; въ корридоръ раздались шаги и послышались голоса; казалось, двое мужчинъ о чомъ-то горячо спорили другъ съ другомъ. Мосѣ Канталъ уже узналъ голосъ своего слуги.

— Нѣтъ, не войдете, судары! говорилъ добрый Жеромъ, задыхаясь отъ гнѣва; повторяю вамъ, что гнѣ Канталъ занятъ... никого не принимаетъ!...

— Меня онъ долженъ принять, и сію-же минуту! — отвѣчалъ сердитый голосъ.

— Все равно, васъ-ли, другаго-ли, никого не принимаетъ, хоть-бы самъ Папа прѣхалъ!...

— Пусти, говорить тебѣ, невъжа!

И вслѣдъ за тѣмъ въ корридоръ послышалась жестокая возня; легко было догадаться, что кто-то хотѣлъ войти насильно, а Жеромъ упорно отстаивалъ неприкосновенность двери.

— Что тамъ такое? — сказалъ Канталъ, бросаясь къ двери.

Дама вскрикнула отъ испуга; казалось, она готова была упасть въ обморокъ.

— Мосѣ Канталъ, — сказала она, протягивая руки съ умоляющимъ видомъ: не отворите!... Погодите еще минуту! Это онъ!...

— Кто онъ?

Нотариусъ остановился неподвижно, въ двухъ шагахъ отъ двери, уже занеся руку, чтобъ отворить.

Шумъ въ корридоръ не унимался; даже мѣдная ручка двери уже шевелила язычокъ замка.

— Заклинаю васъ всѣмъ, что есть святаго, — продолжала незнакомка, вся трепеща: спрячьте меня!... Это онъ!

— Пожалуйте... сюда, въ этотъ кабинетъ, сказалъ нотариусъ, осторожно отворяя стеклянную дверь, завѣшенную снаружы занавѣсками.

— Сюда, сюда, сударыня!... Только потише!...

— Ради Господа, не отдавайте ему ничего! Оставьте у себя шкатулку!...

— Не безпокойтесь!

И уже стекляная дверь тихо затворилась за незнакомкою.

Въ тогъ-же мигъ дверь изъ корридора съ шумомъ растворилась; какой-то мужчина, блѣдный и дрожащій отъ гнѣва, входитъ, не-смотря на усилія Жерома, еще старающагося его остановить.

Наканунъ дня, въ который совершается наша трагическая исто-рiя, сцена болѣе мирная и болѣе прiятная происходила въ одной красивой квартирѣ Шоссэ-д'Антенской улицы. Мужчина лѣтъ подь-сорокъ, съ волосами, начавшими сѣлѣть на вискахъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, въ халатъ яркаго и пестраго цвѣта. Черты лица этого челоуѣка были весьма-правильны, но вообще вараужность его имѣла суровое и строгое выраженiе, которое показывало характеръ крутой, можетъ-быть, вспыльчивый, и уже навѣрное, непреклонный, когда-бъ дѣло коснулось до оскорбленiя.

Въ это время однако ничто, по-видимому, не раздражало г-на Дельмэ, который съ удовольствiемъ потиралъ себѣ руки, насвистывая какую-то охотничью пѣсню.

Женщина лѣтъ двадцати-пяти, съ лицомъ кроткимъ, задумчи-вымъ и прелестнымъ, сидѣла на канопе, между-тѣмъ-какъ двое маленькихъ дѣтей, съ русыми кудрями, играли на коврѣ богатыми полишинелями, сiяющими позолотою и шелками, звѣриномъ, фермами, хорошенькими деревенскими домиками съ красными кровлями и тому подобными милыми и нарядными бездѣлками, при-всѣщями столько радости дѣтямъ въ день новаго года. То были маленькiй мальчикъ и дѣвочка почти одинаковаго возраста, люби-вшiе, казалось, другъ-друга до обожанiя, точно какъ Павелъ и Вир-гинiя въ ихъ дѣтствѣ. Однакожь, эта нѣжная и братская гармо-нiя иногда нарушалась, когда дѣвочка, пренебрегая своими куклами, забирала къ себѣ солдатиковъ и полишинелей мальчика. Молодая мать, сидя безмолвно и задумчиво, слѣдила умиленнымъ взоромъ за всякимъ шагомъ, всякимъ движенiемъ, за всеми прелестными играми дѣтей. Тутъ, какъ нарочно, между русыми красавчиками возникла маленькая, невинная ссора. Дѣло зашло о бравомъ грена-дерѣ, бившемъ въ барабанъ посредствомъ невидимаго механизма. Поль вертѣлъ механику, и по всей комнатѣ громко, оглушительно, непрерывно раздавалось: трамъ-тамъ-тамъ. Дельфина, бросивъ въ уголъ свою куклу, съ удивленiемъ глядѣла на красиваго барабан-щика. Вдругъ она подвигается къ Полю и, ласково обнявъ его

ручками, заставляетъ выпустить изъ рукъ игрушку. Въ тотъ же мигъ, она хватаетъ ее, и начинаетъ сильно вертѣть механику. Поль съ недоумѣнiемъ глядитъ на сестру; не можетъ сперва постичь быстроты ея уловки, и продолжаетъ машинально повертывать ручкою. До-сей-поры еще все было мирно, какъ вдругъ пружина барабана, отъ слишкомъ-сильнаго дерганья, порвалась и лопнула съ жалобнымъ стономъ: трамъ-тамъ-тамъ тотчасъ-же прекратились.

— Фифина, кричитъ Поль, вырывая у нея изъ рукъ гранадера: ты у меня изломала мою игрушку!...

— Хочу барабанщика! отвѣчаетъ дѣвочка, собираясь заплакать.

— Солдаты куплены для меня! говоритъ Поль востепеннымъ тономъ.—Играй въ свои куклы!...

— Хочу барабанщика! повторяетъ Дельфина, заливаясь горячими слезами.

Но Поль, не обращая вниманiя на жалобные крики бѣдной Дельфины, начинаетъ проворно вертѣть механику, громко и звучно приговаривая:

— Трамъ-тамъ-тамъ! трамъ-тамъ-тамъ! трамъ .. трамъ... тамъ. тамъ... трамъ...

Крики Дельфины усиливаются, поднимается страшная суматоха.

— Ну, ну, опять плачь, опять ссоры! говоритъ г-нъ Дельмъ строгимъ голосомъ, хлопая въ ладони, какъ-будто желая этимъ унять дѣтей.

Барабанщикъ притихъ; но Дельфина продолжала плакать.

— Мамаша... мамаша!... лепетала она невнятнымъ голосомъ: что это, По... Поль... отнял у меня барабанщика,

Г-жа Дельмъ, не хотѣвшая вступить въ своей материнской властью въ этотъ маленькiй раздоръ, увидѣла, что пора возстановить тишину въ комнатѣ, чтобъ не сердить мосё Дельмъ, который терпѣть не могъ шума и споровъ. Она подошла къ Дельфинѣ, и, взявъ ее на руки, всю въ слезахъ, рыдающую, осыпала ее ласками и поцѣлуями.

— Не плачь, милочка, сказала она нежнымъ и убедительнымъ голосомъ: полно, утѣшься, я тебѣ куплю чудесную игрушку... куклу въ нарядномъ платьѣ... въ прекрасной шляпкѣ съ перьями...

— Не хочу куклы... отвѣчала Дельфина, продолжая рыдать.— Я хочу солдатовъ...

— Не будетъ вамъ ихъ, сударыня! возразилъ г-нъ Дельмъ суровымъ голосомъ, топнувъ ногою: экая завистливая крошка! хочешь обообразъ все игрушки у брата... куда хорошо!

Подобный тонъ не могъ утѣшить Дельфину. Она прижала голову къ матери и зарыдала пуще прежняго.

— Другъ мой, какъ ты на нее закричалъ! сказала г-жа Дельма кроткимъ и унылымъ голосомъ.

— Да она, просто, несносна! отвѣчалъ г-нъ Дельма, все-тѣмъ-же суровымъ тономъ. — Не давать ей сегодня обѣдать!

Хныканья Дельфины утикли; грудь ея надулась до того, что она задышалась.

— Шарль, другъ мой, съдай милость, не будь такъ строгъ!.. сказала г-жа Дельма, съ выраженіемъ ангельской нежности во взоръ. Бѣдный ребенокъ такъ чувствителенъ! Посмотри... она задыхается!... Боже мой! да и Поль такой неуступчивый... не умѣетъ обращаться съ маленькой сестрицей... Да, Поль, да... все ты виновать!... Вѣдь я все видѣла...

Мальчикъ, непривыкшій къ упрекамъ, надулся и закрылъ лицо руками; потомъ, топчя барабанщика съ досадою, началъ горько рыдать.

— Ну! пошло! отъ-часу не легче, сказалъ г-нъ Дельма, расхаживая крупными шагами по комнатѣ. Воля твоя, Эжени, ты несправедлива; всегда винишь Поля, всегда защищаешь Дельфину...

— Я, другъ мой? сказала г-жа Дельма съ удивленіемъ.

— Да, да, я давно замѣтилъ... Сегодня я вижу это не въ первый разъ... Дельфину ты больше любишь.

— Право, мой другъ, ты меня удивляешь... Вотъ хорошо! Нѣтъ, я увѣрена, ты этого не думаешь.

— Та, та, та! сказалъ г-нъ Дельма, покачавъ головою и продолжая ходить по комнатѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно, другъ мой? Право, я тебя не понимаю!...

— Будетъ, будетъ! возразилъ г-нъ Дельма, не столь угрюмо. Можетъ-быть, я ошибаюсь... Конечно, я знаю, что тебѣ нѣтъ ни какой причины любить Дельфину больше Поля. Но все-таки, увѣрю тебя, милая Эжени, что ты невольно, сама того не замѣчая, имѣешь какое-то пристрастіе къ Дельфинѣ...

— Охъ! что за пустяки, мой другъ! сказала г-жа Дельма, наклонясь къ Полю и обнявъ его со всей материнской нежностью. Милый ребенокъ! и будто я его люблю меньше сестры!... Нѣтъ, Шарль, нѣтъ, боюсь тебѣ! я не различаю ихъ въ моемъ сердцѣ ни на минуту!... Но, не правда-ли, другъ мой, самъ согласишься... оба они милы и прекрасны, какъ ангелы... но Дельфина какъ-то ласковѣе, нежнѣе?..

— Такъ, такъ... видишь, Эжени! сказалъ г-нъ Дельма съ нежной

улыбкою : ужъ всегда, всегда найдешь въ ней какое-нибудь маленькое преимущество! Ты не въ-силахъ этого скрыть, милая!

— Негодный Шарль! отвѣчала она, улыбаясь въ свою очередь, съ видомъ нѣжнаго упрека : тебѣ хочется меня мучить... Да, да, я увѣрена, мой добрый Шарль не вѣритъ ни одному слову изъ всего, что сейчасъ мнѣ наговорилъ...

— Разумѣется, милая, отвѣчалъ Дельмъ веселымъ тономъ, который ясно показывалъ, что всякое непріятное впечатлѣніе изгладилося въ его умѣ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на канапе, сдѣлавъ жень знакъ подойти къ нему. Эжени, все-еще державшая Дельфину на рукахъ, тихо посадила ее на коверъ подлѣ Поля, обнявъ обоихъ дѣтей по-очередно, съ живымъ материнскимъ чувствомъ, но, въ-самомъ-дѣлѣ изъ предпочтенія, или, просто, случайно, первый поцѣлуй данъ былъ Дельфинѣ, а второй брату.

— Вотъ такъ-то! славно! славно! сказалъ г-нъ Дельмъ, слегка прищелкивая языкомъ, съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія.

Г-жа Дельмъ не много покраснѣла; но почти въ тогъ-же мигъ совершенно оправилась, и легонько ударила мужа по щекѣ, примолвивъ ласковымъ и шаловливымъ тономъ.

— Негодный!

Дѣти, вполнѣ утѣшившись, опять стали нѣжнѣйшими друзьями и съ новымъ усердіемъ принялись за игрушки.

— Эжени, сказалъ Дельмъ, взявъ ее за руку: ты добра и кротка, какъ ангелъ... А я, я грубіянь... Я виноватъ передъ тобою!

— Виноватъ, мой другъ! въ чемъ?

— Ну, вотъ! да во всемъ. Нѣтъ, рѣшительно я тяжелаго характера... Иногда на меня находятъ несносныя минуты, признаюсь... самъ я первый досадую на себя; но, видно, этому не пособишь; мнѣ себя ужъ не исправить!

— Милый Шарль! сказала она, обнявъ его : ты сама доброты! я не знаю сердца благороднѣе твоего!

— О! что до сердца, я не скажу, чтобы оно у меня было рѣшительно дурно... даже думаю, что въ немъ найдется что-нибудь и доброе... Не сомнѣнно, по-крайней-мѣрѣ, одно, милая Эжени, то, что для тебя въ этомъ сердцѣ есть безконечная любовь, глубокая нѣжность и обожаніе, привязанность безъ границъ! Боже мой! какъ я люблю тебя и дѣтей!... Вы единственное мое счастье, единственная мысль!

— Ахъ, Шарль! если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ тебя!

— До послѣдняго моего вздоха ты не услышишь ничего противнаго! — съ нѣжностью продолжалъ Дельмъ. — Ахъ! если-бъ

у меня не было тебя, Эжени, какъ былъ-бы я жалокъ! Да, я много терпѣлъ въ жизни!... Я ненавижу и презираю свѣтъ!... Всюду въ немъ видѣлъ я только неблагородныхъ, злыхъ и вѣроломныхъ!... Да, мой ангель, одну тебя я люблю и уважаю. Ты баллазамъ для моего большаго, растерзаннаго сердца! Безъ тебя, прости мнѣ Господи! не знаю, что-бъ я съ собой сдѣлалъ.... только, навѣрное, хорошаго-бъ не было!

— Ты, Шарль! полно, это невозможно при твоей благородной, твоей прекрасной натурѣ!....

— Эжени, ты слишкомъ-хорошаго мнѣнія обо мнѣ! отвѣчалъ Дельма серьезно и задумчиво.—Въ моемъ сердцѣ бушуютъ ненавистныя, неистовыя страсти! Я обмануть самымъ гнуснымъ образомъ!...

— Обмануть! сказала г-жа Дельма, вздрогнувъ.

— Да, обмануть, обкраденъ, ограбленъ!... Я былъ прежде богатъ, могъ оставить хорошее и прочное состояніе дѣтямъ. И что же! мою довѣренность низко обманули!...

— Какъ! Шарль, я отъ тебя этого не слыхала!

— Эхъ! эхъ! милая, можетъ-быть я и теперь дурно дѣлаю, что сказываю тебѣ.... Вѣдь ты не поможешь!...

— Помилуй, Шарль, должна-же я знать твои секреты, твои огорченія... хоть-бы для того только, чтобъ ихъ дѣлить съ тобою, утѣшать тебя....

— Нѣтъ, моя добрая Эжени. Одно изъ двухъ: или ты поймешь важность того, что со мною случилось, и это тебя разстроитъ; или ты найдешь меня слабымъ и почти смѣшнымъ, что я такъ огорчаюсь денежными дѣлами. Ты вѣдь безкорыстнѣйшая женщина на свѣтѣ... Назалъ тому два года, когда я тебѣ сказалъ, что одинъ негодяй бѣжалъ, увезши у меня восемьдесятъ тысячъ франковъ, помню, что ты также мало встревожилась, какъ если-бы потеряла какой-нибудь браслетъ!

— Боже мой! ну, если-бъ я пришла въ отчаяніе, чему-бы пособило мое безпокойство? Посуди самъ, Шарль!

— Такъ, такъ и есть! сказалъ Дельма, топнувъ ногою. — Чортъ возьми! милая Эжени, ты бѣсишь меня своимъ спокойствіемъ и разсудительностью! О, нѣтъ! у меня не такой счастливый правъ!.... Нѣтъ, я изъ-себя выхожу! продолжалъ онъ, сжавъ кулаки. Ужъ двѣ недѣли я не сплю.... не могу забыться ни на минуту!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, мой другъ, сказала г-жа Дельма съ важностью: я замѣчаю твое безпокойство, и не могу его понять....

— Хорошо! ты хочешь знать его причину? Я опять потерялъ.... то-есть, далъ у себя украсть сто-двадцать тысячъ франковъ!

— Бѣдный мой другъ! — сказала она, нимало не встревожась: слава Богу, что это не все наше состояніе, и что дѣти....

— Ей-Богу, она помѣшалась! — гнѣвно перервалъ г-нъ Дельмъ. — Такъ легко говорить о потерѣ ста-двадцати тысячъ!...

— Конечно, мой другъ, очень-непріятно.... но, вѣдь бываютъ несчастія хуже этого!...

— Да, точно! на примѣръ, еще-бы потерять послѣднія триста тысячъ!... Ай! ай! вѣтъ, ужъ это слишкомъ! Чортъ возьми!...

— Не сердись, другъ мой.... дай мнѣ досказать.... разумѣется, это несчастный случай.... но для насъ, еще есть утѣшеніе, кажется.... Посмотри на этихъ дѣтей, такихъ хорошенькихъ, такихъ цвѣтущихъ радостью и здоровьемъ!... Вотъ! если-бъ который-нибудь изъ нихъ захворалъ, тогда-бъ я печалилась!...

— Будетъ! будетъ! — сказала отрывисто г-нъ Дельмъ: я выхожу изъ терпѣнія! По-твоему, чтобы горевать, надо-бы еще потерять жену и дѣтей!... Эхъ, эхъ! очень-знаю, что на свѣтъ бываютъ вещи важнѣе.... напримѣръ, смерть чловѣка, котораго любишь! Но есть нѣчто прискорбнѣе самой смерти, это — измѣна любимаго существа!

Г-жа Дельмъ вскрикнула.

— Ну! что съ тобой, Эжени? — спросилъ г-нъ Дельмъ съ удивленіемъ.

— Ничего.... такъ, мой другъ.... мнѣ вздумалось.... я вспомнила....

— О! ужъ вѣрно, что-нибудь чувствительное! грезы, химеры, романтизмъ!... Ахъ! бѣдная Эжени, дай Богъ, чтобъ тебѣ никогда не пришлось дорожить деньгами!... Не сяду отъ тебя моихъ опасеній, всѣ дѣла идутъ худо! если-бъ еще я не надѣлся на преданность одного добраго пріятеля, нашего Родѣ, право, мнѣ оставалось-бы только съ ума сойти!...

— Родѣ? — живо сказала Эжени, вздрогнувъ со страхомъ. — Охъ! не говори мнѣ про этого чловѣка!... Шарль, ты ему слишкомъ доверяешь.... рано или поздно, будешь жалеть!...

— Прекрасно! вотъ какъ ты знаешь людей!... Родѣ не мечтатель, не родъ меланхолическаго Вертера, и оттого бѣдный малый тебѣ не нравится!

— О! да, Шарль, мнѣ не нравится этотъ чловѣкъ! я его боюсь!...

— Бовшья! о! ужъ это черезъ-чуръ! Ты изъ него дѣлаешь какое-то пугало!... Полно, полно, Эжени, будь разсудительнѣе....

не показывай Родѣ неприязни, которая его можетъ оскорбить! Повторяю тебѣ. что твое предубѣжденіе несправедливо!...

— Дай Богъ, чтобы такъ, Шарль!

— Повѣрь мнѣ, Родѣ образецъ друзей на свѣтѣ! Я ужъ не говорю о себѣ; правда, онъ много разъ дѣлалъ мнѣ большія одолженія, за-то и я всегда исполнялъ мои обязательства съ нимъ; всегда платилъ въ положенный срокъ. Но вспомни, какова была всегда его дружба къ бѣдному Дюронелю!...

— Дюронелю! — печально прошептала г-жа Дельма.

На рѣсницахъ у ней блеснули слезы.

— Да, моя добрая Эжени, могу тебѣ сказать, не будь Родѣ, давно-бы Фредерикъ Дюронель разорился до-глы. А во-время долгой и отчаянной болѣзни, какую Дюронель перенесъ въ Парижъ, перель отъездомъ въ Индію, Родѣ ни на-минуту не отходилъ отъ постели умирающаго; никакая сестра, никакая мать не показала-бъ столько заботы и неутомимаго терпѣнія!

— Твоя правда, Шарль... Родѣ всѣми мѣрами старался во-время болѣзни ухаживать за этимъ несчастнымъ молодымъ человекомъ.... но, увы! одинъ Господь читаетъ въ сердцахъ...

— Такъ и есть! опять!... вѣчно сентенціи, вѣчно таинственныя восклицанія!... Ахъ, ты моя милая сумасбродка!

Уже нѣсколько минутъ г-жа Дельма сидѣла глубоко-грустная.

— Слезы, Эжени, вздохи? Ахъ, мой сантиментальный ангелъ, ручаюсь, что ты думаешь о Фредерикъ Дюронелъ!

— Кто Я, Шарль? вѣтъ... право, вѣтъ!...

— Зачѣмъ закираться? что-жъ тутъ мудренаго? Развѣ Фредерикъ не былъ нашимъ другомъ, нашимъ лучшимъ другомъ.... какъ и Родѣ?... Ну вотъ, видишь-ли,— продолжалъ онъ, больше и больше развѣживаясь: я самъ плачу! И я такой-же ребенокъ, какъ ты!... Вѣдь вздумалось-же Фредерику ухъать отъ насъ въ такую даль! а зачѣмъ, спрашивается? Чортъ побери, я не могу придумать никакой причины!... ухъать въ Индію! къ дикарямъ, человеку богатому, молодому, красавцу собой, умному, отличному, любимому всѣми!... Право, Эжени, прибавилъ онъ таинственно: тутъ было что-нибудь не такъ просто!... какой-нибудь переворотъ счастья!.. Да, да не просто ему захотѣлось странствовать! При его слабомъ здоровьи, ему нуженъ былъ покой, особливо нужны были хорошіе медики... а въ Шандернагоръ онъ не найдетъ себя славныхъ эскулаповъ!... Тамощній проклятый климатъ очень-пагубенъ для Европейцевъ!... Ахъ, право, я боюсь!

Не достаеъ еще этого несчастія — потерять такого благороднаго, такого великодушнаго друга!

— Шарль, ты меня пугаешь! — грустно сказала г-жа Дельма. — Чтѣ за мысли, Боже мой! чтѣ за предчувствія! Я не хотѣла тебѣ говорить.... а я также боюсь!...

— О! — вскричалъ Дельма, топнувъ ногою : чтобы черти побрали эту негодную женщину! эта гнусная кокетка всему причиною.

— Переставь, Шарль! .. не говори такъ, сдѣлай милость! — сказала она умоляющимъ голосомъ.

Дельма взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Вотъ хорошо! Не прекажишь-ли еще читать похвальное слово этой твари....

— Шарль! Шарль! чтѣ за выраженія!... Какъ ты жестокъ!...

— Я говорю правду. Да! чортъ возьми! коли я говорю, такъ, вѣрно, хорошо знаю дѣло... Ты должна понять, что я не говорю набумъ.... что я знаю коротко ее, эту женщину....

Говоря это, Дельма кивалъ головою съ угрожающимъ видомъ.

— Ты ее знаешь, Шарль?...

— Да и ты знаешь....

— Я?

— Да. Чтѣ за тайны! Полно, пожалуйста.... ты очень знаешь, о комъ я говорю.

Г-жа Дельма казалась сильно встревоженною.

— Да, это все она, Александрина Бомонъ. Бѣдный Фредерикъ имѣлъ слабость влюбиться въ нее....

— Нѣтъ, повѣрь, нѣтъ!... онъ ея никогда не любилъ! — перебила Эжени съ живостью. — Не ея, не Александрину....

— Ну, переставемъ. Какъ ты вступаешься за эту негодяйку! Впрочемъ, я тебя не осуждаю; она твоя старинная пріятельница, пансіонская подруга, конечно.... Не брани ее, пожалуй; но, сдѣлай милость, не трудись ее защищать.... Повторяю тебѣ, что Фредерикъ любилъ эту женщину страстно, бѣшено! Она вѣчно его мучила.

Г-нъ Дельма еще не договорилъ, какъ вошелъ слуга и доложилъ, что кто-то проситъ съ нимъ видѣться по весьма-важному дѣлу,

— Я сейчасъ ворочусь, Эжени, — сказалъ Дельма, уходя изъ комнаты.

Эжени осталась одна съ дѣтьми.

Продолжая сидѣть на канапе, г-жа Дельма терзалась самыми мрачными, самыми скорбными думами.

Прошло съ часъ времени, а она сидѣла все въ прежнемъ поло-

женіи. Мужъ не возвращался. Наконецъ, дваясь такому долгому отсутствію, она позвонила: слуга явился.

— Клеманъ, да гдѣ-же баринъ? Не ужто все еще занятъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня, отвѣчаетъ Клеманъ: баринъ ушолъ со-двора вмѣстѣ съ тѣмъ, кто къ нему приходилъ.

— Какъ! ушолъ со-двора! не давши мнѣ знать!... Ничего онъ не говорилъ, скоро-ли будетъ назадъ?

— Нѣтъ, сударыня, ни слова не говорилъ. Баринъ казался очень-разстроенымъ....

— Господи! что такое?

— Не умью вамъ доложить, сударыня.... только баринъ былъ что-то очень-блѣденъ.... едва успѣлъ надѣть сюртукъ, и сбѣжалъ съ лѣстницы очень-проворно....

— Ахъ! вѣрно, опять какое-нибудь дурное извѣстіе! — сказала г-жа Дельма, вставая съ безпокойствомъ. — Кто-жъ это такой приходилъ къ барину?

— Какой-то высокой господинъ, котораго я не знаю, сударыня.... Тотъ также былъ, какъ видно, очень не въ-духъ. Онъ сказалъ три-четыре слова съ баринномъ, и вдругъ они ушли вмѣстѣ.... У крыльца ихъ ждала карета.

— Такъ, такъ, опять несчастіе! — воскликнула г-жа Дельма. — Но уйти такимъ образомъ, не увѣдомивъ меня! оставить меня мучиться разными опасеніями! Право, непростительно.

— Господи! Сударыня.... замѣтилъ слуга, тронутый огорченіемъ госпожи: не тревожьтесь такъ, сударыня.... можетъ-быть, они ушли за какимъ-нибудь коммерческимъ дѣломъ, понадобилась ихъ подпись....

Но Эжени, не обращая ни малѣйшаго вниманія на разсужденія добраго слуги, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, въ чрезвычайномъ волненіи. Клеманъ ушолъ.

Почти въ ту же минуту у дверей передвей раздался звонокъ, и Клеманъ явился съ докладомъ, что какой-то господинъ желаетъ съ нею повидаться.

— Проси его въ гостиную, Клеманъ, — съ живостью сказала Эжени. — Я сейчасъ выйду.

— Да, продолжала она: вѣрно, это отъ мужа.... Боже мой! Боже мой! что-то я услышу!... Нѣтъ, нынѣшній день не пройдетъ безъ какой-нибудь страшной вѣсти!

Она кинулась въ гостиную. Молодой человекъ, прекрасной наружности, но печальный и встревоженный, вѣжливо ей поклонился.

— Милостивый государь, сказала она дрожащимъ голо-
сомъ, говорите скорѣе, ради Бога.... Вы отъ моего мужа?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ съ удивленіемъ молодой чело-
вѣкъ: я не имѣю чести знать вашего супруга.... и прошу изви-
нить меня, сударыня, что я осмѣлился къ вамъ явиться.... Меня
привела важная причина!

— Объяснитесь, сударь.... умоляю васъ!....

— Мое посѣщеніе не покажется вамъ дерзостью, сударыня....
надѣюсь такъ, по крайней-мѣрѣ.... и прошу васъ приписать его
чрезвычайному желанію моему оказать вамъ услугу.... Извините, су-
дарыня, что я сдѣлаю вамъ вопросъ... Конечно, вы знаете, хоть по-
слуху.... мадамозель Александрина Бомонъ?

— Милостивый государь.... отвѣчала Эжени съ безыкойнымъ
удивленіемъ: что это за вопросъ? Я не понимаю повода....

— Я вамъ его сейчасъ скажу, сударыня. Но, ради Бога, ответь-
те на мой вопросъ.... клянусь вамъ, онъ происходитъ не отъ не-
скромнаго любопытства.... Эта особа нѣсколько знакома вамъ,
сударыня, я полагаю?

— Да, сударь.... сказала она съ замѣшательствомъ: Алексан-
дрина.... мадамозель Александрина Бомонъ воспитывалась въ
одномъ со мною пансіонѣ.... мы съ ней были довольно-коротки въ
дѣтствѣ.... Но потомъ

— Понимаю, сударыня: потомъ вы съ нею поссорились.

— Поссорились, сударь? Нѣтъ, этого нельзя сказать.... Правда,
наши наклонности несходны.... наше положеніе въ свѣтъ не оди-
наково.... и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ.... мы съ нею не
видимся.

— Я такъ и думалъ, сударыня. Но позвольте сдѣлать еще во-
просъ.... онъ имѣетъ въ виду единственно вашу пользу. Не имѣ-
ла-ли мадамозель Александрина Бомонъ причинъ сердиться на
васъ?

— Сердиться?... пролепетала г-жа Дельма, явно встревожен-
ная. — Нѣтъ, сударь, я ничего не сдѣлала противъ нея.... ничего,
могу васъ увѣрить! и если она жалуется на меня....

— Этого я не говорю, сударыня: мадамозель Бомонъ не дѣлала
меня никогда своимъ повѣреннымъ.... но мнѣ показалось.... Из-
вините, сударыня! можетъ-быть, я ошибся.... въ такомъ случаѣ,
сдѣлайте одолженіе, не сказывайте никому о моихъ несправедли-
выхъ догадкахъ.... Однако все-таки, нѣтъ-ли промежду васъ съ
нею какого-нибудь повода къ глубокой, скрытвой враждѣ?

— Я не желаю ей зла, сударь!...

— Но она, сударыня, думаете-ли вы, что она также расположе-

на къ вамъ? Не воспользовалась-ли бы она первымъ случаемъ сдѣлать вамъ зло?

— Сдѣлать мнѣ зло? да за что, Боже мой!...

— Не знаю, сударыня... это вашъ секретъ...

— Сударь!... вы меня пугаете! Заклинаю васъ, объяснитесь понятнѣе... Что за цѣль вашего посѣщенія?

— Я ужъ вамъ сказалъ, сударыня: я хочу оказать вамъ услугу!

— Но кто вы, сударь? Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Безполезно сказывать вамъ мое имя, сударыня... позвольте мнѣ сохранить инкогнито. Сдѣлайте милость, сударыня, будьте со мною откровенны и чистосердечны... Можетъ-быть, я могу избавить васъ отъ несчастія... а себя отъ упрековъ совѣсти!... Потрудитесь на-минуту припомнить ваше прошедшее, продолжалъ молодой человѣкъ вроткимъ и убѣдительнымъ голосомъ: нѣтъ-ли у кого-нибудь въ рукахъ какихъ домашнихъ бумагъ, писемъ, которыхъ содержаніе могло-бы компрометировать... васъ, сударыня?...

— Писемъ? — прервала Эжени, вздрогнувъ. — Кѣмъ-же писаны эти письма?

— Не знаю, сударыня... вами или, можетъ-быть, кѣмъ-нибудь другимъ!

— Письма... — подумала Эжени. — Что, если!... но нѣтъ, они уничтожены!... либо далеко отъ Франціи. Быть не можетъ!...

— Вы подумали, сударыня?... Теперь, мнѣ остается только повторить мой вопросъ... если точно есть письма, то эти письма, попавши во враждебныя руки, не могутъ-ли надѣлать вамъ непріятностей? не лзя-ли изъ нихъ сдѣлать дурнаго для васъ употребленія?

— Не думаю, сударь... отвѣчала г-жа Дельма измѣнившимся голосомъ. — Письма, какія мнѣ случалось писать... нимало не могутъ меня компрометировать... Я покойна на этотъ счетъ, сударь!

— Благодарю васъ, сударыня, благодарю! — съ живостью сказалъ молодой человѣкъ. — Вы сняли у меня страшную тяжесть съ сердца!... Слава-Богу! того, чего я-было боялся не можетъ быть!.. Ахъ! какъ низко было-бы подобное мщеніе! я-бы скорѣе умеръ, нежели!...

— Что такое вы говорите, сударь? Вы, кажется, очень-разстроены... Ради-Бога, не скривайте отъ меня ничего!.. Черты ваши пріятны и добры... у васъ благородное сердце, я увѣрена... и что-бы защитить бѣдную... оклеветанную женщину!..

— О! да, я съ радостью готовъ умереть для этого! — пылко вскричалъ юноша. — Для васъ, сударыня, для того, чтобъ вы не имѣли повода ни къ одной слезинкѣ, я готовъ все на свѣтъ сдать!.. Кто васъ однажды видѣлъ, тотъ не можетъ не сгарать желаніемъ служить вамъ... навсегда остается вашимъ преданнѣйшимъ другомъ!

— Благодарю, сударь!.. вы слишкомъ добры!..—отвѣчала г-жа Дельмá съ холодной и важной учтивостью. — Но, еще разъ, могли я узнать имя того, кому угодно принимать во мнѣ участіе?

— Извините, сударыня... Радъ-Бога, не спрашивайте больше!.. иначе, я скажу, тогда-какъ — не имю на то права! Теперь, я исполнилъ мой долгъ... по крайвей-мѣрѣ, въ отношеніи къ вамъ, и удаюсь... вы облегчили мою совѣсть... Прощайте, сударыня...

Молодой человѣкъ, поклонившись г-жѣ Дельмá съ любезностью и почтительнымъ участіемъ, вышелъ изъ гостиной.

Нѣсколько минутъ г-жа Дельмá стояла неподвижно, будто окаменѣвъ отъ изумленія.

Она не знала, что подумать. Тысяча противорѣчащихъ мыслей пробѣгали у ней въ головѣ.

— Что́ это за молодой человѣкъ? — прошептала она. — Что́ за таинственное участіе могло его заставить!.. О! вѣрно, это хитрость!.. Да, разумѣется, онъ выдумалъ ложь, чтобы вывѣдать истину... И однако-жъ, видно было, что онъ говорилъ не наобумъ... Нѣтъ, ему, должно-быть, извѣстно... Притомъ-же лицо его такъ кротко и печально... Онъ казался сильно растроганнымъ... Не можетъ-быть, чтобъ это было притворство, нѣтъ!.. я трепещу!..

Она прохаживалась крупными шагами.

— Что́, если эти письма, продолжала она въ полголоса, съ выраженіемъ ужаса: если эти письма у него потеряны!.. Одного письма... одного лоскутка будетъ достаточно!.. Какъ тогда быть?.. Но нѣтъ, пустое, я съ-ума сошла!.. Онъ, вѣрно, все ихъ сжогъ!.. Можетъ-быть, уцѣлѣли два-три письма, да и тѣ онъ взялъ съ собою при отъѣздѣ.. Бѣдный мой Фредерикъ! ты ихъ держишь у сердца... Ты не растаешь съ ними ни на мигъ!.. Боже мой! но откуда этотъ тайный страхъ?.. Я дрожу!.. Да, я убѣждена, мнѣ грозитъ какое-нибудь ужасное несчастіе!.. И въ-самомъ-дѣль! Александрина меня не терпитъ, ненавидитъ! Пршлый годъ, когда мы съ ней случайно сошлись на балѣ, она промолвила мнѣ нѣсколько словъ, отъ которыхъ я до-сихъ-поръ содрогаюсь!.. Какое жестокое и злое выраженіе! какой взглядъ! какая усмѣшка!..

Да, будто теперь слышу: «Эжени, знаешь пословицу... Всякая жевщина, которая любитъ, должна ее знать: *слова умираютъ, а письмо остается!*» И сказавъ это, она отошла отъ меня со смѣхомъ, полнымъ злости и ненависти... Великій Боже! что, если какимъ-нибудь непонятнымъ для меня образомъ, Александрина...

Пораженная какой-то мрачной и страшной мыслью, г-жа Дельма упала почти безъ памяти въ кресла. Нѣсколько часовъ оставалась она погружена внутрь себя, сидя печально и недвижимо.

На дворъ начинало смеркаться.

Вдругъ отворяется дверь, входитъ слуга съ парою зажженныхъ свѣчей. Эжени, внезапно пробудясь отъ своего оцѣпенія, вскакиваетъ и кричитъ въ испугъ.

— Виновать, сударыня!.. Боже мой!.. виновать... — сказалъ Клеманъ, перекофузившись и ставя на каминъ свѣчи: я вошолъ не много неосторожно... Я думалъ, что вамъ угодно свѣчи.

— Хорошо, Клеманъ, сказала г-жа Дельма, протирая рукою глаза, какъ будто еще не разгулялась со сна. — Да кстати, примолвила она торопливо: баринъ воротился домой?

— Господи! нѣтъ, сударыня, это престранно!.. онъ всегда такъ точенъ... не понимаю, что его задержало...

— Въ-самомъ-дѣль... что-бъ это съ нимъ случилось? Клеманъ, можетъ-ли быть, будто ты не знаешь?

— Ничего совершенно не знаю, сударыня. Ужъ я и самъ начинаю немножко тревожиться... странное дѣло. Не прикажете-ли, сударыня, подавать на столъ, пока баринъ придетъ? Говорятъ, ничѣмъ такъ не ускорить приходъ чловѣка, какъ съвши за супъ.

— Я положу, Клеманъ, положу барина.

— Какъ вамъ угодно, сударыня... Но бѣдныя-то малютки, навѣрно, очень хотятъ кушать...

— Боже мой! въ-самомъ-дѣль... вели имъ дать объдать, Клеманъ, а я положу.

Клеманъ ушолъ.

Прошло еще съ часъ. Г-жа Дельма, встревоженная, прислушиваясь ко всякому шуму, предавалась кучь различныхъ догадокъ. Вдругъ она слышитъ звонокъ.

— Ахъ! — говоритъ она съ радостнымъ восклицаніемъ: вотъ онъ!...

Она бѣжитъ къ дверямъ, и слуга докладываетъ, что пришолъ г-въ Родѣ.

— Извините, сударыня! — сказалъ гость, разсыпаясь въ почтительныхъ поклонахъ. — Кажется, я васъ вѣсколько обезпокоилъ... визитъ мой не будетъ продолжителенъ.

Потомъ, когда слуга вышелъ, Родѣ, вдругъ перемянувъ манеры и тонъ, быстро схватилъ руку Эжени и хотѣлъ поцѣловать. Г-жа Дельмъ отняла руку съ холоднымъ и презрительнымъ достоинствомъ.

— Милостивый государь, сказала она, подавшись нѣсколько шаговъ назадъ: что вамъ угодно?

— О, моя прекрасная! что за приемъ! что за тонъ! Говорятъ-ли такъ друзья!

— Друзья, сударь! Я не знаю у меня съ вами никакой дружбы.

— Bravo! bravo! прекрасно! — сказалъ Родѣ съ принужденной улыбкою.

Съ этимъ словомъ онъ поставилъ свою шляпу на геридонъ, трость въ уголъ, и, подвинувъ кресла, развалился въ нихъ, положивъ нога на ногу.

— Прошу меня, сударь, извинить, сухо сказала г-жа Дельмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ двери: сожалѣю, что не могу остаться съ вами: мнѣ надо воротиться къ дѣтямъ.

— Ба! полноте, любезная мадамъ Дельмъ, удѣлите мнѣ пять минутъ, сдѣлайте милость; во-первыхъ, я пришолъ вамъ сказать нечто очень-нужное, очень-важное...

Г-жа Дельмъ, думая, вѣроятно, что Родѣ пришолъ отъ мужа, на-минуту остановилась въ гостиной.

— Что такое, сударь? — спросила она поспѣшно: что вы имѣете мнѣ сказать? Не отъ мужа-ли вы?...

— Да, такъ точно, сударыня! онъ самъ послалъ меня...

— Гдѣ онъ? Какое важное дѣло можетъ его удерживать такъ долго? Говорите, ради-Бога! вы застали меня въ большомъ безпокойствѣ...

— Ай! ай! да вы образецъ супругъ! — сказалъ Родѣ съ странной улыбкою. — На свѣтъ очень-немного жонъ, которыя-бы такъ трепетали оттого, что мужъ нѣсколько опоздалъ придти къ обѣду... Право, счастливцевъ-же этотъ добрый Дельмъ! Вы его любите безъ-ума!

— Да, сударь, люблю... и уважаю! — пылко отвѣчала г-жа Дельмъ.

— Понимаю, какъ нельзя лучше понимаю: вы хотите сказать, что вы не любите меня... не уважаете меня...

Эжени промолчала.

— Прекрасно! это очевидно, ясно, какъ день! Ну, да все-равно! тѣмъ не менѣе, сударыня, я вашъ низкій, покорный и почтительный слуга... Я, такъ васъ уважаю... и люблю!

— Милостивый государь!.. съ гордостью возразила г-жа Дель-

мá: оставьте шутки, сдѣайте милость! я васъ прошу только потрудиться сказать мнѣ, благо вы знаете, что за причина такъ долго удерживаетъ моего мужа воротиться домой?

— О! о! что до причины, сударыня, вы еще успѣете ее узнать! Довольно съ васъ, если я скажу, что Дельмá совершенно здоровъ и не подвергается ни малѣйшей опасности... Успокойтесь, сударыня! пусть вашъ прелестный и свѣжій румянецъ снова покажется на щочкахъ... Не тревожьтесь за вашего мужа!

— Нечего дѣлать, сударь, пришлось покориться, пришлось удовольствоваться вашими таинственными словами... Вы очень любите говорить загадками... Позвольте-же мнѣ проститься съ вами... Не угодно-ли вамъ подождать прихода мужа? Извольте подождать...

Эжени уже взялась за мѣдную ручку двери, какъ Родѣ, быстро вскочивъ, подбѣжалъ къ ней и остановилъ ее за руку.

— Что это значитъ, сударь? Берегитесь! Я кликну людей...

— Эжени! О! моя прекрасная и нѣжная Эжени! воскликнулъ Родѣ въ восторгъ, обхвативъ рукою стройный и гибкій станъ г-жи Дельмá : оставьтесь, умоляю васъ... у ногъ вашихъ умоляю!.. О! еслибъ вы знали... я люблю васъ!

— Милостивый государь! сказала она съ сильнымъ негодованіемъ : это безчестно! Вамъ, другу г-на Дельмá, такъ низко пзмѣнять его довѣренности!

— Эжени, простите меня!.. Простите меня!..

— О! вы сударь, вы благородный человекъ!

— Эжени, ангелъ мой, полноте! безъ гнѣва! безъ шума! безъ исторій!

Говоря это, Родѣ всѣми силами старался оттащить ее отъ двери.

— Говорятъ вамъ, сударь, я закричу! Я кликну людей, и велю васъ прогнать, какъ негодая!

— А! угрозы?—сказалъ Родѣ съ глухимъ бѣшенствомъ.—Хорошо! очень-радъ! принимаю вызовъ!.. Сударыня, вы не выйдете изъ этой комнаты!

Вдругъ Эжени, собравъ всю твердость, все силы, вырывается изъ судорожно-сжатыхъ рукъ Родѣ, сильно его отталкиваетъ отъ себя, проворно отворяетъ дверь и бѣжитъ въ свою спальню.

Родѣ слѣдуетъ за нею, блѣдный и дрожащій отъ гнѣва.

— Сюда! ко мнѣ! — говоритъ Эжени слабымъ и замирающимъ голосомъ.

— Еще слово, и вы погибли! — говоритъ Родѣ глухимъ голосомъ.—Вспомните Фредерика Дюронеля!..

Г-жа Дельмá вскрикиваетъ.

— Я все знаю, сударыня!—продолжает Родье съ жестокимъ и торжествующимъ выраженіемъ. — Не зовите, не-то горе вамъ! Если сюда войдутъ... я скажу при нихъ!

— Тихе! ради-Бога! — говоритъ г-жа Дельма, уходя въ спальню.

Она оглядывается и видитъ позади себя Родье.

Въ тотъ-же мигъ раздается жалобный плачь, крики испуга; шумъ перепугалъ дѣтей въ просонкахъ.

Комната слабо освѣщалась ночникомъ; въ каминѣ еще тлѣло нѣсколько головней.

— Мамаша! мамаша! — кричали Дельфина съ братомъ въ испугъ.

Дѣти спали въ маленькомъ кабинетѣ подлѣ спальни матери; стеклянная дверь, которая была оставлена непритворенною, сообщала эти комнаты.

— Безъ шума, сударыня!—сказалъ Родье глухимъ голосомъ. — Уймте дѣтей!..

— Милостивый государь, подите вонъ сію-же минутой!.. не-то я кликну людей, говорятъ вамъ!..

Съ этими словами, г-жа Дельма схватилась за шнурокъ звонка.

Дѣти продолжаютъ кричать въ испугъ и съ плачемъ зовутъ мать. Вдругъ за стѣною въ корридоръ раздаются шаги.

— Милостивый государь, — говоритъ г-жа Дельма болѣе твердымъ голосомъ : сюда идуть... это горничная... выдѣте вонъ, я вамъ говорю!

— Не выйду, сударыня, — нагло отвѣчаетъ Родье, садясь въ кресла, которыми онъ заставилъ дверь. — И не только не выйдѹ, но еще прошу васъ, для вашей-же пользы, для пользы вашихъ дѣтей, прошу васъ не пускать сюда никого, иначе я заговорю при всѣхъ, сударыня... открою вещи, которыя, боюсь вамъ, васъ не обрадуютъ!.. Скорѣе-же, заprite задвижку,—продолжалъ онъ, указывая на маленькую потайную дверь, выходившую въ корридоръ.—Если кто-нибудь войдетъ, хоть-бы вашъ мужъ, я стану говорить! Я скажу: Эта женщина была два года любовницею Дюронеля!

Г-жа Дельма вскрикнула.

— Молчите, сжалитесь!

— Сжалитесь, сударыня? очень-радъ... заprite-же поскорѣе дверь!

Уже горничная бралась за ручку замка, когда Эжени кинулась запереть задвижку. Дѣти между-тѣмъ продолжали кричать.

— Сударыня, сударыня, это я... отворите... сказала сваружи встревоженный голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не зачѣмъ, Маріэтта!.. Ступай, — сказала г-жа Дельмá: ты мнѣ не нужна.

— Господи! Сударыня, — продолжала Маріэтта: да что съ нашими милевькими крошками? какъ они кричатъ! какъ расплакались!..

— Ничего... они испугались... что-нибудь приснилось... Ступай, ступай, я ихъ уложу... если баринъ воротится домой, скажи, чтобъ не входилъ ко мнѣ въ спальню!.. неравно разбудить дѣтей...

— Хорошо, сударыня, слушаю... А вѣдь странно, что барина до-сихъ-поръ нѣтъ!.. — Маріэтта ушла.

Г-жа Дельмá побѣжала къ дѣтямъ; осыпала ихъ обоихъ ласками и поцѣлуями, упрасивая не бояться ничего и лечь спать. Поплакавъ еще нѣсколько времени, они наконецъ успокоились; ихъ тихое и гармоническое дыханіе показывало легкой сонъ.

Г-жа Дельмá все не возвращалась въ спальню; Родѣ, соскучась такъ долго ждать, встаетъ, и, ступая на цыпочкахъ, идетъ къ полурастворенной двери дѣтской. Сердце его сильно бьется, глаза подергиваются туманомъ; онъ останавливается недвижимвъ, словно въ забытїи!.. Прелестное и унылое зрѣлище! молодая мать сидитъ промежъ двухъ постелекъ на-манеръ колыбелей, печально склонивъ голову на-грудь, струя слезы по щекамъ!.. И въ той и въ другой рукѣ у нея по бѣленькой и пухленькой дѣтской ручонкѣ; ея взоры, полные несказанной вѣжности, обращаются то на того, то на другаго спящаго ребенка, которыхъ свѣжія личики омочены еще невысохшими слезами. Вдругъ дверь кабинета шевельнулась и легко скрипнула. Г-жа Дельмá, въ испугъ, быстро поднимаетъ голову и видитъ въ притворенной двери блѣдное и судорожное лицо Родѣ.

— Вы, здѣсь, вы, сударь!..

Она кидается къ нему и отталкиваетъ его въ спальню. Бѣдная женщина, погрузясь въ родъ забытїя, не помнила страшной сцены, происходившей у нея съ этимъ человекомъ; сидя подлѣ дѣтей, она перестала думать о негодяѣ, который, въ ожиданїи ея, кипѣлъ бѣшенствомъ и нетерпѣнїемъ.

— Вотъ, вѣдь все къ лучшему! — сказала Родѣ, взявъ ее руку и сбираясь поцѣловать. — Наконецъ, вы одумались! — И при этихъ словахъ выраженіе его взгляда, его улыбки, было такъ оскорбительно, что Эжепъ тотчасъ вспомнила ненавистныя требованїя и угрозы Родѣ.

— Милостивый государь, сказала она, осторожно отворяя

дверь, къ которой Родѣ приставилъ кресла: выйдемте отсюда... Поговоримъ въ другой комнату... только не здѣсь... дѣти могутъ опять проснуться!..

Несчастливая женщина, дрожа, какъ лѣсть, поняла, что она во власти этого мерзавца, и что только хитрость, присутствіе духа и кротость еще могутъ ее спасти.

— Нѣтъ, моя прелестная, сказалъ Родѣ, прислонясь къ двери, чтобы не дать Эжени отворить: оставьтесь въ этой комнатѣ... тутъ мнѣ гораздо-лучше... тутъ все пробуждаетъ во мнѣ мысли о счастіи и упоеніи!.. Ахъ! если-бъ вы знали, какъ я васъ люблю!.. Четыре года я страдаю!.. О! Эжени, если-бъ я былъ на *его* мѣстѣ, не я-бы васъ покинулъ!.. Нѣтъ, я-бы жилъ и умеръ у вашихъ ногъ!

Въ это время, воспользовавшись мгновеніемъ, когда Родѣ не прислонился къ двери, она быстро ее отворила и, внявъ-себя, бросилась въ гостиную. Родѣ задрожалъ отъ ярости.

— А! промычалъ онъ, сжавъ кулаки: такъ вы шутите со мною, сударыня! Вся ваши сладкія слова были только хитрость, уловка!.. Берегитесь-же! не вамъ со мною тягаться!.. Это — глиняный горшокъ съ желзнымъ... разобьетесь!

— Хорошо, сударь! вскричала Эжени рѣшительно: дѣлайте, что хотите!.. Будьте безчестнымъ, низкимъ человѣкомъ, весь стыдъ обрушится на васъ!.. Да, я васъ и не боюсь! Вся ваши угрозы однѣ пустыя слова, хитрыя двусмыслицы... Вы ничего не знаете! ничего не можете! догадки ваши ложны!.. Говорите, что хотите, никто вамъ не повѣритъ; нужны доказательства, сударь!..

— Доказательства? они у насъ будутъ, сударыня, и вѣрныя, нежели вы полагаете!.. А! вы хотите со мною ссориться!.. извольте-же! война на смерти!.. Но послушайте: прежде, чѣмъ дѣло дошло до горькихъ крайностей, я долженъ всячески стараться о средствахъ примиренія... Теперь вы прикидываетесь твердой и смѣлою женщиной, потому-что не вѣрите моимъ словамъ; но сейчасъ переѣньте тонъ... Присядьте, сударыня, присядьте сюда, сдѣлайте милость! продолжалъ онъ глухимъ и трепещущимъ голосомъ, подвигая ей кресла: то, что я собираюсь сказать, требуетъ, чтобы вы сидѣли... иначе ноги могутъ вдругъ вамъ измѣнить, а я не хочу обморока.

Эжени оставалась на-ногахъ.

— Я не сяду, сударь... полите вонъ сію минуточку, я васъ прошу, и не переступайте больше моего порога... не-то я все расскажу мужу...

— Прекрасно! превосходно! отъ-часу лучше. Добрый Дельмà! вы

ему готовите очень-пріятный сюрпризъ!.. Ну, важная и очаровательная красота, теперь вотъ сюрпризъ, который я вамъ готовилъ! Какъ сейчасъ я имѣлъ честь вамъ доложить, вы были любовницей моего пріятеля, Фредерика Дюронеля.

— Милостивый государь, вы ждете...

— Э! полноте, сударыня! ужъ если кто изъ насъ измѣняетъ истинѣ, такъ, вѣрно, не я!.. Короче, Дюронель все мнѣ сказалъ....

— Вы ждете, сударь, я вамъ говорю! воскликнула Эжени, поблѣднѣвъ, какъ мертвая: онъ никогда-бъ не довѣрилъ вамъ такихъ вещей!

— Мало того, что довѣрилъ, сударыня. Конечно, вы помните, что имѣли съ нимъ довольно-большую переписку... Писемъ сто-двадцать, или сто-тридцать, по-крайней-мѣрѣ... писанныхъ вашей бѣленькой, хорошенькой ручкою... лежатъ кое-гдѣ заперты, въ одной шкатулкѣ чорнаго дерева, съ везелями изъ золота и перламутра... Вѣдь вы знаете эту шкатулку?

Г-жа Дельма почти безъ чувствъ опустилась на канапѣ.

— А! а! вѣдь я говорилъ, сударыня, что вамъ необходимо будетъ съестъ! Ну, какъ-же вы думаете? Знаю я дѣло, или нѣтъ?

Г-жа Дельма молчала; она дрожала всѣми членами.

— Но какъ вы все-еще полагаете, сударыня, что я васъ обманываю, то объяснюсь еще точнѣе: вы слышали когда-нибудь про мосьё Кантала, добраго нотаріуса, который пользовался полною довѣренностью у Дюронеля...

— Что-же?...

— Передъ отъѣздомъ изъ Франціи, Дюронель поручилъ почтенному маклеру шкатулку чорнаго дерева, гдѣ хранятся всѣ ваши письма...

— Боже! какъ! ужели Фредерикъ это сдѣлалъ!.. Нѣтъ, быть не можетъ!..

— Однако-жъ это чистая правда, сударыня: бѣдняга до-странности дорожилъ вашими письмами, никогда не могъ рѣшиться ихъ уничтожить. Съ другой стороны, боясь, если возьметъ ихъ съ собой въ Индію, чтобъ они не попали въ дурныя руки въ случаѣ его смерти... вѣдь, вы знаете, онъ ожидалъ смерти! — боясь, говорю, чтобъ эти письма не могли вамъ повредить въ-послѣдствіи, онъ предпочолъ положить ихъ на сохраненіе у мосьё Кантала.

— Неужто это правда, Боже мой! прошептала Эжени.

— До-сихъ-поръ все очень-хорошо, сударыня. Вамъ нечего опасаться, потому-что Канталъ кротчайшій изъ людей, честнѣйшій изъ нотаріусовъ, и, безъ всякаго сомнѣвія, подобный вкладъ не могъ быть отданъ въ руки болѣе надежныя. Но вѣдь можете

сами представить, что бѣдный Фредерикъ не безсмертенъ... Онъ похалъ порядочно-болынымъ, а въ Индіи, съ разстроеннымъ ужъ здоровьемъ, не долго наживешь...

— О! заклинаю васъ, сударь! говорите! говорите скорѣе! Зачѣмъ длить мое мученье? Убивайте меня разомъ!...

— Всему, сударыня, возразилъ Родѣ съ жестокимъ хладнокровіемъ: всему своя очередь. Пойдемте по-порядку. Теперь, вамъ угодно знать, что должно сдѣлаться съ драгоценной шкатулкою, въ случаѣ, еслибы Фредерикъ Дюронель...

— Да, сударь... скажите! ради Господа, не скрывайте отъ меня ничего!... Дюронель, я знаю, благородный человекъ! Не можетъ-быть, чтобы передъ отъездомъ онъ не принялъ какихъ-нибудь мѣръ... какихъ-нибудь предосторожностей, которыхъ требовали спокойствіе и честь женщины...

— Женщины, которая сдѣлала его несчастнѣйшимъ человекомъ... Вѣдь почти это вы хотите сказать? Женщины, которую онъ любилъ до обожанія, которой былъ преданъ безъ границъ! Женщины, которая вдругъ, по капризу-ли или по какой-нибудь болѣе таинственной причинѣ, вздумала съ нимъ разстаться, безъ малѣйшаго состраданія, въ одинъ вечеръ!...

— Милостивый государь, безъ упрековъ!... Они жестоки, прервала г-жа Дельма едва внятнымъ отъ слезъ голосомъ. — Можетъ-быть, вы обвиняете незаслуженно... Пріятель вашъ, который столько страдалъ, былъ-бы справедливѣе васъ!...

— Справедливѣе, сударыня? О! развѣ скажите, слабѣе, покорнѣе на страданіе... Ну, да у всякаго своя мораль на свѣтѣ: вотъ я такъ не хочу быть жертвой, особливо у женщинъ! Между вашимъ поломъ и нашимъ ведется тайная, ожесточенная война... Лишь-бы побѣдить, а то хорошо всякое средство; у меня вѣтъ глупой деликатности! По этому я сейчасъ вамъ скажу, въ какомъ мы съ вами положеніи другъ къ другу. Какъ видите, секретъ вашъ мнѣ извѣстенъ. Разумется, если-бъ у меня не было другаго оружія, я могъ-бы разсказать вашему мужу множество вещей, которыхъ онъ и не подозреваетъ; перелалъ-бы тѣмъ подробностей, которыя доказали-бъ, что я коротко знаю дѣло... Но, какъ матеріальныя доказательства гораздо-лучше моральныхъ, то я прибѣгну къ матеріальнымъ доказательствамъ, если у насъ съ вами дойдетъ до вражды. Вотъ, сударыня, поглядите хорошенько на это, прибавилъ онъ, вынувъ изъ бумажника письмо въ незапечатанномъ конвертѣ.

Г-жа Дельма невольно вскрикнула: въ надписи письма, адресо-

ваннаго на-имя г-на нотаріуса Канталь, она узнала почеркъ Фредерика Дюронеля.

— А! а! — сказалъ Родѣ съ видомъ угрюмага удовольствія, — видно, сударыня, что вы не забыли этого почерка... Тѣмъ лучше! по-крайней-мѣрѣ не станете обвинять меня въ поддѣлкѣ письма... Теперь, я вамъ прочту, если позволите, содержаніе этого письма, которое дано мнѣ незапечатаннымъ... Фредерикъ Дюронель говоритъ въ немъ:

«Любезный мосьё Канталь, я покидаю Францію, навсегда, можетъ-быть. Въ случаѣ, если смерть постигнетъ меня во-время долгаго путешествія, которое я прелпринимаю, потрудитесь, съ-«айте милость, отдать немедленно тому, кто представитъ вамъ «эти строки, маленькую шкатулку чорнаго дерева съ золотымъ «и перламутровымъ вензелемъ, что я оставилъ вамъ вчера, въ «четвергъ, 25 октября 1824 года. Въ этой шкатулкѣ заключается «все, что я имѣю драгоценнѣйшаго на свѣтѣ, и, отправляясь, я не «могъ помѣстить ее въ болѣе честныя и болѣе надежныя руки, «какъ ваши.»

— Фредерикъ! бѣдный другъ! горестно шептала г-жа Дельмá, употребляя вся усилія удержать слезы. — О, Боже, мой! продли его жизнь... помилуй его! помилуй меня!

— Согласитесь, сударыня, продолжалъ Родѣ съ торжествующимъ видомъ: что подобное письмо кое-что значить въ дѣлѣ. Замѣчаете-ли, что предъявитель письма не названъ по-именя? Кто-бъ ни пришолъ съ этимъ письмомъ, вы или я, пожалуй, все равно мы можемъ ту же минуту взять шкатулку: старикъ Канталь не имѣетъ права слышать ни малѣйшаго возраженія; выдастъ порученный ему вкладъ, не осматривал, и все, что заключается въ шкатулкѣ, остается для него непроницаемой тайною. Ну, сударыня! пораздумайте-жъ еще... Угодно вамъ быть предъявительницей письма? Вы сами отправитесь къ мосьё Канталю, нотаріусу въ Фонтенé-су-буá; покажете письмо, и добрякъ, ручаюсь вамъ, не станетъ разговаривать. Тогда вы можете спать спокойно... При каждой вспышкѣ Дельмá, вамъ нечего будетъ безпрестанно опасаться, не провѣдалъ-ли онъ чего-нибудь... Нечего будетъ трепетать ежеминутно за вашу репутацію, за вашу жизнь... потому-что вѣдь отъ Дельмá все станется!

— Пусть онъ меня убьетъ, сударь! воскликнула Эжени съ твердостью. — За себя я ничего не боюсь!... О! вы меня еще не знаете!

— Напротивъ, очень-хорошо знаю. Вы не боитесь смерти, и если-бъ у васъ не дѣти...

— Охъ! дѣти! бѣдныя мои дѣти!... Да, за нихъ я трепещу!... Боже мой! еслибъ я могла бояться только за себя одну!...

— О! тогда, сударыня, я-бъ и не думалъ васъ испугать, потому-что это былъ-бы напрасный трудъ. Но вѣдь вы мать, и еще самая нѣжная мать... Разумѣется, вы не захотите дѣлать несчастными этихъ бѣдныхъ и невинныхъ существъ... они этого не заслужили. Итакъ, сударыня, объяснимся короче и кончимъ... на-дворъ все поздне, и я начинаю бояться, что Дельмà того-и гляди воротится домой... Угодно-ли-же вамъ получить это письмо?

— О! отдайте! умоляю васъ!...

— Охотно, только съ небольшимъ условіемъ: вы пожалуете за нимъ ко мнѣ завтра по утру до девяти часовъ...

— Милостивый государь, вы человекъ безъ души! — возразила г-жа Дельмà съ негодованіемъ. О! какъ худо васъ зналъ вашъ безразсудный другъ! Въ руки полцеца доверилъ онъ честь мою, моего мужа и дѣтей! Бѣдный Фредерикъ, это твоя единственная вина!... За-то она преступленіе!... и однако-жъ я не въ-правъ на тебя роптать!...

Видъ Эжени раздиралъ душу.

— О! если-бъ онъ могъ знать, что вы дѣлаете, сударь! продолжала она, всплеснувъ дрожющими руками: какая-бъ это страшная была мука для его бѣднаго сердца! Какого-бъ стыда ему стоило! какого отчаянія! ему, Фредерику! столько доброму, благородному, великодушному! ему, который во всю жизнь не сдѣлалъ ни одного безчестнаго поступка!...

— Одиный такой поступокъ вы забываете, сударыня! перервалъ Родѣ съ горечью. — Но, еще разъ, къ чему эти припоминанія! Угодно вамъ имѣть письмо?

— Не хочу ничего отъ васъ, сударь! — вскричала она, оттолкнувъ его съ ужасомъ. — Да, я съ ума сошла, право! Чего мнѣ бояться!.. Изъ письма этого вы не можете сдѣлать никакого употребленія, пока Дюронель живъ!...

— Онъ умеръ, сударыня!

— Умеръ?...

Эжени схватилась одной рукою за грудь, какъ-будто ее ударили кивжаломъ.

— Умеръ! глухо повторилъ Родѣ: умеръ въ Индіи!... Вчера я получилъ извѣстіе; посредствомъ этого письма, я уже могъ-бы получить всѣ ваши... Я рѣшился подождать; хотѣлъ доказать вамъ, что я не врагъ вашъ... Подумайте хорошенько! Я еще ничего не сказывалъ женщинамъ, которая васъ ненавидитъ... Александрина Бомонъ не знаетъ, что письма ваши существуютъ, что я могу

имѣть ихъ въ одну минуту... О! заклинаю васъ, пожалуйте себя, пожалуйте дѣтей!...

Эжени сидѣла погруженная въ нѣмое и тяжкое оцѣпѣніе. Вдругъ она встала и вскричала:

— Нѣтъ, все вздоръ! вы лжете, Фредерикъ не умеръ!

— Завтра, сударыня, вы перестанете въ этомъ сомнѣваться; вѣсти придутъ къ вамъ со всѣхъ сторонъ; вамъ придется повѣрить... но ужъ будетъ поздно!

— Это обманъ, сударь... О! отъ васъ онъ станется! Вы надѣетесь запугать меня, заставить согласиться на какую-нибудь мерзость... Нѣтъ, вамъ это не удастся!... Притомъ, отъ такого человѣка какъ вы, можно всего ожидать... Не только смерть Фредерика есть грубая выдумка, жестокий обманъ... но даже письмо, которое у васъ въ рукахъ, мнѣ подозрительно... Я начинаю думать, что оно фальшивое!

— Посмотрите, сударыня, посмотрите у себя въ ящикахъ: легко сличить это письмо съ другими...

Эжени стояла, трепеща всѣмъ тѣломъ.

— Однако прощайте, сударыня, я ухожу... Прошу васъ подумать... Утро вечера мудренѣе, и я очень-увѣренъ, что завтра вы придете ко мнѣ за письмомъ.

Съ этими словами, Родѣ взявъ одной рукою шляпу, другою трость, и, откланявшись г-жѣ Дельмѣ, съ выраженіемъ насмѣшливой учтивости, пошолъ къ дверямъ.

— Еще два слова, сударыня, сказалъ онъ, покачивая головою съ видомъ угрозы: если Дельмѣ хоть что-нибудь узнаетъ, наша сдѣлка съ вами нарушена!... Тогда я оставляю это письмо у себя, беру ваши, и завтра, прежде полудня, Дельмѣ будетъ знать все въ подробности... Смотрите! такъ дѣло дойдетъ до крови, сударыня!

Родѣ ушолъ.

Г-жа Дельмѣ терзается мучительной тоскою; не можетъ собраться съ мыслями; сначала, ей кажется, будто ее душитъ страшная стѣна; она крупными шагами ходитъ по залѣ, блѣдная, иступленная, вѣя-себя. Потомъ, съ ужасомъ припоминаетъ все, что говорилъ ей Родѣ. Фредерикъ умеръ; завтра роковая шкатулка будетъ въ рукахъ мужа.

— Нѣтъ, восклицаетъ она: нѣтъ, я убѣждена, все это гнусная хитрость! Презрѣнный разсчитывалъ на мой испугъ!... Что однако, если все это правда! Неизвѣстный молодой человѣкъ, который не хотѣлъ открыть своего имени, также говорилъ мнѣ про письма... О! въ-самомъ-дѣлѣ: странный случай! Боже мой, зачѣмъ

я не разспросила его?... онъ, вѣрно, сказалъ-бы мнѣ больше... у этого мальчика было такое открытое, такое прямодушное лицо!... да и слова его отзывались такой добротою... Ахъ! зачѣмъ я дала ему уйти, не добившись отъ него разрѣшенія этой темной загадки?.. И мужъ все не возвращается!... все стеклось, чтобы привести меня въ отчаяніе!...

Залившись слезами, она въ безпамятствѣ упала на кресла.

Прошло около часа времени: на-дворъ было ужъ очень-поздно; улыбки начинали пустѣть; вдали слышался только глухой стукъ каретъ, и тотъ неопредѣленный смутный гулъ, который по-ночамъ поднимается въ большихъ городахъ, подобный стону моря. Уже свѣчи въ комнатахъ кидали слабый и неровный блескъ; свѣтильники, готовые погаснуть, догорали въ серебряныхъ подсвѣчникахъ.... Вдругъ колокольчикъ громко зазвенѣлъ; раздались поспѣшные шаги; дверь отворилась, и явился г-нъ Дельма съ разстроеннымъ лицомъ.

— Ахъ! другъ мой, это ты! какъ я рада! — восклицаетъ г-жа Дельма, подбѣгая къ нему.

Дельма не отвѣчалъ ничего; онъ сунулъ свою шляпу на геридонъ, и принялся ходить взадъ и впередъ, лепеча отрывистыя, гнѣвныя слова.

— О! несчастіе таки постигло меня! Вѣчно все удары!

— Шарль, другъ мой, что съ тобою?, — спрашиваетъ Эжени нѣжнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Дельма вдругъ остановился и взглянулъ на нее съ угрюмымъ, смущеннымъ видомъ.

— А! это вы....

— Шарль.... Боже мой! что за тонъ!... ты меня было не узналъ?...

— Да, — отвѣчаетъ Дельма отрывисто. — Полно, оставь меня.... ступай въ свою комнату.... Какъ ты до-сихъ-поръ еще не легла?

— Я, Шарль? да я ждала тебя.... я такъ беспокоилась....

— Эхъ! ужъ мнѣ эти беспокойства! Тыфу пропасть! не лзя шага ступить изъ дома, безъ того, чтобы вся тутъ не переполюшилась! Это пренесносно!

— Шарль, съдай милость, не сердись! Полно, поговори со мною.... ты печаленъ.... развѣ слышалъ что-нибудь неприятое?

Голосъ Эжени задрожалъ, измѣнилъ.

— Ну, пожалуй-ста, безъ вопросовъ! я не расположенъ отвѣчать...

— Шарль, право, можно подумать, что ты на меня сердить.... Что я такое сдѣлала, Господи! Что я сдѣлала?

Дельмá, казалось, на-мгнуту поколебался; онъ взялъ руку Эжени и поднесъ къ губамъ, какъ вдругъ бросилъ эту руку, съ выраженіемъ бѣшенства и страшной скорби.

— Шарль, ты меня пугаешь!... я никогда тебя не видала такимъ!... Говори, ради Бога! откройся мнѣ хоть немного!... что такое съ тобой?

— Усидишь узнать, Эжени! — возразилъ Дельмá печальнымъ и глухимъ голосомъ. — Прощай!...

Не прибавивъ больше ни слова, г-нъ Дельмá зажегъ свѣчу, стоящую на каминѣ, поспѣшно ушелъ изъ гостиной и заперся у себя въ спальнѣ. Тоска Эжени достигла крайняго предѣла. Она начала опасаться, не разсказалъ-ли Родѣ обо всемъ Дельмá; боялась, что роковой шкатулки уже нѣтъ у нотаріуса.

— Фредерикъ!... Господи! — шептала она со слезами, — что, если все правда!... Ахъ! всѣ бѣды вдругъ!... Боже мой! не будь у меня дѣтей, я желала-бъ умереть!...

Съ надрывающейся отъ слезъ грудью воротилась Эжени въ спальню, и, чтобъ нѣсколько успокоить свое бѣдное сердце, долго глядѣла на мирный и ясный сонъ двухъ страстно-любимыхъ дѣтей. Наконецъ, изнемогши отъ волненія, въ слезахъ упала она на колѣна промежъ колыбелекъ, и горячо молилась за нѣжныя созданія. Молитва облегчила ея стѣсненную грудь. Она легла въ постель, и скоро глаза ея сомкнулись отъ утомленія. Но такой спокойный сонъ былъ непродолжителенъ: зловѣщія грезы, страшныя сновидѣнья заставили ее проснуться въ испугъ, и до самаго разсвѣта бѣдная женщина металась въ долгой и тяжелой безсонницѣ.

Лучи восходящаго солнца уже провикали сквозь кисейныя занавѣски, когда Эжени, измученная усталостью и лихорадкою, погрузилась въ родъ летаргическаго усыпленія. Часы били двѣнадцать, когда она проснулась.

Она встаетъ черезъ-силу, шатаясь на ногахъ; грудь ея горитъ; жилы глухо стучатъ въ вискахъ; сердце бьется съ необыкновенной силою. Боясь упасть въ обморокъ, она кое-какъ подходитъ къ окну и поспѣшно его растворяетъ. Свѣжій воздухъ нѣсколько укрѣпилъ ее и не далъ лишиться чувствъ. Вскорѣ Эжени, поправясь, садится на каменный балконъ, откуда видно было все протяженіе бульваровъ.

Погода стояла прекрасная. Блестящіе экипажи толпою неслись въ паркѣ, щеголяя другъ передъ другомъ изяществомъ и роскошью. Вдругъ г-жа Дельма вздрогнула, и быстро отняла голову назадъ. Но тотчасъ-же, будто увлекаемая чувствомъ неодолимаго любопытства, подходитъ она къ периламъ, и глядитъ съ странной пристальностью; глаза ея не сходятъ съ богатой коляски, въ глубинѣ которой, полу-лежа, сидитъ роскошно-одѣтая дама. Эта женщина молода, брюнетка, сіяетъ южной красотой, которую чудесно выказываетъ ея шелковое платье яркихъ пестрыхъ цвѣтовъ. Эжени безъ труда узнала Александрину Бомонъ; напротивъ ея, въ передней части коляски, сидѣлъ молодой человекъ, одѣтый со вкусомъ и изысканностію; черты его кротки и нѣжны; онъ не сводитъ глазъ съ молодой дамы, сидящей передъ нимъ.

— Кто этотъ молодой человекъ? думаетъ Эжени съ чрезвычайнымъ волненіемъ. — Да, точно, онъ тотъ самый, что былъ у меня вчера... Онъ упоминалъ мнѣ про Александрину... Ахъ! вѣрно, онъ опасался какого-нибудь чорнаго поступка отъ этой женщины!...

Коляска остановилась примехонько противъ балкона, на которомъ стояла г-жа Дельма. Тутъ, Александра, слегка ударивъ молодаго человека зонтикомъ по-плечу, дала ему знакъ взглянуть на балконъ. Молодой человекъ смотритъ и, кажется, пораженъ удивленіемъ. Между-тѣмъ, Александра, вперивъ глаза въ г-жу Дельма, глядитъ на нее съ жестокимъ и торжествующимъ выраженіемъ, отъ котораго конвульсивная дрожь пробѣжала по членамъ Эжени.

— О! какая наглая усмѣшка! Да, это она уставилась на меня... Что она хочетъ мнѣ выразить?... Такъ это мщеніе?...

Александрина Бомонъ продолжала глядѣть на г-жу Дельма, кивая головою съ видомъ угрозы и насмѣшки. Наконецъ она, какъ видно, сказала что-то слугѣ, и экипажъ понесся во весь духъ; г-жа Дельма ушла съ балкона: ее мучило лихорадочное, болѣзненное волненіе. Растерявшись въ тысячу догадокъ, одна другой печальнѣе, она съ уныніемъ опустила въ кресла, и безмолвно сложила руки, какъ на-молитвѣ.

Вдругъ стучатся въ дверь, и входитъ г-нъ Дельма, блѣдный, съ измѣнившимся лицомъ.

— Боже мой! что съ тобой, мой другъ? — спросила г-жа Дельма, вскочивъ его обнять. Дельма отворачивается.

— Шарль, умоляю, тебя... скажи, что съ тобой случилось?

— Со мною... то, что мы разорились въ конецъ! отвѣчаетъ

Дельмá глухимъ голосомъ. — Я долженъ слишкомъ триста тысячъ франковъ наследникамъ Дюронеля, надо заплатить черезъ мѣсяцъ!

Эжени зашаталась и оперлась на кресла.

— Наслѣдникамъ Дюронеля! Чтó ты, Шарль?...

— Да, судьба насъ гонить! Я занималъ у Дюронеля эту сумму, и ровно черезъ мѣсяцъ долженъ былъ отдать... Будучи не въ силахъ, я писалъ къ Дюронелю и просилъ отсрочки... Три мѣсяца какъ письмо отправлено... но оно опоздало: Дюронеля уже не было на-свѣтъ!...

— Боже!

Эжени стояла, какъ громомъ пораженная.

— Вчера вечеромъ, Эжени, продолжалъ Дельмá мрачнымъ голосомъ: вчера вечеромъ, когда ко мнѣ пришли съ этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, я еще надѣялся, что оно не подтвердится... но сегодня утромъ, оно окончательно доказано... Дюронель умеръ!

Эжени рыдала.

— Да, ты права, Эжени, плачь... однимъ добрымъ человѣкомъ меньше на-свѣтъ, и я себя виню въ эгоизмъ, что жалю о чомъ-нибудь, кромѣ его потери.... Изъ всѣхъ моихъ друзей это былъ лучший, самый вѣрный, самый преданный! Но не только друга я съ нимъ лишаюсь: я теряю все мое положеніе въ свѣтъ, все состояніе, всѣ мои надежды для будущности дѣтей! Чтó намъ теперь будетъ дѣлать, бѣдная Эжени? Я въ смертельномъ затрудненіи. Со всѣхъ сторонъ тяжолыя обязательства, а помощи ни откуда! Со временемъ, при небольшомъ пособіи, я, можетъ-быть, поправился-бы... но теперь, видно, все кончено! Не будь тебя, да дѣтей, я-бы застрѣлился!

— Шарль, чтó ты! вскричала Эжени въ слезахъ, судорожно обхвативъ его руками.

— Я тебя огорчаю, я варваръ... Правда, я виноватъ, что говорю тебѣ подобныя вещи... но, чтó будешь дѣлать? я страдаю, сердце мое слишкомъ-полно!... Будь я одинъ, чтó мнѣ бѣдность! я мужчина... Но ты, вѣжное и слабое существо, привыкшее къ довольству, ко всѣмъ наслажденіямъ богатой и удобной жизни?... О! эта мысль меня убиваетъ!

— Шарль, не думай обо мнѣ: у меня также достанетъ твердости на все.... буду работать, если вужно... для тебя, для дѣтей!...

— Эжени, ты раздираешь мнѣ сердце! Охъ! какъ я виноватъ передъ тобою! я промоталъ все твое состояніе на безумныя спекуляціи... я не сдѣлалъ тебя счастливою, тогда, какъ ты этого стоила!... Бѣдный другъ! бѣдная жертва! и ты не ройщешь!...

— Мнѣ роптать, Шарль! на чтó, скажи пожалуйста? На то, что

ты несчастливъ?... Ахъ, другъ мой! было-бы очень-несправедливо, очень-жестоко съ моей стороны хоть сколько-нибудь упрекать тебя въ этомъ!... ужь скорѣе ты можешь...

— Послушай, Эжени, еще не вся надежда потеряна... Въ такихъ обстоятельствахъ, кажется, я могу надѣяться еще на одного друга, на Родье...

— Родье! ахъ, Шарль, мало-же ты его знаешь... Это человекъ безъ сердца!

— Пустяки! ты клеветишь на Родье... Тысячу разъ я тебѣ говорилъ, и опять повторяю, Родье прекрасный мальчикъ, который готовъ одолжить, когда можетъ, вовсе безъ дальнихъ разговоровъ. О! еслибъ теперь дѣло зависѣло только отъ него, я-бы не тревожился на-счетъ этой уплаты.... Но Родье самъ не богатъ, ему самому придется уплачивать наследникамъ Фредерика... Эти родственники, двоюродные да троюродные братья, не захотятъ ничего слушать, и пристанутъ съ ножомъ къ горлу... Эжени, я родился подъ несчастной звездою!

Едва успѣвъ Дельмъ договорить, какъ вошелъ слуга съ письмомъ.

— Вотъ, сударь, сказалъ Клеманъ: что-то очень-нужное.

Дельмъ быстро схватилъ письмо, и распечаталъ. Вдругъ его блѣдное лицо становится еще блѣднѣе; жилы на лбу напрягаются; глаза вспыхиваютъ дикимъ блескомъ. Эжени, испугавшись такой перемены, хочетъ взять его за-руку; но онъ ее сурово отталкиваетъ.

— О! восклицаетъ онъ глухимъ голосомъ, скрежеща зубами: только этого не доставало!... О! это сущій адъ!...

Не прибавивъ ни слова, онъ поспѣшно кидается изъ комнаты и бѣжитъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ запирается, дважды повернувъ ключъ. Эжени нѣсколько времени стоитъ неподвижно, будто лишенная разсудка. Наконецъ, смутныя и сбивчивыя мысли нѣсколько улегаются въ ея голову; она раздумываетъ обо всемъ, происходившемъ наканунѣ.

— О! да, говоритъ она: презрѣнный зналъ, что говорилъ! Фредерикъ умеръ.. и всѣ мои письма.. Господи! подкрѣпи меня!... Не за себя молю, а за дѣтей!... Нечего мъшкать, поспѣшимъ!... можетъ-быть, я еще успѣю!... а если ужь поздно, то крайней-мѣрѣ, узнаю всю истину, всю бездну моего злополучія!...

Она торопливо звонитъ; горничная прибѣгаетъ.

— Мариэтта, я уйду со-двора... смотри за дѣтьми... Если мужъ меня спроситъ, скажи!...

Она запнулась...

— Что-же прикажете отвѣчать? сказала Маріэтта. Вы знаете, что баринъ всегда спрашиваетъ, куда вы пошли...

— Скажи въ церковь, Маріэтта... а послѣ... Ну; да нѣтъ, этого не говори, не нужно... черезъ часъ или черезъ два я буду дома...

— Слушаю, сударыня. Притомъ-же, баринъ, можетъ-быть, и самъ еще не воротится...

— Развѣ его нѣтъ дома?

— Какъ-же, сударыня, вотъ уже съ четверть часа... Баринъ былъ очень не въ-духѣ...

— Маріэтта, сбѣгай сейчасъ за каретою.

— Не угодно-ли вамъ взглянуть на дѣтей, сударыня? сказала Маріэтта. Бѣдныя малютки просятся къ вамъ... плачутъ... ничѣмъ ихъ не утѣшишь. Ужъ я говорила, что вы нездоровы; но сами извольте знать, дѣти...

— Хорошо, Маріэтта, ступай, ступай поскорѣе!... а я пойду въ дѣтскую.

Маріэтта ушла. Черезъ минуту, г-жа Дельмá прижимала къ сердцу Поля съ Дельфиною, покрывая ихъ поцѣлуями и слезами. Дѣти плакали, глядя на мать; ихъ пухленькія и крошечныя ручонки обвивались вкругъ ея шеи. Эти горькія и скорбныя объятія еще продолжались, когда горничная пришла доложить, что карета готова. Г-жа Дельмá еще разъ обняла Поля и Дельфину, съ невыразимой вѣжностью, и торопливо вышла изъ комнаты.

Послѣ долгой прогулки съ Александріною въ коляскѣ по Булонскому лѣсу, Фердинандъ воротился одинъ въ Фонтенé-су-Буа: отецъ его еще не пріѣзжалъ домой и, по всѣмъ вѣроятностямъ, не долженъ былъ пріѣхать иначе, какъ весьма-поздно вечеромъ. Фердинандъ озаботился оставить непритворенною маленькую садовую дверь, черезъ которую можно было пройти въ домъ ни для кого незамѣтнымъ образомъ. Съ часъ ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатамъ, съ лицомъ, то сіяющимъ и радостнымъ, то угрюмымъ и какъ-бы испуганнымъ.

— Придетъ ли она? шепталъ онъ: или она только хотѣла пошутить надо мною? Когда мы съ ней разставались сейчасъ, что-то

васмѣшливое сверкало въ ея большихъ черныхъ глазахъ, полныхъ огня... О! иногда эта женщина меня пугаетъ!...

Поминутно поглядывалъ онъ на часы. Вдругъ, въ корридоръ раздался легкій шорохъ: то былъ шеместъ шелковаго платья. Фердинандъ отворилъ дверь.

— Ахъ! это вы! восклицаетъ онъ. Какъ я счастливъ!...

Александрина, взволнованная, смущенная, торопливо затворяетъ за собою дверь и кидается въ кресла, блѣдная, едва переводя духъ.

— Что я сдѣлала! говорить она: Боже мой! я умру отъ стыда!... Видѣли-ли, какъ я сюда шла?...

— Успокойтесь, Александрина... успокойтесь!... Я съ своей стороны принялъ всю мѣру, изменить намъ некому.... Отца моего нѣтъ дома, какъ вамъ извѣстно...

— Фердинандъ, я трепещу.. Что если вашъ батюшка воротится!..

— Нѣтъ, этого быть не можетъ! Ради Бога, Александрина, ободритесь!... Клянусь вамъ, что отецъ мой долженъ воротиться очень-поздно... Боже мой! какъ вы прекрасны!... Александрина, только съ вѣчерняго дня я знаю счастье!...

— Ахъ, Фердинандъ! прошептала она съ нѣжнымъ и невылымъ вздохомъ: много слезъ стоить мнѣ это счастье!... Несчастная! опять заблужденіе... опять раскаяніе, опять упреки совѣсти!...

Говоря это, Александрина закрыла лицо руками, и рыдала.

— Александрина, вы раздираете мнѣ сердце! О! умоляю васъ, взгляните на меня... Глаза ваши, кажется, избѣгаютъ меня, вы отворачиваетесь... Или я вамъ страшенъ?...

— Да, Фердинандъ... я боюсь полюбить васъ!... а рано или поздно придется оплакивать эту любовь!... Я знаю васъ, вы добры, прекрасны, пламенны... но непостоянны, вѣтрены, прихотливы... какъ все мужчины вашихъ лѣтъ и съ вашими привычками! Да! скоро вы меня покинете для другой, Фердинандъ! и тогда я, блѣдная женщина, которой сердце столько страдало, я не въ-силлахъ буду этого перенести... Мнѣ останется только умереть!

— Александрина!... что за мысли!... къ чему эти печальные вздохи?... Сейчасъ еще вы были такъ живы, такъ смѣшлывы, такъ очаровательно-веселы!...

— Да, Фердинандъ, правда... я была весела нынче поутру... но потомъ я одумаюсь, видите-ли!... горько одумалась!... и чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше нахожу себя неосторожной и безумною! Я сама убѣждена, что готовлю себѣ страшное горе... Ахъ! да, Фердинандъ, да, продолжала она, обративъ на него взоръ, полный любви и скорби: останемся, какъ есть... будемъ друзьями, будемъ

братомъ и сестрою.. Иное чувство со-временемъ поссорило-бъ насъ другъ съ другомъ, и сдѣлало-бъ непримиримыми врагами!..

Фердинандъ, безмолвный, угрюмый, трепеталъ всеми членами.

— Признаюсь, сударыня, я не ожидалъ подобной переменны.... Странно!... Что съ вами сдѣлалось въ такое короткое время? Несчастный я! вы меня больше не любите!

Голова его поникла на грудь, съ выраженіемъ совершеннаго унынія.

— О! другъ мой, какъ вы худо видите мое сердце! воскликнула она, горячо сжимая его руку въ своихъ рукахъ. Если-бъ я васъ не любила, была-ли-бъ я такъ жалка? представлялось-ли-бы мнѣ будущее такимъ плачевнымъ, такимъ роковымъ? терзала-ли-бы меня одна мысль о вашемъ непостоянствѣ?... Нѣтъ, я напередъ покорялась-бы съ твердостью участи всѣхъ жевщицъ... Спокойно и беззаботно говорила-бъ я себѣ, что рано или поздно и я буду забыта, покинута для другой.. Но нѣтъ, эта мысль для меня страшная пытка!... Фердинандъ, легче умереть сію-жъ минуту!

— О! нѣтъ, мой ангелъ, нѣтъ! вскричалъ Фердинандъ, упавъ на колѣна.... Мнѣ перестать любить васъ?.... скорѣе, перестану жить!...

— Фердинандъ, я счастлива, слыша это отъ васъ, и желала-бъ вамъ вѣрить!... Но, увы! я уже не молоденькая дѣвушка, простая, неопытная и легковѣрная... я видѣла свѣтъ и людей.. Было время, другія уста давали мнѣ такія-же клятвы... и я, бѣдная, имѣла слабость имъ вѣрить... Что-жъ! не прошло нѣсколькихъ мѣсяцовъ, какъ этотъ нѣжный и вѣрный другъ, который обѣщалъ скорѣе умереть, нежели заставить меня уронить хоть одну слезу, этотъ другъ, Фердинандъ, сдѣлался моимъ смертельнымъ врагомъ!... Я еще не сказывала вамъ всего, но вотъ что было: поссоривъ меня со всеми родными, уронивъ меня во мнѣніи свѣта, онъ безжалостно меня покинулъ!... Вся доказательства моей слабости, моей любви онъ захотѣлъ, неблагодарный! обратить въ оружіе противъ меня!... Да, Фердинандъ, мои письма онъ не хотѣлъ никогда мнѣ отдать... Онъ берегъ ихъ, какъ говорилъ, для того, чтобы заставить меня всегда бояться, всегда имѣть во мнѣ свою рабу!.. О! другъ мой, вы-бъ этого не сдѣлала, я очень-увѣрена!... Ваше сердце слишкомъ-благородно... и вы доказываете это сегодня, отдавая мнѣ переписку, которая отравляетъ всю мою жизнь!...

— Признаюсь, Александрина, я долго не рѣшался!—сказалъ Фердинандъ съ жаромъ. — Ахъ! если-бъ вы потребовали у меня только моей крови, моей жизни, я не колебался-бы ни секунды!.. Но честь, Александрина!.. Ахъ!.. Такъ и бытъ! я рѣшился, хотя-бы

преступленіемъ, доказать вамъ мою любовь, мою преданность!.. Все тутъ, въ этомъ шкафѣ...

— Въ этомъ шкафѣ? — повторила Александрина, протягивая руку къ указанному Фердинандомъ мѣсту. — Дайте ихъ, дайте скорѣе!..

Взоры молодой женщины сверкали лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ, Александрина, сейчасъ: но напередъ еще нѣсколь-ко словъ... Ради-Бога, не таите отъ меня ничего!.. Вѣдь этой бѣды нельзя будетъ поправить, и я не переживу ея!.. Вы даете мнѣ клятву, что въ этой перепискѣ компрометированы однѣ вы?

— Одна я, Фердинандъ!..

— Отчего-же, намедни, когда вы настоятельно требовали у меня писемъ, отчего вы упомянули имя другой женщины?

— Я, Фердинандъ?

— Да, вѣрно, вы помните... Еще какъ-будто ненависть, скрытная и глубокая ненависть, отзывалась въ вашемъ голосѣ!.. Я какъ сейчасъ слышу ваши слова точь-въ-точь, вотъ они: «Фердинандъ, если вы любите меня, докажите!.. Дайте мнѣ всѣ письма г-жи Дельмѣ!

— Фердинандъ, вы бредите! — сказала Александрина съ принужденной улыбкою. — Никогда я вамъ не говорила о г-жѣ Дельмѣ, по поводу писемъ...

— О, полноте! я какъ-будто еще слышу васъ, сударыня!

— Сударыня!.. Фердинандъ, что за тонъ!..

— Виноватъ! о! виноватъ, моя Александрина! возразилъ Фердинандъ нѣжнымъ и страстнымъ голосомъ. — Во мнѣ происходитъ что-то необыкновенное... Я путаюсь въ мысляхъ!.. Однакожъ, сколько ни думаю, быть не можетъ! нѣтъ, вы не способны къ злему дѣлу!.. Александрина, это было-бъ ужасно!.. это значило-бы погубить и обезчестить, по-крайней мѣрѣ, троихъ!..

— Полно, полно, мой другъ, прочь всѣ этѣ химеры... Право, вы не похожи на мужчину!.. Но, ради-Бога, не станемъ терять времени... скорѣе сюда письма!.. Они должны-бы давно быть у меня.

— Александрина, они будутъ у васъ... сейчасъ будутъ... Боже мой! погодите немного!.. повторяю, вамъ здѣсь нечего опасаться: отецъ мой не воротится до ночи...

— Все-равно, Фердинандъ! — отвѣчала Александрина съ нѣжностью и безпокойствомъ. — Какъ знать, что можетъ случиться... Ну, давайте поскорѣе!.. посмотрите, какъ ужъ поздно!.. на дворѣ смеркается... Боже-мой! мнѣ пора домой, а я насилу разберу теперь дорогу... Вы знаете, что меня ждетъ карета у входа въ

царкъ... Но одной, безъ провожатаго, неблагоразумно запазды-
вать еще больше!

— Я провожу васъ. Александрина...

— Нѣтъ, Фердинандъ! — сказала она съ странной живостью. —
Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! у меня много знакомыхъ въ Фонтенѣ,
а я ни за что въ свѣтъ не хочу, чтобъ меня встрѣтили съ вами!..

Говоря это, Александрина, облокотясь на задвижку окна, глядѣ-
ла въ даль, по направленію къ Венсенскому лѣсу.

— Фердинандъ, ради-Бога, что-жь письма?.. время идетъ...
Черезъ полчаса я должна уйти...

Фердинандъ подбѣжалъ къ шкафу, на который онъ показывалъ,
и поспѣшно его отперъ. Онъ вынулъ оттуда три связки бумагъ,
запечатанныя по угламъ печатью чорнаго сургуча.

Александрина не удержалась отъ восклицанія.

— Подайте! подайте!

Она такъ быстро схватила одну изъ связокъ, что та вдругъ рас-
печаталась; нѣсколько бумагъ упали на полъ. Фердинандъ накло-
нулся—было ихъ поднять, но Александрина, оттолкнувъ его какъ-
бы съ сердцемъ, сказала:

— Не трогайте ничего, не смѣйте!

Но Фердинандъ, который уже взялъ одну бумагу, сложенную на-
маверъ письма, успѣлъ прочесть на оберткѣ слова: «*госпожѣ
Дель...*» внизу, на углѣ обертки: «*прислано назадъ, но въ этотъ
разъ читано!*» Эти неопредѣленные и загадочныя слова были для
Фердинанда какъ-будто страшнымъ откровеніемъ, зловѣщимъ
свѣтомъ, внезапно озарившимъ его умъ.

— Наконецъ-то! наконецъ! шептала Александрина съ видомъ
торжества.

Не замѣчая, что измѣняла себѣ жестами, взглядами, неосто-
рожными восклицаніями, забывъ, такъ-сказать, о присутствіи
Фердинанда, она продолжала дрожащей рукою развертывать всѣ
письма, выпавшія изъ связки.

— Сударыня! вдругъ восклицаетъ Фердинандъ, вы не получите
этихъ писемъ! Они останутся у меня!

— Они мои, сударь, отвѣчаетъ Александрина съ презрѣніемъ и
досадою: никто не имѣетъ права удерживать мою переписку! Мнѣ
странно слышать это отъ васъ!

Говоря это, она подбирала всѣ упавшія письма и клала ихъ въ
платокъ, приподнявъ голову, съ строгимъ и надменнымъ выраже-
ніемъ, какъ-бы для того, чтобъ удержать Фердинанда поодаль.

— Сударыня, повторяю, что вы не возьмете съ собой писемъ!
Напередъ, я долженъ знать, несомнѣннымъ образомъ, точно-ли всѣ

они вамъ принадлежать! Чтѣ значать эти надписи: *госпожѣ Дель...*? Можеть-быть, не ваша-ли это старинная подруга, госпожа Дель-мъ?

— Вотъ еще! да вамъ-то какое дѣло! возразила Александрина съ наглостью. Я не люблю распросовъ, сударь! я не обязана давать вамъ отчеты! Коли вы заговорили такимъ тономъ, хорошо-же!

Александрина накиннула салопъ на плеча и пошла къ дверямъ.

— Какъ! вы уходите, сударыня! Такъ-то благодарите вы меня за услугу!... А! теперь я васъ узналъ!...

— Скорѣе развѣ, я васъ узнала! вы слабый, нервнительный человекъ... вы слишкомъ всего остерегаетесь!... Прощайте! если вамъ угодно меня видѣть, будьте другой разъ въжливѣе, не обижайте подозрѣвляя!...

Поклонясь Фердинанду съ холодной учтивостью, она уже взялась за ручку двери.

— Вы очень торопитесь, сударыня! сказалъ Фердинандъ съ горечью, подбѣжавъ къ ней и запирая на-глухо дверь.—Письма! пожалуйста мнѣ письма! прошу ихъ отдать!... Я былъ слабъ и виновень, но не буду больше...

— Повторяю, сударь, что не отдамъ!

— О! не выводите меня изъ границъ, сударыня! Вы не возьмете этихъ бумагъ, ни одной!

— Милостивый государь, не хотите-ли вы употребить насиліе! О! это было-бы гнусно!

— Еще гнуснѣе, дать вамъ уйти съ этими письмами, которыя могутъ посвятить раздоръ, несчастье и стыдъ въ какомъ-нибудь семействѣ!... О! воля ваша, сударыня, я васъ не выпущу! я сильнѣе васъ! Вы прибѣгли къ хитрости и кокетству,—къ женской силѣ! А я, если вынудите меня, употреблю силу мужчины!

Взоры и голосъ Александрины мгновенно перемѣнили выраженіе: она снова стала кротка, привлекательна и прелестна; она умоляла; бѣлыя руки ея скрестились, какъ на молитвѣ; она выронила даже нѣсколько слезинокъ.

— Фердинандъ, вы жестоки!... О! вы меня не поняли! Я хитрю и кокетствую съ вами?... я желала-бъ этого... но не въ-силахъ. Вотъ какъ я безразсудна! рѣшилась придти сюда, въ вашу комнату!... Боже мой! какого еще доказательства любви?... Вы слишкомъ-требовательны! жестоки! несправедливы!... У васъ какія-то сумасбродныя, обидныя мысли... Повторяю вамъ, что эти письма мои!...

— Нѣтъ, нѣтъ, не вашъ почеркъ, Александрина!

— Вы учтивы, Фердинандъ! О! какая грубость!... Неужто еще

мало важихъ жестокихъ подозрній!... теперь въ лицо называете меня обманщицей!... Почеркъ мой вы едва знаете, а смѣете утверждать... Полноте, мой другъ, опомнитесь... что за ссоры!.. Я горда... это мое несчастье... но, если меня обидятъ, я не прощаю!.. Если-бы, вмѣсто угрозъ, вы попросили ласково у меня какихъ-нибудь объясненій, другое дѣло! можетъ-быть, я все-бы вамъ сказала... Но крикъ, насиліе, угрозы!

— Хорошо, Александрина! перервалъ Фердинандъ, въ-половину побѣжденный: останьтесь, останьтесь еще нѣсколько минутъ... и объясните, умоляю васъ... на колынахъ прошу, избавьте меня отъ этой страшной муки! Вы увѣрены въ моей скромности, въ моей честности, не правда-ли? прочтите-же мнѣ нѣкоторыя изъ писемъ...

— Фердинандъ, не могу.... Нѣсколько писемъ, взятыхъ на удачу, не объяснили-бы вамъ ровно ничего... Надо будетъ входить во множество объясненій... это долго, а времени у насъ нѣтъ.. Видите, ужъ ночь на дворъ...

Пока она говорила, Фердинандъ, подбѣжавъ къ окну, казалось, прислушивался съ удивленіемъ и безпокойствомъ къ какому-то отдаленному и правильному стуку, который близился къ дому. Скоро, онъ уже не могъ сомнѣваться: стукъ этотъ, ежеминутно становясь внятнѣе, оказывается стукомъ кабриолета мосьё Кантала. Онъ глядитъ: отцовъ экипажъ уже стоитъ у воротъ. Ту-жъ минуту зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Батюшка! вотъ онъ—вскричалъ Фердинандъ.—Онъ воротился... Ужъ не подозрѣваетъ-ли онъ что-нибудь?

— Пустите меня, Фердинандъ!.. ахъ!.. я вся дрожу!..

Колокольчикъ у воротъ все звенѣлъ.

— Александрина, ради-Бога, письма! отдайте мнѣ письма!—сказалъ Фердинандъ умоляющимъ, но твердымъ голосомъ. — Вы возьмете ихъ въ другой разъ...

— Нѣтъ, Фердинандъ... Лучше не просите ихъ назадъ у меня... О! если вы прочтете, я васъ возненавижу!..

Уже голосъ мосьё Кантала раздавался на дворъ. Фердинандъ находился въ жестокомъ затрудненіи: онъ поочередно смотрѣлъ то на Александрину, то на отца, шедшаго къ крыльцу. Но вдругъ онъ слышитъ, что дверь быстро растворилась: Александрина, ловко пользуясь мгновеніемъ, когда онъ отвернулся, хочетъ убѣжать. Фердинандъ кидается за нею и отталкиваетъ ее назадъ вовнутрь комнаты.

— Отдадите-ли вы мнѣ письма, сударыня? вскричалъ онъ, сверкая глазами отъ гнѣва.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! скорѣе вы меня убьете!

Но Фердинандъ уже схватилъ платокъ, въ который она положила всѣ бумаги; Александрина у него вырываетъ платокъ: между ними начинается борьба.

— Ой! что вы это, сударь! — вскрикиваетъ Александрина со слезами. — А! обращаться такъ съ женщиной!.. Вы подлець!..

— Нѣтъ, напротивъ я буду подлецомъ, если позволю вамъ уйти! Подайте письма! они не ваши, теперь ужъ я увѣренъ!.. Пустите, пустите руки, не-то...

— Вы мнѣ ломаете руки! ломаете руки, говорятъ вамъ!.. Пустите, или я закричу!..

Въ-себя, растрепанная, она вырывается у Фердинанда, и, подбѣжавъ къ окну, быстро его отворяетъ. Фердинандъ силится ее оттащить.

— Помогите! сюда! — кричитъ она.

Тутъ-то Канталъ, испуганный, боясь какого-нибудь несчастія, кинулся на лѣстницу; черезъ нѣсколько секундъ, растерянный, дрожащій, онъ стучался къ сыну; но, не получивъ никакого отклика, снова торопливо сошелъ внизъ, разспросить домашнихъ.

Испугавшись послѣдствій, какія могло имѣть объясненіе Александрины съ мосьё Канталемъ, Фердинандъ поспѣшилъ проводить ее, блѣдную, едва стоящую на ногахъ, къ потайной лѣстницѣ, выходявшей въ садъ. Но, перелъ уходомъ изъ комнаты, Александрина вдругъ схватила, съ видомъ неистоваго отчаянія, нѣсколько бумагъ, въ безпорядкѣ валявшихся на паркетъ, подлѣ платка, разодраннаго въ борьбѣ. Фердинандъ, въ-попыхахъ, не замѣтилъ, что Александрина ихъ подняла.

— Ступайте! ступайте, сударыня! Осторожнѣе!.. батюшка опять идетъ на-верхъ!..

Въ-мигъ Александрина, казалось, совершенно оправилась, проворно сошла нѣсколько ступенекъ, и, выхвативъ изъ-подъ салона пукъ скомканыхъ писемъ, потрясла ими, съ видомъ жестокаго торжества, и вскричала:

— Еще остались, сударь!.. Видите, они-ли!.. Прощайте! прощайте! вы услышите обо мнѣ и о моемъ мщеніи!

— Презрѣнная!

Фердинандъ кинулся-было догонять Александрину, когда раздался голосъ мосьё Кантала. Блѣдный, встревоженный, Фердинандъ насилу успѣлъ вернуться къ себѣ въ комнату, и запереть дверь. Почти въ тоже мгновеніе постучался къ нему Канталъ.

Читатели припомнимъ случай, который помѣшалъ Фердинанду

признаться во всемъ отцу. Припоминаеть также нечаянное и внезапное появленіе незнакомца въ кабинетъ мосѣ Кантала, въ то время, какъ нотаріусъ занимался объясненіями съ дамой, разстроенною и трепещущей...

— Ба! что́ это, сударь? спросилъ съ изумленіемъ Канталь, идя на встрѣчу чело́вѣку, вошедшему къ нему столь страннымъ манеромъ.

— Извините, милостивый государь, извините! сказалъ новопришедшій, кланяясь Канталю: правда, я поступилъ не совсемъ деликатно... Но въ жизни встрѣчаются обстоятельства, когда бываешь принужденъ нарушать всѣ правила вѣжливости, а я теперь именно въ такихъ обстоятельствахъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сударь, отвѣчалъ Канталь: меня удивляетъ такое насильственное посѣщеніе. Я занимался дѣломъ, вы мнѣ помѣшали...

— Опять таки извините! тысячу разъ прошу извинить меня, сударь! Я не подвѣлялъ-бы такого шума, еслибъ этотъ чудакъ, вашъ слуга, вѣроятно, не вздумалъ выпроваживать меня слишкомъ рѣшительно, словно докучнаго кредитора.

— Милостивый государь, возразилъ холодно Канталь: этотъ чудакъ, какъ вы его называете, исполнялъ мое приказаніе! Я хотѣлъ быть олимпъ.

— Господинъ нотаріусъ, сейчасъ я повторю вамъ кучу другихъ извиненій; но покада позвольте мнѣ, сдѣлайте милость, сказать причину, какая привела меня къ вамъ: вы увидите, что мое положеніе совершенно исключительное. Не сердитесь, сударь, на меня, ради-Бога. Я отчаявшійся чело́вѣкъ, который хочетъ испытать послѣднее средство, прежде чѣмъ распротиться со свѣтомъ.

— Точно, сударь, по вашему виду, по отчаянности словъ, по лицу вашему я вижу, что вы пришли ко мнѣ съ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Говорите, сударь, говорите: я, съ своей стороны, радъ вамъ служить... только надо знать, могу-ли.

— Можете, сударь, можете!

— Но напередъ, смѣю спросить, сударь, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— О, сударь, не спрашивайте! Не все-ли вамъ равно? Я чело́вѣкъ, который страдаетъ, просить вашей помощи: на что́ вамъ знать мое имя?

— Справедливо, сударь, не стану больше спрашивать его у васъ, отвѣчалъ мосѣ Канталь, подвигая незнакомцу стулъ. Теперь, извольте говорить, я слушаю.

— Не буду, сударь, распространяться; все мое дѣло въ двухъ

словахъ : вѣтъ-ли или не было-ль въ вашихъ рукахъ шкатулки... которую оставилъ у васъ, передъ отъездомъ въ долгое путешествіе, г-нъ Фредерикъ Дюронель, теперь скончавшійся?

Нотаріусъ сдѣлалъ знакъ удивленія.

— Вы мнѣ не отвѣчаете, сударь? продолжалъ незнакомецъ съ бѣльшею настоятельностью. — Между тѣмъ отвѣтъ, котораго я прошу, очень-просто и очень-легко... Вѣдь, полагаю, вы знаете о смерти г-на Дюронеля?

— Ничего, сударь, еще не знаю, кромѣ какъ по-слухамъ... Справедлива-ль эта смерть, или только пустой слухъ, этого я не могу звать... А что до вашего вопроса въ-разсужденіи вклада, мнѣ порученнаго, то позвольте мнѣ, сударь, не отвѣчать.

— Г-нъ Канталь, подобный вопросъ не есть однако нескромность... Божусь вамъ честию! мнѣ чрезвычайно-важно знать, оставлялъ-ли вамъ или вѣтъ г-нъ Дюронель какую-нибудь шкатулку!... О! заклинаю васъ, сударь, скажите... Я человекъ благодарный, г-нъ Канталь, а вы окажете мнѣ безмѣрную услугу.

— Милостивѣйшій государь, я не могу понять причины, какая васъ побуждаетъ дѣлать мнѣ подобные вопросы. Я имѣю некоторую опытность въ свѣтъ, и умью разбирать фizioноміи: правда, вы кажетесь хорошамъ человекомъ, неспособнымъ разставлять мнѣ какія-нибудь сѣти... Но, все равно! я не имью чести васъ знать, и не могу сообщить вамъ никакого свѣдѣнія.

— Хорошо, г-нъ Канталь! не буду долѣ скрываться. Слышали вы когда-нибудь про Дельмá, короткаго пріятеля Фредерика Дюронеля?

— Какъ-же, сударь, какъ-же.

— Я самъ и есть Дельмá.

— Вы, сударь? возразилъ Канталь съ удивленіемъ. Какъ! такъ это вамъ вручилъ г-нъ Дюронель, передъ отъездомъ, письмо, по которому я долженъ передать на ваши руки этотъ драгоценный вкладъ?

— А! значить, вы сознаетесь, г-нъ Канталь? Шкатулка точно у васъ... Теперь вамъ вельзя отпереться...

— Да я и не думаю отпереться, сударь! гордо произнесъ Канталь, вставая съ мѣста. — Да, точно, шкатулка у меня; но что вамъ до нея за дѣло?

— Такое дѣло, сударь, что я долженъ ее видѣть сію-же минуту!..

— Вы! а по какому праву?

— По праву...

Г-нъ Дельмá вдругъ остановился, стиснувъ кулаки; странное

бышенство сверкало въ его глазахъ; жилы на лбу, напрягшись, казались, готовы были лопнуть.

— Г-нъ Дельма, возразилъ нотаріусъ спокойнымъ и важнымъ тономъ: покажите мнѣ письмо, которое уполномочиваетъ васъ требовать у меня вклада... тогда мы съдаемся.

— Письмо! у меня его нѣтъ, г-нъ Канталь. О! чтобъ имѣть его, я готовъ-бы отдать жизнь! Но, ради Бога, исполните мою просьбу!... Я вамъ буду обязанъ больше, чѣмъ жизнью... буду обязанъ честью!... Позвольте мнѣ отпереть шкатулку при васъ... въ ней есть письма, которыя я долженъ уничтожить!...

— Право, г-нъ Дельма, вы сами не знаете, чтó говорите! Отдай я вамъ бумагу, которыя мнѣ ввѣрены! О! да это сумасшествіе!..

— Г-нъ Канталь, съ горечью сказалъ Дельма: вы сами женаты или были женаты... сами имѣете дѣтей... и должны понять мое сграваніе!... Я также отецъ, и сомнѣваюсь... трепещу!...

— Г-нъ Дельма, я не любопытенъ и не желаю знать вашихъ дѣлъ. Но, откровенно сказать, мнѣ кажется, вы игрушка какого-нибудь заблужденія... Шкатулка, могу васъ увѣрить, не заключаетъ ничего кромѣ неважныхъ домашнихъ бумагъ, актовъ владѣнія, или, можетъ-быть, завѣщательныхъ распоряженій. Вамъ извѣстно, что г-нъ Фредерикъ Дюронель имѣлъ-очень много родныхъ, двоюродныхъ, троюродныхъ братьевъ... такъ я полагаю, между нами будь сказано, я полагаю, что, отъѣзжая въ далекое и опасное путешествіе, онъ захотѣлъ распорядиться своими дѣлами, и принять нѣкоторыя предосторожности... въ пользу, можетъ-быть, какого-нибудь друга.

— Ну, вотъ, сударь! возразилъ Дельма, пожимая ему руку: если вы въ этомъ увѣрены, такъ чтó за важность? отперите при мнѣ шкатулку, вы вынете у меня кивжалъ изъ сердца... дадите мнѣ жизнь!...

— Тó, чего вы требуете сударь, истинно невозможно!... Сдѣлайте милость, не настаивайте больше...

— Хорошо-же! послушайте: коли вы недоступны состраданію, г-нъ Канталь, по-крайней-мѣрѣ не пренебрегите своей пользою... Я небогатъ, теперь еще понесъ страшныя потери; но, такъ и быть, покажите мнѣ шкатулку, отперите ее въ моихъ глазахъ... и я вамъ дарю двадцать-пять тысячъ франковъ!...

Канталь съ минутой стоялъ безъ отвѣта: онъ будто окаменѣлъ.

— Да, сударь, двадцать-пять тысячъ франковъ! продолжалъ Дельма. Только сейчасъ шкатулку!

— Вижу, г-нъ Дельмà, сказалъ нотаріусъ, презрительнымъ голо-
сомъ я ошибся на-счетъ васъ: — вы недобрый человѣкъ!

— Я, сударь?

— Вы! Тридцать-пять лѣтъ, сударь, я нотаріусомъ, а никто еще не приходилъ ко мнѣ обижать меня такъ дерзко!... Прежде, чѣмъ дѣлать мнѣ это неблагородное предложеніе, надо было меня знать! надо было собрать кое-какія справки, а вамъ дали-бъ ихъ на десять лѣ въ окружности! Къ-счастью, я слишкомъ извѣстенъ, и уваженіемъ честныхъ людей пользуюсь такъ давно, что могу не краснѣть отъ вашего предложенія! Пусть весь стыдъ его обратится на васъ, сударь!... Не угодно-ли вамъ выйти вонъ, сдѣлать милость... у меня всѣ минуты расчитаны... меня ждутъ!

— Г-нъ Канталъ, вы безжалостны! глухо произнесъ Дельмà. Но вы скоро услышите обо мнѣ!.. Такъ или иначе, понимаете? шкатулка будетъ у меня!...

— Не бывать ей у васъ, сударь, если только вы не подломаете моего шкафа, а это дѣло не легкое, напередъ вамъ сказываю!...

— Вы меня оскорбляете, сударь! вотъ вы, такъ оскорбляете меня! отвѣчалъ Дельмà, идя къ дверямъ. Вы слишкомъ-стары, чтобъ я могъ требовать отъ васъ удовлетворенія; но у васъ есть сынъ!...

— Какъ-же, сударь, есть сынъ, молодой и ловкій малый, повѣса двадцати-четырехъ лѣтъ, который фехтуетъ не хуже самого Гризбè... слышите-ли? снимаетъ со свѣчи пистолетной пулею въ тридцати шагахъ... Онъ въ состояніи васъ удовлетворить, сударь, будьте покойны!...

— Такъ до завтра! пробормоталъ Дельмà, съ угрожающимъ жестомъ.

Онъ ушелъ. Едва мосьё Канталъ остался одинъ, какъ тотчасъ кинулся въ кабинетъ, гдѣ скрывалась молодая дама. Она была безмолвна, блѣдна, почти безъ-чувствъ.

— Извините, сударыня, извините, что я такъ долго оставлялъ васъ тутъ, какъ въ тюрьмѣ!

— Ахъ, сударь! вы спасли меня! восклицаетъ дама, всплеснувъ руками: вѣдь это былъ мой мужъ!

— Такъ вотъ она, разгадка! прошепталъ нотаріусъ, потирая руки. — Чортъ возьми! какъ-то мы раздѣляемся со всѣмъ этимъ?..

Съ отрывистой любезностью, подавъ г-жѣ Дельмà руку, онъ сказалъ:

— Сударыня, не угодно-ли пожаловать въ комнату попросторнѣе.

Но едва успѣлъ онъ подать ей руку, какъ опять колокольчикъ

громко зазвенѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздались звучные шаги и послышался грубый повелительный голосъ.

Спустя мгновеніе, Жеромъ робко постучалъ у двера.

— Сударь, опять кто-то къ вамъ.... очень-важное дѣло.... Видно, нынче день....

— О! извините, сударыня, пожалуйста опять въ кабинетъ, сказалъ нотаріусъ, осторожно притворяя стеклянную дверь.

— Ну! что тамъ? что еще нужно? — спрашиваетъ съ досадою Канталъ, отворивъ дверь въ корридоръ.

Жеромъ, весь встревоженный, отступаетъ два шага на задъ.

— Извините сударь.... бормочетъ бѣдный слуга. — Новый посятитель не сговорчивѣе давшяго.... Ей-Богу, ужъ мнѣ эти ссоры!...

— Разбойникъ ты, Жеромъ! Развѣ ты не могъ сказать, что я занятъ, что я не принимаю?

— Говорилъ, сударь.... да мнѣ задали такую тряску!...

— Чортъ возьми! развѣ я не хозяинъ у себя въ домъ?

— Стъ, стъ, стъ, сударь! — сказалъ Жеромъ таинственно: — онъ тутъ, этотъ господинъ, пожалуй разсердится....

— Прошу извинять меня, г-нъ Канталъ, — сказалъ посятитель, еще скрывавшійся въ потьмахъ корридора. — Я пришолъ позднечко; теперь не занимаютъ дѣлами, но, какъ быть!... Тѣ, за чѣмъ я пришолъ, очень-важно и не терпятъ ни малѣйшей оторопки.

— Кто вы, сударь? — спросилъ Канталъ, когда Жеромъ вышелъ.

— Удивляюсь, г-нъ Канталъ, что вы меня не узнаете; я былъ самый короткій пріятель одного изъ вашихъ довѣрителей, бѣднаго Фредерика Дюронеля... Моя фамилія Родье.

— Точно такъ, сударь, я начинаю припоминать.... Скажите-же, сдѣлайте милость, что такое за дѣло.

— Во-первыхъ, сударь, я пришолъ объявить вамъ очень-прискорбную вещь: Дюронель умеръ въ Индіи; это извѣстіе, къ-несчастью, слишкомъ-вѣрно....

— Какъ сударь! мнѣ нельзя ужъ и сомнѣваться?... Бѣдный, бѣдный молодой человекъ!...

— Онъ не перенесъ, сударь, губительнаго вліянія тамошняго климата. Французскій консулъ пишетъ ко мнѣ; онъ прислалъ вотъ это свидѣтельство о смерти.

Канталъ взялъ изъ рукъ Родье листъ гербовой бумаги за нѣ-

сколькими сѣрѣпами; взглянулъ на него и, положивъ бумагу на бюро, испустилъ вздохъ.

— Г-нъ Канталь, продолжалъ Родьё, доставая изъ кармана бумажникъ: теперь вотъ вамъ другое письмо; его отдалъ мнѣ мой бѣдный другъ Фредерикъ, передъ отъездомъ въ Индію.... Потрудитесь посмотреть его содержаніе и исполнить распоряженіе вашего доверителя.

Едва прочелъ нотаріусъ письмо, какъ весь задрожалъ; холодный потъ выступилъ у него на вискахъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, измѣнившимся голосомъ: что-жъ вамъ угодно? чтобы я отдалъ вамъ шкатулку?...

— Да, сударь, и теперь-же, сдѣлайте милость....

— Г-нъ Родьё, не смѣю подвергать сомнѣнію подлинность этого письма.... но позволю вамъ замѣтить, что въ подобномъ обстоятельстве, приличіе и благоразуміе требуютъ подождать еще нѣсколько дней.... Можетъ-быть, окажется у кого-нибудь, кромѣ васъ, другое письмо, которое уничтожаетъ силу этого....

— Милостивый государь, позвольте мнѣ въ свою очередь замѣтить, что ваше предположеніе очень-странно! Дѣло идетъ не о другомъ письмѣ, а объ отдачѣ вещи предъявителю письма. Надѣюсь, вы меня знаете за честнаго человѣка, неспособнаго васъ обмануть; письмо чрезвычайно-точно; почеркъ его хорошо вамъ знакомъ; я не вижу, что заставляетъ васъ мѣшкать такъ долго....

— Повторяю, сударь, что если я мѣшкаю, то вовсе не отъ недовѣрчивости.... я думаю, что было-бы приличнѣе и благоразумнѣе, какъ съ вашей, такъ и съ моей стороны, да, сударь, приличнѣе.... погодить открывать шкатулку, которая, можетъ-статься, заключаетъ какой-нибудь домашній секретъ..

— Домашній секретъ, сударь? возразилъ Родьё, повывсивъ голосъ: очень можетъ-быть; однако письмо не говоритъ ничего подобнаго; слова его ясны: Дюронель объявляетъ, что въ этой шкатулкѣ находится все, что онъ имѣетъ драгоцѣннѣйшаго.... И такъ, теперь, когда его нѣтъ въ-живыхъ, на мнѣ лежитъ долгъ исполнить свято и строго послѣднюю волю моего друга. Не безпокойтесь, г-нъ Канталь, я очень-хорошо знаю, что лежитъ въ этой шкатулкѣ; очень-хорошо знаю, что я долженъ дѣлать.... Все было предвидѣно, разсчитано, устроено наперель.... Ну, пожалуйста-же ее, покорнѣе прошу....

Нотаріусъ сидѣлъ серьезенъ и озабоченъ; черты его обличали сильное затрудненіе.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія : вы ужасно скоры! Не постигаю, что побуждаетъ васъ быть такъ настоятельнымъ, когда два-три дня дали-бъ и вамъ и мнѣ средства прояснить это дѣло....

— Что тутъ прояснять, г-нъ Канталъ! прервалъ Родѣ, съ нетерпѣніемъ. Кажется, все очень-ясно и просто... У васъ въ рукахъ вкладъ, отданный довѣрителемъ, теперь умершимъ; я принесъ письмо, написанное и подписанное покойнымъ, письмо въ законной формѣ, которое уполномочиваетъ меня требовать отъ васъ немедленной выдачи вклада. Ну, сударь, я жду...

— Сдѣлайте милость, г-нъ Родѣ, поговоримъ спокойнѣе; обойдемся, если можно, безъ рѣзкостей. Вы, кажется, не такъ понимаете, что я имѣю честь вамъ говорить. Я вовсе не думаю отказывать вамъ въ выдачѣ шкатулки, а только считаю моею обязанностью и долгомъ честнаго человѣка посоветовать вамъ подождать... Не правда-ли, сударь? вѣдь вы были-бъ въ отчаяніи, если-бъ неосторожное, необдуманное вскрытіе шкатулки могло компрометтировать честь цѣлаго семейства!... Вы, говорите, сударь, очень хорошо знаете, что лежитъ въ шкатулкѣ; но, право, я могу, кажется, безошибочно вамъ сказать, что этотъ вкладъ весьма-незначителенъ для наследниковъ г-на Дюронеля...

— А я, г-нъ Канталъ, могу вамъ сказать совершенно-противное! возразилъ съ сердцемъ Родѣ. Въ этой шкатулкѣ лежали огромныя суммы, я знаю сударь... Въ случаѣ нужды я могу доказать это до очевидности... Потрудитесь-же исполнить вашъ долгъ нотаріуса, исполнить по доброй воли, отдать мнѣ вещь, которая вамъ не принадлежитъ...

— Милостивый государь, ваши выраженія оскорбительны! сказалъ Канталъ, ударивъ табакеркой по бюро.

— Очень-можетъ-быть, сударь! но я пришолъ къ вамъ не для учтивостей! Ну, не вынуждайте-же меня сказать что-нибудь больше!... Всѣ ваши отговорки, всѣ ваши предлоги довольно-странны... даже такъ странны, что я требую немедленно показать мнѣ вкладъ, который вамъ вѣренъ!

— Какъ, сударь! сомнѣнія, обидныя подозрѣнія?

— Мосѣ Канталъ всталъ, раскраснѣвшій отъ гнѣва.

— Отъ васъ зависитъ прекратить сію-же минуту эти подозрѣнія! Сдѣлайте по доброй воли то, что завтра сдѣлали-бы по неволи... Да, сударь, теперь настоятельнѣе прежняго я требую шкатулки! Я не буду ждать до-завтра... Въ одну ночь можно много успѣть надѣлать...

— Что вы хотите сказать, сударь?

— Хочу сказать, г-нъ Канталь, что на вашъ счетъ ходитъ много слуховъ! Дѣла ваши не въ цвѣтущемъ положеніи... У васъ есть сынъ мотъ, молодой шалунъ, за котораго вамъ сто разъ приходилось платить долги...

— О! такъ вы, сударь, пришли оскорблять меня? вскричалъ нотаріусъ, всплеснувъ руками. Смотрите! Я старъ... но еще крепкъ! руки мои сильны! если вы принимаете за меня дурака, ошибка можетъ дорого вамъ стоить....

— Хорошо! прекрасно, сударь, чудесно! Вы сердитесь!... сказалъ Родьѣ, съ обидной усмѣшкою. Вы надаетесь этимъ отдѣлаться... Вы какъ всѣ, которые сердятся, когда они виноваты... Только, пожалуйста, не трудитесь! Меня не проведете... Пожалуйте шкатулку, сударь! шкатулку! Покажите ее сію-минуту, не то прямо отсюда я пойду жаловаться, рассказывать всѣмъ и каждому, что г-нъ Канталь отпирается отъ выдачи вклада!

— Я, я отпираюсь отъ выдачи вклада? воскликнулъ Канталь съ негодованіемъ, бросаясь къ шкафу и быстро его отпирая. Извольте, сударь! сказалъ онъ, вотъ она, эта шкатулка! возьмите, она ваша! Вы не хотѣли меня понять... Не какъ нотаріусъ, а какъ честный человекъ просилъ я васъ погодить... На-те, сударь! отprite эту шкатулку... которая заключаетъ честь цѣлаго семейства! Богъ свидѣтель, что я употреблялъ всѣ усилія отвратить непоправимое несчастье! Больше я не въ состояніи... это ваша вина! Пусть все зло, какое выйдетъ отсюда, пусть все зло обрушится на васъ!...

— Прекрасно, г-нъ Канталь! прекрасно! Вы говорите какъ праведникъ! сардонически отвѣчалъ Родьѣ, протягивая руку къ шкафу. Все-таки подайте ее сюда...

Уже нотаріусъ взялся за шкатулку, какъ вдругъ дверь кабинета растворилась.

— Остановитесь! ради Бога! воскликнула г-жа Дельмъ, кидаясь къ нотаріусу, блѣдная и дрожащая. Не отдавайте ему шкатулку... это онъ, мой смертельный врагъ...

Мосѣ Канталь проворно захлопнулъ шкафъ.

— Какъ! вы здѣсь, мадамъ Дельмъ? сказалъ Родьѣ голосомъ, гдѣ смѣшивались горечь, насмѣшка и удивленіе... А! я не зналъ, что г-нъ Канталь вашъ нотаріусъ!...

— Сударь... всѣмъ, что есть священнаго, заклинаю васъ, сказала Эжени, простирая къ Канталю руки: не отдавайте!... меня хотятъ погубить!...

— Ну, сударь! возражаетъ нотаріусъ, важнымъ и огорченнымъ

товомъ: вмѣлъ-ли я причину? понимаете-ли теперь, что шкатулка не должна еще быть открыта?

— Я понимаю только одно, съ сердцемъ отвѣчаетъ Родѣ: то, что нотаріусъ измѣнилъ довѣренности, нарушилъ секреты своего довѣрителя!... Тутъ есть стачка! Можетъ-быть, я ужь опоздалъ... Но, что нужды! для меня есть законы, есть правосудіе!... Господинъ нотаріусъ, отдадите вы мнѣ шкатулку или нѣтъ?

— Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? печально думалъ Канталъ, котораго благородное и чувствительное сердце терпѣло жестокую борьбу.

— Вы стараетесь выиграть время, г-нъ Канталъ!... но это время дорого будетъ вамъ стоить! Дѣло идетъ о вашей чести!... Прощайте, сударь, я сейчасъ иду за свидѣтелями, которые могли-бы подтвердить вашъ загадочный отказъ!

Родѣ ступилъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ: Канталъ остановилъ его.

— Погодите еще минуточку, ради Бога!...

— Ни одной секунды, если не отдадите шкатулку.

— Милостивый государь, такъ въ васъ нѣтъ искры жалости? Всего прошу васъ только нѣсколько часовъ отсрочки, и то не для себя!...

Его взглядъ, его выразительный и горестный жестъ указывали на г-жу Дельмъ.

— Господинъ нотаріусъ, меня не проведете этими сантиментальными ужимками... Люди вашего ремесла не бываютъ такъ нѣжны!.. Повторяю, во всемъ этомъ есть какой-то другой таинственный интересъ... Ну, рѣшаетесь вы?...

Казалось, мосѣ Канталъ сдѣлалъ жестокое усиліе надъ собою, и, взявшись за ключъ шкафа, сбврался отворить дверцу, какъ г-жа Дельмъ схватила его руку.

— Господинъ Канталъ! господинъ Канталъ! на коленяхъ васъ умоляю!.. заклинаю васъ!... не отдавайте!...

— Увы, сударыня! я поставленъ въ ужасное положеніе, отвѣчалъ Канталъ съ глубокимъ вздохомъ. Что мнѣ прикажете дѣлать? Этотъ человекъ имѣетъ полное право; онъ грубо и жестоко пользуется своимъ правомъ, но, дѣлать нечего! я принужденъ уступить... Вотъ, прочтите письмо г-на Фредерика Дюронеля..

Г-жа Дельмъ ломала себѣ руки. Родѣ, нахмури брови, нетерпѣливо топалъ ногою.

— Почевать, что-ль, прикажете мнѣ у васъ? сказалъ онъ.

Мосѣ Канталъ взявъ шкатушку, и, подавая ее Родѣ дрожащей рукою, сказалъ:

— Извольте, сударь... Дайте мнѣ росписку въ полученіи... Еще разъ, я умываю руки отъ всякаго зла, какое можетъ случиться.

— У васъ щекотливая совѣсть, г-нъ Канталь: это дѣлаетъ вамъ честь, отвѣчалъ Родѣ насмѣшливо, принимая перо, которое подавалъ ему потаріусъ. Но, собравшись писать, онъ вдругъ встрепенулся.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: оба мы очень-разсѣяны. Прежде, нежели дамъ росписку, которой вы требуете, я желалъ-бы имѣть ключъ отъ шкатулки.

— Справедливо, сударь, хладнокровно отвѣчалъ Канталь, роаясь въ углу шкафа. Онъ вынулъ оттуда маленькій золотой ключикъ, завернутый въ лоскутокъ атласной бумаги.

Въ-продолженіе этого времени, г-жа Дельмà, закрывъ лицо руками, задыхалась отъ слезъ. Родѣ началъ проворно отпирать шкатулку; но вдругъ вскрикнулъ...

Шкатулка была пуста.

— Милостивый государь, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: куда вы дѣли вкладъ, который вамъ ввѣрили? Объясните сейчасъ! Чтò это? мистификація или воровство?..

Москò Канталь стоялъ недвижимъ, какъ окаменѣлый.

— Милостивый государь, продолжалъ Родѣ громче и громче: въ шкатулкѣ лежали билеты и векселя, ихъ было на четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ!

— Четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ! прошепталъ Канталь мрачный, убитый, изступленный.

— Да, сударь, четыреста-пятьдесятъ тысячъ! Господинъ Фредерикъ Дюронель при мнѣ положилъ ихъ въ эту шкатулку... Тутъ же должна была находиться бумага, назначавшая меня исполнителемъ завѣщанія; бумага, которая предписывала мнѣ, до мельчайшихъ подробностей, употребленіе этой огромной суммы... слышите-ли, г-нъ потаріусъ? Вы должны отдать все это мнѣ сію-же минуту; я требую!

— Милостивый государь, вы хотите меня испугать!.. отвѣчалъ Канталь въ недоумѣніи.— Конечно, это шутка... но шутка жестокая!.. въ шкатулкѣ не было такой суммы...

— Такъ докажите противное!— вскричалъ Родѣ. О! меня вы не обманете своимъ изумленіемъ; вы знаете, сударь, не хуже меня, что сумма точно такая!.. Сверхъ того, другія лица, кромѣ меня, засвидѣтельствуютъ въ случаѣ надобности, что я говорю правду. Вотъ хоть-бы г-жа Дельмà.. спросите у нея, если угодно: она была пріятельницей... искреннимъ другомъ Дюронеля; знала всѣ его дѣла.. и, безъ сомнѣнія, поручится вамъ честью, жизнью дѣ-

тей, что въ шкатулкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ семейныхъ бумагъ, были только одни векселя и билеты на значительныя суммы.

Г-жа Дельма, погруженная въ глубокую горестъ, оставалась безмолвна и неподвижна.

— Милостивый государь, сказалъ Канталъ, почти задыхаясь: вы упорно утверждаете, что въ шкатулкѣ была подобная сумма?

— Утверждаю, сударь! присягаю утверждаю! и... берегитесь, — продолжалъ онъ глухимъ и угрожающимъ голосомъ: мнѣ повѣрять!.. Одно несомнѣнно то, что шкатулка обобрана. Да, я почти догадываюсь... прежде меня узнали о смерти моего бѣднаго друга... и люди, которымъ нужно было припрятать кое-какую переписку... или, скорѣе, извѣстныя суммы... безчестно нарушили неприкосновенность вклада!

— О, сударь! вы говорите ужасныя вещи.

Кулаки бѣднаго Кантала сжимались отъ гнѣва.

— Скажу еще и много другаго, если меня вынудятъ на это, прибавилъ Родье, потряхивая головою. — Ну, г-нъ нотаріусъ, поздравляю васъ, вы вѣрный хранитель вкладовъ!

— Вы лжете, сударь! лжете! — гордо вскричалъ Канталъ: я честный человекъ, порукой за это вся моя жизнь... Тутъ есть какая-то тайна, которой я не могу понять... Да, сударь, я самъ знаю, въ шкатулкѣ были бумаги... теперь, она пуста... я жертва какого-то гнуснаго умысла, какого-то воровства... необъяснимаго!.. но, слава-Богу! моя репутація выше всякой клеветы, и тѣ, кто меня знаютъ, будутъ только жалеть обо мнѣ...

— Не надѣйтесь на это, г-нъ Канталъ, не совѣтую! Все знаютъ, что вы понесли потери, большія потери... А четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ могутъ много поправить! да и сыночекъ вашъ очень нуждается въ деньгахъ на своихъ танцовщицъ!

— Наглецъ!—вскричалъ Канталъ, съ яростію схвативъ Родье за руку.

— О! полноте, что за насиліе! вѣдь вамъ со мною не сладить, г-нъ маклеръ! Послушайте, вотъ въ чемъ дѣло. Все бумаги Фредерика Дюровеля украдены: можетъ-быть, въ нихъ находилась сумма втрое или вчетверо больше той, которой я отъ васъ требую; но выдайте мнѣ только сумму, мнѣ извѣстную, четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ, ни больше, ни меньше.

— Милостивый государь, сказалъ Канталъ едва внятнымъ голосомъ: все, что я имѣю... не равняется этой суммѣ!..

— Дѣлайте, какъ знаете, г-нъ Канталъ, ужъ это ваше дѣло. Подайте мнѣ мои четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ; а если

не отдадите, я подамъ на васъ просьбу, какъ на нарушителя вклада, какъ на вора!..

— О!

Канталь въ изнеможеніи упалъ въ кресла.

— Даю вамъ до завтра сроку подумать. Въ семь часовъ, никакъ не позже, я буду у васъ.

— Я подумалъ, сударь, сказалъ нотаріусъ медленнымъ и важнымъ голосомъ: вы получите сумму сполна.

— Буду нальяться, сударь. Итакъ, до завтра!

Взявъ шляпу, Родѣ сухо поклонился нотаріусу; потомъ, въ тотъ мигъ, какъ г-жа Дельмá поднимала голову, сдѣлалъ ей насмѣшливо-почтительный поклонъ, и вышелъ изъ комнаты...

Глубокое и мрачное молчаніе царствовало нѣсколько минутъ. Вдругъ нотаріусъ, вставъ блѣдный и судорожный, вскричалъ:

— Разоренъ! разоренъ до-гла!

Г-жа Дельмá, поглощенная собственнымъ отчаяніемъ, не слышала этого восклицанія

— Мои письма! всѣ мои письма украдены! — прошептала она рыдающимъ голосомъ.—Я погибла!..

Нотаріусъ тревожно прохаживался взадъ и впередъ; отрывистыя слова вырывались изъ его устъ.

— Нѣтъ, я убѣжденъ... этой суммы тамъ не было!.. Мерзавецъ только пользуется моимъ положеніемъ... Такъ, но чѣмъ я могу доказать?.. Ничѣмъ!.. Я жертва воровства, гнуснаго воровства... О! если-бъ еще я лишился только состоянія!.. Но добрая слава, уваженіе!.. Несчастный! что я буду дѣлать?..

Г-жа Дельмá, сидя въ креслахъ и поникши головою, положила руки на колѣна и плакала.

Нотаріусъ безмолвно ходилъ, потупя голову; вдругъ, будто пораженный внезапной мыслью, онъ кидается къ двери.

— Сударыня, потрудитесь меня подождать, говорить онъ: я сейчасъ ворочусь.

Едва держась на ногахъ, изнеможенный, Канталь пледетъ въ комнату сына; стучится, кличетъ.

— Это я, Фердинандъ, отопри!

Фердинандъ торопится отворить. Но едва увидѣлъ онъ Канталь, какъ, испугавшись его блѣдности и разстройства, вскричалъ измѣнившимся голосомъ:

— Батюшка! блѣдный батюшка! что съ тобою?

Вмѣсто отвѣта, мосѣ Канталь беретъ его за руку и смотритъ на него съ мрачнымъ и отчаяннымъ видомъ.

— Ради-Бога, батюшка, говори!.. ты меня пугаешь!..

— Охъ! Фердинандъ, это ужасное несчастіе! мы съ тобой разорены!..

— Батюшка!..

— Злодѣи отперли шкафъ у меня въ кабинетъ... вынули изъ шкапулки, которая была мнѣ въверена, векселя и билеты на огромную сумму... на четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ!..

Фердинандъ вскрикиваетъ.

— Сейчасъ ко мнѣ приходили за этимъ вкладомъ... Шкапулка пуста, бумаги украдены!..

Фердинандъ отъ ужаса поблѣднѣлъ и посинѣлъ какъ мертвецъ.

— Понимаешь-ли, милое дитя? — воскликнулъ Канталъ весь въ слезахъ, кидаясь въ объятія сына. — Вкладъ украденъ! украденъ у меня!.. Что станутъ говорить, Боже великій! Этому человѣку-стѣдуетъ сказать одно слово... честь моя погибла!.. ужъ нѣчего и говорить про сумму четыреста-пятьдесятъ тысячъ, которую надо заплатить... деньги наживное дѣло... но репутація, Боже-мой! репутація!..

Несчастный рыдалъ.

— Господи! Господи! — шепталъ Фердинандъ, съ мрачнымъ отчаяніемъ, — дай мнѣ умереть!

Вслѣдъ за тѣмъ, прижавъ къ сердцу Кантала, задыхавшагося отъ слезъ, онъ воскликнулъ:

— Батюшка... вы не знаете преступника?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не узнаю никогда! а я обезчещенъ!.. Фердинандъ, это ужасная тайна!.. и вѣдь мое несчастіе не все тутъ... Посуди, тебѣ можно сказать... въ шкапулкѣ были не только денежные билеты... въ ней лежали еще семейныя бумаги... письма... чрезвычайно-важныя!.. письма, которыя, попавши въ извѣстныя руки, повлекутъ страшныя катастрофы!.. Женщина... мать, терзается теперь жесточайшимъ безпокойствомъ... Эга покража будеть, можетъ-статься, причиною ея смерти!

Мосѣ Канталъ билъ себя въ грудь и въ голову; воздвѣвалъ руки къ небу, какъ на молитвѣ, и вдругъ съ бышенствомъ замахивался кулакомъ. Фердинандъ трепеталъ.

— О! если-бъ я звалъ этого злодѣя! — вскричалъ Канталъ. — Если-бъ онъ мнѣ попался!

— Батюшка... батюшка... онъ передъ вами! вотъ онъ!

Фердинандъ упалъ на колѣни, закрывъ руками лицо.

— Что ты говоришь, несчастный?

— Это я .. я, говорю вамъ! одинъ я виноватъ!

— Быть не можетъ! Нѣтъ, ты не въ-состояніи это сдѣлать!

— Я сдѣлалъ это, батюшка... Убейте меня!

— О! охъ!.. да это адъ!.. Огвѣчай! точно-ли ты это сказалъ или я сошелъ съ ума?.. Чтѣ я слышу? Ты, Фердинандъ, ты.. мой сынъ.. ты укралъ вкладъ у твоего отца!.. Нѣтъ, нѣтъ... постой... я помѣшался!

Фердинандъ, продолжая стоять на коленяхъ, обнималъ ноги отца...

— Я чудовище! — говорилъ онъ. — Я гнуснѣйшій изъ людей! Я причина вашего разоренія!

— Говори, объяснись, скорѣе! О! я приказываю тебѣ это; не оставляй меня ни на-мигъ въ этомъ страшномъ сомнѣнїи!.. Хорошо-ли ты разслушалъ меня, Фердинандъ?.. Я тебѣ говорилъ, что у меня выпули шкапулку изъ шкафа... и обобрали ..

— Виноватый я... — повторяю вамъ, батюшка, что я виноватый...

— Ты! но чтѣ-жъ у тебя была за цѣль, несчастный? Куда ты дѣвалъ бумаги? куда дѣвалъ деньги?

— Деньги? мнѣ украсть деньги! Вы не можете этого подумать, батюшка... Нѣтъ, я поллецъ... но еще не такъ низко!.. Послушайте, я во всемъ вамъ признаюсь... какъ Богу! ..

— Скорѣе! отвѣчалъ Канталь, съ страшнымъ спокойствїемъ.

— Охъ! если-бъ вы знали, батюшка, какимъ глубокимъ, адскимъ коварствомъ склонила она меня къ этому поступку!.. Три мѣсяца я боролся... отказывалъ... она пристаетъ, плачетъ, умоляетъ...

— Ясное, холодно перервалъ нотарїусъ: безъ загадокъ: кто она? о чѣмъ ты говоришь?

Фердинандъ, уstraшенный, молчалъ. Въ голосѣ отца было что-то ужасное, ледяное и непреклонное.

— Я жду! возразилъ Канталь.

— Вотъ вся правда, батюшка... Одна женщина, назову ее пожалуй, по имени, Александрина Бомонтъ, смутила мой покой помощью кокетства и хитрости... Женщина эта прекрасна и вѣроломна, какъ злой ангелъ!.. Она меня обворожила...

— Короче!

— Однажды эта женщина кидается передо мною на колѣна, вся въ слезахъ; говоритъ, что у васъ, въ шкапулкѣ чорнаго дерева, лежатъ письма, которыя, если доставутся въ чужія руки, погубятъ ее невозвратно... Она клялась мнѣ всеми клятвами, прахомъ своей матери, что эти письма ея... что они могутъ вредить ей одной.... Въмѣстѣ съ тѣмъ, она покорно умоляла меня отдать въ ея распоряженіе бумаги, неважныя ни для кого, кромѣ

ея... Я уже сказалъ вамъ, батюшка, три мѣсяца я оставался твердъ, глухъ, непоколебимъ... Я устоявалъ противъ этихъ безпрестанныхъ искушеній... Она сказала, что умереть... я не выдержалъ!

— И отдалъ ей бумаги? Вся до одной?

— Нѣтъ, батюшка; часть ихъ осталась у меня... Сегодня эта женщина пришла даже сюда, въ мою комнату, взять письма... Но тутъ мнѣ мелькнуло въ ея глазахъ что-то адское! То была ненависть, жестокая жажда мщенія! Сердце мое раздвинулось отъ угрызеній... Я проникъ душу этой женщины... Вырвалъ у нея изъ рукъ всѣ бумаги... и прогналъ ее!...

— Какъ! перервалъ Канталъ, котораго лицо озарилось блескомъ надежды: значить, презрѣнная ничего не унесла съ собою?

— Увы! батюшка... я услышалъ вашъ голосъ, вы шли ко мнѣ... Я не осмѣлился гнаться за нею... она захватила нѣсколько писемъ, которыя показала мнѣ снизу лѣстницы, говоря о мщеніи...

— Мщеніе ужъ началось глухо пробормоталъ Канталъ.

Онъ всталъ.

— Гдѣ бумаги, которыя остались у тебя? спросилъ онъ у Фердинанда.

— Вотъ онъ, тутъ отвѣчалъ молодой человекъ, показывая на непритворенный шкафъ.

Мосьё Канталъ взялъ всѣ бумаги, находившіяся въ шкафѣ, и положилъ ихъ передъ собою на столъ; двѣ связки оставались нетронутыми.

— Больше ничего вы не имѣете мнѣ сказать, сударь? спросилъ онъ у сына.

— Простите меня, батюшка! простите!... вскричалъ Фердинандъ, снова упавъ на колѣна. Поступокъ мой безчестенъ, гнусенъ... я неблагодарный... я ужасаюсь самъ себя!... но я раскаиваюсь! о! раскаиваюсь отъ всего сердца!... и хочу поправить зло!..

— Его нельзя, сударь, поправить! перервалъ Канталъ съ холодной непреклонностью судьбы. Ты, сынъ нотаріуса, который долженъ-бы защищать даже съ опасностью жизни состояніе и честь моего довѣрителя, ты сдѣлалъ то, чего не сдѣлаетъ самый гнусный злодѣй! Ты взялъ не только деньги, ты взялъ письма женщины, чтобы отдать ихъ другой женщинѣ! ты укралъ вкладъ, который былъ мнѣ ввѣренъ!

— Пошадите, батюшка!...

— Нѣтъ, нѣтъ тебѣ пошадъ! Такое преступленіе не прощается! Знаете-ли вы, сударь, что вы сдѣлали? Вы разорили, обезчестили отца!... Да, теперь люди могутъ сказать, что нотаріусъ Канталъ воръ!... Но этого мало, тутъ дѣло не обо мнѣ: я, нотаріусъ, за-

служилъ разореніе и безчестіе... тѣмъ, что имѣлъ такого сына! Но она, бѣдная мать семейства! она, вчера еще счастливая и спокойная, теперь опозорена, погублена! а почему? потому-что я нотариусъ... потому-что у меня сынъ злодѣй!

Фердинандъ упалъ на полъ, какъ громомъ пораженный.

— Встаньте, сударь! сказалъ нотариусъ: слушайте свой приговоръ! Вы не можете больше жить!

— Охъ! батюшка, вы раздираете мнѣ сердце! Лучше убейте меня!... но назовите, назовите меня вашимъ сыномъ!...

— Сыномъ! нѣтъ, у меня больше нѣтъ сына! Вы меня опозорили, сударь! Всякій встрѣчный можетъ сказать мнѣ въ лицо: Воръ! И мнѣ нечего отвѣчать... развѣ только сказать: Не я воръ, а мой сынъ! Но васъ тогда сошлютъ на галеры... мой сынъ на галерахъ! О! да вамъ ихъ не миновать, рано или поздно!...

Фердинандъ глядѣлъ на отца съ выраженіемъ несказаннаго ужаса.

— Ну, сударь, продолжалъ Канталъ глухимъ голосомъ: възъ у васъ есть оружіе, заряженные пистолеты!...

— Да, батюшка, да! вскричалъ Фердинандъ твердымъ и звучнымъ голосомъ.—Я безчестенъ; но вы не назовете меня трусомъ!...

— Прощайте! да помилуетъ васъ Господь!

Задыхаясь отъ рыданій, мосѣ Канталъ хотѣлъ выйти, чтобы скрыть свое волненіе. Сынъ кинулся къ нему и удержалъ его.

— Батюшка, последнее нѣжное слово! послѣдній поцѣлуй!...

— Нѣтъ!

— Ахъ! ужели вы оставите меня умереть обремененнаго вашимъ проклятіемъ, не вымолвивъ слова состраданія?..

Пересиленный горестью, Канталъ, рыдая, упалъ въ объятія сына, покрывалъ его слезами, поцѣлуями. Но вдругъ, вооружась непреклонной твердостью, оттолкнулъ его и проворно вышелъ изъ комнаты. Фердинандъ хотѣлъ послѣдовать за отцомъ; но не осмѣлился. Тогда, отворивъ потайной шкафъ въ стѣнѣ, онъ досталъ оттуда пару пистолетовъ и зарядилъ.

ЭПИЛОГЪ.

Въ самую эту почъ происходила бурная сцена въ квартирѣ Александрины Бомонъ. Родье, съ сверкающими отъ гнѣва глазами, топалъ ногами, кидаль и ломаль мебели.

— Какі! ты это сдѣлала, несчастная? предупредила мужа? сказала ему, что шкатулка у Кантала!...

— Чтѣ сдѣлано, тѣ сдѣлано, и я нисколько не раскаиваюсь! возражаетъ Александрина, съ надменнымъ безстыдствомъ. Прежде всего я хотѣла отмстить за себя. Дельма похитила у меня единственнаго челоуька, котораго я любила въ жизни... да, Фредерика Дюровеля!

— Знаю, знаю, мпала... Но твое мщеніе глупѣйшая вещь въ мїрѣ! Такъ ты не понимаешь, несчастная, что ты разоряешь меня, губишь? Развѣ у насъ не было условлено, что ты загребешь жаръ руками этого Фердинанда? Развѣ не было условлено, что, опороживъ шкатулку, ты принесешь немедленно ко мнѣ все, что есть въ шкатулкѣ? Но чтѣ за глупость! чтѣ за безумство! отослать письма къ мужу!..

— Я не могла вытерпѣть, Родье... мщеніе удушало меня! къ-тому-же Фердинандъ еще меня взбѣсилъ... онъ разглядѣлъ мою несправдливость, угадалъ мои намѣренія... Я хотѣла его предупредить... Лишь только я вышла отъ него, какъ отправила съ нарочнымъ переписку къ мужу!

— Ты вѣчно сумасшедшая, Александрина! Вѣдь я черезъ тебя теряю четыреста-пятьдесятъ тысячъ франковъ... Да, теперь все откроется, Канталь узнаетъ, что въ шкатулкѣ были одни любовныя письма!.. О! тысячу чертей! тысячу проклятій!

— Полно, не богохульствуй, Родье! предоставь тиранамъ мелодрамы проклятія да заклятїя... Притомъ-же отчаяваться еще нечего... Мнѣ удалось схватить только писемъ семь или восемь... все прочее, огромныя связки, осталось у Фердинанда...

— О! еслибъ это была правда! сказалъ Родье съ мрачной радостью.

— Совершенная правда. Но чтѣ ты хочешь дѣлать?

— Хорошо... я ужъ знаю, чтѣ дѣлать. Прощай, Александрина, прощай.

— Ты не останешься, мой другъ?

— Нѣтъ, не могу... дѣло идетъ о моемъ состоявіи, Александріана, о моей жизни, можетъ-быть!...

Между-тѣмъ мосьё Канталь находился въ страшномъ волненіи: онъ не ложился спать ночью, и до самаго разсвѣта судорожно ходилъ по комнатамъ.

— Ничего! ничего еще! бормоталъ онъ, останавливаясь на каждомъ шагу и прислушиваясь. О! несчастное дитя, умирай! завтра будетъ моя очередь!...

Солнце начинало всходить на горизонтъ. Глубокая тишина еще царствовала въ домѣ нотариуса. Вдругъ раздался выстрѣлъ.

— Ахъ! воскликнулъ Канталь, падая безъ чувствъ. У меня по стало сына!

Прошло съ четверть часа. Мосьё Канталь все-еще лежалъ безъ памяти на полу. Наконецъ, онъ очнулся: смутныя и беспорядочныя представленія улегаются въ его головъ; роковой выстрѣлъ еще звучитъ у него въ ухахъ; изступленный, дрожащій, онъ думаетъ видѣть трупъ сына.

— Несчастный! восклицаетъ онъ, ломая руки: я его такъ любилъ! Бѣдный сынъ! Ахъ! я былъ безжалостенъ... да, слишкомъ-жестокъ! Мнѣ-бы вѣдо еще простить! О! да, па'этотъ разъ его раскаяніе было искренно! онъ исправился-бы... Фердинандъ! Фердинандъ! О! я былъ человѣкомъ безъ сердца, что оставилъ тебѣ умирать, не объявивъ тебѣ!.. Если-бъ цѣною всей моей крови могъ я возвратитъ тебѣ дыханіе хоть на-мигъ... чтобы пожать тебѣ руку, чтобы сказать: я прощаю тебя!...

Злополучный отецъ рвалъ на себѣ волосы. Вдругъ дверь отворяется.

— Сынъ мой! ахъ! это ты! тѣнь!

Онъ съ ужасомъ отступаетъ.

— Нѣтъ, это я... Фердинандъ... я хотѣлъ еще остаться въ живыхъ, чтобы загладитъ зло...

Отецъ съ сыномъ кидаются другъ-другу на шею, рылаютъ и плачутъ въ безмолвныя объятіяхъ. Наконецъ, когда Фердинандъ сталъ въ силахъ говорить, мосьё Канталь, внѣ-себя отъ радости, осыпалъ его вопросами. Онъ узналъ, какимъ чудеснымъ образомъ былъ спасенъ Фердинандъ. На разсвѣтъ, дверь комнаты Фердинанда отворилась... Несчастный уже поднялъ ко лбу оружіе, которое должно было раздробитъ ему черепъ. Является Родьё, и, безъ дальнихъ предисловіи, требуетъ у него грознымъ тономъ отдачи всѣхъ бумагъ, находившихся въ шкатулкѣ. Завязывается ссора; Родьё выходитъ изъ-себя, хочетъ силою обыскать шкафы

Фердинандъ. Скоро Фердинандъ понялъ всю истину: человекъ, грозящій ему, есть тотъ самый негодяй, по чьему внушенію Александрина убѣдила его обобратъ шкатулку. Въ-добавокъ ко всему, Родѣ даже не старается скрывать свои намѣренія, а говоритъ Фердинанду, что если онъ, сынъ нотаріуса, осмѣлится что-нибудь сказать, то безчестное клеймо и галеры будутъ его участью.

Фердинандъ, взбѣшенный такой дерзостью, вызываетъ его на дуэль; они идутъ драться, съ пистолетами въ рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Родѣ падаетъ мертвый. Едва Фердинандъ сошелъ съ мѣста дуэли, какъ на зыпахавшейся лошади прискакалъ во весь опоръ г-нъ Дельмъ. — Не вы-ли г-нъ Фердинандъ? — спросилъ онъ угрюмо. — Объяснитесь со мною, сударь: что значать эти письма, присланныя ко мнѣ въ пакетъ? Адрессы на нихъ написаны: *г-ну Фердинанду Капталю*. — Фердинандъ изумляется: письма принадлежатъ ему; наканунъ они еще валялись, вмѣстѣ съ другими бумагами, у него на бюро: это женскія письма, важныя и щегольскія, а также и не столько лестныя записки недовольныхъ мастеровыхъ и кредиторовъ. — «Милостивый государь, говоритъ Дельмъ: растолкуйте, по какому поводу ваше имя очутилось смѣшано съ именемъ моей жены?... Я не могу понять этой безымянной записки, оскорбительной для моей чести! По какому случаю при ней приложены письма, адресованныя къ вамъ?» Фердинандъ смотритъ на безымянную записку и узнаетъ почеркъ Александрины Бомонъ. — «Милостивый государь, отвѣчаетъ онъ съ печальной улыбкою: это пустое, низкое мщеніе! Записку писала одна женщина, которая ненавидитъ вашу супругу, и ненавидитъ меня.... вотъ и все! Эта Александрина Бомонъ сговорилась съ однимъ негодяемъ, который сейчасъ приходилъ ко мнѣ ссориться.... мы съ нимъ стрѣлялись, и я убилъ его!». Г-нъ Дельмъ увидѣлъ, что жертва дуэли есть Родѣ, и вскричалъ: — «Га! отъ моей-бы руки долженъ погибнуть этотъ подлець, этотъ предатель, который хотѣлъ меня опозорить!...» Горничная, подслушавшая изъ-за перегородки угрозы, какія дѣлалъ Родѣ г-нъ Дельмъ, рассказала все барину, когда онъ началъ у нея спрашивать объ отсутствіи Эжені. Подозрѣнія г-на Дельмъ противъ Фердинанда разсѣялись. — «Ахъ! скажите, сударь, вскричалъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ она? гдѣ моя бывшая Эжені? Вѣрно, она не пережила такого срама.... убила себя! — Нѣтъ, сударь, она жива, она злѣсь въ домѣ, — отвѣчалъ Фердинандъ. — Возможно-ли? — Да, сударь: обманувшись сама этой страшной мистификаціей, она вчера пріѣхала къ батюшкѣ, чтобъ узнать, откуда могла взяться такая клевета.

Бѣдная женщина, сокрушенная усталостью и волненіемъ, сдѣлалась больна; она была не въ силахъ ѣхать домой. — «Ахъ! дайте мнѣ ее увидѣть!... поскорѣе, сударь... ради Бога! проводите меня къ моей доброй и кроткой Эжени... я долженъ просить у нея прощенія!» Гордый и довольный подобной ложью, которая была добрымъ дѣломъ, Фердинандъ проводилъ г-на Дельмá къ женѣ, напередъ попросивъ его положить минутку за дверьми, изъ опасенія, чтобы нечаянность и волненіе не сдѣлались гибельны для несчастной Эжени.

Послѣ объясненія, прерываемаго слезами, поцѣлуями и ласками, мосьё Канталь, пораженный внезапной и яркой мыслью, кинулся къ своему бюро: проворно распечаталъ двѣ связки, оставшіяся невскрытыми, и, пробѣжавъ кучу ничего назначащихъ писемъ, по-крайней-мѣрѣ, для нотаріуса ничего незначащихъ, нашолъ наконецъ акты владѣнія, билеты на огромныя суммы, и множество другихъ денежныхъ документовъ, которые, все вмѣстѣ, простирались до пяти-сотъ тысячъ франковъ.

Но завѣщанія мосьё Канталь все еще не находилъ.

Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ изумленія и радости.

— Сынъ мой, сынъ мой, небо сжаилось надъ нами, мы спасены!...

Фердинандъ бросается къ отцу.

— На, смотри! — прибавляетъ мосьё Канталь, трепеща отъ восторга. — Завѣщаніе! въ пользу г-на Дельмá!... Такъ и есть, пять-сотъ тысячъ франковъ.

— О! это Божія рука! — восклицаетъ Фердинандъ. — Батюшка, я бѣгу....

— Куда ты?

— Сказать ему.... онъ тутъ, въ сосѣдней комнатѣ, съ г-жою Дельмá....

— Постой! погоди! — сказалъ мосьё Канталь тихимъ и таинственнымъ голосомъ, остановивъ сына. — Запри дверь... Хорошо!

Канталь набралъ полныя руки писемъ г-жи Дельмá, и кинулъ ихъ въ огонь. Черезъ пять минутъ, не оставалось слѣдовъ этой тайной и роковой переписки, которая должна была навлечь отчаяніе, стыдъ и смерть на домъ честнаго человѣка.

— Ну, теперь, ступай, сынъ, зови ихъ... Пусть они придутъ!.. Охъ! да напередъ, поди сюда... станемъ на колѣна... на колѣна, сынъ мой... давай, помолимся!

Вставъ съ молитвы, оба они сіяли отъ восторга. Мосьё Канталь то смѣялся, то плакалъ. Наконецъ, увлеченные будто магни-

тическимъ движеніемъ, отецъ съ сыномъ еще разъ громко объя-
вился и долго стояли, не разжимая объятій.

Трудно описать радость г-на Дельмá, когда, вмѣсто страшнаго
сомнѣнія, которое грызю ему сердце, узналъ онъ счастливую
вѣсть. Онъ, который наканунъ еще думалъ только о самоубійствѣ,
былъ теперь обезпеченъ на настоящее время и на будущее!...

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

(Изъ Байрона.)

О солнце, глазъ бессонныхъ, звѣздный лучъ,
Какъ слѣзно ты дрожишь изъ дальнихъ тучъ!
Сопутникъ мглы, блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобою!
Такъ свѣтитъ намъ блаженство лавныхъ лѣтъ:
Горитъ, а все не грѣбегъ этотъ свѣтъ;
И гостя думъ воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

А. ФЕТЪ.

ШАРЛЬ НОДЬЕ, ИЗГНАННИКЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА.

(Разсказъ, взятый изъ его записокъ : « Jours de proscription. »)

Въ печальные дни республиканской конскрипціи, во Франціи, изгнаніямъ не было конца и мѣры; всѣ были изгоняемы. Не найдемъ, можетъ-быть, ни одного добраго сына самой мирной и темной семьи, который-бы не провелъ нѣсколько дней подъ замками тюрьмы, или который-бы не спасался бѣгствомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, подобно дикому звѣрю, отъ поисковъ полиціи и жандармовъ. Я часто припоминаю себѣ это весеннее утро, такъ сурово для меня начавшееся, когда я ускользнулъ изъ рукъ двухъ жандармовъ, перепрыгнувъ ручей въ 12 футовъ ширины, изъ котораго я будто-бы хотѣлъ напиться воды, и потомъ, притаивъ на вивахъ, покрытыхъ зрѣющими хлѣбами, я пробираясь ползкомъ сквозь густые и высокіе колосья. Далѣе, на моемъ пути, встрѣчались овраги, лѣса, высокія стѣны одного монастыря, которыхъ я однимъ прыжкомъ достигнулъ, а другимъ перескочилъ за нихъ, — скалистая гора, которая мнѣ казалась неприступною, если-бы я, во-время такого размышленія, не очутился вдругъ на ея вершинѣ. Не я, а земля бѣжала, исчезала подо мною. Въ нашей молодости биваютъ минуты могущества физическаго и нравственнаго, восторга и силы, когда ни пространства морей, ни высоты Альповъ не положили-бы намъ преграды; биваютъ часы волшебные, когда все дѣлаешь, чего не пожелаешь! Теперь, съ какимъ довольствомъ я наслаждался своею жизнію и правомъ ею располагать!

Я спустился въ небольшую долину, лежавшую во глубинѣ амфитеатра лѣсистыхъ холмовъ, и, по обѣимъ сторонамъ предѣстной рѣки, выказывавшую благовонную роскошь своихъ цвѣтовъ. Это была долина Декурнетъ, пѣвнѣйшая въ горахъ Юры, и, можетъ-быть, на всей землѣ. По-крайней-мѣрѣ, я такъ думалъ въ этотъ день и еще на другой день. О! какъ свѣтъ былъ полонъ и блестящъ на этомъ богатомъ зеленомъ коврѣ! Какъ онъ сверкалъ въ бѣгъ покойныхъ водъ! Все жило и дышало вокругъ меня, какъ молодость, радость и свобода. Невыгодное положеніе изгнанника вышло изъ моей головы. Но нѣсколько дней едва протекли, и мои восторги уступили мѣсто самымъ тягостнымъ мученіямъ. Я былъ застигнутъ шестью жандармами у одного добраго земледѣльца, который едва успѣлъ меня спрятать въ овинѣ, подъ сѣномъ, недавно собранномъ. Трудно вообразить неудобство этого убѣжища, если вы не испытали когда-нибудь его одуряющаго аромата и жара его горячей температуры. Я принужденъ былъ, подъ опасеніемъ плѣна, а можетъ-быть и смерти, проводить тамъ 36 часовъ мученій физическихъ и нравственныхъ. Отъ-времени до-времени облегчалась моя ужасная тяжесть, но ея вѣсъ былъ замѣняемъ тотчасъ другимъ, толпою солдатъ, которые топтали меня своими желѣзными пятами, вонзая глубоко свои сабли въ мой подвижной покровъ. Два раза я былъ пораженъ въ одну и ту же ногу; третій ударъ достался моей рукѣ, которую я держалъ надъ своимъ лицомъ, чтобы съ усиліемъ дышать этимъ горячимъ и удушливымъ воздухомъ. Но, не замѣчая ни крика, ни стога, ни даже конвульсій, они спокойно вложили свои сабли въ ножны, и ушли прочь. Сѣно, начавшее увеличиваться надо мною огромными ношами, заставляло меня подумать о томъ, что я спасенъ былъ отъ одной смерти, и однако-жъ не могъ избѣгнуть другой; ибо каждая охабка травы, складываемой надъ цѣлою массою, сокращала больше и больше мое быстрое дыханіе. — Дѣйствительно, когда сыщики, озабоченные скорымъ наступленіемъ грозы, поспѣшно возвратились въ свои кварталы, когда мои почтенные хозяева пришли для освобожденія меня изъ невыносимаго заключенія, я былъ уже безъ чувствъ. Но нѣсколько признаковъ жизни, поданныхъ мною, извлекли у нихъ крики радости. Бѣдные люди мои думали найти одинъ мой трупъ. Я возвращенъ былъ къ жизни, и мои раны, опасныя болѣе по виду, нежели на-самомъ-дѣлѣ, требовали только одной перевязки. — Но и въ этотъ разъ сдѣлаться свободнымъ—не значило спастись. Надо было снова бѣжать, и бѣжать безпрестанно. Надо было съ поспѣшностію воспользоваться этимъ страшнымъ часомъ, когда небо готовилось разразиться бурей, чтобы достигнуть другаго убѣжища; потому-что

преслѣдованія не преминули-бы возобновиться во-время ночи. Надо было избѣгать большой дороги и пробитыхъ тропинокъ, чтобы не столкнуться съ однимъ жандармомъ, болѣе настойчивымъ и лучше извѣщеннымъ, чѣмъ другіе, который продолжалъ гнаться за мною, быстро пробѣгая все окрестныя мызы. Я думалъ направить свои шаги къ уединенному трактиру, расположенному на ружейный выстрѣлъ отъ Сельеры. Я приказалъ туда явиться къ полночи самому точному и усердному изъ моихъ вѣстовщиковъ, челоуѣку ловкому, хитрому, получившему навывкъ, по призванію или отъ несчастій, ко всемъ родамъ худыхъ занятій, но на котораго я во всемъ доселѣ полагался. Тамъ Ипполитъ Бонепъ долженъ былъ сообщить мнѣ нѣкоторыя извѣстія о моихъ родителяхъ, о судьбѣ моихъ бѣжавшихъ друзей и письменнаго согласія ихъ отказаться отъ покушевій, разрушенныхъ плохими обстоятельствами; потомъ я думалъ удалиться въ тихія нѣдра католической Швейцаріи. — Переходъ отъ мызы въ Сельеры былъ не болѣе двухъ лѣй; путь лежалъ черезъ долину. Было восемь часовъ вечера. Гроза еще не объяла всего неба; заходившее солнце освѣщало горизонтальными лучами вершину Тулузской горы, у подошвы которой располагался маленькій городъ Сельеры. Во всякомъ случаѣ, я надѣялся не потерять изъ виду горы и ея мрачной колокольни, при блескѣ молніи. Я спустился въ долину подъ страшнымъ проливнымъ дождемъ, проникавшимъ меня насквозь.

Первая половина дороги меня мало затрудняла, и я шолъ тѣмъ съ большею смѣлостію, что къ концу получаса буря совершенно перестала. Исчезавшія тучи и вѣтеръ утихшіи предвѣщали ясную ночь; но я достигалъ не совсѣмъ покойно самого дна долины. Все окрестныя ручьи наводнили ее широкими каскадами. Не было борозды, которая-бы не слѣдалась ложемъ ручья, ни рва, по которому-бы вода не низвергалась съ ужаснымъ шумомъ. Долго я лавировалъ съ нѣкоторымъ терпѣніемъ по безчисленнымъ ручейкамъ, которые встрѣчались на моемъ пути и все болѣе и болѣе раздвигали свои предѣлы. Наконецъ я рѣшился, не тратя много времени, пуститься вплавъ. Я надѣялся, что вода, наполнившая долину, по прекращеніи дождя, неминуемо должна изсякнуть. Но сильный холодъ началъ леденить мои члены. Перело мною открылось что-то въ родѣ мыса, за которой я ухватился руками и ногами. Я, съ отчаяннымъ усиліемъ, вскарабкался на него, лишившись впрочемъ своихъ башмаковъ, оставшихся въ грязи. Но на-скоро сдѣланная перевязка моихъ ранъ была уничтожена; кровь обильно текла изъ всѣхъ ранъ, глухая боль и холодъ суророжно пробѣгали по моимъ членамъ. Я кое-какъ притащился къ условленному дому, и, прислонившись

къ двери, стучалъ, стоналъ, кричалъ и, можетъ-быть, говорилъ. Кто-то отворилъ ее и потомъ тотчасъ захлопнулъ, въроятно, испугавшись моего вида. Грубый голосъ, раздавшійся внутри, чистосердечно меня предупредилъ, что при малѣйшемъ знакъ моей настойчивости, я буду привѣтствованъ ружейнымъ выстрѣломъ. Я ошупью пробирался dalje, вдоль стѣны, означая ее кровавыми отпечатками своей руки, потомъ вдоль заборовъ, садовъ, виноградниковъ, огородовъ, и когда не стало болѣе никакой опоры для меня, я упалъ на кучу камней. Пробило два часа въ Сельерахъ.

Я тамъ оставался, преданный какому-то обмороку, какъ внезапные звуки веселой пѣсни пробудили меня отъ этого томленія, подобнаго дурному сву большаго. Я догадывался, что это были голоса запоздавшихъ гулякъ, шедшихъ изъ кабака. Я расположился съ болѣею предосторожностію на моей грубой постель, чтобы не лежать на дорогѣ. Это движеніе открыло меня, и одинъ молодой человекъ, приблизясь ко мнѣ, закричалъ: «Эй, пріятель! Откуда вы? Что васъ сюда привело? Развѣ за то, что вы, можетъ-быть, малую толику выпили, вамъ должно лежать, при лунѣ, на кучѣ камней, какъ измокшей собакъ? Надо признаться, какъ говоритъ моя матушка, что вино—плохой пріятель; но Богъ милостивъ ко всемъ людямъ, и на землѣ не безъ добрыхъ людей.» Я припопнялся, чтобы благодарить этого достойнаго человека, и рассказалъ ему о своемъ плаваніи въ долину. «Ого! возразилъ онъ, извините, что я васъ принялъ за пьянаго. Прежде всего, могу-ли предложить вамъ постель бѣднаго работника?»—Постель, вскричалъ я, нѣтъ! маленькое мѣстечко въ вашей комнатѣ, доску для моего отдыха, уголокъ, гдѣ-бы могъ я раздѣться, согрѣться и заснуть. Моя жизнь зависитъ отъ васъ.—«Въ такомъ случаѣ, вы можете быть покойны, продолжалъ молодой человекъ, наклонясь передо мною: ухватитесь-ка покрѣпче вокругъ моей шеи руками; ваши ноги пусть отдыхаютъ. Хотя я малъ ростомъ, но порядочно силенъ, и въ одну минуту перенесу васъ въ Мантри.»—Нѣтъ, нѣтъ, мой благодѣтель, отвѣчалъ я, поднимаясь съ большимъ трудомъ, и держась съ крайнимъ напряженіемъ на помертвѣвшихъ и растерзанныхъ ногахъ. Я-бы просилъ только васъ поддерживать меня рукою...—«Постойте-ка, сказалъ онъ, обхватывая меня рукою и приподнимая. Бррр! Какъ вы холодны!»—Я очутился въ его домѣ, и потомъ разлегся съ особенною роскошью на сухомъ полу. Лихорадочный сонъ вскорѣ отуманилъ мои мысли о прошедшемъ. Пробудясь, я увидѣлъ, что сплю одинъ, а хозяинъ мой проводилъ остальные часы ночи на креслѣ. Онъ не далъ мнѣ времени на то жаловаться, и началъ разсматривать свой гардеробъ, чтобы выбрать для меня нарядъ, которой могъ-бы замѣнить мои истерза-

ныя одежды. Съ чувствомъ самодовольствія, онъ представилъ мнѣ все лучшее, но въ тоже время я замѣтилъ, что онъ безпокойно посматриваетъ на свои башмаки, силится напрасно раздѣть ихъ рукою; башмаки рвутся и онъ съ досадою ихъ бросаетъ. Я тронутъ былъ его смущеніемъ, и, порывшись въ своихъ карманахъ, вытащилъ небольшой кошелекъ, въ которомъ сохранились четыре двойныхъ луидора. Положивъ въ руку хозяина два изъ нихъ, я сказала: «Сдѣлайте для меня послѣднюю услугу. Точно, для меня башмаки необходимы самаго большаго размѣра. Потомъ я-бы пустился въ путь, умоляя небо, чтобъ оно привело насъ свидѣться въ болѣе благопріятные дни.»

— Хорошо! отвѣчалъ онъ, улыбаясь и стараясь возвратить мнѣ одну изъ золотыхъ монетъ: но вы не знаете, что стоятъ кованые башмаки. Я еще возвращу вамъ, по-крайней-мѣрѣ, двѣ трети одного изъ этихъ дублоновъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, возразилъ я, отталкивая его руку, не откажитесь оставить у себя для памяти излишекъ.

— Что вы? сказала добрый человекъ, бросая монету на мою постель. Хороши были-бы удовольствія и честь обязывать своего ближняго за деньги. Это-бы мнѣ надо избавить васъ отъ издержекъ, по всемъ правамъ, мнѣ, и если-бы вчера не было воскресенье... все прокутили!

Я болѣе не настаивалъ. Онъ вышелъ, чтобы сдѣлать эти небольшія покупки, и чтобы отыскать помянутаго Бонсеа; но я воротилъ его, когда онъ собирался запереть снаружи домъ.

— Когда имѣешь счастье прискать друга, подобнаго вамъ, сказала я съ чувствомъ, было-бы слишкомъ неблагодарно — разставаясь съ нимъ, не позаботиться о средствахъ нѣкогда его отыскать. Вы мнѣ не сказали ни вашего имени, ни вашего званія.

— О! мое званіе? Что хотите! плотникъ, столяръ, каменщикъ, кровельщикъ, стекольщикъ. Что касается до моего имени, его легко удержать въ памяти, такихъ именъ немного. Я называюсь Амуръ-де-Дьё.

— Амуръ-де-Дьё! воскликнулъ я, затрепетавъ, какъ-бы признавая въ этомъ добромъ человекѣ живой символъ небеснаго покровительства. Амуръ-де-Дьё, говорите вы; но это не имя и не фамилія.

— Можетъ-статься, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Мой отецъ часто рассказывалъ, что предки его въ знакъ благодарности получили это званіе отъ сосѣдей.

Потомъ Амуръ-де-Дьё удалился, и черезъ полчаса мои порученія были исполнены.

— Я хорошо знаю, что эти мои рассказы не представляютъ патети-

ческаго интереса и страшнаго движенія, котораго теперь ищутъ въ малѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ; но я извлекъ это изъ моего повседнежнаго журнала, писаннаго не для публики. Притомъ же я не изобрѣталъ и не преувеличивалъ этихъ простыхъ очерковъ, чтобы они могли пробудить въ душѣ читателя, привыкшаго довольствоваться истинными и тихими движеніями, немного той отрадной симпатіи, которая возбуждается правдоподобіемъ, и я гораздо-болѣе предпочитаю этотъ родъ успѣха суетному удовольствію изумляться гениальными вычурами. Здѣсь вымыселъ не занялъ ни малѣйшаго мѣстечка; и если вамъ случится переѣзжать Сельеры, пріятель мой Амуръ-де-Дёе можетъ подтвердить точность всего разсказа. Я не сомнѣваюсь, что онъ еще теперь живъ, и долго будетъ жить. Привычка къ добрымъ лѣтамъ и тишина сердца, довольнаго самимъ собою, есть вѣрная порука за долготу. Добрые люди почти не старѣютъ. Увы! Они не должны-бы умирать!

Ипполитъ Боненъ явился ко мнѣ въ глубокую ночь, подозрѣвая, что за нимъ присматриваютъ и страшась, чтобы его приходъ не открылъ моего убежища. Письма, которыми онъ былъ снабженъ ко мнѣ, разрѣшили все мои недоумѣнія. Отецъ убѣждалъ меня оставить Францію и обратиться къ жизни уединенной, къ которой я самъ чувствовалъ влеченіе. Что касается до моихъ друзей по преданности и по несчастіямъ, нѣкоторые изъ нихъ предупредили меня своимъ бѣгствомъ, другіе были плѣнниками въ крѣпостяхъ, рѣдко возвращавшихъ свою добычу. Одинъ изъ нихъ застрѣлился. Мое сердце было слишкомъ полно скорбію, чтобы удовольствоваться слезами. Я чувствовалъ непобѣдимую потребность, смѣло бросится навстрѣчу всѣхъ препятствій, чтобы разсѣять свою тоску. Я спросилъ у Бонена, можетъ-ли онъ провести меня, до наступленія дня, по какой-нибудь глухой дорогѣ, къ высотамъ Полиньи, откуда открывается столь замѣтно ослѣпительная цѣпь швейцарскихъ Альповъ; тамъ-бы я уже легко добрался до границъ самой Швейцаріи. Онъ согласился, и я, не колеблясь долѣе, пустился въ путь.—Небо было чисто, и луна на немъ ярко блистала; но мы пробирались по такимъ густымъ и мрачнымъ лѣсамъ, что она показывалась намъ только въ нѣкоторыхъ чашахъ. Хотя рѣчамъ Бонена не недоставало основательности, бойкости и даже, можетъ-быть, ума, но я какъ-то постоянно имѣлъ къ нимъ отвращеніе. Его язвительный скептицизмъ, съ удовольствіемъ имъ обрацаемый противу всѣхъ нѣжныхъ и благородныхъ помышленій челоуѣка, часто лѣденилъ мою душу.

Ипполитъ Боненъ, челоуѣкъ отъ тридцати до тридцати-двухъ лѣтъ, казался шестидесятилѣтнимъ, по согнутому своему стану; его корпусъ сгибался полудугой на двухъ кривыхъ ногахъ. По

завятіямъ впоградарь, онъ былъ, впрочемъ, свѣтскій человекъ, и, что еще болѣе, человекъ съ состояніемъ: въ важныхъ случаяхъ, онъ не показывался иначе, какъ въ изысканномъ фракѣ сельскаго щеголя. Онъ былъ искатель приключеній въ родѣ Абелино или Сбогара, въ маломъ размѣрѣ. Природа не отказала ему въ нѣкоторыхъ дарованіяхъ, способствовавшихъ его роли Ловласа. Правда, онъ не былъ ни высокъ, ни довольно-статенъ, но орлиный носъ, уста свѣжія и пріятныя, хитрая улыбка, прекрасные зубы, и, лучше чѣмъ все это, голубые глаза, отбняемые черными бровями, цвѣтъ лица необыкновенно-бѣлый и пріятный дѣлали его фигуру замѣчательною. На женщину онъ бросалъ взгляды влажные, нѣжные и ласкательные, въ которыхъ горѣлъ сардоническій и свирѣпый огонь, какъ у демона. Еще и теперь, послѣ многихъ годовъ, обольстительный взглядъ Бонена, съ отраженіемъ провіа и злобшаго свѣта, преслѣдуетъ и мучитъ меня во снѣ. Кромѣ того, при одушевленномъ и природномъ умѣ, Боненъ выказывалъ въ разговорѣ образованіе, мало свойственное людямъ его званія. Сынъ богатаго земледѣльца, онъ воспитывался въ духовной школѣ; но обстоятельства сдѣлали его солдатомъ, сержантомъ, ораторомъ въ казармахъ, главою народнаго общества и первымъ актеромъ, если вѣрить толкамъ, въ трагическихъ сѣнахъ Ліона, *освобожденнаго* гильотиною. Въ настоящее время, Боненъ вступилъ, подобно мнѣ, подъ знамена союза, признававшаго Бурбоновъ своими главами. Возвратившись однажды подъ отцовскую кровлю, и сдѣлавшись господиномъ своего имѣнія, Боненъ, въ одинъ или въ два гола успѣлъ все промотать. Игра въ карты привела его въ эти логовища *славной* компаніи, гдѣ пороки такъ отвратительно утончаются, но бѣдность изгнала его отсюда. Остроумный, услужливый, необходимый, хранимый всеми, потому-что все его страшились болѣе или менѣе, — таковъ былъ мой вожатый.

Я продолжалъ идти за Боненомъ, какъ вдругъ пронзительный свистъ раздался въ ста шагахъ отъ насъ. Боненъ остановился, а также, и въ тоже время воспуженъ моего слуха другой свистъ, гораздо-ближе, но совершенно впрочемъ сходный съ первымъ. Это былъ свистъ Бонена.

— Что вы дѣлаете, Ипполитъ? сказала я въ полголоса. Вы неразсудительны! Это, можетъ-быть, мошенники или шпионы, которымъ вы не-кстати указываете нашу дорогу.

— Ничего, отвѣчалъ онъ, дьявольски ухмыляясь: это не шпионы, не мошенники, а просто друзья.

Едва онъ произнесъ эти слова, кусты раскрылись, и какой-то человекъ, прыжкомъ очутился между нами.

— Добрая встрѣча! съ хохотомъ закричалъ Бонень. Это самъ Панкрасъ. Какого дьявола ты поджидалъ здѣсь?

— Точно дьявола, и, вѣроятно, одного изъ его товарищей, сказалъ онъ, мѣряя меня глазами съ ногъ до головы. Но, мои ухалыцы, я не думалъ открыть васъ на столь-узкой дорогѣ, которая совсемъ не удобна для проѣзда дилижансовъ.

— Замолчи, погоди, возразилъ Бонень, забрасывая руку вокругъ него и удаляясь отъ меня. Не шути нынче этими вещами; въ лѣсу страшно.

Они ушли и я болѣе ихъ не слышалъ; но я имѣлъ время рассмотреть новаго пришельца, при свѣтѣ луны, и его черты никогда не выйдутъ изъ моей памяти. Его густая и безобразная борода, его варядь, составленный изъ нескладныхъ локутковъ, его карабинъ, виствшій за плечами, и охотничій ножъ, торчавшій за поясомъ, обнаруживали въ немъ идеаль одного изъ тѣхъ бандитовъ, которыхъ я видѣлъ въ мелодрамѣ. Не имѣя охоты съ ними соединиться, я медленно шолъ позади. Прошло немало времени. Мои часы прозвенѣли полночь, и тогда только Бонень, пошатываясь, одинъ ко мнѣ возвратился. «Ты пьянъ», сказалъ я, отталкивая его, когда онъ наткнулся на меня въ тѣни: гдѣ-же дѣвался твой пріятель?»

— Товарищъ ушолъ съ своею опорожненною бутылкою. Отличная водка, ей Богу! Не знаю, гдѣ онъ ее досталъ. Предостойный человекъ, этотъ Панкрасъ!

— Я сердить, Исполить, что вы знакомы съ такими друзьями.

— Мой другъ Панкрасъ, котораго вы только-что видѣли, этотъ благородный и любезный Панкрасъ, крепко въ ногахъ и мышцахъ, непоколебимъ, какъ гора Пуе, что вотъ тутъ повыше, храбръ, какъ Цезарь. Онъ дворянинъ, странствующій по своимъ дѣламъ, и былъ-бы славнымъ забіякой въ добромъ дѣлѣ конституціонной реставраціи. Жаль, что я не могъ представить вамъ его.

— Ну, ну, пошолъ и выводи меня отсюда. Доброе дѣло не имѣетъ надобности въ грабитель по большимъ дорогамъ.

— Грабитель по большимъ дорогамъ? — Не знаю такъ-ли это. Я не освѣдомляюсь о званіи честнаго человека, мнѣ знакомаго, который не почолъ нужнымъ заpastись паспортномъ. Грабитель по большимъ дорогамъ! Вы заставляете меня объ этомъ подумать; статья-можетъ, что и такъ. Я спрошу его при первомъ свиданіи; онъ не скроетъ отъ меня ничего... Чортъ побери! Грабитель по большимъ дорогамъ, продолжалъ онъ ворча... добрая нога, добрый глазъ, добрая рука и добрая голова; быстрый въ атакѣ, бышешный при отраженіи; въ бѣгствѣ домовый, невидимъ и незнаемъ; И къ тому-же привыкшій къ усталости, къ голоду, къ жадѣ, къ

бывуакамъ, всегда готовый проливать безъ жалости кровь другихъ, кровь своихъ товарищей и свою собственную. Солдаты-ли онъ гражданской войны, или воръ большой дороги, что нужды? Такіе воры иногда бываютъ очень-полезны.

— Ступай, возразилъ я съ негодованіемъ : ступай говорю тебѣ, и уволь меня отъ твоихъ разлагольствованій.

Онъ молчаливо продолжалъ путь, останавливаясь иногда, чтобы собрать свои мысли. Самъ я предался горькимъ размышленіямъ о безрадостномъ положеніи моего отечества... Между-тѣмъ, небо перемѣнило видъ. Густыя и грозныя облака сбѣгались и громоздились надъ нами со всѣхъ концовъ горизонта. Одна изъ этихъ ночныхъ бурь, столь-частыхъ и столь-стремительныхъ въ низменныхъ долинахъ нашихъ горъ, начинала свирѣпствовать. Могучія деревья гнулись и склонялись предъ ураганомъ. Одно изъ нихъ было разбито громовымъ ударомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я потерялъ изъ виду Бонена въ густѣвшемъ болѣе и болѣе мракѣ, и открылъ его, при блескѣ молніи, сидѣвшаго подъ смежнымъ деревомъ. Онъ плакалъ и рвалъ на себѣ волоса. Мое присутствіе, казалось, удвоило его горестъ.

— Можно-ли плакать отъ такой малости? сказалъ я. Если мы заблудились, какъ мнѣ кажется, твои скорби не помогутъ намъ. Вставай, и поищемъ чаши, гдѣ можно-бы отдохнуть, что нужды хоть и подъ дождемъ; мы, по-крайней-мѣрѣ, будемъ безопасны отъ грома, привлекаемаго на головы наши этими деревьями.

— О, это несчастная ночь, отвѣчалъ онъ рыдая.

— Ну, ободрись; лѣсъ оканчивается, и мы не вдалекѣ, можетъ-быть, отъ какой-нибудь деревни.

— Вотъ она, сказалъ Боненъ. — И дѣйствительно, при блескѣ молніи, я увидѣлъ группу строевй.

— Ну, о чомъ-же ты заботишься? Эта деревушка завята жандармами? Въ этихъ хижинахъ живутъ головорѣзы, что-ли?

Онъ подвинулся и шолъ впереди меня, шагомъ медленнымъ и тяжелымъ.

— Штъ, вы можете не страшиться жандармовъ, по-крайней-мѣрѣ, въ эту ночь. Вы найдете пріютъ не у головорѣзовъ, а подъ кровлею честнаго человека. Мы теперь въ Абержманъ; проклятый стаканъ водки сбиль меня съ толку, и я, какъ животное, брель по дорогѣ, къ которой наиболѣе привыкъ. Мы, къ-счастью, немного обошли прямой дороги къ высотамъ Полиньи; но шесть часовъ времени пропало даромъ.

— Если объ этомъ твоя забота, то успокойся. Я привыкъ къ большимъ потерямъ. Довольно двухъ часовъ отдыха, чтобы возобновить мои силы.

— Отдыха, вскричал онъ, покоя! Не будетъ покоя въ домѣ Бонена!

— Въ твоихъ словахъ нѣтъ смысла. Ужъ не рѣхнулся-ли ты?

— Э, нѣтъ! Я больше не пьянъ. Я слишкомъ знаю, что говорю и куда иду. Надо вамъ все объяснить, а это не совсѣмъ легко. Кажется, я не говорилъ вамъ никогда о моей женѣ?

— Ты жевать, Бонены! Я не могъ этого предполагать по твоему образу жизни.

— Моя жена была молодая, прекрасная и добрая дѣвушка; она была хорошо воспитана своимъ отцомъ и была-бы счастлива, если-бы отецъ прожилъ долѣе на свѣтѣ. Она потомъ жила у графини Монъ, супругъ которой изъ числа вашихъ друзей. Я тамъ на ней женился. Она имѣла небольшое состояніе, съ которымъ я поступилъ какъ и съ достояніемъ моего отца. Горестъ и лишенія обезобразили ее; я ее бросилъ, Она потеряла терпѣніе; я ее билъ. Она сошла съ-ума. Вотъ все.

— Полно, полно, Ипполитъ. Я теперь понимаю твои справедливыя сѣтованія и то, что видъ этого печальнаго дома долженъ быть невыносимъ для тебя. Столь-важныя преступленія даже получаютъ на землѣ заслуженное возмездіе!... Но скажи мнѣ, есть-ли у тебя дѣти?

— Да, есть мальчикъ шести лѣтъ; онъ полагаетъ большія надежды. Я прежде заходилъ въ свой домъ не иначе какъ днемъ; на эту пору, моя бѣдная жена уходитъ, не знаю куда, можетъ-быть, работать изъ-за куска хлѣба въ сосѣднихъ деревняхъ. Но она проводитъ всю ночь дома, а я провожу ночи въ первомъ попавшемся мѣстѣ. Уже цѣлый годъ, какъ я ее не видѣлъ, и мысль о свиданіи заставляетъ меня трепетать. Она никогда не спитъ.

— Но однакожъ, мнѣ надо гдѣ-нибудь пріютиться; потому-что эта ужасная погода угрожаетъ слѣзаться еще болѣе ужасною. Но будь увѣренъ, что я найду себѣ убѣжище въ овицѣ какого-нибудь изъ поселянъ. Золото откроетъ двери.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Ни одна дверь не откроется въ этотъ часъ, безъ меня. Но въ такомъ случаѣ, жандармы будутъ извѣщены прежде, чѣмъ вы заснете. Меня слишкомъ ненавидятъ земляки мои.

— Ну, такъ нечего медлить. Мы ляжемъ подъ этимъ заборомъ. Пріютъ мало выгодный, но бываютъ еще хуже. Истощеніе силъ и боль отъ ранъ не позволяютъ мнѣ далѣе идти. Когда небо прояснится, ты скажешь мнѣ только слово, и мы пустимся снова въ путь.

Въ то же время я перебрался черезъ заборъ.

— Превосходно! трава довольно-увлажена и прохладна.

— Къ чему это? возразилъ онъ, удерживалъ меня, когда я хотѣлъ растянуться на землѣ. А гостепріимство? Считаете вы меня за мужика? Я, конечно, буду эту ночь подъ пыткой, но вамъ вѣчего страшиться. Моя несчастная жена безумна, но отнюдь не зла. Если вы можете общаться мнѣ все слышать и видѣть, не вмѣшиваясь ни во что, если вы надѣетесь скрывать эту тайну, милости прошу смѣло ко мнѣ. По-крайней-мѣрѣ, вы немного отдохнете. Только молчаніе здѣсь, тамъ и всегда...

— Быть по сему, отвѣчалъ я, не противясь его желанію.

Прошедши нѣсколько ступенекъ, мы очутились у дверей. Боненъ съ минутою простоялъ къ нерѣшимости, теряя всю бодрость духа. Но онъ наконецъ постучался. Дверь отворена была полунагою дѣвушкой.

— Это ты, *scolastique!* сказалъ Боненъ, съ видомъ смущеннымъ. Какимъ случаемъ? — нынче она возвратилась?

— Я только-что привела ее, отвѣчала дѣвушка.

— «Благодарю тебя. Чтѣ, она начала?»

— Нѣтъ, сударь, еще, но скоро... Она теперь готовится. —

— Хорошо, хорошо, мрачно отвѣчалъ Боненъ.

Онъ съ стрепетомъ взялъ лампу у молодой поселянки и осторожно ввелъ меня въ свою комнату. — Комната Бонена была довольно-обширна и чиста. Противъ входа была постель; посреди комнаты стояли какія-то большія кресла, или вѣрнѣе, налож, чорнаго дерева, на которомъ помѣщалось грубое изображеніе Іисуса Христа. По обѣимъ сторонамъ доски кресель поднимались двѣ желѣзныя полосы, которыя, казалось, предназначены были для свѣчей. Внизу, противъ переднихъ ножекъ, была другая доска, гораздо уже, служившая или для преклоненія колѣнъ, или подножіемъ. Первымъ моимъ движеніемъ было оттолкнуть эту странную мебель къ стѣнѣ, но Боненъ удержалъ меня.

Не трогайте ничего, сказалъ онъ. Уляжемся поскорѣе на этихъ двухъ матрацахъ. Помните только наши условія.

Онъ потушилъ лампу, и я бросился на постель. Спусти минуту, онъ, казалось, уже заснулъ, но я тщетно старался послѣдовать его примѣру. Воспаленіе ранъ бросило меня въ горячку. Одежды мои, промоченныя дождемъ, застывали болѣе и болѣе на моихъ оцѣпенѣлыхъ членахъ. Во всемъ тѣлѣ, во всѣхъ мускулахъ и костяхъ, я чувствовалъ невыносимую боль отъ усталости, до такой степени, что не могъ даже поворачиваться. Идругъ двери настежъ отворились, и я увидѣлъ на порогѣ женщину, Вли призракъ, заглядывавшую во-внутрь комнаты, при красномъ и дымящемся огнѣ восковой свѣчи; это была жена Бонена! Она приблизилась къ наложу и помѣстила свой пламевникъ на одной желѣз-

ной полость; потомъ она вышла и дважды возвращалась, въ первый разъ съ чайною кропильницею и горстью маленькихъ *вѣтвоекъ* *буковаго дерева*, которое посвящаютъ при некоторыхъ церковныхъ праздникахъ, въ другой съ вылающею жаровнею и новою свѣчою, которую она поставила возлѣ первой. Всѣ эти снаряды вызыванія духовъ или какого-то таинства, разставивъ передъ собою въ симметрии, она нѣсколько времени оставалась совершенно неподвижною, такъ-что ее можно было принять за статую какой-нибудь святой, въ честь которой совершалось религиозное приношеніе. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы рассмотреть ее съ большимъ вниманіемъ; несчастной было не болѣе какъ 26 или 28 лѣтъ; но ея лицо, желтое и изможденное печалію и скорбію, было слишкомъ старообразно. Ея ростъ былъ высокъ; ея черты, правильныя и благородныя, казались отчасти пріятными; но уста ея, длинныя, узкія, блѣдныя, странно искривленныя по концамъ, придавали ей столь горькое выраженіе безумія, что невозможно было безъ состраданія и ужаса смотрѣть на несчастную. Ея большіе глаза, отъ слѣзъ глубоко впали. Ея уборъ былъ весьма-страненъ; черныя и распущенныя волосы раздѣлялись на ея челѣ и падали до самыхъ колѣвъ, когда она, потомъ, преклонялась передъ жертвенникомъ, на которомъ совершалось какое-то идеальное таинство для ея разстроеннаго воображенія. Мало-по-малу помѣшанная одушевилась; она бросила вѣтки буковаго дерева на жаровню, и начала ходить вокругъ своего наоя, шагомъ тихимъ, со свѣчою въ рукѣ, бормоча жадобныя пѣсни, которыя прерывались частыми и глубокими вздохами, проникавшими въ мое сердце. Дѣлая эти таинственные круги, расширяя ихъ болѣе и болѣе, она одинъ разъ остановилась передъ нашими постелями, и осматривала при яркомъ свѣтѣ своего пламеника. «Онъ тутъ, сказала она. Ихъ два, одинъ очень молодъ.» Потомъ она быстро подошла къ своему фантастическому жертвеннику, погрузила кропило въ воду, и возвратилась къ намъ, брызнувъ на меня нѣсколько капель и глухо произнося заклинанія въ родѣ тѣхъ, которыя нѣкогда употреблялись для изгнанія нечистой силы. «Это еще не демонъ, замѣтила она съ удивленіемъ: онъ-бы тотчасъ вышелъ!» Волоса на мнѣ поднялись отъ ужаса; холодный потъ, крупными каплями, лился по тѣлу; зубы мои стучали. Я съ трудомъ повернулся къ Бонену; онъ лежалъ, скрывая свое лицо въ постели; онъ, можетъ-быть, спалъ, но судорожный трепетъ его членовъ доказывалъ, что ему снятся дурныя грезы.

Печальная церемонія сумасшедшей кончилась вмѣстѣ съ громомъ: потому-что буря не переставала ревѣть и стонать. Жертвенникъ былъ разобранъ по частямъ. Однакожъ эта печальная жепщина

не забыла обо мнѣ; принимая последнюю свѣчу, она бросила на меня приветливую улыбку. Наступила совершенная темнота въ комнатѣ, и смутныя мысли остуманили мою голову. Мнѣ казалось, что она еще продолжала ходить, чудилось, что она приближалась иногда ко мнѣ, склонялась къ моему уху; я чувствовалъ ея холодное дыханіе, слышалъ ея страшныя слова. Моя бессонница продолжалась, пока солнечныя лучи не проникли въ комнату. Скоро потомъ Боненъ поднялся и сказалъ мнѣ, что пора отыскивать дорогу, которую мы накануне потеряли, чтобы избавиться отъ дурныхъ встрѣчъ въ Абержманъ. Я благодарилъ его за это; но ночныя размышленія и безпокойствъ внушили мнѣ другую рѣшимость. «Я усталъ вѣчно скрываться, отвѣчалъ я ему. Нѣтъ темницы, столь мрачной, и рода смерти, столь жестокаго, которыхъ-бы я не предпочелъ томленіямъ тѣла и души, пытающимъ, въ продолженіе 14 мѣсяцевъ, мои силы и мое терпѣніе. Я знавалъ путь въ Швейцарію, и самъ туда отправлюсь, съ помощію Бога, не заботясь объ опасностяхъ. Прощай.» Потомъ, прямою и большою дорогою, я направилъ путь къ горамъ. Никогда я не чувствовалъ себя столь свободнымъ, какъ съ той минуты, когда рѣшился прелаться всею опасностямъ. Слѣствія этой рѣшимости не принадлежатъ къ предмету моего разсказа, и я постараюсь его сократить.

Спустя шесть или семь лѣтъ, свободный отъ волненій безумной молодости и отъ преслѣдованій злобой полиціи, послѣ долгой и пріятной жизни среди прекрасныхъ горъ Юры, я проѣзжалъ Ловъ-ле-Солье, по пути къ моей возлюбленной деревушкѣ, отъ которой я былъ еще въ двухъ миляхъ, и побуждаемый порядочнымъ аппетитомъ, я зашелъ въ гостиницу *Башенки*. Сначала одно обстоятельство меня поразило: городъ былъ почти вовсе пустъ; но изъ оконъ гостиницы я увидалъ порядочную толпу народа на площади. Тамъ былъ воздвигнутъ эшафотъ, поставлена гильотина; еще однакожь не доставало жреца и жертвы, чтобы совершить приношеніе автропофаговъ во имя образованнѣйшаго государства на землѣ. Я спрашивалъ у хозяйки для себя другой комнаты, которой на ту пору не было. Я отворотился отъ окна и съѣлъ.

— Что случилось въ Ловъ-ле-Солье, спросилъ я у хозяйки? Возстановленный конвентъ не прислалъ-ли своихъ комиссаровъ? Не показалась-ли чума? Или его честные граждане сдѣлались философами и заперлись въ своихъ домахъ?

— Вѣрно, господинъ издалека, что не знаетъ нашихъ новостей? сказала хозяйка, разстилая скатерть. Точно, показалась чума, а, можетъ-быть, и хуже, какъ называютъ *typhus* или *trifus*. Это ужасъ!

— По истинѣ, ужасно!... Вы меня заставляете трепетать. Эта страшная болѣзнь распространилась-ли въ окрестностяхъ?

— О, нѣтъ! Недалѣе уголовного трибунала. Но прежде я должна васъ спросить, слышали-ли вы что-нибудь о славномъ Панкрасѣ?

«Панкрасъ! возразилъ я послѣ минутнаго размышленія. Можетъ-быть, и зналъ я это имя, и, если не ошибаюсь, то этотъ Панкрасъ — довольно-дурной человѣкъ. Но какое отношеніе, моя милая, между Панкрасомъ и *tyrhus*?

— Весьма-злой человѣкъ! вскричала она, поднимая руки къ небу: весьма-дурной человѣкъ! Грабитель по большимъ дорогамъ! Грабитель дилижансовъ, похититель церковныхъ сосудовъ, зажигатель, убійца! Панкрасъ — недобрый человѣкъ!

— Панкраса восторону. Возвратимся къ *tyrhus*.

— *Tyrhus* и Панкрасъ — это одна исторія. Послѣ безчисленныхъ преступленій, этотъ несчастный былъ пойманъ съ частію своей шайки, и вотъ уже ихъ три недѣли судятъ. Взятъ былъ большія предосторожности, ибо говорили, что Панкрасъ выходець изъ ада. Онъ былъ припеденъ, вмѣстѣ съ прочими, передъ судьей, изъ тюрьмы темной, сырой, глубокой, наполненной столь дурнымъ воздухомъ, что лампа въ немъ не могла горѣть. Съ появленіемъ его начались и бѣдствія. Сначала, дѣйствительно, примѣтили, что Панкрасъ былъ очень блѣденъ и слабъ, и что его черты не обнаруживали человѣка столь свирѣпаго и дерзкаго; но по-мѣръ того, какъ онъ болѣе и болѣе вдыхалъ въ себя воздухъ, которымъ дышать люди, онъ принялъ свой дерзкій и угрожающій видъ; всѣмъ показалось, что онъ началъ жить жизнью, которую онъ отнималъ у другихъ. Разбойникъ привнесъ въ своей одеждѣ, съ намѣреніемъ, или по случаю, сѣмена этой заразы, которая сооіщилась всему собранію, такъ-что едва приговоръ трибунала, осуждаващаго Панкраса на смерть, былъ произнесенъ, какъ судьи полвергнулись приговору Панкраса, который осудилъ ихъ умереть прежде себя, чѣмъ точно и случилось. Президентъ, совѣтники, свидѣтели, адвокаты, зрители, всѣ были постигнуты заразою. Они гибли сотнями, и съ того времени по улицамъ видны одни конвои, сопровождающіе гробы, до нынѣшняго дня, въ который отрядъ жандармовъ, огражденныхъ противъ заразы, поведетъ живаго Панкраса на мѣсто казни. Говорятъ даже, что палачъ окурился. И вотъ почему, милостивый государь, каждый запирается у себя, чтобы избѣгнуть заразы, которая идетъ по пятамъ злодѣя. Прошу васъ не отворять окна.

Она ушла, но я забылъ ея наставленіе. Неодолимое любопытство влекло меня удостовѣриться собственными глазами, былъ-ли этотъ зловѣщій человѣкъ тотъ самый, котораго я видѣлъ въ лѣсу, и кото-

раго страшнаго физіономія такъ живо напечатлѣлась въ моей памяти. Онъ былъ уже да мѣсть. Пользуясь ужасомъ, вбушаемымъ малыишимъ его прикосновеніемъ, онъ успѣлъ разорвать свои оковы; исполнителн казни па чали вокругъ него; жандармы боялись его схватить, и, то опрокидываемый лошадьми, тѣснившимися его, то съ простію поднимаясь, онъ бился противъ неизбежной судьбы, со всемъ неистовствомъ челоука энергическаго, сильнаго и полнаго жизни, который не хочетъ умирать. Долго судорожное движеніе его членовъ, немнѣвшее почти ничего челоуческаго, препятствовало мнѣ рассмотреть черты его лица, но одинъ разъ, бѣгая вокругъ эшафота, онъ устремилъ свои глаза на мою сторону, чтобы отыскать себѣ дорогу. Это былъ злодѣй, котораго я повстрѣчалъ ночью, и который, казалось, теперь меня увидѣлъ. Я съ ужасомъ опустился на стулъ и оставался неподвижнымъ. Въ тоже время я услышалъ страшный и отчаянный крикъ. Одинъ изъ палачей крѣпко закрутилъ свои пальцы въ жесткихъ и курчавыхъ волосахъ Панкраса, и ударилъ его вожомъ. Потомъ мои взоры невольно упали на послѣднюю жертву. Преступникъ, побежденный ужасомъ, или укрѣпленный религіею, взмолъ безъ сопротивленія на эшафотъ, цѣлуя, со слезами, святой образъ Иисуса Христа. Это былъ Ипполитъ Бонень. Несчастный, думая заглушить совѣсть, убилъ свою жену. Судьба соединила его съ Панкрасомъ въ темницѣ и на мѣсть казни.

СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНИЧЕСКИЕ АРТИСТЫ.

ДЖЮЛИА ГРИЗИ,

Прима-донна Парижской Итальянской-Оперы.

Джюліа Гризи родилась въ Миланѣ, въ 1812 году. Отецъ ея былъ топографъ. Съ самой молодости она выказывала непреодолимое влеченіе къ музыкѣ, въ-слѣдствіе котораго почти насильно требовала отъ родителей своихъ, чтобы они позволили ей вступить на поприще, на которомъ она столько прославилась. Въ жилахъ ея текла артистическая кровь; мать ея была сестра знаменитой г-жи Грассини. — Въ своемъ семействѣ она нашла искуснаго наставника; дядя ея, хорошій учитель музыки, приготовилъ ее къ спенѣ.

Джюліа дебютировала въ 1828 году, будучи 16-ти лѣтъ отъ роду. Она впервые появилась на Болонскомъ театрѣ и въ одной изъ оперъ Россіи. Это было счастливымъ предназначеніемъ. Послѣ того, композиторъ Милитоти написалъ нарочно для нея оперу, и не раскался, поручивъ ее молодой виртуозкѣ. — Въ теченіе того-же года она играла во Флоренціи роль Джюльетты, въ оперѣ *Капулетти и Монтекки*; потомъ она пѣла въ Пизѣ, а оттуда отправилась въ Миланѣ.

Въ этомъ городѣ талантъ ея болѣе развился. Она создала роль Адалгизы въ *Нормѣ* и увѣнчалась такимъ торжествомъ, которое можно назвать основаніемъ высокой славы. Нѣсколько избранныхъ знатоковъ поняли уже славную будущность г-жи Гризи, но талантъ ея еще не былъ понятенъ массѣ, этому безчисленному ареопагу, разлающему вѣнки и утверждающему славу. Въ Миланѣ, Джуліа Гризи заслужила общее одобреніе... Только тѣ знаменитости можно назвать великими и истинными, которыя приняты толпою, общею массою публики; другія-же обязаны извѣстностью проискамъ, товариществу и интригамъ — онѣ не принадлежатъ потомству. Одинъ вѣкъ передаетъ другому только тѣ имена и творенія, которыя были освящены общимъ одобреніемъ массы. Въ славѣ аристократія не существуетъ — тамъ одно достоинство; могущественнѣйшіе таланты должны преклонить голову предъ толпою, и только когда она одобритъ ихъ, они могутъ подняться, стать выше толпы и быть властелинами ея.

Въ 1832 году, Джуліа Гризи явилась въ Парижѣ. Могущество голоса, превосходство методы, красота и грація ея, доставили ей въ самое первое появленіе очень-благоклонный приѣмъ. А между тѣмъ дебютанткѣ представлялись огромныя трудности: ей представлялся быстрый переходъ отъ преувеличеній и вольностей Итальянской Школы къ вѣжности и точности Французской Школы; сверхъ-того она появлялась на ряду съ пѣвицей, которая, по справедливости, была идоломъ публики и которая въ памяти всѣхъ, кто слышалъ ее, останется образцомъ совершенства: мы говоримъ о г-жѣ Малибранъ.

Джуліа Гризи не удовольствовалась благосклоннымъ приѣмомъ, — она желала большаго. Честолюбіе ея было равно прекраснымъ и могущественнымъ способностямъ ея: передъ нею было первое мѣсто и она хотѣла достигнуть его. Чѣмъ выше и славнѣе былъ талантъ, который г-жа Гризи имѣла передъ глазами, тѣмъ сильнѣе были усилія ея сравняться съ нимъ.

Съ этого времени начинается для нея эпоха труда и настойчиваго изученія. Никогда терпѣніе и прилежаніе не были такими могущественными пособіями счастливѣйшимъ природнымъ дарованіямъ. Г-жа Гризи была вскорѣ вознаграждена за усилія свои. Успѣхи ея были ощутительны. Каждый день публика открывала въ ней новыя качества, и ободряла ихъ. Можно сказать, что Джуліа Гризи — ученица парижскихъ диалеттантовъ, ученица, которая дѣлаетъ имъ честь.

Наконецъ она могла приступить къ главнымъ ролямъ репертуара и сдѣлалась законной наследницей г-жи Малибранъ. Съ

твѣтъ-портъ, Джюліа Гризи занимаетъ, безспорно, первое мѣсто въ Итальянской-Оперѣ. Слава ея огромна и вполне заслуженная, и таланты, съ которыми ее нерѣдко сравнивали и сравниваютъ, служатъ только къ тому, чтобы возвысить достоинство ея.

Джюліа Гризи не только первостепенная пѣвица, но и рѣдкая актриса, у которой многія трагическія артистки могли-бы поучиться. Итальянскіе пѣвцы приучили Европу къ роскоши гармоническихъ и искусныхъ фіоритуръ, къ богатству вокализаціи, къ утонченному знавію пѣнія — все это большое, но не настоящее искусство. Съ знаніемъ пѣнія должно быть соединено и драматическое дѣйствіе. Гризи въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ совершенства.

Голосъ г-жи Гризи обладаетъ полнотою, гибкостью, блескомъ. Она съ энергіей выражаетъ страданія страсти, и съ граціею и легкостью передаетъ тончайшіе отгѣвки чувства; однако-жъ въ драматическомъ пѣніи она проявляется съ бѣльшимъ совершенствомъ: тогда вся душа артистки переходитъ въ голосъ ея и выражается очаровательными аккордами... Вы не встрѣтите ни малѣйшей робости или неувѣренности; звукъ раздается съ устрашающею вѣрностью.

Слушая Гризи, убѣждаешься, что музыка есть точно языкъ страстей. — Какая сила! Какая вѣрность интонаціи! сколько алмазовъ, сколько жемчуга! Сколько надо искусства, чтобы скрыть такимъ прекраснымъ образомъ трудъ, чтобы быть пылкой, пламенной, страстной, жестокой, исполненной любви или ненависти, не удаляясь ни на шагъ отъ правилъ чистѣйшаго вкуса и совершенства! Трудъ, такимъ-образомъ выраженный, можетъ служить идеаломъ прекраснаго. Представьте себѣ мелодіи Россини, пополяющія гармоническія вдохновенія Расина, — и Аталію, пропѣтую г-жою Гризи!

Жаль, что высокіе таланты часто осуждены выразить слабыя и безцвѣтныя созданія; впрочемъ это еще болѣе увеличиваетъ славу ихъ: они согрѣваютъ холодныя, безжизненныя поэмы; они оживляютъ драмы, лишонныя силы и интереса. Надо имѣть много жару и энергіи, чтобы гальванизировать трупы. Много произведеній, негодныхъ даже въ музыкальномъ отношеніи, Гризи представила публикѣ въ хорошемъ видѣ. Это такія достоинства, которыя принадлежатъ только отличнымъ артистамъ.

Джюліа Гризи прекрасная трагическая актриса: движенія ея благородны, величественны; фізіономія ея выражаетъ всѣ страсти съ изумительною вѣрностью, жесты ея исполнены достоинства и прелесть. Она неподражаема, когда выражаетъ негодованіе... брови

ея нахмурены, рука несколько выдвинута вперед, верхняя часть тела подается назад... Это античная статуя, ожидающая рывка Фидия или Проклителя.

При всѣхъ этихъ качествахъ, достигнутыхъ трудомъ, изученіемъ природы и искусства, и при правильной, рѣдкой красотѣ, не удивительно, что Джуліа Гризи любимица публики самой прихотливой, любимица всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ и слышалъ ее.

С М Ъ С Ъ .

АКТРИСА ПРОШЛАГО ВѢКА. Въ XVIII вѣкѣ Франція была богата красавицами, которыхъ по уму и блистательнымъ качествамъ можно сравнить съ замѣчательнѣйшими греческими кургизанками. Тамъ была своя Аспазія, дававшая уроки политики и краснорѣчія Людовику XV, который, мимоходомъ сказать, не совѣмъ былъ похожъ ни на Сократа, ни на Перикла; были Лаиса, Леонціума, Фриней, Танса, Таргелія, которыя подъ именами г-жъ Дюбарри, Гимаръ, Лагеръ, Госсенъ и Софіи Арнү составляли украшеніе Версаля и Парижа, двора и театра. Исключая Маріоны Делоръ, Нивоны де-Ланкло, г-жъ Помпадуръ и Дюбарри, всѣ эти беззаботныя существа образовались на театрѣ, — на театрѣ, который называется *школой правоты!*

Строгіе умы безъ разбора осуждаютъ всѣхъ этихъ счастливыхъ и вмѣстѣ несчастныхъ женщинъ, называя ихъ «развратными существами, грѣшницами, умершими безъ покаянія!» Совершенно предаваясь негодованію, и обращая вниманіе только на пріятную сторону жизни этихъ женщинъ, строгіе судьи не удостоиваютъ ихъ даже слезинки состраданія. Они не правы. Безпристрастный историкъ долженъ входить во всѣ подробности; онъ долженъ взвѣсить добро и зло, и потомъ судить; всездѣ отыскивая истину, онъ имѣетъ право входить всюду не краснѣя; онъ долженъ столько-же изучать завядшія цвѣтокъ, какъ и цвѣтущій — муза его есть вѣчная дѣва, которая проходитъ по всему міру, не запятнавъ бѣлыхъ ногъ своихъ.

Впрочемъ то, что мы намѣреваемся разсказать, есть не что иное, какъ легкій очеркъ, портретъ съ улыбкой и грустью на лицѣ, съ букетомъ цвѣтовъ на груди.

Софія Арнү (Arnould) родилась въ Парижѣ, въ 1740 году, въ самый

разгаръ карнавала. Она родилась въ старинномъ дворцѣ фамиліи Понтѣ, въ той самой спальнѣ, гдѣ былъ убитъ адмиралъ Колинъи и гдѣ умерла прекрасная герцогиня де-Монбазонъ.

— Я вступила въ свѣтъ чрезъ знаменитыя двери, говаривала Софія Арнѹ.

Древній дворецъ Понтѣ превратился въ гостиницу, находившуся подъ управленіемъ отца и матери Софіи Арнѹ. У этихъ добрыхъ людей было пятеро дѣтей; но, благодаря твердой волѣ ихъ и доходамъ гостиницы, всѣ дѣти были воспитаны съ трогательною заботливостью. Софія особенно воспитывалась какъ знатная дѣвица: у нея были учителя музыки, танцованія и пѣнія.

Она имѣла удивительный талантъ къ пѣнію; голосъ ея былъ исполненъ свѣжести и мелодіи. Мать ея поняла, что голосъ этотъ былъ соврѣще.

— Маменька, говаривала Софія, будучи ребенкомъ: мы будемъ очень богаты; благодѣтельная фея одарила меня магическимъ голосомъ, имѣющимъ чудесную способность превращать все въ золото и алмазы...

Когда Софія подросла, то вмѣстѣ съ матерью ходила въ нѣкоторыя церкви, гдѣ пѣла въ хорѣ. Однажды, герцогиня моденская, находясь въ одной изъ церквей, гдѣ пѣвала Софія, была поражена прелестнымъ голосомъ ея и взяла ее съ собою: молодая дѣвушка была остроумна, она щебетала, какъ птичка, и очарованная герцогиня, прощаясь съ нею, подарила ей ожерелье и сказала:

— Иди, дитя мое, ты поешь какъ ангелъ и умна какъ ангелъ — ты будешь счастлива!

Съ-этой-поры имя Софіи Арнѹ сдѣлалось извѣстнымъ; даже при дворѣ говорили о граціозности ея, о прелестныхъ глазкахъ, объ острыхъ отвѣтахъ и, въ особенности, объ обворожительномъ голосѣ.

Г-жа де-Помпадуръ желала видѣть и слышать ее. Софію привезли во дворецъ, и тамъ, не заставляя упрашивать себя, она пропѣла трюлетъ изъ Филидора... Никогда еще пѣніе соловья не разсыпалось столькими жемчужинами, никогда весеннее пѣніе птичекъ не раздавалось въ двѣтникѣ съ такою чистотою и звучностью!.. Это была блестящая роса, освѣщенная по утру свѣтлымъ солнечнымъ лучомъ!.. Г-жа Помпадуръ была въ восторгѣ.

— Дитя мое, сказала она: ты со-временемъ будешь прелестной принцессой.

Г-жа Арнѹ, находившаяся тутъ-же и страшившаяся, чтобы дочери ея не пришлось занять слишкомъ-высокую роль, отвѣчала:

— Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать, маркиза. Дочь моя слишкомъ незнатна и не довольно-богата, чтобы сдѣлаться женою принца; съ другой стороны она слишкомъ-хорошо воспитана, чтобы сдѣлаться театральной принцессой!

Не-смотря на то, Софія съ этого-же дня вступила на путь къ оперному театру. Чтобы не испугать матери, ей сказали, что Софія всту-

паеть только въ королевскую концертную группу; но вскорѣ Франкёръ, главноуправляющій придворною музыкою, упросилъ Софію вступить въ Оперу, говоря, что талантъ ея принадлежитъ всей Франціи, и что она очаруетъ всѣ сердца дивнымъ пѣніемъ своимъ.

— Вступить въ Оперу, сказала Софія, значитъ продать себя врагу рода человѣческаго—но что дѣлать, коли это судьба моя?

Какъ люди счастливы, что могутъ слагать всѣ проступки свои на судьбу!

Г-жа Арну всюю силою материнской власти хотѣла воспротивиться намѣренію дочери.

— Не въ Оперу, а въ монастырь ты пойдешь! вскричала она, заперевъ дочь въ комнатку ея.

По-счастію для врага рода человѣческаго, который вездѣ возьметъ свое, самъ король Франціи принималъ тогда большое участіе въ публичныхъ увеселеніяхъ; онъ подписалъ приказъ, по которому Софію насильно должно было представить въ Оперу.

— Что дѣлать! сказала тогда бѣдная мать: да будетъ воля короля и дочери моей!

Впрочемъ, она не теряла еще надежды защитить добродѣтель дочери отъ угрожавшихъ ей опасностей; она наблюдала за нею съ величайшею заботливостію; сопровождала ее въ Оперу, и даже за кулисами ни на шагъ не отставала отъ нея; сколько волокитъ 1757 года не увивались около нея, однако вездѣ встрѣчали грозный взоръ матери.

Софіи Арну было 17 лѣтъ, когда она дебютировала. Вотъ что пишетъ объ ней одинъ изъ тогдашнихъ фельетонистовъ: «Игра этой артистки самая натуральная: она исполнена чувства и невиданной еще доселѣ прелести. Софія Арну не красавица, но она обладаетъ всѣми прелестями красоты. Она, по-счастію, не испорчена учителями; ее образовала сама природа, и дебютъ ея былъ торжествомъ таланта ея.»

Однако фельетонистъ ошибался. У Софіи Арну были учителя. Г-жа Фель учила ее искусству пѣнія; г-жа Клеронъ драматическому искусству.

Двѣ недѣли спустя послѣ дебюта своего, г-жа Арну была обожаема всѣмъ Парижемъ; когда она должна была появляться на сценѣ, обыкновенно театръ былъ полонъ.

Всѣ дворянѣ того времени оспаривали другъ у друга счастье бросить за кулисами букеты цвѣтовъ къ ногамъ ея, а она проходила очень-равнодушно, какъ-бы привыкнувъ уже ступать на одни цвѣты. Мать ея, женщина очень-умная, говаривала настойчивымъ поклонникамъ:

— Зачѣмъ усыпаете вы путь ея тервіемъ?

Но вся бдительность матери была тщетна; любовь стала между ею и дочерью. Между молодыми дворянами, влочившимися за дочерью ея, самый влюбленный былъ графъ де-Дорagé; онъ хотѣлъ, чтобы по-

бѣда непременно осталась за нимъ. Онъ придумалъ сначала похитить Софію изъ театра, но это предпріятіе ему не удалось. Такъ-какъ графъ былъ предприимчивъ и любилъ приключенія, то и придумалъ средство болѣе остроумное и забавное: ужиная однажды съ пріятелями, онъ объявилъ имъ, что не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, г-жа Арнѹ не поведетъ болѣе дочь свою въ Оперу.

На другой-же день молодой поэтъ, подъ именемъ Дорвалья, прибывшій изъ провинціи, остановился въ гостинницѣ родителей Софіи. Прекрасныя манеры и милая робость поразили г-жу Арнѹ; съ видомъ величайшей наивности онъ рассказалъ ей цѣль пріѣзда своего; у него осталась въ Нормандіи мать, (которая, какъ двѣ капли воды, походила на г-жу Арнѹ), и сестра, (очень-походившая на Софію), и онъ прибылъ въ Парижъ, чтобы попытать счастья на литературномъ поприщѣ.

— Бѣдный молодой человекъ! вскричала г-жа Арнѹ: лучше-бы вы остались дома, близъ матери и сестры вашей!

— Не отчаивайтесь, сударыня, отвѣчалъ Дорваль: я привезъ съ собою трагедію, которая достойна быть игранию славными Лекеномъ и г-жою Клеронъ. Ахъ! сколько очаровательныхъ ночей провелъ я надъ этимъ плодомъ двадцати-лѣтняго вдохновенія моего! Подобно вамъ сказать, что меня подстрекала не одна жажда славы, но и любовь...

Говоря такимъ-образомъ, Дорваль бросалъ змѣиный взглядъ на Софію, слушавшую его съ любопытствомъ сердца.

— Да, сударыня, на родинѣ моей есть молодая дѣвушка, созданная любовью, и для любви; я отъ нея безъ ума!

— Это самое прелестное безуміе, прошептала пѣвица, очарованная страстнымъ видомъ молодого человека.

— Прелестное безуміе, сказала мать, принявъ строгіи оперный видъ свой: не совѣтую тебѣ впадать въ него. Чтѣ-же касается до васъ, молодой человекъ, мнѣ жаль, что вы пришли въ Парижъ искать счастья, сопутствуемые поэзіей и любовью: это значитъ дважды разориться.

— Я не согласенъ съ мнѣніемъ вашимъ, отвѣчалъ Дорваль: у меня подъ-рукой всѣ сокровища сердца. Ахъ! если-бъ только я былъ поближе къ сердцу Софіи!

— Софія? спросила мать.

— Да, такъ зовугъ ту, которую я люблю и которая меня не любить.

— Какъ! вскричала Софія, она васъ не любитъ?

— Конечно нѣтъ, и не должна любить прежде свадьбы! отвѣчала съ сердцемъ мать. Вотъ чтѣ значитъ изучать правы на театрѣ!.. Впрочемъ г. Дорваль, вѣроятно, усталъ—вотъ ключъ отъ его комнаты.

— Увы! подумала Софія, которая тогда уже любила игру словъ: онъ уноситъ и ключъ отъ моего сердца!

Любовь съ незапамятныхъ временъ осуждена на разнаго рода хитрости. Любовь, идущая по прямой дорогѣ, никогда не достигаетъ

цѣли своей: она умираетъ на половинѣ дороги; но любовь, пробирающаяся по извилистымъ тропинкамъ, всегда успѣшна; она нападаетъ въ-расплохъ. Женщины ищутъ въ сердцахъ мужчинъ не одну любовь, онѣ хотятъ найти тамъ и умъ. Онѣ много цѣнятъ романъ, выдумываемый мужчинами для овладѣнія ими; потому-что для нихъ любовь ничто-иное, какъ романъ; чѣмъ болѣе онъ запутанъ, тѣмъ болѣе нравится имъ.

Графъ де-Лорангэ очень-хорошо зналъ женщинъ: пріѣхать изъ Нормандіи наивнымъ поэтомъ, не значило-ли приступить настоящимъ Донъ-Жуаномъ къ актрисѣ, которая хотѣла только любви?

Надобно сказать въ похвалу Софіи Арнѣ, что она не замѣтила за кулисами графа де-Лорангэ; но она съ-разу полюбила поэта Дорваля, не смотря на то, что первый всегда являлся съ шумомъ и блескомъ наследственнаго принца, а второй явился въ довольно-жалкомъ видѣ провинціального поэта.

Побѣда совершилась быстро; недѣлю спустя, поэтъ похищалъ Софію изъ гостиницы. Никогда похищеніе не было сладостѣе и страстнѣе: Дорваль несъ Софію въ рукахъ своихъ болѣе получаса. Онъ приказывалъ лакею ждать себя, а тотъ ошибся и ждалъ въ другой улицѣ. Пользка спустя, сдѣлавшись перомъ Франціи и герцогомъ Бранкаскимъ, графъ де-Лорангэ рассказывалъ со всею жаромъ юноши, объ этомъ романическомъ похищеніи:

— Она была Испехя, говорилъ онъ: я былъ Зеэпръ; у меня были крылья, крылья любви. Бѣдная испуганная голубка! Она была такъ легка на сердцѣ моемъ, что мнѣ казалось каждую минуту, что она улетитъ.

— Куда мы идемъ? спросила она вдругъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, изумившись вопросу ея.

— Ужъ не къ вамъ-ли? спросила она опять.

Она, вѣроятно, думала о гостиницѣ родителей своихъ, которая, по-мнѣнію ея, была единственная квартира моя.

— Ко мнѣ! Боже сохрани! что скажетъ графиня де Лорангэ!

— Графиня де Лорангэ? Кузина, тетущка или бабушка ваша?

— Нѣтъ; жена моя!

— Боже мой! Что вы говорите? Я погибла!

— Что дѣлать!

— Вы чудовище!

— Правда, но чудовище страстно влюбленное въ васъ; графиня де-Лорангэ жена моя, а вы любовница!

— Пампаникъ! Что со мною будетъ?

— Вы будете царицей сердца моего, царицей въ Оперѣ и царицей прелестей. У меня есть экипажи и ливрейные лакеи, съ которыми вы будете ѣздить въ Оперу.

— Ахъ, зачѣмъ вы не поэтъ Дорваль!.. Не-смотря на то, я васъ люблю, кто-бы вы ни были... по счастью одинъ сонъ, одна мечта!

И она стала плакать.

- Что скажете маменька?
- Я приготовилъ вамъ брилльянтовый уборъ.
- Бѣдная маменька, она жила только для меня!
- У меня есть для васъ ожерелье изъ чистѣйшаго жемчуга.
- Кто утѣшитъ ее?
- Ахъ! я и забылъ сказать вамъ, что я нанялъ для васъ квартиру, которая убрана получше вашей гостинницы.

Въ это время графъ нашолъ карету свою... что было дальше, угадать нетрудно, а потому я молчу.

Это приключеніе надѣлало много шума; всѣ сожалѣли вмѣстѣ о г-жѣ де-Лоракѣ и о Софіи Арнѣ; но графъ мало заботился объ общемъ мнѣніи, а Софія вошла уже въ моду въ свѣтѣ порочныхъ страстей: сначала ее сравнивали только съ Орфеемъ, теперь стали сравнивать съ Сафой и Ниноной де-Ланкло.

Такъ-какъ она была остра, умна, весела, беззаботна, то вскорѣ острыя слова ея стали повторяться всѣми. Поэты воспѣвали ее. Но это еще не все: учоныя собирались къ ней, чтобы философствовать на свободѣ — надобно сказать, что уживы Софіи Арнѣ были отличны. Гордась этими свѣтскими успѣхами, она однакожь не забывала Оперы, настоящаго мѣста славы ея; она продолжала пѣть свѣжнмъ и мелодическимъ голосомъ своимъ; сверхъ-того она играла со всею прелестію и душою великой актрисы. Гарриксъ, въ бытность свою въ Парижѣ, объявилъ, что г-жа Арнѣ единственная актриса, доселѣ умѣвшая очаровать зрѣніе и сердце его.

Не-смотря на всѣ замѣчанія двора, графъ де-Лоракѣ продолжалъ жить съ Софіей подъ однимъ кровомъ; г-жа де-Лоракѣ образецъ оскорбленныхъ жонъ, продавала брилльянты свои, чтобы мужъ могъ достойнымъ образомъ поддерживать честь дома своего; но Богъ знаетъ, сколько брилльянтовъ нужно-бъ продать, чтобы поддержать на долгое время любовь Софіи къ роскоши! Квартира ея была настоящій дворецъ, гостинная — музей, будуаръ — волшебство!... Но кто повѣритъ, что посреди этой роскошной жизни, графъ и актриса продолжали любить другъ-друга вѣжнѣйшею любовію?

Такъ прошло четыре года. Подобной любви не было примѣра въ лѣтописяхъ театральныхъ. Софіи Арнѣ первой надобна эта любовь; во-время непродолжительнаго отсутствія графа, она рѣшилась прервать связь свою съ нимъ; велѣла заложить карету, уложила туда всѣ драгоценности, подаренныя ей графомъ, письма его, словомъ все, что напоминало ей о взаимномъ счастьи ихъ....

— Поѣзжай, сказала она лакею: отвези эту карету къ г-жѣ де-Лоракѣ; всѣ эти вещи принадлежать ей.

Лакей готовился уже удалиться, но Софія остановила его:

— Постой, я забыла весьма-важную вещь, сказала она, и позвала горничныхъ своихъ: — принесите двухъ дѣтей графа; они тоже принадлежать ему.

Принеси дѣтей. Одно было еще въ колыбели, другое только-что

начинало лепетать. Она поцѣловала ихъ и простилась съ ними.

— Вотъ, сказала она опять слугѣ, снеси этихъ дѣтей въ карету и отвези вмѣстѣ съ прочимъ къ графинѣ.

Лакей повиновался безпрекословно: онъ поѣхалъ прямо къ графинѣ де Лоранж — бѣдная обиженная жена приняла дѣтей и возвратила драгоцѣнности....

Во многомъ обвиняли и обвиняютъ женщинъ XVIII столѣтія — но одна эта черта не можетъ-ли искупить многіе проступки? Сколько найдется женщинъ въ наше время, которыя отослали-бъ обратно дѣтей и оставили-бъ у себя драгоцѣнности!

Но этимъ не прекратилась еще связь графа съ пѣвицей. Послѣ нѣсколькихъ невѣрностей, они опять сошлись. Это примиреніе надблало еще больше шуму въ Парижѣ. Графъ часто путешествовалъ, а во время отлучекъ его путешествовало и сердце Софіи.

— А, жестокая! сказалъ однажды графъ, послѣ какого-то путешествія: по-мѣрѣ того, какъ я отдалялся отъ васъ, сердце ваше еще болѣе отдалялось отъ меня!

— Что дѣлать! отвѣчала Софія: но я порочно наказана, потому что сердце мое попало въ страну скуки. Принцъ д'Ененъ уморитъ меня своими букетами, мадригалами и монетами.

— Постойте, отвѣчалъ графъ, я избавлю васъ отъ этого докучливаго поклонника.

Въ тотъ-же день, — 11-го февраля, 1774 года, — онъ собралъ четырехъ докторовъ изъ парижскаго физиката.

— Я хочу предложить вамъ весьма-важный вопросъ, сказалъ онъ имъ очень-серьезно: мнѣ хочется узнать, можно-ли умереть отъ скуки.

Послѣ долгихъ разсужденій, доктора рѣшили, что можно. Они написали длинную, скучную диссертацию и подписали ее.

— А какое лекарство можно употребить противъ скуки? спросилъ опять графъ.

Они опять рѣшили, что надобно доставлять больному развлеченія и, въ особенности, удалить отъ него людей, надобѣдающихъ ему.

Съ этими бумагами графъ немедленно отправился къ полицейскому комиссару и подалъ жалобу на принца д'Енена въ томъ, что онъ покушается на жизнь г-жи Арнѣ, и къ весьма-логическому заключенію приложилъ доказательства, подписанныя докторами, и слѣдующее требованіе:

«Я, нижеподписавшійся, требую, чтобы принцу д'Енену было воспрещено являться къ пѣвицѣ до-тѣхъ-поръ, пока она не излечится отъ болѣзни скуки, въ которой она находится и которая убьетъ ее, по рѣшенію факультета, если не будутъ приняты мѣры предосторожности. Безспорно, что смерть Софіи Арнѣ будетъ двойное несчастіе — общее и частное.»

Легко можно догадаться, что эта шутка кончилась дуэлью. Оба

дрались такъ искусно или такъ неискусно, что въ тотъ-же вечеръ сошлись, цѣлы и невредимы, у Софіи Арнѹ.

Около этого времени она объявила, что намѣрена выйти за-мужъ за одного изъ друзей своихъ, архитектора.

— Какъ! сказала ей кто-то: вы, несчастливившіе столько вельможъ, хотите теперь выйти за простаго архитектора!

— Это для того, отвѣчала она смѣясь, чтобы употребить съ пользой камни, которые всѣ бросаютъ въ огородъ мой.

Свадьба не состоялась; но въ тотъ-же годъ ей вздумалось сдѣлать-ся набожною. Она позвала священника — явились двое. Одинъ, можетъ-быть, навелъ-бы ее на-путь истинный, но двое совсѣмъ сбили ее съ толку. Не смотря на-то, что спала съ голосу, она осталась при Оперѣ и очаровывала всѣхъ игрой своею.

Въ сценахъ патетическихъ Софія была неподражаема; она заставляла всѣхъ зрителей плакать или трепетать отъ ужаса. Въ то самое время, когда всѣ сердца внимали словомъ ея, она шутила и сбивала съ толку игравшихъ съ-нею актеровъ. Когда она упала безъ чувствъ, въ объятія любовника, въ отчаяніи, когда зрители были въ высочайшемъ восторгѣ отъ игры ея, она говорила герою пѣсню:

— Ухъ! какую ты плачевную гримасу дѣлаешь!...

За нѣсколько времени до революціи, она оставила театръ, оперныя и свѣтскія страсти, и поселилась за-городомъ. Она поступила какъ Вольтеръ, Шозель, Буфлеръ; она занялась земледѣіемъ, какъ королева Марія-Антоанетта; она завела коровъ и овецъ; дѣлала масло и сыръ; косила сѣно и собирала горохъ.

Въ-время революціи, она продала маленькое имѣніе свое и купила въ Люзархѣ домъ монаховъ св. Франциска. Надъ дверьми она приказала сдѣлать слѣдующую надпись:

Ite missa est.

Она стала помышлять о смерти и спасеніи души. На концѣ парка своего, въ полуразвалившемся монастырѣ, она приказала устроить себѣ гробницу, съ слѣдующею надписью:

Multa remittuntur ei peccata quia dilexit multum.

Каждый день посѣщала она гробницу свою, объясняя такимъ образомъ надпись: «Всѣ прегрѣшенія мои будутъ мнѣ отпущены, потому что я всегда любила.»

Люзарскіе сан-кюлотты, принимая г-жу Арнѹ за монахиню или бывшую дворянку, сдѣлали въ домѣ ея повальный обыскъ.

— Друзья мои, сказала имъ Софія: я родилась свободной женщиной, всегда была дѣятельной гражданкой и наизусть знаю права человѣчества.

Но сан-кюлотты ничего не хотѣли слушать; они готовились уже вести ее въ тюрьму, когда одинъ изъ нихъ замѣтилъ на предѣсталѣ мрамор-

ный бюстикъ Софіи Арну въ роли Пенелопіи; онъ вообразилъ, обманутый, вѣроятно, шарфомъ жрицы, что это бюстъ Марата.

— Это добрая гражданка, сказалъ грамотѣйшій изъ толпы республиканцовъ, и всѣ разошлись, увѣренные въ патриотизмъ бывшей актрисы.

У нея оставалось еще 30.000 ливровъ годового дохода и множество друзей. Менѣе, нежели въ два года, она лишилась всего состоянія и друзей, благодаря революціоннымъ смутамъ и гильйотинѣ. Она воротилась въ Парижъ, съ нѣкоторыми незначительными остатками имущества своего; дурной адвокатъ, управявшій всѣми дѣлами ея, разорилъ ее совершенно. Она впала въ бѣдность и была всѣми покинута. Тщетно стучалась она въ двери тѣхъ домовъ, гдѣ ее нѣкогда любили: хозяева этихъ домовъ уже болѣе не существовали. Тюрьма, изгнаніе, эшафотъ, разсѣли ихъ навсегда. Она была принуждена идти просить вспомоствованія у парикмахера, который, въ болѣе счастливыя времена, убиралъ ей голову. Этотъ человекъ далъ ей убѣжище, но только въ уголкѣ, безъ свѣта и безъ печки, гдѣ бѣдная женщина постепенно угасала. Она дорого платила за прошедшее свое величіе, но, не смотря на то, продолжала еще пѣть.

«Голосъ, звучавшій въ *Армидь* и вздыхавшій въ *Психель*». — рассказываетъ одинъ біографъ ея — «виѣшивался въ мистическіе концерты тайныхъ обществъ еоофилантроповъ... невольно вздохнешь, вспомнивъ о невѣрности судьбы и онепостижимыхъ тайнахъ жизни!».

Однажды она, какъ по обыкновенію, сидѣла одна въ своей комнатѣ, дрожа отъ холода, но не жалуясь на судьбу свою и возобновляя въ тысячный разъ, можетъ-быть, волшебное званіе прошедшихъ счастливыхъ дней жизни своей, когда вошелъ къ ней парикмахеръ.

— Что это? сказала она, вы входите безъ доклада?

— Теперь не до шутокъ, отвѣчалъ парикмахеръ угрюмо: знаете ли, что со мною случилось? Не знаю, откуда нмѣ пришла идея принимать домъ мой за гостиницу; теперь графъ Т... остановился у меня.

— Бѣдняжка! вскричала Софія Арну...

— Онъ пріѣхалъ изъ Германіи ниогнито, не имѣя ни копейки денегъ. Если всѣ тѣ, которыхъ я нѣкогда пудрилъ и завивалъ, придутъ просить у меня убѣжища, то мнѣ надобно будетъ нанять полъ-Парижа.

Софія, не возражая ни слова, сошла въ магазинъ парикмахера.

— Ты-ли это? вскричалъ графъ Т... бросаясь къ ней на шею.

— Мнѣ кажется, говорила Софія, что все это сонъ! Изгнаніе должно быть очень-тягостно, коли вы рѣшились возвратиться въ этотъ окровавленный городъ, гдѣ вы не имѣете болѣе друзей, гдѣ на каждомъ шагу вамъ угрожаютъ опасности.

— Все равно! отвѣчалъ графъ... Т...: я встрѣтилъ уже сердце, которое не забыло меня!

Они еще разъ обнялись и поклялись не разлучаться. Парикмахеръ

помѣстилъ новаго жильца своего въ небольшой каморочкѣ, въ плетнѣ этажѣ.

Каждое утро Софія Арну отиравалась къ бѣдному изгнаннику, съ кашкой козе, которую они по-братски дѣлили; послѣ того они разговаривали о прошедшемъ счастіи, чтобы нѣсколько забыть настоящую горе. Когда наступала часъ обѣда, парикмахеръ звалъ ихъ къ себѣ, и они всѣ вмѣстѣ обѣдали.

— У меня только одинъ столъ и одна миска, иначе я не осмѣливался-бы садиться съ вами за одинъ столъ, говаривалъ добрый парикмахеръ : но, прибавлялъ онъ съ лукавой улыбкой : другія времена, иные обычаи!

Можно было-бы написать весьма любопытную статью о томъ, что происходило у парикмахера. Сколько острыхъ, вабавныхъ словъ, сколько глубокихъ, философическихъ идей пропало даромъ! Очень жаль, что Софія Арну, писавшая прелестныя письма, не рассказала въ подробности пребываніе свое у парикмахера.

Не извѣстно, что стало съ графомъ Т...

Софія Арну прежде смерти своей опять познакомилась со счастіемъ Фушѣ любилъ ее; когда онъ сдѣлался министромъ, въ 1798 году, ему однажды доложили, что съ нимъ хочетъ видѣться какая-то женщина, имѣющая сообщить ему весьма-важныя обстоятельства, касательно государственной безопасности. Фушѣ узналъ Софію, съ участіемъ выслушалъ исторію страданій ея, и тутъ-же на мѣстѣ рѣшилъ, что женщина, восхищавшая своимъ голосомъ и глазами всѣ сердца, въ продолженіе двадцати лѣтъ, имѣетъ право на народную признательность; онъ выдалъ ей документы на ежегодную пенсію въ 2,400 ливровъ, и приказалъ ей отвезти квартиру въ Анжевильскомъ дворцѣ.

Тогда къ Софіи Арну, немѣвшей накануне ни одного пріятеля, стеклись со всѣхъ сторонъ знакомые и друзья. Всѣ поэты того времени, бывшіе дурными поэтами, всѣ актеры, всѣ писатели собирались къ ней, какъ въ новый дворецъ Рамбуле. Только вмѣсто утонченностей очищеннаго слога, тамъ играли главную роль веселость и остроумныя шутки.

Можно-бъ, по примѣру біографовъ, привести нѣсколько остроуміи Софіи Арну, но, къ сожалѣнію, остроумія эти не всѣмъ понравятся; остроуміе Софіи можно назвать *эльмьнымъ*. Иные обвиняютъ ее въ томъ, что она пользовалась умомъ Рюльера и Бомаршѣ, бывшими, каждый въ свою очередь, счастливыми поклонниками ея; другіе-же говорятъ, что Рюльеръ и Бомаршѣ верѣдко присвоивали себѣ остроуміе Софіи Арну.

У нея было четыре сына. Графъ де Лорангѣ призналъ двухъ своихъ сыновей, изъ которыхъ старшій оказался достойнымъ имени своего: онъ умеръ кирасирскимъ полковникомъ въ Ваграмскую битву.

Въ 1802 году, почти въ одно время, были схоронены безъ шума, безъ церемоній, какъ самыя простыя смертныя, три женщины, ко-

торыя почти въ продолженіе полу-вѣка занимали всю Францію блестящимъ таланта и красоты — г-жи Клеронъ, Дюмениль и Арну.

На смертномъ одрѣ Софія покаялась въ прегрѣшеніяхъ своихъ. Когда она рассказывала о страшной ревности графа де Лорагè, котораго она прежде и болѣе другихъ любила, то священникъ сказывалъ ей:

— Бѣдная дочь моя, ты много страдала!

— Ахъ! вскричала она со слезами на глазахъ: я была очень-несчастлива! Это было счастливѣйшее время жизни моей!

Эта черта сердца, сохраненная въ стихахъ одного поэта, выше всѣхъ остротъ Софіи Арну.

НЕВИННОСТЬ СКАРАМУША. Нѣкто г. Мюрèрь, президентъ уголовного суда въ Парижѣ, во время консульства, находился однажды въ довольно-большомъ обществѣ, у одного изъ пріятелей своихъ, адвоката Бекè-Бопрè. Разговаривали о томъ, какъ легко судьямъ ошибаться, и какія несчастія подобныя ошибки влекутъ за собою. Въ доказательство того, что судьи часто не могутъ быть обвинены въ этихъ ошибкахъ, г. Мюрèрь рассказалъ слѣдующій анекдотъ:

Находясь въ какомъ-то городкѣ Италіи, Скарамушъ увидѣлъ въ узенькомъ переулкѣ двухъ Турокъ, считавшихъ деньги. Желая завладѣть этими деньгами, но подвергая себя однакожъ отвѣтственности, Скарамушъ отрѣзалъ доскутокъ отъ рубахи своей и ловко положилъ его на мѣсто той тряпки, въ которую деньги были прежде завернуты. Турки спрятали деньги, не замѣтивъ подмѣны. Въ продолженіе цѣлаго дня Скарамушъ не упускалъ ихъ изъ виду. Вечеромъ, замѣтивъ, что они вошли въ гостинницу довольно-бѣдной наружности, онъ послѣдовалъ за ними и легъ спать въ одной съ ними комнатѣ.

Скарамушъ не спалъ. Едва стало разсвѣтать, онъ притворился, будто внезапно проснулся и принялся кричать изо всѣхъ силъ:

— Воры! воры! обокрали!

Привлеченные этимъ крикомъ, явились въ гостинницу сбиры, схватили всѣхъ, ночевавшихъ въ ней и повели ихъ къ судѣ. Тамъ Скарамушъ обвинилъ Турокъ, что они обокрали его; онъ даже означилъ сумму, у него находившуюся.

— Въ доказательство того, что эти деньги точно мои, я вамъ покажу рубаху свою, отъ которой я отрѣзалъ доскутокъ, въ который деньги завернуты. Да! кусокъ отъ собственной рубахи моей! Если онъ не придется, то я позволю повѣсить себя сейчасъ-же!... Отдайте мнѣ деньги мои!

По освидѣтельствованіи оказалось, что Скарамушъ вполнѣ правъ: ему отдали деньги, а Турокъ, обвиненныхъ и уличенныхъ въ кражѣ, посадили въ тюрьму.

ОТЧАЯННЫЙ РОССИНИСТЪ. Вотъ анекдотъ, который можетъ служить какъ pendant къ знаменитой исторіи «Requiem» Моцарта:

Недавно, блѣдный, худощавый, мрачный молодой человекъ явился къ Россини.

— Вы, вѣроятно, не знаете меня, сказалъ онъ композитору Монселю: по въ этомъ и нѣтъ большой нужды. Выслушайте только, зачѣмъ я пришолъ къ вамъ: Господь щедро надѣлилъ васъ сокровищами генія, но вы зарыли талантъ вашъ въ землю!... Если богопротивное бездѣйствіе ваше будетъ еще долго продолжаться, то горе вамъ! Провидѣніе избрало меня орудіемъ справедливой кары своей... Слушайте и не прерывайте меня: съ нѣкотораго времени жизнь мнѣ въ тягость; музыка, единственная страсть моя, религія, жизнь моя. Но и она для меня стала ничѣмъ-инымъ, какъ пустымъ сочетаніемъ звуковъ... Между-тѣмъ одна идея преслѣдуетъ меня: мнѣ кажется, что я былъ бы менѣе несчастливъ, еслибъ могъ услышать какое-нибудь новое произведеніе генія вашего... я умеръ-бы спокойно! Намѣреніе мое твердо, и самоубійство мое могло-бы служить кровавымъ и достопамятнымъ финаломъ къ первому представленію новой оперы вашей. Но я долго и тщетно ждалъ! Долго и тщетно надѣялся! Терпѣніе мое допнуло!...

Слова эти сильно встревожили Россини.

— Не беспокойтеся, продолжалъ молодой человекъ: я отложу намѣреніе свое и представлю вамъ путь къ спасенію!... Даю вамъ годъ времени, на созданіе и постановку на сцену новой партитуры. Забудьте! годъ — не болѣе. Если жъ вы не прервете богопротивнаго вашего молчанія, то — я умру несчастливцемъ, но и вы умрете со мною!... Бѣгите изъ Европы, скройтесь куда угодно... мщеніе мое вездѣ достигнетъ васъ!

И этотъ страшный поклонникъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Говорятъ, что съ этого времени, великій композиторъ сдѣлался задумчивъ и мраченъ.

КТО КОГО УГОСТИЛЪ? Это было педѣли три тому назадъ. День былъ чрезвычайно-жаркій; къ шести часамъ вечера поднялся легкій, освѣжительный вѣтерокъ. Весь Парижъ хотѣлъ воспользоваться прекраснымъ вечеромъ, и вскорѣ все гулябиса покрылась публикой.

Г. Артуръ де..., одинъ изъ знаменитѣйшихъ львовъ, направилъ шаги къ Тюльерійскому-саду. Все пріятель его разѣхались по дачамъ, онъ ужасно скучалъ, а потому вышелъ изъ дому — такъ, безъ намѣренія, безъ цѣли, чтобы убить какъ-нибудь время.

Когда онъ вошелъ въ садъ, было около семи часовъ. Онъ прошолъ нѣсколько разъ по большой аллеѣ, и наконецъ взоръ его остановился на молодой дамѣ, сидѣвшей на скамьѣ. Она была одна; черты и выраженіе лица ея были очаровательны.

Артуръ безъ церемоніи подошелъ къ красавицѣ, сѣлъ возлѣ нея, и сталъ говорить о погодѣ. Собесѣдница его была умна, а потому вскорѣ завязался между ними весьма-живой и интересный разговоръ.

— Боже мой! вскричалъ наконецъ Артуръ: я уже сказалъ вамъ,

сударыня, что ужасно скучалъ: теперь-же мнѣ такъ весело, что ни за-что-бъ не разстался съ вами. Простите-ли вы мнѣ, если я осмѣюсь попросить васъ отобѣдать со мною?

Красавица засмѣялась:

— Умоляю васъ, просилъ Артуръ, ободренный этимъ смѣхомъ.

— Помилуйте, какъ можно...

— Я не остану отъ васъ, пока вы не согласитесь!

— Извольте! Ужъ если вамъ непременно хочется, такъ я согласна! Будемте обѣдать вмѣстѣ.

И Артуръ, восхищенный оборотомъ, который приняло это маленькое приключеніе, предложилъ ей руку свою. Они прошли нѣсколько шаговъ:

— Пойдемте сюда, сказала незнакомка, указавъ въ сторону, противуположную той, къ которой вѣлъ ее лѣвъ.

— Извольте...

Запѣтый ладой своей, Артуръ не обратилъ вниманія на то, что, по выходѣ изъ сада, они сѣли въ подлѣхавшую коляску. Только тогда, когда лошади быстро помчали ихъ, Артуръ замѣтилъ, что коляска была не важная...

— Извините, сударыня, сказалъ онъ: я забылъ сказать кучеру, куда онъ долженъ вести васъ.

— Нѣ зачѣмъ: я сама сказала ему.

— Вы? Но когда-же? Я не слышала...

— Не беспокойтесь; кучеръ очень-хорошо знаетъ дорогу.

Нѣсколько минутъ спустя, коляска остановилась у великолѣпнаго дома. Слуга выскочилъ на крыльцо, отворилъ двери, спустилъ подпужку и высадилъ незнакомку. Вышедъ изъ коляски, Артуръ остановился въ нерѣшимости...

— Чтѣ-же вы? сказала, улыбаясь, незнакомка: неужели вы оставите меня? Эго невозможно невѣжливо...

— О, помилуйте, сударыня...

И скрѣпивъ сердце, Артуръ послѣдовалъ за нею; они прошли двѣ или три великолѣпно-убранныя залы. Наконецъ они вошли въ маленькую гостиную, гдѣ на диванѣ сѣли двое или трое мужчинъ. Одинъ изъ послѣднихъ поспѣшно всталъ и пошелъ на-встрѣчу къ вошедшимъ:

— А, наконецъ!... сказалъ онъ.

— Другаго мой, сказала молодая женщина, представляю тебѣ гостя, котораго никто изъ насъ не ожидалъ: г. Артуръ де..., съ которымъ я случайно встрѣтилась въ Тюльерійскомъ-салѣ, непременно хотѣлъ отобѣдать со мною. г. Артуръ, продолжала она, обратившись къ остоленѣвшему лѣву: рекомендую вамъ мужа моего.

— Очень-радъ, лукаво замѣтилъ мужъ. Эй, Пьеръ, вели подавать обѣдать. Мы всѣ, господа, порядочно проголодались и г. Артуръ де... вѣроятно, не менѣе насъ!...

СЕРАФЕНЪ. Врядъ-ли найдется во всемъ Парижѣ одинъ человекъ, несохранившій самаго пріятнаго воспоминанія о *китайскихъ тѣняхъ*. Основатель ихъ былъ *Серафенъ*, сорокъ-четыре года бывший и директоромъ ихъ.

Доминикъ-Франсоа Серафенъ, постранствовавъ по французскимъ провинціямъ, основалъ наконецъ мѣстопробываніе свое въ Версали; Людовикъ XVI призывалъ его ко двору. Китайскія тѣни до того понравились королю, что онъ далъ Серафену исключительную привилегію на представленіе китайскихъ тѣней, и позволилъ ему назвать театръ свой *Театромъ дѣтей Франціи*. Тогда Серафенъ поселился въ Пале-Рояль, который только еще отстроивался; представленія начались съ 8 сентября 1784 года, и имѣли огромнѣйшій успѣхъ. Они въ то время состояли только изъ китайскихъ тѣней и маленькихъ фейерверковъ изъ разноцвѣтныхъ огней.

Серафенъ самъ принималъ публику, потомъ говорилъ роли дѣйствующихъ лицъ маленькихъ пьесъ своихъ, и наконецъ, во-время антрактовъ, игралъ на скрипкѣ. Онъ замѣнялъ администрацію, труппу актеровъ и оркестръ.

Въ 1788 году онъ призвалъ къ себѣ племянника своего, Іосифа-Франсоа Серафена, родившагося въ Мецѣ, въ 1768 году; этотъ молодой человекъ былъ прекраснымъ помощникомъ дядѣ своему; онъ придумалъ прибавить къ китайскимъ тѣнямъ *маріонетки*.

Доминикъ умеръ въ 1800 году, оставивъ заведеніе свое племяннику, который сдѣлалъ большія улучшенія и завелъ многія, замысловатыя машины въ маленькомъ театрѣ своемъ, въ которомъ самъ исполнялъ главнѣйшія роли.

Два мѣсяца тому назадъ, 16-го іюня вышшняго года, параличъ снесъ Іосифа Серафена въ могилу. Ему было 76 лѣтъ.

Театръ, принявшій названіе учредителя своего (Théâtre-Séraphin) въ-продолженіе 60-ти лѣтъ, пережилъ столько различныхъ событій, и, не-смотря на то, ни разу не пошатнулся въ основаніи своемъ. Онъ забавлялъ три поколѣнія; давалъ представленія предъ всѣми королями французскими, со-временъ Людовика XVI; Наполеонъ призывалъ Серафена въ Фонтенблѣ и самъ тушилъ пламя, захватившее декорацию. Это былъ Гуливеръ, тушившій пожаръ у Лизипутовъ...

Представленія Серафена имѣли всемірный успѣхъ; одна пьеска его, *Сломанный мостъ*, обошла всю Европу. Самыя малыя вещи имѣютъ высокое достоинство, если честность, неутомимый трудъ, доброта и умъ соединятся для исполненія ихъ ..

СЕЛЕНІЕ, КОТОРОМУ НѢТЪ ПОДОВНАГО ВЪ ЦѢЛОМЪ МІРѢ.

Нѣкто, человекъ весьма-богатый, хотя не негоціантъ, весьма-умный, хотя не писатель, и страстный любитель путешествій, разсказывалъ въ одномъ обществѣ слѣдующее:

Послѣ краткаго пребыванія въ Амстердамѣ, я собирався уже въ

дальнѣйшій путь, когда хозяинъ гостинницы, въ которой я остановился, спросилъ меня съ изумленіемъ:

— Какъ! вы ѣдете, не выдавши Броэка?

— Чтò? спросилъ я.

— Я говорю, что вы не видали Броэка, отвѣчалъ хозяинъ и прехладнокровно принялся за трубку свою.

— Чтò это за Броэкъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Какая мнѣ надобность до Броэка!

Не было отвѣта; только сѣрый лымокъ....

— Чтò-же это такое, Броэкъ? Человѣкъ, рыба, памятникъ?

— Селеніе.

— Насилу добился словечка. Какъ! вы хотите, чтобы послѣ Роттердама, Амстердама и Гаги, я пошолъ смотрѣть селеніе?

— Броэкъ! Броэкъ! повторялъ флегматическій хозяинъ, не выпускающая изо-рта трубки.

— Да чтò-же я увижу въ Броэкѣ?

— Броэкъ.

— А еще чтò?

— Броэкъ.

— Но...

Хозяинъ мой спалъ.

Чтò дѣлать? Уѣхать, не выдавши Броэка, значитъ, можетъ-быть, потерять случай видѣть рѣдкую вещь, которой я нигдѣ, даже въ Англіи, не найду подобной. Поѣду въ Броэкъ.

Я позвалъ Безьера, слугу моего, который въ-продолженіе десяти лѣтъ всюду слѣдовалъ за мною, отъ пропастей Богемскихъ рудокоповъ до верхушки Пика-де-Тенерифа, и который изъ всѣхъ этихъ странствій извлекъ одно только замѣчаніе, а именно то, что нигдѣ нельзя такъ дешево и хорошо пообѣдать, какъ въ Парижѣ, въ Пале-Ройялѣ.

— Чтò прикажете? спросилъ Безьеръ.

— Мы ѣдемъ въ Броэкъ.

— Ёдемъ. А гдѣ эта страна?

— Самъ не знаю.

— Не бѣда! Спросимъ.

Вышелъ на одну изъ главныхъ площадей амстердамскихъ, а освѣдомился у пивовара, въ которой сторонѣ находится Броэкъ.

Онъ сдѣлалъ два жеста; одинъ означалъ: ступайте направо; другой: поверните на-лѣво. Потомъ онъ прибавилъ:

— Наймите лодку, и васъ повезутъ въ Беуксло.

— Ужъ не морское-ли путешествіе хотите вы предпринять? спросилъ меня Безьеръ.

Я хотѣлъ отвѣчать, когда пивоваръ, обратившись опять ко мнѣ, спросилъ:

— Не хотите-ли взять съ собой вашего слугу въ Броэкъ?

— Конечно. А что?

— Такъ.

— Да развѣ нельзя?

Пивоваръ ничего не отвѣчалъ, но только посмотрѣлъ на насъ съ насмѣшливой улыбкой, рѣдко появляющейся на лицѣ Голландца, и медленно удалился.

— Эй, вы, почтениѣйшій... закричалъ ему въ слѣдъ Безьеръ сердито.

— Оставь его, Безьеръ. Мы, вѣроятно, скоро узнаемъ смыслъ вопроса его.

— Дай-то Богъ! проворчалъ Безьеръ.

— Пойдемъ къ пристани, сказала я : и найдемъ лодку въ Беуксло, о которомъ я также мало слышала, какъ и о Броэкъ.

— Сударь, сказалъ мнѣ слуга дорогою, я видѣлъ Гренландцевъ, Патагонцевъ, Татаръ, Китайцевъ, Индѣйцевъ, но такихъ оригиналовъ, каковы Голландцы, мнѣ еще не случалось встрѣчать. Они думаютъ только въ половину, а говорятъ въ четверть.

Подошедъ къ пристани, мы сѣли въ лодку.

— Въ Беуксло! сказалъ я, и лодочникъ, не говоря ни слова, отчалилъ.

— Слава Богу, подумалъ я, Беуксло есть на свѣтѣ. Можетъ-быть есть и Броэкъ.

Двадцать минутъ спустя, мы пристали къ берегу. Заплативъ лодочнику, я спросилъ его, гдѣ находится Броэкъ.

— Ступайте по направленію этого канала, соединяющаго Тексель съ Зюйдерзеемъ и полчаса спустя вы будете въ Броэкъ.

— Спасибо, любезный.

— А! вы идете въ Броэкъ: прибавилъ онъ весьма-почтительно.

— Мы идемъ въ Броэкъ.

— Вы не хотите-ли поселиться тамъ?

— Да, отвѣчалъ я на-удачу.

— Да! вскричалъ лодочникъ, выскочивъ на берегъ; да!... и принялся отвѣшивать намъ поклоны. Еслибъ я зналъ, ваше превосходительство.., ваше сіятельство!... еслибъ я зналъ..,

— Что-же такое?

— Не всякій можетъ жить въ Броэкъ, ваша свѣтлость...

— Отчего?

— Это вашему высочеству хорошо извѣстно.

— Конечно, отвѣчалъ я : любопытство мое было возбуждено въ высочайшей степени, и чтобы открыть тайну, я продолжалъ, улыбаясь: Я пошутилъ; я иду только осмотрѣть Броэкъ, а не жить въ немъ. Къ вечеру я думаю воротиться въ Амстердамъ.

— Не жить! Осмотрѣть! сказалъ презрительно лодочникъ, выпрямившись : счастливый путь! — и какъ-бы досадуя, что онъ даромъ гнулъ спину, онъ оттолкнулъ лодку отъ берега и, отъѣхавъ шаговъ на

десять, закричалъ: Не думаете-ли вы взять съ собою лакея въ Броекъ?

— Конечно.

— Ну, ладно, ладно, идите только возлѣ канала; Брокъ не далекъ.

И не говоря ни слова, онъ поплылъ обратно къ пристани.

— Что-же это значитъ? спросилъ Безьеръ въ недоумѣніи.

— Вздоръ! отвѣчалъ я.

— Какой вздоръ? Вѣдь они-жъ не сговорились спрашивать васъ, берете-ли вы меня съ собой?

— Кажется, они хотятъ посягнуть на жизнь твою, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Смѣйтесь, сударь; но клянусь вамъ, что меня ужасно мучить любопытство!... Что-бы это значило?

— Безьеръ, не говорилъ-ли ты дурно о реформатахъ?

— Что мнѣ за дѣло до нихъ!

— Не говорилъ-ли ты о политикѣ въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ?

— Развѣ можно говорить о чомъ-нибудь съ Голландцами?...

— Неговор... Я—замолчалъ, потому-что при поворотѣ канала взоры наши были поражены страннѣмъ, чуднѣмъ зрѣлищемъ. Даже Безьеръ замолчалъ, любуясь новой картиной.

И точно, казалось, что мы были не въ Голландіи, не въ Европѣ, а въ Нанкинѣ или Пекинѣ, передъ самымъ китайскимъ изъ всѣхъ китайскихъ городовъ. Каналъ, на берегу котораго мы шли, изливался въ круглый бассейнъ, надъ гладкою, изумрудною поверхностью котораго возвышались фантастическія, бѣлыя, розовыя, золотистыя, голубыя, малиновыя, сѣроватенькія строенія, расположенныя на зеленыхъ поляхъ, гладкихъ и какъ-бы тщательно вычесанныхъ. Крыши домовъ оканчивались остріемъ, углы были загнуты, совершенно какъ крыши пагодъ. Стѣны были покрыты бѣлымъ, какъ снѣгъ, желтоватымъ или голубоватымъ фарфоромъ; другія были изъ мелкаго, гладкаго, блестящаго кирпича, третьи обложены чистѣйшимъ мраморомъ или золоченымъ, дорогимъ деревомъ; вездѣ серебряныя и золотыя колокольчики, вездѣ драгоценныя каменья!... Вокругъ группъ этихъ воздушныхъ, волшебныхъ дворцовъ, которые мнѣ до-тѣхъ-поръ случалось только видѣть на японскомъ фарфорѣ или на дорогихъ чайныхъ ящикахъ, вокругъ нихъ, рисовались деревья, какихъ видѣть нѣтъ; созданія мечты полупьянаго Гофманна!... Деревья были слабы, слабы, но чрезвычайно-густы на округленной верхушкѣ; они были разноцвѣтны или усѣяны мириадами пятнышекъ, какъ бабочками. На нѣкоторыхъ деревьяхъ не было ни одного листика, все одна цвѣты. Далѣе были массы розановъ, настоящія розовыя горы, вышиною футовъ въ шестьдесятъ; за горами высились плющъ и хмѣль.

Благоуханія этого рая достигали до насъ и какъ ароматное облако обхватывали насъ, пораженныхъ изумленіемъ. Изрѣдка, между этими сокровищами великолѣпія, сверкали золотыя полосы и искры, по-

добно солнечныя лучамъ или звѣздамъ. Прибавьте къ этой картинѣ, которую ни одинъ живописецъ еще не постарался передать, отраженіе ея въ водѣ. Очаровательно-оригинальное зрѣлище!

— Теперь я понимаю, заговорилъ Безьеръ послѣ продолжительнаго молчанія: теперь понимаю, отчего они уливлялись, когда вы имъ говорили, что береге меня съ собою; мы попали въ рай Голландцевъ, а такъ-какъ у меня на лицѣ написано, что я католикъ...

— Молчи, дуракъ.

— Ну, ужъ воля ваша, а это долженъ быть рай Голландцевъ. Посмотрите, тутъ нѣтъ ни одной живой души.

— Какъ ты глупъ. Еслибъ это былъ рай, то, вѣрно, мы увидѣли-бъ тутъ кого-нибудь...

— Вы думаете?

— Пойдемъ и узнаемъ, обитаемо-ли это волшебное мѣсто.

Мы стали приближаться къ китайскому городку, слѣдуя по берегу бассейна. Послѣ десяти минутъ ходьбы по дорогѣ, уравненной, какъ паркетъ, мы остановились у желѣзной, позолоченной рѣшотки, удивительной отдѣлки; она окружала все чудесное селеніе. Я мысленно сравнилъ эту рѣшотку съ китайской стѣною.

Съ мѣста, у котораго мы находились, мы открыли новыя красоты, новыя чудеса, которыхъ издала нельзя было разсмотрѣть. Посреди селенія проходила длинная аллея, обсаженная акаціями и тюльпанами; на одномъ концѣ аллеи возвышалась красивая готическая церковь. Противу правилъ оптики, придающей болѣе прелести предметамъ, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, мы изъ-дали имѣли слабое понятіе о чудесахъ, открывшихся взорамъ нашимъ по мѣрѣ приближенія къ нимъ. Существенность въ этомъ случаѣ была выше мечты. Мы могли различить мосты изъ черепаховой кости, съ перилами изъ янтара; фонтаны, ниспадавшіе въ порфиrowыя чаши, лабиринты миртовъ, увивавшихся около сквозной башенки, въ которой порхали рѣдкія птички, съ золотистыми перьями...

Всякій пойметъ, какъ мнѣ хотѣлось пробраться въ эти Елисейскія поля, мирныя, какъ Эдемъ, и забавныя, какъ парадоксъ. Но какъ попасть туда? Нигдѣ ни малѣйшаго отвертія; вездѣ рѣшотка, какъ непреодолимое препятствіе. Въ надеждѣ добраться до какой-нибудь калитки, мы пошли вондъ рѣшотки, удаляясь отъ береговъ бассейна. Надежды мои исполнились. Мы наконецъ подошли къ воротамъ, хотя запертымъ, но съ бархатной тесьмой, проведенной къ колокольчику. Я позвонилъ; явился какой-то человекъ.

— Наконецъ живое существо! вскричалъ Безьеръ.

Этотъ привратникъ, сторожъ или какъ его назвать, медленно приближался къ намъ, вышедъ изъ своего павильона, сплетеннаго изъ лакированнаго бамбука. Онъ былъ одѣтъ въ богатый бархатный костюмъ, гранатаго цвѣта. Башмаки его были также изъ бархата, но цвѣтомъ по-темнѣе; перчатки были свѣтло-фіолетоваго цвѣта. Жилетъ, въ верхней части, оставлялъ незакрытою рубашку, изъ тон-

чайшаго голландскаго полотна. Весь костюмъ его былъ поразительно-чистъ, какъ будто только-что съ иглочки—ни одного пятнышка, ни одной складки.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Мы желаемъ осмотрѣть Броэкъ, отвѣчалъ я.

— А кто вы?

— Я баронъ де-Виль, а это слуга мой.

— Слугъ мы не выпускаемъ.

— Какъ! а если я хочу провести здѣсь нѣсколько дней?

— Нѣсколько дней нельзя провести въ Броэкъ.

— Отчего?

— Оттого, что здѣсь нѣтъ гостинницъ, а къ себѣ васъ никто не приметъ.

— Бѣдный Безьеръ, сказалъ я: тебѣ надобно будетъ положить у дверей рая.

— Да; теперь я понимаю смыслъ вопросовъ пивовара и лодочника. Посмотрите, какъ этотъ дворникъ рая смотритъ на васъ!

— Ваше платье ..

— Это черный фракъ, какъ вы видите, сказалъ я привратнику, стараясь усмирить Безьера, который не скрывалъ досады своей на медлительность привратника.

— Галстухъ?

— Бѣлый.

— Почти бѣлый, хладнокровно замѣтилъ привратникъ. А жалеть?

— Шолковый, зеленого цвѣта.

— Немножко поношенъ, истерть...

— Что это значить, почтеннѣйшій?...

— Сапоги ваши?

— Лакированные, чортъ возьми! лакированные, а другихъ я не ношу!

— Смахните съ нихъ пыль платкомъ вашимъ.

— Что-же это, шутка что-ли?

— Смахните пыль, говорю я вамъ, или вы не войдете въ Броэкъ!

— Не войду?

— Нѣтъ, не войдете, если сапоги ваши запылены.

— Кто-жъ мнѣ запретить?

— Вы будете не первый, которому былъ воспрещенъ входъ въ Броэкъ, по причинѣ какой-нибудь неаккуратности въ одеждѣ. По этой самой причинѣ мы нѣкогда не впустили Герцога Голштинскаго, Наслѣдственнаго Принца Шведскаго, Герцога Тосканскаго и самого Наполеона, великаго Императора; по убѣдительнымъ просьбамъ послѣдняго, мы впустили его, и то только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ сверхъ сапоговъ своихъ надѣлъ туфли!

Я замолчалъ. Коли Наполеонъ согласился надѣть туфли, чтобы вступать за рѣшотку, за которой рисовалось селеніе Броэкъ, мнѣ грѣ-

шно было-бъ не смахнуть пыли съ лакированныхъ сапоговъ моихъ. Я повиновался.

— Коли вы согласны, то не марайте своего платка, а вотъ вамъ батистовый платочекъ, сказалъ прихватникъ, предлагая мнѣ кусокъ тончайшаго полотна.

— У дворника батистовый платокъ!.. Да еще для того, чтобы смахивать пыль съ сапоговъ!.. съ негодованіемъ ворчалъ Безьеръ.

— Безьеръ, жди меня, сказалъ я. Господинъ прихватникъ, я готовъ.

— Сударь, шепнуть мнѣ Безьеръ: послѣдуйте совѣту моему — не ходите! Попадете еще въ какую-нибудь западню. Съ вами случится несчастье; мы съ вами больше не увидимся. Тутъ, кажись, живутъ одни колдуны; воротитесь въ Амстердамъ.

Ни боязнь, ни просьбы добраго Безьера не остановили меня. Я далъ ему пару отличныхъ сигаръ и послѣдовалъ за жогагымъ своимъ.

Нѣсколько минутъ спустя я былъ на дорогѣ къ домамъ. Дорога эта ничто-иное, какъ шоссе изъ гладкихъ, полированныхъ, блестящихъ, разноцвѣтныхъ кирпичиковъ. Говорятъ, что никогда лошадь не ступала на эту великолѣпную мостовую, тщательно сберегаемую. Если на нее упадетъ случайно пушокъ, листокъ или увядшій цвѣтокъ, блюстители обратности немедленно уносятъ его.

— Кто-же живетъ въ Броэкѣ? спросилъ я жогагата своего. Я по виду еще ни одного человѣческаго лица. Ангелы или демоны обитаютъ здѣсь?

— Милліонеры.

— Какъ?

— Милліонеры.

— Милліонеры?

— Да; чтобы имѣть право поселиться въ Броэкѣ, надо обладать милліонами. Бѣднѣйшій изъ здѣшнихъ жителей имѣетъ только два милліона годоваго дохода.. но развѣ вы никогда еще не были въ Броэкѣ?

— Никогда.

— Слѣдовательно, вы здѣсь никого не знаете?

— Никого.

— Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ не идти далѣе, потому что васъ нигдѣ не примутъ и вамъ не удастся видѣть внутренность Броэскихъ домовъ.

— Жаль, что я не запасся рекомендательными письмами.

— О! здѣсь рекомендательныя письма ничего не значатъ. Хотя-бы вы пришли съ письмами отъ самаго Магомета или Далай-Ламы, ни одна дверь не отворилась-бы предъ вами. Вы развѣ не знаете, что императоръ Іосифъ II уѣхалъ изъ Броэка, не вошедъ ни въ одинъ домъ.

Измѣненіе мое возрастало ежеминутно.

— Что-же надобно имѣть, спросилъ я, чтобы войти въ эти неприступныя, грозныя жилища?

— Они нисколько не грозны; напротивъ, они мирны, покойны; хозяева ихъ нажились торговлей и ничего не знаютъ кромѣ денегъ; заговорите имъ о долларахъ, Флоринахъ, рубляхъ, гульденахъ, гинеяхъ, франкахъ, и они поймутъ васъ; они ведутъ знакомство только съ равными себѣ банкирами, и то только такими, которые обладаютъ несмѣтными богатствами.

— О! это меня крайне радуеть!

— Что такъ?

— Я тоже очень богатъ, у меня три милліона годоваго дохода.

— Ну, это не дурно! что-жъ вы прежде не говорили? Но... банкиръ-ли вы?

— Сынъ, внукъ и племянникъ банкировъ.

Вожатый мой пришолъ въ восторгъ. Въ глазахъ его я уже не былъ чуждымъ въ селеніи, я не былъ парія въ этой Азіи.

— Я племянникъ знаменитаго банкира Кутта, тестя Сэра Франсиса Бурдетта, прибавилъ я, чтобы придать болѣе правдоподобія словамъ своимъ.

— Вы!..

— Я племянникъ его.

— Какое счастье! Такъ-стало-быть вы *нашъ*? Я говорю *нашъ*, потому-что я самъ банкиръ.

Я думалъ сначала, что онъ скажетъ, что онъ тоже племянникъ Кутта и порядочно струсилъ. Но успокоившись, я отвѣчалъ:

— А! вы тоже банкиръ? Очень-радъ...

— Да, я банкиръ, но раззорившійся; изъ уваженія къ заслугамъ и сожалѣнія къ несчастіямъ моимъ, собратія мои приняли меня сюда... у меня только 800 т. годоваго дохода — они сжалились надъ бѣдностью моею...

— Это очень-похвально со стороны ихъ.

— Я взялъ на себя должность привратника. А вотъ, посмотрите, въ этомъ домѣ, — мы были въ главной улицѣ Броэка, — тутъ живетъ челоуѣкъ, у котораго 80 милліоновъ, которые онъ нажилъ, торгуя перцомъ и черепаховой костью. Пять лѣтъ тому назадъ онъ оставилъ Яву, по причинѣ болѣзни въ печени, которая, вѣроятно, и сведетъ его въ могилу. Впрочемъ, не-смотря на то, что воздухъ здѣсь очень-чистъ, жители Броэкскіе не долго живутъ. Тутъ не довольно развлеченія, удовольствій...

— Кажется, отвѣчалъ я, бросивъ взглядъ на окружавшее меня. Все было мертво.

— Такъ-какъ вы имѣете средство войти къ которому-нибудь изъ собратій нашихъ, то мы будемъ продолжать путь нашъ до-тѣхъ-поръ, пока вамъ вздумается куда-нибудь зайти.

— Введите меня въ тотъ домъ, гдѣ, по мнѣнію вашему, меня лу-

чше примуть и гдѣ я-бы могъ видѣть самыя рѣдкіе и любопытныя обычаи и мебель.

— Обычаи почти вездѣ одни и тѣ-же. Спокойствіе, тишина, молчаніе, утроемъ молитва, вечеромъ счоты...

— Какъ счоты?

— Всѣ считаютъ въ Броэкъ; хозяева, слуги, дѣти. Всѣ спокойно разбираютъ, какъ кто нажился, и какимъ образомъ легче нажиться.

— А музыка?

— Нѣтъ музыки въ Броэкъ.

— А танцы?

— Здѣсь не танцуютъ.

— А общества?

— Жители не ходятъ другъ-къ-другу. Я даже могу сказать что они не любятъ другъ-друга.

— Чтѣ-же они любятъ?

— Чтѣ должно любить: девыги, растенія, ангорскихъ кошекъ и птицъ.

И точно, за каждымъ окномъ, съ золоченой рѣшоткой, я замѣчалъ бѣлую, сѣрую или черную ангорскую кошку, которая, казалось, столько-же скучала, какъ и хозяинъ ея. По величинѣ и породности, кошки эти были съ добрую овцу. Это были кошки — миллионеры, съ болѣзнію въ печени. Они были чрезвычайно-серьезны; они, по-видимому, разсчитывали сколько можно достать процентовъ на процентъ отъ процентовъ.

Послѣ получаса ходьбы, я наконецъ могъ составить себѣ нѣкоторую идею объ архитектурномъ устройствѣ Броэка. Передъ каждымъ домомъ есть желѣзная, позолоченная рѣшотка, параллельная улицѣ. Проходъ между рѣшотками къ домамъ есть тончайшій мозаическій тротуаръ. Лава, зеленый базальтъ, розовый гранитъ, мраморъ зо, образуютъ, въ замысловатомъ соединеніи своемъ, солнца, звѣзды, цвѣты и безконечныя арабески. Горе тому, кому-бы вздумалось плюнуть на эту драгоценную мозаику! Впрочемъ, подобному святотатству не было еще примѣра. По сторонамъ улицы находятся скамьи изъ пальмоваго дерева, удивительной рѣзной работы.

— Выходятъ-ли когда-нибудь здѣшніе жители подышать свѣжимъ воздухомъ?

— Рѣдко. Утромъ только нѣкоторые выходятъ курить табуку и пить чай.

— Неужели-жъ они не плюютъ, когда курятъ?

— У нихъ есть плевалницы изъ плетенаго серебра, наполненныя тонкимъ розовымъ пескомъ. Замѣьте еще, что нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей перенесли сюда обычаи голландскихъ колоній въ Индіи. Броэкъ можно назвать кварталомъ Явы.

— Только невольниковъ недостаетъ.

— Есть и невольники, которые послѣдовали за господами своими, чтобы готовить имъ чай и варить рисъ съ приностями. Они креще-

ны... Но я думаю, вамъ пора зайти куда-нибудь. Пойдите, я доложу объ васъ, какъ о племянникѣ г. Кутта.

— Извольте.

Между-тѣмъ, какъ вожатый мой вошелъ въ домъ, я задумался, разсматривая оригинальные предметы, меня окружавшіе. Очень-понятно, что люди, живущіе въ такихъ драгоценныхъ игрушкахъ, не терпятъ жильцовъ — а потому, въ каждомъ домѣ живетъ только хозяинъ. Каждый домъ имѣетъ двѣ двери, одну маленькую и одну большую. Маленькая служитъ выходомъ; большая-же отпирается только по тремъ торжественнымъ случаямъ: для крестинъ, свадьбы и похоронъ. Эти двѣ символическія двери существуютъ, впрочемъ, во всей Голландіи.

Вѣроятно, къ представленію моему были затрудненія, потому-что вожатый долго не возвращался. Впрочемъ, я былъ очень-радъ тому. Каждую минуту я открывалъ что-нибудь новое. Но вотъ самая оригинальная и прелестная вещь, которую я замѣтилъ въ это время: въ одно мгновеніе, какъ-бы по волшебству, всѣ окна въ нижнихъ этажахъ отворились, и я могъ увидѣть, за голубыми кисейными занавѣсками, молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, розовенькій, бѣленькій, покойный типъ лица которыхъ обезсмертила кисть Рубенса. Однѣ вышивали, другія рисовали. Рѣдкія птички порхали надъ головками ихъ, и возлѣ ихъ райскія птички и попугаи съ ярко-блестящими, золотистыми перьями, изрѣдка прерывали тишину рѣзкими и дикими криками. Принцъ могъ бы избрать себѣ жену, поэтъ музу, живописецъ оригиналъ, между-этими дѣвушками, царями по красотѣ и въ особенности по богатству. Тамъ именно скрываются тѣ неизвѣрно-богатыя наслѣдницы, о которыхъ такъ часто упоминается въ романахъ и на сценѣ. Но, какъ дочери, внучки, правнучки банкировъ, онѣ выйдутъ только за банкировъ. Это умноженіе совокупляющееся со сложениемъ.

Наконецъ проводникъ мой пришелъ сказать, что племянникъ г. Кутта удостоится приѣма.

Я былъ введенъ въ домъ.

Но прежде, чѣмъ меня представили, я долженъ былъ надѣть бѣлыя, кашемировыя туфли. Я это исполнилъ и меня ввели въ залу, гдѣ меня ждалъ хозяинъ. Мнѣ показалось, что я стою передъ великимъ ханомъ татарскимъ. Сѣрый шолковый плафрокъ, весь вышитый золотыми драконами и чудовищами, изъ ноздрей которыхъ выходило пламя, окутывалъ дородную фигуру хозяина. Сѣдые волосы его были покрыты четырехугольной шапкой, самой странной формы. Я могъ-бы разсмотрѣть его подробнѣе, еслибъ вниманіе мое не было раздроблено на мебелировку и украшенія залы, въ которой мы находились. Тамъ, роскошь, великолѣпіе, чистота превосходили все, что воображеніе, при сильнѣйшихъ усиліяхъ, можетъ создать. Преувеличеніе роскоши, какъ преувеличеніе всего въ мірѣ, становится утомительнымъ и даже смѣшнымъ. Не смѣшно ли, въ-самомъ-

дѣлѣ, надѣвать на лапы кошекъ и собакъ нѣчто въ родѣ вязанныхъ башмаковъ, чтобы онѣ не замарази пуха ковровъ или лоска мебели?..

А картины? А пейзажи? Теньеръ, Вуверманъ, Міарисъ, Бергемъ! Съ того дня, какъ эти мастерскія произведенія впервые появились въ этихъ комнатахъ, ихъ никто не трогалъ, они не мѣняли мѣста! Эта вѣковая неподвижность почти увеличиваетъ цѣнность ихъ.

— Не угодно-ли вамъ посмотрѣть цвѣты мои? спросилъ меня хозяинъ.

— Я только-что хотѣлъ просигъ васъ о томъ.

— Пойдемте въ садъ.

Едва я вступилъ въ садъ, какъ изумленіе мое еще болѣе увеличилось.

Всѣ деревья были вызолочены, отъ корня до верхушки; эффектъ зеленыхъ листьевъ, отдѣлявшихся отъ золота, былъ невыразимъ! Миѣ очень не понравился этотъ обычай, наряжать деревья въ каммергеровъ, но я былъ тамъ не для составленія теоріи вкуса: размышленіе пришло позже, тутъ мной владѣло одно изумленіе въ высшей степени. По-счастію, цвѣты не были вызолочены и оттого они казались еще прекраснѣйшими, хотя названія ихъ были миѣ совершенно-незнакомы. Скажу только, что нѣкоторые стоили до десяти тысячъ франковъ. Еще долженъ я упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое поразило меня, когда я вступилъ въ этотъ садъ, въ сравненіи съ которымъ сады Тасса нечто иное, какъ огороды: миѣ показалось нивнату, что онъ страннымъ образомъ населенъ—и я почти не ошибся. Садъ былъ наполненъ львами, тиграми, барсами, посорогами, сдѣланвыми изъ дерева или глины, по выращеннымъ самыми странно-смѣшными красками. Барсъ былъ розоваго цвѣта, тигръ голубой со звѣздочками на спинѣ, левъ свѣтло-зеленый. Я видѣлъ лисицу изъ коралловыхъ вѣтвей, и мельницу, верхушку которой составляла огромная губка. Не съ-ума-ли сходятъ эти люди? Нѣтъ, они слишкомъ богаты.

Излишне было-бъ говорить, что хозяинъ, по-видимому, очень-скупчалъ посреди этихъ разорительныхъ прихотей. Скука прилипчива и мной овладѣло какое-то необъяснимое чувство; миѣ-бы хотѣлось видѣть жизнь, движеніе, слышать шумъ, голоса человѣческіе, по ничего!.. Внутри и внѣ дома одна мертвая тишина.

Мы пошли къ небольшой фермѣ, гдѣ я увидѣлъ коровъ и быковъ съ вызолоченными рогами и съ хвостами, розовыми ленточками, привязанными къ потолку. Вѣдныя животныя!

Если я не передаю вамъ въ подробности разговора нашего, такъ это потому, что имѣю на то весьма-уважительныя причины. Хозяинъ мой былъ черезъ-чуръ не разговорчивъ. Онъ зналъ, что я былъ богатъ и этого, по-видимому, ему было достаточно.

— Сколько жителей въ Брозкѣ? спросилъ я.

— Пятьсотъ.

— Около ста семействъ?

— Да; и мы всё вмѣстѣ богаче всѣхъ государей земнаго шара.

— Счастливы-ли вы?

— Гмъ! гмъ!

— Понимаю, и у васъ есть свои горести.

— Правда, правда, отвѣчалъ хозяинъ съ полувздохомъ: но я былъ-бы вполне счастливъ, еслибъ могъ получить изъ Суматры цвѣтокъ, о которомъ я вздыхаю уже четырнадцать лѣтъ.

— Какой же это цвѣтокъ?

— Крубулъ.

— Извините... что это за крубулъ?

— Это розанъ, имѣющій девять футовъ въ окружности. Чашечка этого гигантскаго цвѣтка можетъ вмѣстить двѣнадцать пинтъ пива, а вѣсомъ она около пятнадцати фунтовъ.

— Розанъ въ пятнадцать фунтовъ вѣсу! Вѣроятно, сила запаха его равняется величинѣ?

— Листья его имѣютъ вкусъ сыраго мяса и онъ распространяетъ въ воздухъ такой сильный запахъ мертвечины, что на него налетаютъ вороны и разнаго рода насѣкомыя. Онъ привлекаетъ даже хищныхъ звѣрей...

— Какъ!... вскричалъ я, но изъ уваженія къ хозяину замолчалъ. Проходите, сказалъ я ему: благодарю васъ за милое гостепрѣимство.

Хозяинъ не отвѣчалъ ни слова: онъ мечталъ о своемъ крубулѣ...

— Такъ вотъ счастье этого милліонера: надежда достать наконецъ послѣ четырнадцати-лѣтняго ожиданія, розу въ пятнадцать фунтовъ вѣсу, отъ которой воняетъ мертвечиной!

Я бѣгомъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Безьера. Онъ обрадовался мнѣ.

— Ну, что сударь?

— Безьеръ, сегодня ты приготовишь мнѣ къ ужину жареную печенку, хорошаго сыру и вина; слышишь?

— Но сударь...,

— Безъ отговорокъ; я хочу радоваться и веселиться, потому что Господь не далъ мнѣ милліоновъ....

ТЕАТРЫ И МУЗЫКА ВЪ ВѢНѢ. (Статья франкфуртскаго капельмейстера Гура). Въ такой столицѣ, какъ Вѣна, разумѣется, всегда должно находится большое число артистовъ во всѣхъ родахъ; и дѣйствительно, тамъ есть и хорошіе композиторы, и дѣльные критики-зватоки, словомъ, есть все нужное и способное для возведенія музыкальнаго искусства на высшую степень совершенства. Но не смотря на все это, музыка тамъ въ упадкѣ.

Жалко видѣть, какъ этотъ городъ терпитъ подобный порядокъ вещей и предается подшучивающему надъ нею шарлатанизму. Нѣтъ ничего тяжелѣе для артиста добросовѣстнаго, какъ видѣть подобное, такъ-сказать, постыдное расточеніе таланта: нигдѣ не за-

мѣтно сколько нибудь благороднаго направленія, сколько-нибудь стремленія къ цѣли возвышенной; все стремится только ласкать чувства, щекотать слухъ, да и того не всегда достигаютъ съ талантами очень-обыкновенными, которымъ Вѣна платитъ по десяти да по пятнадцати тысячъ флориновъ, зато, что они, въ-продолженіе трехъмѣсяцевъ, попокутъ въ пяти или шести плохихъ операхъ.

Театръ Каринтійскихъ-Воротъ управляется Итальянцемъ, которому дается ежегодное вспомошествованіе въ 72 000 флор., не считая еще 10 000 флор. за абонементъ ложи съ 1-го апрѣля до 1-го іюля. Пля этого директора Балочино (Balochino); сначала театральнѣйшій костюмеръ, онъ былъ вѣскольکو времени импресариомъ въ Италиі; онъ не знаетъ ни слова по-нѣмецки, и въ большой части сдѣлокъ долженъ прибѣгать къ помощи переводчика. Говорятъ, что Балочино скоро намѣренъ отказаться отъ директорства.

Ему довѣрено благосостояніе такого важнаго театра, въ которомъ есть превосходный оркестръ, превосходные хоры и превосходные капельмейстеры, въ числѣ которыхъ назывемъ Пиколани. Артисты, составляющіе оркестръ, получаютъ плохое жалованье и завалены работою. Все-бы еще ничего, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ: все-бы мы еще охотно исполняли свою барщину, еслибы насъ во весь цѣлый годъ не мучили этимъ пустозвонствомъ, насылаемымъ на насъ изъ Италиі. Едва-ли разъ или два въ годъ придется намъ оживить акордами нашихъ инструментовъ какое-либо изъ произведеній великаго Моцарта или другаго нѣмецкаго композитора. Кончился сезонъ итальянскій, начинается нѣмецкій, и чѣмъ-же? — «Нормою» и т. д. и мы заключаемъ театральнѣйшій годъ «Шуританами», «Монтеки» и т. д. Лучшіе вѣнскіе композиторы просили меня исполнить ихъ симфоніи во Франкфуртѣ: въ Вѣнѣ этого рода музыки не исполняютъ!

25-го мая я былъ въ театрѣ Каринтійскихъ-Воротъ; я заплатилъ за билетъ 6 фраковъ; это мѣсто въ партерѣ; годовой абонементъ ложи стобитъ 1,120 флориновъ. Я слушалъ такъ-называемую большую оперу, *Magia di Rohan*, и едва вѣрилъ ушамъ своимъ; не знаю надобно-ли удивляться добродушію и терпѣнію вѣнскихъ дилетантовъ или бѣситься на ихъ слабость. Не думайте, что я преувеличиваю: все, что я говорю, сущая истина. Для потѣхи, опишу вамъ этотъ вечеръ съ нѣкоторыми подробностями; по-крайней-мѣрѣ, вы будете имѣть понятія, что такое большая итальянская опера въ театрѣ у Каринтійскихъ-Воротъ.

При входѣ въ залу я получилъ на ключѣхъ бумажки просительное воззваніе въ пользу м-те Тадолини: синьора нездорова, но она сдѣлаетъ все возможное; просятъ публику оказать свое снисхожденіе. Начало спектакля назначено въ семь часовъ: вотъ бьетъ четверть восьмага, вотъ полчаса, вотъ и восемь часовъ—занавѣсъ и не колыхнется. Наконецъ — увертюра. Увертюра Донизетти вообще вещь мало-замышленная, а когда она еще такъ безмѣрно длинна, какъ увертю-

ра «Маріи ди Роганъ» то это, просто, несносная вещь. Представьте себѣ, каковѣ должно быть мученіе нѣмецкаго капельмейстера, пригвожденнаго къ своему мѣсту и обязаннаго выслушивать подобную штуку. Ивановъ первый вышелъ на сцену: это хорошій теноръ; онъ прекрасно спѣлъ свою каватину. Такое начало показалось мнѣ добрымъ предвѣстникомъ: я ожидалъ цѣлаго ряда наслажденій, и вы увидите, какъ я жестоко обманулся.

Является синьора Тадолини: оглушительныя рукоплесканія прерываютъ піесу. Синьора благодаритъ наклоненіемъ головы, рукоплесканія еще сильнѣе; она благодаритъ склоненіемъ верхней части корпуса — неистовые крики; она кланяется всѣмъ корпусомъ — ревъ и рыканія!

Однако буря утихаетъ, волнующіяся массы улегаются, только кой-гдѣ еще слышится шумъ прибоя ихъ о берега галереи: потомъ водворяется мертвое молчаніе: хотять видѣть, какъ дышетъ la diva, видѣть, какъ поднимается ея грудь. «Посмотрите, сказала сосѣдъ: посмотрите на это божественное открытіе рта, на эти бѣлыя, какъ жемчугъ, зубы!» Я весь превратился въ-слухъ и зрѣніе. Ротъ былъ открытъ, но голосу изъ него не выходило: пѣнія не слышать. Она нездорова, бѣдное дитя, сказала кто-то вблизи меня. Бѣдному дитяти пошла, по-крайней-мѣрѣ, уже тридцать-сѣдмьяя весна.

Съ этой минуты мое рѣшеніе принято: я пришолъ веселиться, такъ и буду же веселиться, и я рѣшился аплодировать вкривь и вкосъ, аплодировать до-крайности; я принялся хлопать при каждой фальшивой нотѣ, при каждомъ проглоченномъ звукѣ, при каждой недородившейся рудѣ. Тадолини не пропѣла ни одной изъ своихъ арій; вообразите-же, что такое была *Magia di Rohan*, безъ главныхъ сценъ примадонны-*assoluta*?

Вотъ Ронкони, герцогъ; герцогъ этотъ очень-воля, однако лицо у него предоброе и пресмирное; ни дать ни взять такіе-же аплодисменты, какъ и привыходѣт-те Тадолини, то-есть, просто, повтореніе той-же комедіи. Еслибы пѣніе Ронкони было почище, противъ него нечего сказать; особенно къ концу своей аріи онъ воодушевляется и дѣло идетъ чудесно. Я соглашаюсь, что для аматера это стоить 11,000 флоринновъ, которые получаетъ Ронкони, не считая бенефиса. У герцога нѣтъ выхода по піесѣ, но онъ по временамъ уходилъ въ кулисы, чтобы дать предлогъ себя вызвать, и стратагема удалась совершенно: Боже мой, что это были за крики, за ревъ, за то потня!... Потомъ приходитъ опять примадонна безъ голоса и начинается знаменитый *одноголосный* дуэтъ: синьора поетъ только губами, бѣдное дитя! Зававѣсь опускается: оба, Ронкони и Тадолини, вызваны по три раза; но при этомъ зававѣса не поднимаютъ, это было-бы слишкомъ-долго; артисты появляются на аванъ-сцену то съ-права то съ-лѣва. Вотъ часы самые скучные въ моей артистической жизни, или самые забавные въ этомъ отношеніи. Вѣрно только то, что меня ужъ не

увидать въ театрѣ Карантійскихъ-Воротъ, откуда тамъ будутъ пѣть эти Итальянцы.

Синьйора Тадоллини, впрочемъ, артистка замѣчательная, пользующаяся высокимъ уваженіемъ, скажу даже, что она артистка первоклассная; но у нея есть свои капризы. Зала была страшно пуста, следовательно, стоило-ли трудиться передъ пустыми скамьями. Другая примадонна-*assoluta* театра Карантійскихъ-Воротъ — Виардо-Гарсія, превосходная пѣвица, неподражаемая въ «Севильскомъ цирюльничкѣ» и въ «Сорокѣ Воровкѣ».

Въ одномъ только Бургъ-театрѣ искусство еще въ чести: въ тамошней труппѣ есть первоклассные артисты. На этой сценѣ въ совершенствѣ выполняютъ комедіи и то, что въ Германіи называется «разговорными пьесами» (*piece de conversation*). Въ настоящее время тамъ пожинаетъ лавры Эмиль Девриентъ.

Вотъ на какой точкѣ искусство въ Вѣнѣ: ничего утѣшительнаго, ни какой надежды на лучшее будущее. Съ горестію отворачиваешь взоры отъ города, у котораго столько средствъ, и который дѣлаетъ изъ нихъ такое печальное употребленіе. Говорили мнѣ, что тоже самое и съ оперою нѣмецкою. при которой есть замѣчательные пѣвцы, но которая тоже не умѣетъ пользоваться своими преимуществами и гибнетъ въ омутѣ итальянщины.

ДВѢ МЕТОДЫ ПѢНІЯ. Въ послѣднее время Парижанами овладѣлъ въ высшей степени меломанія. Нельзя описать всѣхъ шарлатанствъ, такъ-называемыхъ *профессоровъ* пѣнія.

Одинъ изъ нихъ, г. ла-Р... принимаетъ учениковъ своихъ въ комнатѣ, меблированной только шестью тюфяками. Лишь только явится къ нему ученикъ, какъ порядочнымъ толчкомъ профессоръ бросаетъ его на одинъ изъ незанятыхъ тюфяковъ. Ученикъ, пораженный этимъ, неслишкомъ нѣжнымъ приѣмомъ, хочетъ кричать, но взглядъ учителя заставляетъ его молчать. Тогда г. ла Р... беретъ сильную ноту, подобную реву льва, котораго ущипнеть Картеръ, и приказываетъ ученикамъ, растянутымъ на тюфякахъ, повторять ее какъ-можно дольше; между-тѣмъ, знаменитый профессоръ прогуливается по дорожкамъ, оставленнымъ между тюфяками, и, вооруженной лорнетомъ, свидѣтельствуетъ способности учениковъ.

Это не шутка. Г. ла Р... преподаетъ только горизонтальное пѣніе. По его мнѣнію вертикальное пѣніе не существуетъ. Онъ не соглашается съ тѣмъ, что можно учиться пѣть стоя.

Но еще болѣе забавный учитель, знаменитый г. Д..., который былъ-бы первымъ пѣвцомъ въ мірѣ, если-бъ у него не недоставало бездѣлицы — голоса. Онъ прекрасно поетъ только мысленно — *in petto*. Онъ даетъ себѣ самому прелестнѣйшія серенады. У него чрезвычайно-оригинальная меода испытывать способности учениковъ своихъ.

Вы входите. Знаменитый профессоръ окидываетъ васъ глубокимъ,

испытующимъ взоромъ, подходитъ и ощупываетъ плечи ваши и грудь, не говоря однакожь притомъ ни слова. Вы удивляетесь говорите, что пришли не на докторскій смотръ. Профессоръ продолжаетъ ощупывать и говорить:

— Не беспокойтесь, молодой человѣкъ!

Послѣ ощупыванія онъ звонитъ. Входитъ мальчикъ.

— Оемистокль, огопри № 7?

Оемистокль отпираетъ дверцы шкафа, и глазамъ вашимъ представляется страшный скелетъ, достойный играть роль въ *Удольфскиихъ Таинствахъ* или даже въ *Парижскихъ*. Вы невольно вскрикиваете. Г. Д... обращается къ вамъ и говоритъ съ покойной и любезной улыбкой:

— Вотъ вы!

При этомъ слишкомъ анатомическомъ сравненіи, вы готовы броситься на знаменитаго профессора, но онъ продолжаетъ весьма-спокойнымъ госомъ:

— Молодой человѣкъ легкія наши состоятъ изъ двухъ частей. Пѣніе весьма-тѣсно связано съ физической организаціею нашею. Чтобы хорошо пѣть, надобно вмѣстѣ и въ одно время пѣть обѣими частями легкыхъ. Возьмите *la*.

Вы изо всей мочи берете *la*. Д... почосывается за ухомъ.

— Вы недовольно напрягли лѣвую часть легкыхъ. Переназначите.

Вашъ профиль съ лѣвой стороны дѣлаетъ страшную гримасу и вы берете такую отчаянную ноту, которая испугала-бъ даже оперныхъ хористовъ. Теперь г. Д... находитъ, что правая сторона слабѣе. Наконецъ онъ самъ рѣшается для образца испустить такой крикъ, который не существуетъ даже въ языкѣ проголодавшихся носогорловъ, и если вамъ удастся завѣть такимъ-же образомъ, то онъ приметъ васъ въ число своихъ учениковъ.

ФАНАТИЗМЪ. Одинъ изъ знаменитыхъ піанистовъ получаетъ чрезвычайно много денегъ, но не слишкомъ заботится объ нихъ, поручивъ управлять дѣлами и деньгами своими *повѣренному*. Если у этого *повѣреннаго* доброе сердце, то на старости дѣтъ знаменитаго піаниста, онъ положить ему пенсію....

Нѣсколько мѣсяцовъ тому-назадъ піанистъ давалъ концертъ вмѣстѣ съ однимъ изъ теноровъ — *также знаменитыхъ*. Повѣренный или секретарь піаниста долженъ-былъ вести переговоры на-счетъ издержекъ съ женою тенора. Когда онъ пришолъ къ ней со счотами, то она крайне удивилась, замѣтивъ между-прочими статьями, слѣдующую:

Фанатизмъ 400 франковъ.

— Что это значить? спросила она.

Секретарь посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Фанатизмъ, сударыня, значить, отвѣчалъ онъ наконецъ: восторгъ публики, выражающійся громкими рукоплесканіями, потрясающими театр; букетами и вѣнками, летящими на сцену; распряженными лошадьми, серенадами и прочими чудовищными извлеченіями восторга!

— За восторгомъ дѣло не станетъ, замѣтила жена тенора и приказала вычеркнуть изъ счета эти 400 франковъ.

— Говорятъ, секретарь выстроилъ себѣ уже домикъ и воспиталь троицхъ дѣтей на фанатизматическія суммы....

ГРОВНИЦА ВЕБЕРА ВЪ ЛОНДОНѢ. Въ 1835 году, — говоритъ одинъ Парижскій журналистъ, — находясь въ Лондонѣ и посѣтивъ въ Вестминстерѣ надгробный памятникъ Генделя, я мысленно благодарилъ знаменитыхъ англійскихъ покойниковъ за гостепрѣимство, оказанное моимъ могилѣ знаменитаго иностранца, и мнѣ хотѣлось узнать, гдѣ покоился прахъ другаго нѣмецкаго лебедя, испутившаго послѣдній вздохъ на туманныхъ берегахъ Темзы. Мнѣ указали католическую Мурфильдскую капеллу; я велѣлъ проводить себя туда.

Это было въ ноябрѣ, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда солнце изрѣка разсѣваетъ туманъ, покрывающій столицу и золотитъ желтѣющіе листья парковъ и скверовъ.

— Прибывъ въ капеллу, я освѣдомился о памятникѣ Вебера.

— Веберъ? Что это такое Веберъ? хладнокровно отвѣчалъ мнѣ церковный сторожъ. Я долженъ-былъ объяснить ему, что въ числѣ покойниковъ его находился одинъ, составившій славу эпохи своей.

— А когда онъ умеръ, позвольте спросить? возразилъ также хладнокровно сторожъ, въ глазахъ котораго все люди были равны и отличались только по номеру хронологическаго порядка. По означенію моему, онъ порылся въ книгѣ своей и попросилъ меня послѣдовать за нимъ.

Мы спустились въ подвалъ. По обычаю, мнѣ незнакомому, гробы не зарыты въ землю и не покрыты надгробовымъ камнемъ: они размѣщены по разнымъ заламъ и стоятъ одинъ на другомъ. Такимъ образомъ покойники не такъ удалены отъ живыхъ. Съ лампой въ рукѣ, сторожъ шолъ предо мною и останавливался только, чтобы читать надписи на гробахъ. Мы долго ходили, онъ все не находилъ того, чего искалъ.

— Да что, родственникъ онъ, что-ли вамъ? спросилъ сторожъ съ британской флегмой своей.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Что онъ Французъ?

— Нѣтъ.

— Такъ что жъ вамъ въ немъ?

— Это славный Нѣмецъ, котораго я никогда не видалъ, но часто слыхалъ и часто слышу, котораго вся явропа слушаетъ съ востор-

гошь... Я хочу узнать достойнымъ-ли образомъ Англія почтила о-статки его.

Сторожъ посмотрѣлъ на меня, какъ на сумашедшаго, и, мы, молча пошли далѣе.

— Вотъ онъ! вскричалъ я, прочитавъ надпись: *Von Weber*.» написанную на маленькомъ кускѣ картона, прибитаго на одномъ концѣ гроба. — Неужели это все? подумалъ я, не спуская взора съ этого чорнаго ящика, перемѣшаннаго съ другими того-же цвѣта, мечтая объ огромной народности этого композитора, о его могущественной и плодотворной оригинальности, о пѣсняхъ, повторяемыхъ во всѣхъ концахъ свѣта... Я невольно вспомнилъ слова Гамлета:

Alas poor Yorick!

Возвратившись во Францію, я разказалъ о посѣщеніи этомъ и о впечатлѣніи, которое оно оставило во мнѣ, многимъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ композиторовъ. Когда я выражалъ негодованіе свое на пренебреженіе къ генію, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ композиторовъ сказалъ:

— Конечно, это очень-дурно! Налобно было прибить жестяной билетъ: это гораздо-прочнѣе картонаго! —

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Когда въ Тулузѣ въ первый разъ дана была Пиронова «Метроманія», то тамошніе магистратскіе чиновники и члены имѣли глупость принять на свой счетъ разсыпавныя въ этой піесѣ жестокія насмѣшки надъ ихъ братією, и серьезно оскорбились этимъ. Они запретили представленіе этой комедіи; но актеры обратились съ просьбою въ парламентъ и парламентъ отмѣнилъ это запрещеніе. Но какъ не забавень такой процессъ, обстоятельство, сопровождавшія его, еще забавнѣе. Одинъ изъ членовъ магистрата вытребовалъ къ себѣ со-держателя труппы и, вымывъ ему препорядочно голову, спросилъ, кто написалъ эту негодную комедію. — Г. Пиронъ, отвѣчали ему. — Позвать его сейчасъ-же ко мнѣ, вскричалъ онъ: я его проучу за это. — Но онъ живетъ въ Парижѣ. — Счастливъ, бездѣльник! да и вы, любезнѣйшій, извольте впередъ получше выбирать свои штуки. Въ послѣдній разъ вы тоже давали какого то Скупаго, піесу совершенно безнравственную, въ которой сынъ обкрадываетъ роднаго отца. Кто это такой написалъ подобную гадость? — Мольеръ, сударь. — А здѣсь этотъ Мольеръ? я научилъ-бы его доброй нравственности. — Нѣтъ сударь, Мольера лѣтъ 75 какъ нѣтъ уже на свѣтѣ. — И такъ любезнѣйшій, заключилъ высокій членъ магистрата, обдумывайте хорошо выборъ своихъ піесъ; не нужно ни Мольера, ни Пирона. Развѣ у васъ нѣтъ піесъ шикакихъ другихъ авторовъ, кромѣ этихъ,

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

OPERA-COMIQUE.

LES QUATRE FILS AÛMON, (четыре сына Эмюна), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова г. Лёвена и Брунсвика, музыка г. Бальфа.

Сюжетъ этой оперы заимствованъ изъ старинной французской легенды. Герцогъ Эмювъ, умирая, приказалъ четверемъ сыновьямъ своимъ, Оливье, Ренд, Ришару и Алгару, оставить, на другой-же день послѣ смерти его, родительскій замокъ и разѣхаться на годъ въ разныя стороны, скрывая имя свое. По прошествіи года, они должны были воротиться и открыть сундукъ, въ которомъ заключалось послѣдство ихъ. Сыновья повиновались и по прошествіи года, въ назначенный часъ, воротились въ замокъ. Оливье,

старшій братъ, открылъ сундукъ... представьте себѣ отчаяніе братьевъ. Сундукъ былъ пустъ!.. Въ немъ лежалъ только старшій пергаментъ, на которомъ герцогъ написалъ, что приказалъ сыновьямъ своимъ путешествовать только для того, чтобы пріучить ихъ къ лишеніямъ, и что онъ оставляетъ имъ только древній замокъ свой де-ла-Рошъ Эмювъ, плащъ, шпагу, единственную лошадь и отцовское благословеніе. Впрочемъ онъ присовокупляетъ къ тому самыя умныя наставленія, совѣтуя имъ жить въ согласіи и дружбѣ, и упрасивая того изъ четырехъ, которому удастся разбогатѣть прежде другихъ братьевъ, подѣлиться съ ними; въ чомъ братья, искренно-любящіе другъ друга, кланутся.

Но кромѣ вещей, о которыхъ мы упомянули, въ замкѣ остался еще старинный слуга герцога, Ивонъ, нѣчто въ родѣ управляю-

цаго;—Ивонъ доселѣ употреблялъ все усилія, чтобы скрыть бѣдность господъ своихъ, и все надеется, что они еще разбогатеютъ.

Случайно заѣзжаетъ въ ла Рошъ Эмонъ богатый дворянинъ, баронъ де Бомануаръ, у котораго прелестная дочка. Ивону известна скупость и жадность барона, а потому онъ, подъ секретомъ, рассказываетъ ему о сундукѣ, въ которомъ, будто-бы, братья нашли несмѣтные сокровища. Эта новость производитъ довольно сильное впечатлѣніе на барона, однако-жъ онъ замѣчаетъ, что эти сокровища, будучи раздѣлены между четырьмя братьями, очень уменьшатся, на что Ивонъ отвѣчаетъ ему съ живостью, что три младшіе сына герцога Эмона погибли на войнѣ, и что возвратился только старшій. Оливье, который и получить въ наслѣдство все сокровища отца своего.

Баронъ слѣпо вѣритъ словамъ Ивона, и находя, что Оливье былъ бы славной партіей для дочери его, онъ уговаривается со старымъ слугой, какъ-бы лучше уладить это дѣло.

По-видимому, все идетъ какъ нельзя лучше, потому-что Оливье узнавъ въ Эрминіи молодую дѣвушку, которая, во-время путешествія его, оказала ему гостепримство, скрытно отъ отца. Молодые люди любятъ другъ-друга, но Эрминія дала обѣтъ, что никакъ не выйдетъ за-мужъ, пока три кузины ея, дѣвцы де-Жювиньи, не будутъ пристроены. Она дѣлаетъ это изъ великодушія, потому что знаетъ, что отецъ ея, подстрекаемый управляющимъ замка-

Жювиньи, плутомъ и негодяемъ, хочетъ заставить дѣвицу Жювиньи вступить въ монастырь, чтобы завладѣть имуществомъ ихъ. Узнавъ обѣтъ Эрминіи, баронъ старается доказать ей, что это одно ребячество и что кузинамъ ея будетъ очень хорошо въ монастырѣ, вдали отъ житейскихъ заботъ.

Эрминія притворяется убѣжденною. Гдѣ однако-жъ, найти мужей для кузинъ ея? Три брата Оливье, не желая вредить успѣху хитрости, выдуманной Ивонемъ, выдаютъ себя, одинъ за конюшаго, другой за менестреля, третій за казначея герцога Эмона. Эрминія узнаетъ въ нихъ трехъ рыцарей, съ которыми она встрѣчалась во-время нѣкоторыхъ поѣздокъ и которые, какъ благородные рыцари, поклялись служить ей вѣрой и правдой. Эрминія назначаетъ имъ свиданіе въ трехъ бесѣдкахъ сада отца своего, заставляетъ каждого поклясться ей еще разъ въ любви, и убѣгаетъ, оставивъ при каждомъ одну изъ кузинъ. Братья, не подозревая хитрости Эрминіи, тотчасъ же отправляются въ три разныя капеллы, гдѣ уже все приготолено къ брачной церемоніи...

Между-тѣмъ Эрминія, вмѣстѣ съ Оливье и отцомъ, находится въ замкѣ. Раздается звонъ колоколовъ, въ знакъ того, что три брака заключены. Тогда Эрминія говоритъ отцу, что готова выйти за-мужъ... но въ тоже мгновеніе убѣгаетъ управляющій замка Жювиньи и объявляетъ, что ихъ обманули, что три племянницы барона вышли за-мужъ за трехъ сыновей герцога Эмона, и что отецъ ихъ не оставилъ имъ ни одного

су!.. Молодые люди въ отчаяніи — теперь бракъ ихъ не состоится; но Ивонъ предвидѣлъ опасность и принялъ уже мѣры къ отклоненію ея. Онъ увѣдомилъ обо всемъ герцога Бретаньскаго, который съ варочнымъ присылаетъ похвалить барона за великодушіе и безкорыстіе его, даетъ согласіе на бракъ четырехъ братьевъ съ племянницами и дочерью барона, и велитъ арестовать управляющаго замка Жювиньи.

Барону ничего не остается дѣлать, какъ поблагодарить герцога. Три брата узнаютъ хитрость Эрминіи; но находя, что молодые жоны ихъ очень милы, нисколько не обижаются. Оливье женится на Эрминіи.

Неправдоподобность и нѣкоторая натянутость этого либретто выкупаются остроуміемъ и веселостью, проявляющимися на каждомъ шагу.

Музыка г. Бальфа имѣла полный успѣхъ. Она исполнена многихъ милыхъ и граціозныхъ мотивовъ; блестящая и искусная инструментка имѣетъ одинъ недостатокъ — злоупотребленіе мѣдныхъ инструментовъ.

Увертюра начинается интродукціей, въ которой виолончели исполняютъ прелестный романсъ, нѣсколько разъ повторяющійся въ оперѣ. Этотъ романсъ, басовая арія: *Sentinelles, garde à vous!* и квартетъ: *Dieu, qu'ai je vu?* суть лучшія мѣста въ первомъ дѣйствіи. Во второмъ есть много замѣчательныхъ арій, комическое дуо, прелестный квинтетъ для женскихъ голосовъ; сантиментальный дуэтъ и наконецъ финалъ. Въ третьемъ дѣйствіи очень хоро-

ши: дуэтъ при колокольномъ звонѣ, тріо безъ акомпаньмана и арія, въ которой Эрминія описываетъ кузинамъ своимъ будущихъ мужей ихъ.

Постановка этой оперы прекрасна; вообще это одна изъ тѣхъ опереттокъ, которымъ суждено удержаться на сценѣ долгое время.

Вотъ письмо, напечатанное въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, по случаю представленія этой оперы:

«Комическая-Опера не-смотря на требованія наши, представила вчера оперу: *Четыре сына Эмона*; следовательно, мы вынуждены повторить объявленіе, поданное вами, мѣсяць тому назадъ, въ комитетъ драматическихъ писателей:

«Театръ Королевской Академіи Музыки, получилъ отъ насъ, въ теченіе 1843 года, оперу въ 5 дѣйствійхъ, названную: *Четыре сына Эмона*; сочиненіе музыки поручено г-ну Галеві.»

«Авторы оперы: *Четыре сына Эмона*:

«Роже де-Бовуаръ, Ф. Мальфиль.»

THÉÂTRE-FRANÇAIS.

Diegarlas, драма въ пяти дѣйствійхъ, въ стихахъ, г. Виктора Сежюра.

Г Викторъ Сежуръ былъ очень счастливъ. ему стоило только явиться и передъ нимъ отверзлись двери Французскаго Театра. Драма его есть произведеніе молодого

человѣка, неопытнаго и незнающаго правилъ литературы; она написана какъ-быощую, по-воспоминавямъ: г. Сежуръ изучалъ характеры лицъ своихъ не въ натурѣ, но въ сочиненіяхъ другихъ писателей. Дѣйствіе довольно-интересное, живое, онъ развилъ характерами занятыми, не имъ созданными. Вотъ подробный разборъ пьесы:

Діагаріасъ первый министръ Генриха IV, Короля Кастильскаго. Онъ управляетъ государствомъ за безпечностью и легкомысліемъ короля, мечтающаго только объ удовольствіяхъ. Сильная партія образовалась противу короля, но доказательствъ заговора въ рукахъ у Діагаріаса. Какой-то Мавритинецъ, Абу-Бекри перехватилъ бумаги, неоставляющія по этому дѣлу никакого сомнѣнія.

— Король, говоритъ министръ Генриху: прикажите отрубить головы всѣмъ заговорщикамъ и, въ особенности, Донъ-Жуанъ де-Телло, противу котораго вы должны быть особенно разгнѣваны.

— Какой вздоръ! отвѣчаетъ король: я лучше прощу ему.

* — Какъ можно?

— Я хочу.

И Діагаріасъ долженъ отложить мщеніе свое.

Донъ-Жуанъ, за исключеніемъ ума и любезности, во всемъ подобенъ негодному тѣскѣ своему. Онъ бездушный, развратный волокита, который, при помощи ложнаго брака, обезчестилъ, ради удовольствія своего, Иньесу, дочь Діагаріаса. Отецъ не знаетъ еще позора своего; Иньеса-же, бѣдная, вполнѣ убѣждена, что она законная жена Жуана. Узнавъ, что

отецъ ея желаетъ казни мнѣшаго мужа ея, она бросается къ ногамъ его и умоляетъ о пощадѣ.

— Пощадить, его! никогда! отвѣчаетъ Діагаріасъ.

Онъ ненавидитъ весь домъ Телло, потому-что нѣкогда былъ смертельно оскорбленъ ими. Діагаріасъ назывался прежде Яковомъ Эліасимомъ; онъ былъ жидъ — но не смотря на то, осмѣлился полюбить дочь графа Телло, который, узнавъ о томъ, въ наказаніе дерзости его, приказалъ слугамъ высѣчь Якова!..

Оскорбленный жидъ удалился изъ Кастильи на двадцать лѣтъ, перемѣнилъ фамилію, разбогатѣлъ, сдѣлался первымъ министромъ. На сынѣ отомститъ онъ обиду, причиненную ему отцомъ!.. Узнавъ объ этомъ, Иньесѣ остается только все открыть отцу.

— Я жена Дона-Жуана! восклицаетъ она... но, увы! письмо обольстителя, попавшее въ руки несчастнаго отца, открываетъ ему всю истину. Бѣшенство и отчаяніе его неограничены.

Діагаріасъ задумываетъ страшную мечь, и чтобы привесть ее въ исполненіе, посылаетъ за Абу-Бекри.

— Будь готовъ убить человѣка! Ты получишь сто дублоновъ.

— Исполню приказаніе твое.

Абу-Бекри скрывается въ комнатѣ Иньесы. Донъ-Жуанъ влѣзаетъ туда въ окно и встрѣчается лицомъ къ лицу съ министромъ.

— Женись на дочери моей или ты погибь! восклицаетъ Діагаріасъ.

— Рази! отвѣчаетъ очень невѣжливо Жуанъ.

Ни просьбы, ни мольбы отца не трогаютъ сердца злодѣя. Донъ-Жуанъ готовъ умереть, но предостерегаетъ Діагаріаса, что убіеніе его не останется скрытымъ. Всѣ друзья его знаютъ, гдѣ онъ. Это заставляетъ министра перемѣнить намѣреніе свое: онъ призываетъ стражу и ведетъ арестовать Жуана, какъ измѣнника и заговорщика.

Помощь Абу-Бекри теперь нужна; однако-жъ убійца, не заслуживъ платы, недоволенъ министромъ. Ему извѣстна вся жизнь его, онъ грозитъ, что все откроетъ, если Діагаріасъ не заплатитъ ему огромной суммы, и получаетъ отказъ. Министръ лучше готовъ сразиться съ разбойникомъ. Но Абу-Бекри надѣется еще извлечь пользу изъ извѣстной ему тайны, а потому спасается бѣгствомъ.... Слуга достигаетъ его и убиваетъ.

Король узнаетъ отъ министра своего о преступномъ поведеніи Донъ-Жуана и приказываетъ обольстителю жениться на жертвѣ своей; только въ такомъ случаѣ онъ проститъ ему. Донъ Жуанъ готовъ повиноваться, когда опять является убійца, Абу — онъ смертельно раненъ, но успѣваетъ еще предъ смертію своею открыть графу тайну Діагаріаса. Тогда Донъ-Жуанъ опять открывается и открываетъ все королю. Генрихъ пораженъ этимъ извѣстіемъ; великій инквизиторъ проклинаетъ Діагаріаса, который и безъ того уже несчастливъ тѣмъ, что опять теряетъ надежду отмстить за двойную обиду.

Ненависть его обращается и на короля, покидающаго его. Около

того времени, въ Кастильи возгараются возмущеніе. Генрихъ IV находится въ затруднительномъ положеніи; у него нѣтъ денегъ для начатія войны и онъ, по-неволѣ, обращается къ Діагаріасу, чтобы тотъ помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Діагаріасъ предлагаетъ королю все имущество свое съ однимъ однако-жъ условіемъ: ему нужна жизнь Донъ-Жуана. Король соглашается.

Но и въ этотъ разъ Иньеса, у которой весьма-дурная привычка подслушивать за дѣрзьми, все слышала; она снова бросается на колѣни предъ отцомъ и умоляетъ его пощадить Жуана. Она любитъ его, она хочетъ, чтобы онъ жилъ! Все тщетно: Діагаріасъ ничему не внимаетъ — участь обольстителя рѣшена.

Внезапная идея блеснула въ головѣ молодой дѣвушки. Въ рукахъ у нея бѣлая бумага, съ подписью короля. .. Жуанъ будетъ спасенъ!

Иньеса пишетъ на этой бумагѣ, что Генрихъ IV милуетъ Жуана. Благодаря королевской подписи, Донъ-Жуана освобождаютъ. Онъ удаляется, испросивъ сначала прощеніе у Иньесы, которую онъ теперь любитъ за любовь и самоотверженіе ея. Едва онъ уходитъ, какъ является Діагаріасъ. И у него въ рукахъ подпись короля, осуждающая преступника на смерть — но когда онъ показываетъ тюремщику приговоръ, тотъ представляетъ ему помилованіе.

Діагаріасъ вѣдъ себя отъ гнѣва; онъ немедленно принимаетъ всѣ мѣры чтобы остановить бѣглеца....

Донъ.- Жуана схватываютъ и
назнять.

Иньеса отравляется.

Раздается звонъ колоколовъ...
пожаръ... возмущеніе. Мятенни-
ки торжествуютъ. И кому они обя-
заны торжествомъ своимъ? Діага-
ріасу, который не забылъ, что ко-
роль покинулъ его...

Итакъ, бывший министр от-
местилъ двумъ врагамъ своимъ. —
Только при видѣ трупа Иньесы
раскаяніе и горестъ овладѣвають
имъ. Конечъ.

Читатели наши сами замѣтятъ,
что въ этой піесѣ много непод-
дѣльнаго жару, чувства, но вмѣ-
стѣ съ тѣмъ, съ ними на каждомъ
шагу сталкиваются неопытность
и невѣроятности. Стихи хороши —
сильны и звучны.

THÉÂTRE DU PALAIS-ROYAL.

PARIS VOLEUR, (*Парижъ-воръ*),
водевиль въ шести (!) дѣйствіяхъ гг.
Клервиля, Деннери и Дюмануара.

Первое дѣйствіе. — Пять часовъ
утра, фонари горятъ, улицы пу-
сты. Молодой человѣкъ провожа-
етъ молодую дѣвушку. Онъ сту-
чить въ дверь—ее отпираютъ.

— Сударыня, можно-ли мнѣ бу-
детъ увидѣться съ вами? вы меня
знаете, я почтительнѣйшій изъ
молодыхъ людей. Могу-ли я явить-
ся къ вамъ?

— Невозможно, я живу съ дя-
дюшкой и тетушкой; я никого не
могу принимать. Прощайте!

И дверь запирается передъ са-
мымъ носомъ молодаго человѣка.

— Чортъ возьми! говоритъ Аль-
беръ, (такъ зовутъ молодаго че-
ловѣка), хорошъ я мальчикъ! Толь-

ко-что пріѣхалъ изъ Дижона, не
знаю Парижа, а въ бумажникѣ у
меня 60 тысячъ франковъ, на-
слѣдство матери моей.

Въ это самое время является ка-
кой-то мужчина — иѣчто въ родѣ
Шуринѣра.

— Извините, государь мой, го-
воритъ онъ очень-вѣжливо: мнѣ
надо поправить загородный домъ
мой; для этого мнѣ нужно 60 ты-
сячъ франковъ. Подавайте ихъ сю-
да, или буду бить!

По-счастію Альберъ читалъ
«Парижскія Тайны»; слѣдовательно
ему извѣстны непорочные нравы
столицы и онъ запасся пистоле-
томъ. Незнакомецъ труситъ. Онъ
во власти Альбера, но тотъ от-
пускаетъ его.

— Послушайте, говоритъ блу-
зникъ: вы могли меня отдать въ
руки того, что *они* называютъ пра-
восудіемъ, и меня-бъ сослали на
галеры. Услуга за услугу. Слу-
шайте. Убирайтесь поскорѣ об-
ратно въ Дижонъ, господинъ Аль-
беръ Готье, потому-что если вы
останетесь въ Парижѣ, то лишитесь
денегъ, сердца, ума и жены...
если у васъ есть жена. Честь имѣю
клянцтся. Если вы пожелаете ви-
дѣть меня, вотъ мой адресъ: въ
улицѣ Тиботодѣ, № 28.

За этимъ слѣдуетъ разныя по-
чныя парижскія продѣлки. Жи-
лецъ, нежелающій платить за квар-
тиру, выпускаетъ изъ окна всю
мебель свою и удаляется. Вино-
торговецъ и молочница разбавля-
ютъ водицей вино и молоко.

Бурдалу, землякъ Альбера, за
недѣлю пріѣхавшій въ Парижъ,
хвастаетъ Альберу, что его никто
ни *надуетъ*, что онъ *промохалъ* Па-
рижанъ, а между-тѣмъ, самъ по-

купасть разбавленное молоко и вино и мѣдный лорнетъ, за который онъ заплатилъ, какъ за золотой.

Дѣйствіе второе. Альберъ написалъ піесу и отнесъ ее къ знаменитому драматическому писателю, г. Флорестану, надѣясь воспользоваться совѣтами его. Флорестанъ отдалъ піесу на театръ, подъ своимъ именемъ. Альберъ взбѣшонъ и требуетъ удовлетворенія. Флорестанъ, занятый съ жою Корă, актрисой, поцѣлуями умѣющей покупать похвалы журналистовъ, хочетъ выбросить Альбера за дверь.

Но вотъ является генералъ Дегранжъ, графъ де-Марсиньякъ, обиженный новой піесой, по случаю одной сцены, касающейся фамилии его; онъ объявляетъ Флорестану, что подалъ на него жалобу за безчестіе и вызываетъ его на дуэль, на-смерть.

Испуганный Флорестанъ подписываетъ бумагу, въ которой объявляетъ Альбера авторомъ новой піесы. Тогда генералъ обращаетъ ся къ Альберу:

— Мы увидимся съ вами, милостивый государь! Вотъ мой адресъ? въ улицѣ Тиботодѣ № 28.

Третье дѣйствіе.—Дѣйствіе происходитъ у Бурдалу, который продолжаетъ давать Альберу свои экономическія наставленія. Онъ, въ особенности, совѣтуетъ ему беречь деньги свои. Самъ-же Бурдалу купилъ на двадцать тысячъ франковъ акцій компаній уничтоженія стрекозъ и дѣланія несгораемыхъ кровъшъ. Еще онъ даетъ ему совѣты насчетъ женщинъ; онъ самъ влюбленъ въ жену обойщика, съ которою познакомился въ театрѣ. Онъ въ тотъ вечеръ взялъ

за полъ-цѣны билетъ, который обошелся ему въ три-дорога.

Какой-то господинъ является къ Бурдалу: письмо, написанное послѣднимъ къ женѣ обойщика, у него въ рукахъ; чтобы выкупить это письмо, которое можетъ попасться въ руки мужу обойщицы, Бурдалу платитъ 60 франковъ.

Этотъ господинъ оставляетъ адресъ: въ улицѣ Тиботодѣ № 28.

Четвертое дѣйствіе. Альберъ и Бурдалу идутъ въ трактиръ и велятъ подать себѣ телативы. Входятъ двѣ дамы: Корă, актриса, и Розина, та самая, которую Альберъ провожалъ. Замѣтивъ ихъ, Бурдалу находитъ, что у нихъ прекрасная гурниора. Онъ приглашаетъ ихъ отобѣдать съ ними... но Альберъ узналъ Розину. Онъ считаетъ ее скромной, невинной дѣвушкой, а потому Розина не хочетъ обѣдать, однако навязываетъ ему адресъ свой. Трактирщикъ, пользуясь присутствіемъ дамъ, подаетъ самый отличный, *высокій* обѣдъ, который Альберъ приужденъ ѣсть. Разумѣется, счетъ поданъ имъ неслыханный.

Нормандскій мужикъ покупаетъ у Бурдалу часы за 300 франковъ; Бурдалу очень-радъ, потому что самъ заплатилъ за нихъ только 200 франковъ; но Нормандецъ, которому извѣстны всѣ воровскія продѣлки, идетъ къ пирожнику и заказываетъ 500 пирожковъ.

— Пирожникъ отдастъ вамъ 300 франковъ, говоритъ онъ Бурдалу; онъ долженъ мнѣ 500. Потомъ обратившись къ пирожнику, онъ говоритъ ему: изъ 500, которые вы мнѣ должны, вы отдадите 300 этому господину, а остальные 200

пришлете ко мнѣ, въ улицу Тиботодѣ, № 28.

Когда пирожникъ предлагаетъ Бурдалу 300 пирожковъ, онъ догадывается, что его *надули*?

Пятое дѣйствіе. Въ квартирѣ, Корбѣ, которая уступила ее навремя, Розинѣ, для принятія Альбера. Розина — бѣдная лоретка (немного повыше «бедуинки»!) у нея ничего нѣтъ, а между-тѣмъ, ей нужна семья!

Дворникъ и жена его, мосьё и мадамъ Могиканъ, будутъ дялюшкой и тетушкой ея; ей нуженъ какой-нибудь талантъ — она будетъ играть на фортепьяно и пѣть романсы изъ «Севильскаго Цирюльника», только въ соседней комнатѣ; наконецъ, ей надо еще написать письмо къ несуществующему вельможѣ, которому она отказываетъ въ рукѣ своей, изъ любви къ Альберу. Все это приводится въ порядокъ: играетъ и поетъ учительница музыки, письмо написала оставшая гувернантка

Альберъ безъ ума отъ Розины. Онъ очарованъ игрой и пѣніемъ ея; письмо ея къ вельможѣ наноситъ послѣдній ударъ сердцу его. Дядя прекрасный человекъ; онъ вездѣ перебивалъ, все видѣлъ, находится въ короткихъ сношеніяхъ съ Оттоманскимъ посланникомъ. Альберъ подписываетъ обѣщаніе жениться на Розинѣ, и на радости всѣ танцуютъ польку. Но вотъ является новое лицо. Никто его не знаетъ, хотя онъ и выдаетъ себя за крестнаго отца Розины. Незнакомецъ овладѣваетъ бумагой, подписанной Альберомъ и обнаруживаетъ обманъ; потомъ приглашаетъ Альбера и Бурдалу къ себѣ: въ улицу Тиботодѣ, № 28.

Шестое дѣйствіе. Альберъ и Бурдалу отправляются наконецъ въ улицу Тиботодѣ. Тамъ Альберъ встрѣчаетъ человека, который сначала хотѣлъ ограбить его и потомъ подъ разными видами спасалъ его отъ угрожавшихъ ему опасностей. Это родственникъ Альбера, котораго въ молодости немилосердо обманули и обокрали въ Парижѣ. Паучонный опытомъ, онъ хотѣлъ спасти молодаго человека, что ему и удалось. Онъ возвращаетъ Альберу деньги, которыя у него украли, и уговариваетъ его воротиться въ Дижонъ и жениться на кузинѣ своей, Алинѣ.

Что же касается до Бурдалу, то ему никто ничего не возвращаетъ.

Водевиль этотъ, по локальности своей, имѣлъ большой успѣхъ.

— *Le billet de faire part* (*Свадебныя приглашенія*), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, съ куплетами, г. Байра.

Молодой баронетъ, сэръ Чарльзъ, странно влюбленъ въ леди Анну, прелестную вдовушку. Робкій, какъ истинная любовь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нескромный, какъ счастье, сэръ Чарльзъ рассказываетъ сѣру Енри, величайшему болтуну, что молоденькая вдова обѣщала выдти за него, по прошествіи законнаго срока.

Нескромность эта распространяется: леди Анна узнаетъ, что тотъ изъ поклонниковъ ея, котораго она предпочла другимъ, не побоялся бросить на жертву сплетнямъ сокровеннѣйшую тайну сердца ея: она отомститъ ему! Она не будетъ женою сэра Чарльза, она заглушитъ любовь въ сердцѣ своемъ; она откажется отъ бла-

женства, которое надѣялась встрѣтить въ этомъ союзѣ, и выйдетъ за сарь Олаъ-Кэстля, стараго, весьма-богатаго, глупаго баронета и лучшаго боксѣра во всемъ Лондонѣ.

Между-тѣмъ сарь Еври, виновникъ несчастія Чарльза, хочетъ непременно исправить ошибку свою. Онъ, весьма искуснымъ образомъ распоряжается такъ, что любовники встрѣчаются на-единѣ — но все тщетно! Негодование леди Анны сильнѣе краснорѣчія Чарльза.

Вякій другой на мѣстѣ сара Еври сталъ-бы отчаяваться, но онъ богатъ деньгами, воображеніемъ и смѣлостью; онъ всѣхъ подкупаетъ, и въ одинъ вечеръ, когда леди Анна ѣдетъ въ свое имѣніе, кучеръ привозитъ ее прямо въ домъ Чарльза. Но сару Еври этого еще не довольно. Въ тотъ-же день тысячи извѣщеній о бракосочетаніи леди Анны съ саромъ Чарльзомъ разсылаются по всей столицѣ.

Анна побѣждена. Можетъ-ли она выйти изъ дому сара Чарльза, не подавъ поводъ къ самымъ оскорбительнымъ предположеніямъ? Можетъ-ли она открыть обманъ сара Еври, не сдѣлавшись геронней смѣшной мистификаціи, посмѣшищемъ цѣлаго города? Вдовушка, по-неволѣ, прощаетъ Чарльсу нескромность его, сару Еври хитрости, и безмолвно покоряется счастью своему.

Комедія эта богата милыми подробностями, прелестными сценами, хорошенькими куплетами, написанными опытною и искусною рукою.

ТНѢАТРЕ DE LA PORTE-SAINT-MARTIN.

Этотъ театръ старается теперь побѣдить неохоту, съ которою публики, при сильныхъ жарахъ, ходить въ театръ. новыми и, въ самомъ-дѣлѣ, замѣчательными, акробатическими и, такъ-называемыми, *геркулесовскими штуками*.

Какой-то Американецъ, по имени Реслей, показываетъ каждый вечеръ, предъ изумленною публикою, ловкія штуки, которымъ подобныя мы можемъ видѣть и у насъ, въ Петербургѣ, въ представленіяхъ г. и г-жи Дессоръ. Но вотъ что замѣчательнѣе всего. Въсто обыкновенныхъ шаровъ, Реслей играетъ двумя дѣтьми, изъ которыхъ одному 6, другому 8 лѣтъ.

Надо видѣть съ какою ловкостью и граціею онъ то вертитъ ими надъ головою, то бросаетъ ихъ вверхъ и ловитъ то на головѣ, то на плечахъ, то на рукахъ. Въ особенности одинъ изъ мальчиковъ, по имени Джонъ, прозванный Меркуріемъ, удивительнымъ образомъ помогаетъ отцу своему, а граціозная улыбка, несходящая съ лица его, успокоиваетъ зрителей на-счетъ безопасности его.

ТНѢАТРЕ DE LA GAITE.

ТOUT POUR DE L'OR. (*Все за золото*). драма въ пяти дѣйствіяхъ, гг. Дняо и Легилльона.

Какой-то негодий, по имени Вердье, рѣшился разбогатѣть: это цѣль всѣхъ его надеждъ. Чтобы

достигнуть ее, онъ доноситъ на благодѣтеля своего графа Вальбрёна, который и умираетъ на эшафотѣ: онъ женится на молодой дѣвушкѣ, самымъ низкимъ образомъ угрожая ей, открыть всему свѣту тайну, которая обезчестила бы ее; онъ измѣняетъ отчизнѣ, продавъ тайны французской арміи непріателю; наконецъ, онъ убиваетъ молодаго офицера, котораго измѣной завлекаетъ въ западню.

Случай открываетъ всѣ преступленія этого злодѣя, и его наконецъ разстрѣливаютъ.

Эта драма, богатая трагическими эффектами, имѣетъ нѣкоторое достоинство и очень поправилась парижской публикѣ.

— *La Famille Grandval* (*Семейство Гранваль*), драма въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Альбоаза и Фушэ.

Г. Гранваль, весьма искусный адвокатъ, навсегда опозорилъ красворѣчіемъ своимъ нѣкоего Дюрана, фальшиваго банкрута: чтобы отомстить Гранвалю, Дюранъ, убѣжавшій за границу, тайно возвращается оттуда, подъ именемъ Томпсона, и поселяется въ домѣ адвоката. Съ того дня, когда Гранваль пожалъ руку мнимому Томпсону и назвалъ его другомъ своимъ, на него обрушиваются всевозможныя несчастія. Томпсонъ открываетъ, что воспитанникъ адвоката, Леонъ, влюбленъ въ молодую дѣвушку, Казильду, и увѣряетъ Гранвала, будто-бы это только маска и будто Леонъ влюбленъ въ жену его. Адвокатъ застаётъ случайно жену наединѣ съ Леономъ и застрѣливаетъ его. Гранвала сажаютъ въ тюрьму; его приговариваютъ къ смерти, потому-что онъ

не хочетъ открыть судьямъ позора своего, но жена, обвинивъ себя въ измѣнѣ, оправдываетъ тѣмъ убійство Леона и спасаетъ мужа.

Наконецъ злодѣйскія козни Томпсона открываются: Гранваль узнаетъ, что жена его невинна и Леонъ, спасенный чудомъ, прощаетъ другу и благодѣтелю своему.

Въ тотъ самый день, когда Томпсонъ, подъ настоящимъ именемъ своимъ, отпраздненъ на галеры, счастье и спокойствіе возвращается въ домъ Гранвала.

Въ этой небольшой, незапутанной драмѣ много сценъ, прекрасно написанныхъ и развитыхъ. Успѣхъ ея вознаграждаетъ авторовъ за удовольствіе, которое она доставила публикѣ.

THEATRE DES FOIES DRAMATIQUES.

L'ÉCOLE DES FAUVETTES (*Школа малиновокъ*), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Габріеля.

Въ наше время спекулативный геній всѣмъ овладѣваетъ, следовательно, не удивительно, что и г. Дюренаръ пустился въ большія аферы, а именно: торгуетъ женскими голосами. Бѣгая за контральтами и сопранами, онъ заходитъ во всѣ мансарды и модныя магазины. Онъ овладѣваетъ всеми цѣточницами и модистками, швейками и крестьянками...

— Суларья, говоритъ онъ вамъ блестящая будущность, у васъ 40 тысячъ франковъ въ горлѣ; послѣдуйте со мною къ г-жѣ Арсенъ, бывшей первой пѣвицѣ

главнѣйшихъ театровъ Европы; я беру на себя развить дарованія, которыми такъ щедро надѣлила васъ природа; вы будете одѣты и обуты, будете имѣть хорошей столъ и все это... даромъ!... даромъ сударыня! съ тѣмъ только условіемъ, что когда васъ ангажируютъ на какой нибудь театръ, то вы отдадите мнѣ половину жалованья вашего и вообще половину всѣхъ доходовъ, бенефисовъ и проч., и то только на десять лѣтъ... небо-лѣе...

Общанія эти прельщаютъ бѣдную Женни. Но что дѣлать? Того, котораго она любитъ, преслѣдуютъ кредиторы; его хотятъ посадить въ тюрьму. Чтобы спасти своего Фредерика, Женни готова на всякія жертвованія. Она принимаетъ предложенія Дюренара, получаетъ три тысячи франковъ задатку, и отсылаетъ ихъ къ Фредерику, отъ имени Дюренара.

Проходитъ полтора года; Фредерикъ уѣхалъ въ Америку, получить богатое наслѣдство, и воротился болѣе прежняго влюбленный въ Женни; но кто опишетъ отчаяніе его, когда онъ находитъ ее у г-жи Арсенъ и подъ покровительствомъ Дюренара, который компрометируетъ ее за то, что она не хотѣла слушать любовныхъ объясненій его?

Разочарованный въ любви своей, Фредерикъ хочетъ бѣжать изъ Франціи, когда хорошенькая Никетта (дочь воловоза и примадона, подъ-именемъ Никеттини), спасаетъ пріятельницу свою Женни, столь же простымъ, какъ и замысловатымъ способомъ.

Дюренаръ хвасталъ, что про-

велъ съ Женни цѣлый вечеръ въ комнаткѣ ея. Никетта уговариваетъ Женни пригласить его въ-самомъ-дѣлѣ къ себѣ, и между-тѣмъ говоритъ Фредерику, чтобы онъ спрятался у Женни.

Дюренаръ въ восторгѣ является къ завербованной имъ будущей примадоннѣ... но увя! Дюренаръ слишкомъ толстъ и не можетъ пролѣзть въ двери! Обличонный такимъ образомъ во лжи, Дюренаръ клянется, что напрасно оклеветалъ Женни, просить прощенія у Фредерика, который, въ свою очередь, просить прощенія у Женни, и дѣло улаживается самымъ дружелюбнымъ образомъ.

Забавный водевиль.

—Trois femmes sur les bras (*Три женщины на рукахъ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Любера и Лебулѣ.

Молодой человѣкъ волочится за тремя прелестными женщинами, которыя равнодушны къ нему. Сверхъ-того онъ влюбленъ не-шутя въ молоденькую дѣвушку, на которой хочетъ жениться.

На-бѣду молодого человѣка всѣ три женщины, какъ-бы сговорившись, приходятъ къ нему. Но бѣда еще болѣе увеличивается, когда въ-свѣдъ за ними являются: мужъ первой, женихъ второй, отецъ третьей и наконецъ молодая дѣвушка, которую онъ искренно любитъ!

Положеніе его чрезвычайно затруднительно, но, какъ человѣкъ умный и влюбленный, онъ выпутывается изъ бѣды самымъ забавнымъ образомъ.

Успѣхъ.

ТНѢАТРЕ СОМТЕ

LA ROUPÉE DE LA REINE (*Кукла королевы*), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Жила-была маленькая, живая, остренькая, капризная королева. Ей приснилось, что кукла ее умѣетъ говорить, и когда она проснулась, ей непременно захотѣлось имѣть куклу, которая-бы говорила.

Жилъ-былъ еще искусный, слѣдовательно, бѣдный механикъ Вилемъ.

— Давайте, говорить, онъ, я сдѣлаю куклу.

— Скоро-ли?

— Да въ три мѣсяца!

— Ну, ладно, говорить, слѣлай въ три мѣсяца куклу, которая умѣла-бы говорить, и ты получишь десять тысячъ эю!

Принялся Вилемъ за работу. Работаетъ. Проходитъ три мѣсяца. Кукла готова. Чтò за чудо!... Словно живая, и ходитъ то она умѣетъ, и ручонками-то махаетъ, а главное—говорить, вотъ ни дать, ни взять, человѣкъ.

Увидала куклу дочь механика Лизбета.

— Ахъ, говорить, хорошая кукла! Не давай королевѣ, отдай мнѣ!

— Пельзя, говорить отецъ: обещалъ!

Куда! Лизбета и слушать не хочетъ. Пристала къ отцу — отдай мнѣ, да и только! Огдай, а не то умру, вотъ такъ-таки и умру!

— Не хочу, чтобъ ты умирала, говорить отецъ: ты мнѣ дороже десяти тысячъ эю. Возьми куклу.

Но королева маленькая знаетъ, что прошло три мѣсяца и посылаетъ вельможъ за куклой. Вельможи возвращаются.

— Не даетъ куклы Вилемъ, говорятъ они.

— Не даетъ? Такъ взять насильно!

— Насильно? Такъ вотъ-жевамъ! кричитъ Лизбета и хлопъ по куклѣ! Разлетѣлась бѣдняжка на мелкие кусочки.

Испугался механикъ гнѣва королевы, и живо представилъ ей новую куклу. Не нарадуется маленькая королева на свою куклу, цѣлуетъ, обнимаетъ ее и восклицаетъ:

— Ахъ! зачѣмъ ты не живая!

Кукла вспрыгиваетъ. Чтò это? Дочь механика. Маленькая королева уже успѣла такъ полюбить ее, что не хочетъ разстаться и назначаетъ отца ея придворнымъ часовщикомъ.

Хорошенькая пѣска для дѣтей, разыгранная дѣтьми, въ дѣтскомъ театрѣ г-на Ковтѣ.

ТНѢАТРЕ ДУ ВАУДЕВИЛЛЕ.

LE SILENT OU LES RÉPRÉSENTATIONS, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи г. Пинсолита Леру.

Г. Гальяръ самый злоязычный нотариусъ въ Бордо: онъ безъ пощадки клеветаетъ на всѣхъ. Но бѣдная женщины болѣе всего страдаютъ отъ злоязычія Гальяра; у той дѣвушки есть любовникъ, жена того немилосердно обманываетъ его, у этой вдовы никогда не было мужа и т. п.

Но вотъ бѣда. Потариусъ порочить всѣхъ женщинъ въ присут-

ствіи молоденькой жены своей. Это опасно. Но Гальяръ слѣпъ и не можетъ сопротивляться страсти своей, — поклеветать.

Однажды онъ рассказываетъ женѣ своей весьма-скандалѣзную исторію объ одной молодой вдовушкѣ и о старомъ офицерѣ, который хочетъ жениться на ней. По-несчастью, молодая вдовушка, которую онъ не знаетъ, пріятельница жены его, и сама выслушиваетъ исторію, которую про нее рассказываетъ нотаріусъ. Она клянется отмстить ему.

Старый офицеръ приходитъ въ контору Гальяра и, притворясь, будто принимаетъ его за старшаго писаря, открываетъ ему интригу между женой его и молодымъ писаремъ Леономъ; потомъ рассказываетъ г-жѣ Гальяръ, будто-бы мужъ ея въ связи съ женой какого-то полковника.

Супруги взбѣшены. Гальяръ обвиняетъ жену, а та его. Она почти рѣшается назначить свиданіе Леону, ухаживающему за нею. По-счастью, все открывается вовремя; Гальяръ понимаетъ, что получилъ порядочный урокъ и обѣщаетъ впредь вѣрить въ добродѣтель женщинъ.

Эта прелестная комедія, моральная идея которой развита съ такимъ умомъ и вкусомъ, написана притомъ совершенно въ родѣ высокой комедіи. Не смотря на лѣтнее время, она имѣла блистательный успѣхъ.

— *Un mystère*, (*Тайна*), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Комберусса.

Въ новой тайнѣ нѣтъ ничего тайнаго: выслушайте сами.

Полковникъ Можисъ обольститъ молодую дѣвушку, и теперь поступаетъ съ нею съ непостижимой грубостью и жестокостью. Какая этому причина? Въ томъ-то и тайна.

Позвольте-жъ я вамъ объясню ее. Позвольте видѣть — батюшка господина Можиса былъ обманутъ въ любви матушка его полверглась той же неприязности. Вотъ отъ-чего полковникъ такъ душно обходится съ прекраснымъ поломъ. Но вскорѣ каменное сердце его смягчается отъ одного взгляда бѣдной женщины, слѣбавшейся жертвой его. Развяку не трудно угадать.

Мы забыли упомянуть объ энциклопедическомъ лицѣ, нотаріусѣ Тюленѣ; лицо забавное и лучшее во всей пьесѣ, которая, мимоходомъ сказать, довольно-скучна и безтолкова.

— *Ен мон премьер*, (*Покойный мужъ мой*), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Клервиля.

Этотъ водевилъ можетъ служить прекрасной пьеской для прихода или ухода публики. Какой-то Г. Сень-Мери овдовѣвъ, послѣ довольно-несчастливаго брака, потому-что жена его обманывала, возимѣлъ несчастную идею вступить во вторичный бракъ, и, на-бѣду свою, попалъ на женщину брачную, злую, которая бѣснѣт его цѣлый день. Притомъ-же она имѣетъ несчастную привычку, безпрестанно выхвалять безцѣнные качества покойнаго мужа своего.

— Вотъ былъ человекъ! то-то былъ мужъ! ужъ не тебѣ чета! восклицаетъ она съ утра до вечера.

По-счастью Сень-Мери узнаетъ,

что покойный мужъ былъ глухъ и нѣмъ; желая домашняго спокойствія, онъ рѣшается притвориться глухимъ и нѣмымъ. Это успокаиваетъ жену и она оставляетъ его наконецъ въ покоѣ

— *Satan ou le Diable à Paris.*
(*Сатана или Дьяволъ въ Парижѣ.*)
комедія водевилъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, Гг. Клервиля и Даммартена.

Графъ Фернандъ де-Молеоссъ добрый молодой человекъ; хотъ онъ любитъ помотать, но сердце у него крайне-доброе. Онъ былъ очень богатъ, но доброе дѣло раззорило его. Фернандъ помогъ купцу спастись отъ банкротства, а тотъ не заплатилъ ему!... Тогда Фернандъ, съ сожалѣніемъ вспоминающій о прежнемъ богатствѣ, пишетъ, что онъ готовъ продать душу чорту, лишь бы прожить въ богатствѣ десятокъ лѣтъ, и смѣло подписываетъ эту записку.

На другой день, о чудо! Фернандъ получаетъ огромное наследство. Онъ опять богатъ и всѣми уважаемъ. Десять лѣтъ сряду онъ вполнѣ предается страсти своей къ роскоши и удовольствіямъ. Наконецъ, накудивъ холестою жизнью, онъ хочетъ жениться на богатой вдовѣ, г-жѣ де-Нантель. Онъ созвалъ къ великолѣпному ужину всѣхъ друзей своихъ, чтобы объявить имъ эту новость. Друзья въ восторгѣ и увѣряютъ амфитріона въ преданности и дружбѣ своей... но кто-то стучится... входитъ незнакомецъ...

— Я дьяволъ. говорить онъ: ты принадлежишь мнѣ! Завтра срокъ запискѣ твоей, сегодня суббота, по воскресеньямъ я не собираю дол-

говъ, слѣдовательно, въ понедѣльникъ, въ полдень, будь готовъ!...

Фернандъ громко захохоталъ.

— Не смѣйся, сказала дьяволъ: я не шучу. Впрочемъ ты будешь очень-радъ исполнить обѣщаніе свое, потому что съ этой минуты и до понедѣльника всевозможныя несчастія обрушатся на тебя!

И дьяволъ улетѣлъ.

На другой-же день, на балу, Фернандъ узнаетъ, что другъ его, д'Эстиньи, исчезъ съ портфелемъ, въ которомъ заключалось все имущество его. Но д'Эстиньи не могъ оставить Парижа, онъ потерялъ свой паспортъ и пошелъ къ какому-то негодяю, дѣлателью фальшивыхъ бумагъ, чтобы заказать себѣ поддѣльный паспортъ.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи, Фернандъ узнаетъ, что г-жа Нантель обманывала его; онъ даже находитъ собственноручное письмо ея, адресованное къ одному изъ ложныхъ друзей Фернанда. Несчастный хочетъ съ горя застрѣлиться, но вдовѣ удается увѣрить его, что она по-прежнему любитъ его — она успѣла уже узнать, что д'Эстиньи пойманъ и, слѣдовательно, Фернандъ богатъ по-прежнему. По счастью молодой кавалеристъ прачетъ Фернанда за занавѣсъ, и между-тѣмъ безъ церемоніи объясняется вдовѣ въ любви. Г-жа де Нантель очень-граціозно принимаетъ это объясненіе, особенно когда кавалеристъ увѣряетъ ее, что Фернандъ точно разорился. Очень-повытно, что обманутой молодой человекъ безъ церемоніи выгоняетъ вдовушку.

Столько различныхъ происшествій поколебали разумъ бѣднаго Фернанда; онъ впадаетъ въ горяч-

ку и, приходя въ себя, всегда видитъ возлѣ кровати своей молодую дѣвушку. Тайна вскорѣ объясняется.

Дьяволъ ни кто иной, какъ дочь негоціанта, которая, въ благодарность за помощь, оказанную Фернандомъ отцу ея, полюбила его и рѣшилась спасти отъ опасностей, которымъ онъ подвергался по добротѣ своей. Фернандъ женится на хорошенькомъ дьяволѣ.

Большой, вполне заслуженный успѣхъ.

THEATRE DES VARIÉTÉS.

Le Vampire. (*Вампиръ*), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Делины.

Дѣйствіе происходитъ на Баньольскихъ водахъ. Всѣ пріѣхавшіе туда очень пріятно проводятъ время. Мужчины волочатся за дамами, дамы кокетничаютъ, смѣются, рассказываютъ новости, сплетничаютъ — чудо, какъ весело!... Къ довершенію общаго удовольствія является на воды какое-то фантастическое и таинственное лицо, мрачное, какъ драма, нѣмое, какъ могила, въ черномъ платьѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ... Это лицо крайне интригуетъ всѣхъ, больныхъ и здоровыхъ. Этого непостижимаго челоѣка прозвали зампиромъ, по причинѣ погребальнаго вида его и потому-что онъ имѣетъ привычку прогуливаться при лунномъ свѣтѣ.

Не смотря на страшное прозвище, баронесса де-Субиранъ очень кокетничаетъ съ Вампиромъ и тѣмъ бѣсятъ постоянного обожателя

своего, г. де-Ноарака; молоденькая Дюбуръ влюблена въ Вампира... впрочемъ, обѣ правы; не смотря на мрачный видъ свой, онъ такъ кротокъ, такъ вѣжливъ, такъ интересенъ, однимъ-словомъ. Зачѣмъ-же онъ все молчитъ?

Нѣкто мосьѣ Дюплюмѣ клянется, что откроетъ тайну Вампира и преслѣдуетъ его довольно дерзкимъ образомъ. Вампиръ выходитъ изъ себя, и тогда все дѣло объясняется. Таинственнаго молодого челоѣка зовутъ Фридрихомъ; онъ Нѣмецъ и молчитъ потому, что черезчуръ дурно говоритъ по-французски. Боязнь, показаться смѣшнымъ въ глазахъ Мельси, оковазла языкъ его. По-счастію Мельси говоритъ по-нѣмецки, а потому имъ легко будетъ объясняться. Очень-понятно, что Мельси выходитъ за Вампира.

— LES BEDOUINES DE PARIS (*Парижскія бедуинки*) водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Дюмерсана.

Что это за бедуинки? Кто онѣ? Откуда? Чѣмъ занимаются? Не знаемъ.

Сезаръ Мутоиннѣ, разставшись съ пенатами своими, ѣдетъ въ Парижъ по приказанію папеньки, чтобы понабраться свѣткости. Въ Парижѣ Сезаръ сводитъ знакомство съ добрыми малыми, которые помогаютъ ему тратить денежки на пуншъ, на шампанское и знакомятъ его съ бедуинками... происхожденіе и промыслъ которыхъ намъ неизвѣстны.

Погибъ-бы бѣдный Мутоиннѣ, если-бы у него не былъ ангель-хранитель — молоденькая и хорошенькая кузина его Эфразій, которая, для спасенія его, употребляетъ

очень-искусво сцену сомнабулизма.

Піеса пустая, глупенькая. Все дѣло въ бедуингахъ. Если не умно, такъ ново.

SECOND THEATRE-FRANCAIS

Труппа этого театра разѣзжаетъ теперь по нѣкоторымъ городамъ Франціи. Послѣдняя новая піеса, которую актеры этого театра сыграли, предъ отъездомъ въ Руанъ, была:

L'Ecole d'un Fat, комедія въ одномъ дѣйствии г-жи Маріи де-Л'Эпине и г. Жутара.

У маркизы де-Саланси два обо-

жателя: одного, виконта де-Бель-маса, она тайно любитъ, съ другимъ, маркизомъ, обходится весьма-ласково, хотя сердце ея не лежитъ къ нему. Этотъ послѣдній, весьма-довольный собою, увѣренъ, что одержалъ побѣду надъ маркизой и не боится соперничества.

— Я готовъ биться объ закладъ, что сегодня-же получу доказательство того, что маркиза ко мнѣ равнодушна, говоритъ Виконтъ.

— Полноте! отвѣчаетъ смѣясь маркизь.

— Тысячу эю!

— Тысячу эю? Хорошо!

Къ вечеру, то-есть, къ концу піесы маркизь проигралъ закладъ. Слабенько и небогато по вымыслу.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Александринскій театръ

За передѣлками, производящимися въ зданіи Большаго Театра, гдѣ давали свои представленія наши оперная и балетная труппы, Александринская сцена уступила свои подмостки русской оперѣ и балету. При лѣтнемъ опустѣніи города и крайнемъ заустѣніи александринской сцены, оно было выгодно и для сцены, число зрителей которой увеличилось исключительно посѣтителями оперы и балета, и для публики, которая ограничивалась только спектаклями Александринскаго Театра, посѣщая рѣдко или вовсе не посѣщая Большой Театръ. Сборы въ кассѣ полнѣе, удовольствія зрителей разнообразнѣе. Вообще, признавая за Дирекціей всю мудрость и попечительность, ей свойственныя, мы позволили-бъ себѣ замѣтить, что рѣзкое раздѣленіе русской сцены по труппамъ могло-бъ быть устранено не безъ обоюдныхъ удобствъ сцены и публики. Кажется, что на излишнюю малочисленность зрителей нельзя было пожаловаться на тѣхъ спе-

такляхъ, гдѣ объ-руку съ водевилями шли напр. балеты. Для значительной части русской публики, отъ такого соединенія драматическихъ спектаклей съ музыкальными и мимическими найдутся, конечно, и другія выгоды, о которыхъ бесполезно распространяться по причинѣ ихъ очевидности.

Что же увидѣла александринская публика отъ переселенія на ея сцену труппы Большаго Театра? Даны были:

1) Десять дней женитьбы, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго. Музыка Боуальде

Боуальде, читайте. Боэльдѣ. Для разсужденій и отчотовъ о музыкальныхъ произведеніяхъ, наше изданіе имѣетъ особую рубрику; слѣд. важнѣйшую сторону піесы, т. е. музыку, мы оставляемъ статьи о музыкѣ Боэльдѣ вообще. О драматической и литературной сторанахъ піесы говоритъ много нечего: опера *возобновлена* изъ весьма старыхъ. Дѣйствующія лица тутъ именуются Пламенами и Добросердовыми; русскій языкъ половины истекшаго столѣтія, хоть по времени опера принадле-

жить къ началу царствованія Александра. Дѣйствіе оперы въ томъ, что молодые супруги, обвѣчавшись, тотчасъ уѣхали въ деревню, чтобы предаться наслажденію иѣжной любви вдали отъ разсвѣтлнхъ свѣта, но скучаютъ безъ этихъ разсвѣтлнхъ смертельно, и наконецъ, при помощи благодѣтельнаго дяди, наблюдавшаго за ними, образумливаются, т. е. возвращаются въ кругъ свѣтской жизни. Мысль, какъ видите, вренень давнопрошедшихъ; комизмъ слабъ, такой же. Публикою, несмотря на необходимыя рукоплесканія, принята пѣса въ такой мѣрѣ радушно, сколько потребно, чтобы дирекція прекратила дальнѣйшія представленія. Впрочемъ, самое возобновленіе, кажется, основано было на необширности сцены для большихъ оперныхъ произведеній.

2) Волшебный стрѣлокъ, большая волшебная опера въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ нѣмецкаго Р. Зотова, Музыка Вебера.

Фрейшица возобновилъ г-нъ Петровъ для своего бенефиса. Говорить объ исполненіи значило бы говорить о русской оперѣ все то, что такъ недавно и такъ часто всѣми говорилось при отзывѣхъ объ итальянской оперѣ, и что опять скоро будетъ говориться, благодаря наступленію сезона итальянской оперы въ Петербургѣ. Скажемъ только, что г-нъ Петровъ въ роли Каспара прекрасенъ, и что постановка оперы на нашемъ театрѣ не совсѣмъ соответствуетъ заслуженной славѣ творенія Вебера.

3) Со всемъ приборомъ сатана, или Сумбурица жена, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго Ф. Ф. Кокошкина. Музыка Соле.

Французскій авторъ пѣсы есть Седенъ, современникъ Дидро и сподвижникъ его въ разрушеніи предразсудковъ стариннаго общества. Всѣ лица Седена враги предразсудковъ наслѣдственной аристократіи и дворянской гордости, считавшей за полу-людей такъ-называемый высшій классъ. Характеръ филантропическаго графа Флоридора въ подлежащей оперѣ изъ числа такихъ-же. У этого графа, въ противоположность ему, есть графиня, образецъ капризныхъ барынь прошлаго вѣка, сущая сумбурица, какъ говорилось когда-то на Руси. Прохожій волшебникъ, недовольный повеленіемъ графини, которая надменно отказала въ гостепріимствѣ его чародѣйству, вздумалъ исправить сумбурицу, и принялся за дѣло такъ. На домъ графа работаетъ башмачникъ Яковъ, мѣщанинъ, который любитъ быть у себя «царемъ и властелиномъ», и въ подкрѣпленіе сана домуладыки частенько поколачиваетъ свою жену. Чаролѣй рѣшился на время превратить графиню въ башмачницу, а башмачницу въ графиню, и оба мужа ненадивятся внезапной перемѣнѣ характеровъ у жонъ. Добрая Марина выводитъ изъ-себя Якова непослушаніемъ и капризами; злая графиня изумляетъ всѣхъ домашнихъ кротостью и невзыскательностью. Быть жены мастерового, который испытала графиня, совершенно ее исправилъ, и когда,

при помощи письма, оставленного графу волшебникомъ, дѣло объяснилось, то сумбурщица-жена сдѣлалась сущимъ ангеломъ. Весь этотъ сюжетъ, какъ видите, напоминаетъ доброе старое время. Въ подлинникѣ пьеса называется: *La métamorphose des femmes*. Давалась опера на петербургскомъ театрѣ въ первый разъ, кажется, въ 1833 году. Трудъ надъ ея переводомъ принадлежитъ покойному Директору московскаго театра Ф. Ф. Ковошкину, скончавшемуся въ своей подмосковной деревнѣ, въ сентябрѣ 1838 года, лицу памятному и достопамятному въ дѣтписяхъ русской сцены, любителю искусства, какихъ нынче уже не бываетъ. Припомнимъ читателямъ любопытную статейку о немъ г-на Головина и Быстрорѣцкаго, напечатанную въ 1-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона» за 1843 годъ. Ему русскій театръ обязанъ переводомъ Мольерова «Мизантропа»: ему московская сцена обязана талантомъ М. С. Щенкина. Самъ превосходный актеръ (на блестящемъ домашнемъ театрѣ Апраксина), хотя старой школы, онъ во все время управленія московскимъ театромъ жилъ и дышалъ только для сцены, трудился для нея самъ, возбуждалъ молодые литературные таланты, напр. Писарева, отыскивалъ артистовъ, поощрялъ всякую искру дарованія сценическаго... Но довольно...

Изъ балетовъ, данныхъ нынѣшней мѣсяцъ, два возобновленные.

1) Простакъ, балетъ въ одномъ дѣйствіи.

2) Лиза и Коленъ или тще-

тная предосторожность, комическій балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ.

Собственно драматическаго вида мы одну новую драму, переведенную съ французскаго. По слову Михайловскаго театра, «Eulalie Pontois» была уже извѣстна въ Петербургѣ. На русской сценѣ она явилась подъ слѣдующимъ названіемъ:

Наслѣдство, драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ. переводъ съ Французскаго Д. Грегоровича.

У старой, умирающей въ своемъ замкѣ, маркизы Субиранъ составлено завѣщаніе, очень-выгодное для графини Бревизъ, ея дочери и жениха дочери, маркиза Шанжиронъ, и очень-невыгодное для племянника маркизы, Поля Вермона, одного изъ тѣхъ блестящихъ свѣтскихъ повѣстей, которые не бываютъ разборчивы на средства пріобрѣтенія, и съ которыми вы то и дѣло встрѣчаетесь въ современныхъ французскихъ романахъ. У той же маркизы есть управляющій Понтуа, который держится на мѣстѣ только привязанностью маркизы къ его дочери, Эйлали. Повѣренный москъ Поля Вермона, Денневиль, авантюристъ-пріобрѣтатель, по извѣстной сдѣлкѣ съ своимъ довѣрителемъ, успѣлъ уговорить Понтуа, за сотню тысячъ франковъ, украсть завѣщаніе больной маркизы. Но какъ исполнить это Понтуа? Не отлучно пріобольшой находится сидѣлка, мадамъ Дюплесси, вдова кавалера Почотнаго-Легиона, ужъ нѣсколько лѣтъ скорбящая о побѣгѣ дочери съ какимъ-то живописцемъ, и дочь Понтуа. Поль-

зуюсь минутой, когда старуха сидѣла готовить себѣ кофе, управитель подливаетъ въ него опиума; старуха не проснется, а дочь можно удалить. Мадамъ Дюплесси приглашаетъ Эйзалию выпить чашку кофе: опиумъ подѣйствовалъ на обоихъ. Борясь со сномъ, Эйзалия какъ-будто видѣла, что отецъ ея пробѣжалъ въ спальню умирающей. Вскорѣ оттуда слышны стоны. Эйзалия въ полубезпамятствѣ выдвигается къ большой, и находитъ свою благодѣтельницу зарѣзанною въ постели. Припомнивъ толки о завѣщаніи, и связи отца съ Полемъ Вермонемъ, бѣдная дѣвушка понимаетъ, въ чомъ дѣло. На крики прибѣгаютъ графиня де-Бревизъ съ дочерью, москѣ Гажеро, другъ дома, богатый деревенскій помѣщикъ, просыпается мадамъ Дюплесси. Всѣ видятъ, что дѣвушка виѣ себя и не могутъ добиться объясненія. Съ одной стороны насильственная смерть благодѣтельницы, съ другой опасность, открытъ преступленіе отца вовсе лишило Эйзалию разсудка. Чтобъ отвязаться отъ вопросовъ, она стремглавъ бросается вонъ. Убіенство наконецъ извѣстно въ домѣ, и, по всѣмъ признакамъ, преступница есть Эйзалия. Таково содержаніе *пролога*.

Намъ въ этой помѣстивъ драму въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего изданія, мы не станемъ дальше пересказывать ея содержаніе, чтобъ не разрушить интереса въ читателяхъ. А драма съ начала до-конца одна изъ самыхъ занимательныхъ по интересу. Есть нѣсколько сценъ, набросанныхъ мастерскою кистью. Сравнительно съ обыкновенными по-

востями александринской сцены, «Наслѣдство» очень-пріятное явленіе. Въ переводѣ видна нѣкоторая неопытность въ отношеніи къ языку, но вообще переводъ принадлежитъ къ хорошему; а за выборъ труда слѣдуетъ и очень поблагодарить г-на Грегоровича.

Еще пріятнѣе сказать, что драма весьма-хорошо поставлена касательно раздѣленія ролей между артистами. Только объ исполненіи г-жою Гриневой роли молодой маркизы Шанжиронъ мудрено отзываться выгоднымъ образомъ; всѣ остальные роли выполнялись прекрасно. Г-жа Самойлова 2-я была больше чѣмъ прекрасна, въ роли Эйзалии, и мы увѣрены, что була на сценѣ больше порядочныхъ вѣсть для ея ролей, талантъ молодой артистки развится бы блистательнѣе, нежели до-сихъ-поръ можно было ожидать.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

12 іюня в. с. въ отелѣ «Императрица Австрійская», въ Вѣнѣ, друзьями и почитателями Эленшлегера данъ былъ въ честь его блестящій праздникъ. Въ этомъ праздникѣ участвовало все, что есть въ Вѣнѣ знаменитаго и замѣчательнаго изъ числа литераторовъ, художниковъ, артистовъ драматическихкихъ и музыкантовъ.

— Недавно скончался въ Берлинѣ извѣстный нѣмецкій драматургъ и композиторъ Карлъ Блумъ на 60-мъ году отъ роду. Вотъ что говоритъ о покойномъ «die Berli-

sche Zeitung: «Покойный въ высшей степени обладалъ практическимъ знаніемъ театра и талантъ его въ этомъ отношеніи былъ чрезвычайно многостороненъ. Въ послѣдніе годы, безпрестанно усиливавшаяся слабость зрѣнія, возбуждавшая даже опасенія совершенной слѣпоты не только затрудняла ему исполненіе своихъ обязанностей, но и отягощала даже душу его мрачными заботами. Такъ какъ совершенная слѣпота, очевидно, было-бы его участію при должайшей житни, то и можно смерть его счесть для него счастіемъ. Число драматическихъ произведеній Блума простирается до 589, изъ коихъ, конечно, большая часть переводовъ, въ особенности французскихъ водевилей, потому-что онъ то именно и дѣлая сугланъ народнымъ этотъ родъ пьесъ въ Германіи. Блумъ былъ также и замѣчательный композиторъ: онъ оставилъ 162 произведенія вокальной и инструментальной музыки, и въ томъ числѣ нѣсколько комическихъ оперъ. Кромѣ того Блумъ написалъ много декораций для берлинскихъ театровъ, какъ-то: нѣкоторыя декорации для «Дѣвы Орелинской», Шиллера, для «Роберта», Фауста и «Фрейшица». Блумъ родился въ Берлинѣ въ 1784-мъ году и учился въ Бреславльскомъ Университетѣ. Музыку онъ изучалъ у Галлера и Сальери. Съ 1820 по 1831 годъ онъ былъ первымъ комикомъ національнаго Берлинскаго театра, а съ 1839 главный режиссеромъ этого-же театра.

— Сестры Миланоло, отдыхающія теперь въ Брюсселѣ, съ тѣмъ, чтобы осенью предпринять концертъ VII. Отд. II.

цертный походъ на Россію, бывши въ дорогѣ, въ теченіе 21-го мѣсяца дали 251 концертъ, то е. почти по 12 концертвъ въ мѣсяцъ. Бѣлыя-богатыя дѣтц!

— Въ англійскихъ журналахъ пишутъ отъ 19-го іюля: Смертныя останки Вебера вынуты изъ капеллы Moorfields въ Лондонѣ. Они будутъ переданы старшему сыну Вебера, который находится теперь въ Лондонѣ. Онъ повезетъ ихъ въ Гамбургъ, а оттуда по Эльбѣ въ Дрезденъ. Въ Лондонѣ открыта подписка въ пособіе таковой же, открытой въ Германіи, на сооруженіе покойному памятника.

— Виардо-Гарсія и невѣстка ея, Евгенія Гарсія, недавно прибыли въ Парижъ, одна изъ Германіи, а другая изъ Англій.

— «Антигона» Софокла, такъ-какъ она была дана въ Одеонѣ съ древнею обстановкою и съ хорами Мендельсона, начала уже путешествіе свое по департаментамъ Франціи и имѣла огромный успѣхъ въ Руанѣ.

— Изъ Балень-Балена пишутъ. Собраніе иностранцевъ, какъ полагаютъ, въ нынѣшнемъ году простирается здѣсь слишкомъ за 30 тысячъ. Музыкальные вечера смѣняются балами. Готовятся блестящіе праздники. Рожеръ, превосходный теноръ Комической Оперы, находящійся теперь въ Стразбургѣ, пріѣдетъ сюда, также какъ и Талони и нѣкоторые другіе знаменитые артисты большихъ иррическихъ театровъ. Наконецъ, приготовляютъ исполняскій праздникъ, исполненіемъ котораго будетъ управлять Берлиозъ.

— Г-жа Тальони въ бенефисъ

свой въ Парижѣ собрала 22,000-франк. Никогда, говорятъ журналы, знаменитая танцовщица не была такъ мила и неумоима, какъ въ этотъ прощальный вечеръ, заключившійся цвѣточнымъ градомъ.

Изъ Кёльна пишутъ: Знаменитый пианистъ Дрейшокъ отправился въ Боннъ, давши здѣсь блестящій концертъ, довольно-значительный сборъ котораго назначенъ имъ на окончаніе собора въ этомъ городѣ. Въ Боннѣ Дрейшокъ далъ два концерта, одинъ въ собственную свою пользу, а другой въ пользу бѣдныхъ жителей недавно сгорѣвшаго мѣстечка Медебаха. Эти два концерта возбуждали энтузіазмъ неописанный. Сборъ послѣдняго составилъ чистую сумму въ 1,500' фр. Въ тотъ же вечеръ почтѣвѣйшія лица Бонны дали, въ знакъ признательности великодушному артисту, блестящій праздникъ. Дрейшокъ, прославивъ вокальную и инструментальную серенаду, данную въ честь его и исполненную 400-ми студентами, возвратился въ Кёльнъ, и давъ еще одинъ концертъ, отправился въ Прагу, отдохнуть въ своемъ семействѣ.

— Изъ Берлина пишутъ: По повелѣнію Короля, на столичномъ театрѣ представлена будетъ трагедія Эсхила «Эвмениды», съ такою-же древнею постановкою, какъ даны были «Антигона» Софокла и «Медея» Еврипида. Переводъ «Эвмениды» порученъ знаменитому Эллинисту Доннеру, музыка Мейерберу.

— Изъ Мадрита пишутъ: На театрѣ del Circo даютъ политическую драму въ 5-ти актахъ Д. Ж.

Марія Лица. Драма эта, названная Una teina по conspira, основана на придворной интригѣ. Дѣйствіе просходить въ Португаліи. Благодаря многимъ одушевленнымъ и живымъ сценамъ, и не-смотря на слабость четвертаго акта, весь интересъ котораго сосредоточенъ на народномъ возстаніи, успѣхъ этой драмы былъ чрезвычайно-блестящій. Другой испанскій драматургъ el senor Asquerido также приобрѣлъ успѣхъ оригинальною комедіею, названною: Espanolas sobre todo.

— Много думали и передумывали о средствахъ предохранять театры отъ пожаровъ; но до-сихъ-поръ ни одно еще не удавалось совершенно. Между-тѣмъ подобное открытіе оказало-бы важную услугу обществу и предотвратило-бы многія плачевныя событія, потому что огонь есть бичъ самый ужасный для всѣхъ театровъ. Теперь этотъ важный вопросъ рѣшенъ г. Просперомъ Рогрономъ, главнымъ машинистомъ Клермонъ-Феррандскаго театра. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ и опытовъ, г. Рогрону удалось наконецъ изобрѣсти очень-простой, но и очень-остроумный механизмъ, посредствомъ котораго въ одно мгновеніе можно изолировать огонь, угрожающій сообщаться фризамъ и декорациямъ театра. Обыкновенный сторожъ, приведя въ движеніе простой винтъ сваряда, устроеннаго въ кулисахъ, сбрасываетъ загорѣвшуюся декорацию, и притомъ не вредя прочимъ, ничего не ломая и не порта. Этимъ средствомъ устраняется необходимость пожарныхъ, трубъ, которыя часто и не успеваютъ овладѣть

вать усилившимся огнемъ. Механизмъ этого сваряда самый простой и устройство его стоитъ недорого. Онъ особенно необходимъ для театровъ провинціальныхъ, въ которыхъ, за недостаткомъ магазиновъ, декорации хранятся на фризакъ.

— Извѣстный Лапгеншварцъ, таскавшійся по Европѣ, сначала какъ импровизаторъ, потомъ какъ докторъ водолечебной системы, теперь сдѣлался химикомъ и живетъ въ Парижѣ.

— На Миланскомъ театрѣ del Re находится теперь одинъ замѣчательный артистъ, заслужившій себѣ названіе итальянскаго Тальмы. Имя его Модена. Вотъ что говорятъ о немъ французскіе журналы: Моденѣ около сорока лѣтъ, и онъ очень походить лицомъ на Жанъ-Жака Руссо. Физиономія его обладаетъ этою выразительною подвижною, свойственною жителямъ юга. Хорошо управляя желтами, онъ все-таки иногда невольно уступаетъ увлеченію, непремѣнному слѣдствію пылкости крови, и эта-то организація, которую мы Французы называемъ *en dehors*, дѣлаетъ трудными для него тѣ сосредоточенныя роли, которыя такъ часто встрѣчаются въ произведеніяхъ французской драматургіи. Модена высоко можетъ стать въ роляхъ Сиды, Огелло, Танкреда, Донъ-Жуана Австрійскаго, и во всѣхъ другихъ роляхъ, требующихъ болѣе страсти и блеска, чѣмъ глубины. изученія Впрочемъ, изученіемъ и стараніемъ онъ успѣваетъ побѣдить и и этотъ недостатокъ, по крайнемѣрѣ, на столько, чтобы удивлять публику итальянскую, не такъ

сколько мы привыкнуто къ ролямъ концентрическимъ.

— Изъ Дрездена пишутъ: Тишина, царствовавшая въ нашемъ музыкальномъ мірѣ въ слѣдствіе отъѣзда отсюда г-жъ Шредеръ-Девриентъ и Жантилуомо, а также и Чихачека, нарушена самымъ пріятнымъ образомъ прибытіемъ сюда композитора русскаго національнаго гимна, г-на А. Львова. — Въ избранномъ кругу слушателей онъ игралъ вмѣстѣ съ здѣшними артистами Липинскимъ, Куммеромъ и д. скрипичные квартеты Моцарта, Бетгоvena и Рейссигера, и, надобно сознаться, что только Эрнстъ, Липинскій, старшій Молдеръ или Прюмъ могутъ бороться съ нимъ. Потомъ желанія многихъ любителей музыки заставили его согласиться на выполнение нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его оперы. *Bianca e Gualtiero*, что и было приведено въ исполненіе 4-го с. м. въ большой залѣ занимаемаго имъ отеля, артистами королевской Оперы, подъ управленіемъ нашего славнаго капельмейстера Рейссигера. Тріо, народный хоръ, дуеть и оба финала, такъ понравились, что желаніе видѣть эту оперу вполнѣ на сценѣ Королевской Оперы сдѣлалось всеобщимъ, и мы имѣемъ основательныя надежды на исполненіе этого желанія, потому-что всѣ Принцы и Принцессы королевскаго дома, приняли въ этомъ живѣйшее участіе, и всѣ музыкальныя знаменитости вполнѣ согласны съ самымъ лестнымъ отзывомъ Мейербера объ этой оперѣ. Во-второй части концерта г. Львовъ исполнилъ Адажіо Спора, а потомъ вмѣстѣ съ віолончелистомъ Куммеромъ

(соперникомъ Серве и Ганца) извѣстный сочиненный имъ характеристическій дивертисементъ: «Le Duel». Въ этой драматической пьесѣ, композиторъ и виртуозъ доказалъ, что музыка тоже можетъ говорить языкомъ самымъ понятнымъ. Программа общала еще вторую фантазію Львова на мотивы русскихъ пѣсень, оригинальное произведеніе, слышанное нами отъ концертмейстера Ганца въ Берлинѣ; но по причинѣ поздняго времени фантазія эта не была исполнена. Въ заключеніе выполненъ былъ всѣми оперными хорами и полнымъ оркестромъ Русскій Народный Гимнъ, и произвелъ чрезвычайно - сильный эффектъ, такъ-что по всеобщему требованію онъ былъ повторенъ, подъ управленіемъ самого композитора. Г. Львовъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ артистовъ, которые овладѣли тайнами искусства посредствомъ неутомимаго изученія и размышленія. Какъ композитъ, онъ хотя и принадлежитъ къ школѣ, во главѣ которой стоитъ Мейерберъ, но славянскій элементъ, преобладающій въ немъ, даетъ ему право на собственное оригинальное мѣсто.

— Недавно скончался въ Нанси извѣстный, плодовитый драматическій писатель Жильберъ де Пиксерекуръ, на 71-мъ году отъ-роду.

— Въ Неаполѣ возбуждаетъ теперь всеобщій восторгъ молодая танцовщица, двоюродная сестра

знаменитой Тальйони, въ Луиза Тальйони. Она танцевала на театрѣ Del Fondo, въ новомъ балетѣ La nascita di Flora (Рожденіе Флоры), который совершенно-бы упалъ, если-бъ не поддержала его молодая однофамилица Тальйони.

— На нашихъ театрахъ новаго по ка ничего нѣтъ, да, по обстоятельствамъ, и быть не можетъ. Можемъ сообщить одну только новость — ту, что Н. А. Полевой написалъ драму *Павелъ и Виринія*, въ пяти дѣйствіяхъ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ имѣть большой успѣхъ. Драма эта печатается въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Репертуара» и Пантеона.

— Наша Петербургская танцовщица, г-жа Смирнова, недавно дебютировала на парижской сценѣ Большаго Опернаго Театра (Grand Opéra). Парижскіе журналы отзываются объ ней довольно благосклонно.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, В. А. Каратыгинъ ни разу не явился на нашей сценѣ, а потому по городу распространились самые неблагоприятные слухи на-счетъ его здоровья. Считаемъ долгомъ успокоить многочисленныхъ почитателей нашего заслужоннаго артиста. В. А. Каратыгинъ дѣйствительно былъ нездоровъ въ началѣ нынѣшняго лѣта, но теперь, благодаря Бога, онъ совершенно оправился, и съ открытіемъ театровъ, снова явится пожинать лавры.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕДАКЦІИ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

1) Нѣкто г-нъ Р... прислалъ въ редакцію «Репертуара и Пантеона» нѣсколько стихотвореній своихъ, при слѣдующемъ, довольно-оригинальномъ письмѣ:

«Мой дѣдушка Осипъ Сидорычъ предостойный и прерѣдкой натуры человекъ! Ему, извольте видѣть, около ста лѣтъ; а онъ все еще живетъ себѣ ла живетъ. Однажды какъ-то онъ былъ въ добромъ расположеніи духа; вотъ я и спросилъ у него: Дѣдушка, говорю ему, а что, не пора-ли вамъ написать духовную? вы что-то мало стали нюхать табаку, а вѣдь это худой признакъ?»

— Да, мой внукъ, сказалъ онъ, твоя правда, мой близокъ часъ... Только ужъ духовной не жди отъ меня до-тѣхъ-поръ, пока не увѣрюсь, что ты что-нибудь да есть.» — А чѣмъ-же васъ въ этомъ можно увѣрить? спросилъ я. — Тѣмъ, отвѣчалъ, онъ, что если плоды твоего обученія, которое не дешево ко обошлось для меня, увижу я въ печатныхъ книгахъ.

Что-жъ тутъ мнѣ дѣлать? Голова чрезчуръ полноувѣсна, а писать все-таки надо, чтобы увѣрить его, что я *что-нибудь 'да есть*. Такъ вотъ какіе казусы, Милостивый Государь, заставили меня прибѣгнуть къ вамъ... Ужъ какъ вы не примете...

Охъ! Пропала умная, но беззащитная моя голова!

Вашъ покорнѣйшій слуга. Р.

Редакція «Репертуара и Пантеона» не печатаетъ стиховъ г-на Р... именно потому, что желаетъ ему добра: неравно дѣдушка прочолъ-бы эти стихи, тогда — прощай наследство!

2) Г-нъ *Лазаревскій* прислалъ изъ Новочеркаска въ редакцію «Репертуара и Пантеона» первый актъ изъ переведенной имъ трагедіи Шекспира *Отелло*, и проситъ напечатать его. Редакція «Репертуара и Пантеона», находя этотъ переводъ превосходнымъ, съ благородностію исполнила-бы желаніе г-на Лазаревского, но съ своей стороны считаетъ долгомъ просить — доставить переводъ *Отелло* *вполнѣ*, рѣшившись не печатать въ своемъ изданіи отрывковъ, особенно изъ пьесъ слишкомъ-извѣстныхъ. Редакторъ «Репертуара и Пантеона» имѣлъ честь увѣдомлять объ этомъ г-на Лазаревского *письменно*, но, вѣроятно, письмо его не дошло по адресу, ибо до-сихъ-поръ, къ сожалѣнію, увѣдомленія въ редакцію отъ г-на Лазаревского никакого не получено.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По нѣкоторымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ слѣдующее къ этой книжкѣ «Репертуара и Пантеона» приложеніе не поспѣло, а потому при слѣдующей книжкѣ г-да подписчики получаютъ два приложенія вдругъ.

Редакторъ *Мезевичъ*.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНИЯ.

(цѣны на серебро).

Musique à Grand Orchestre.

- AUBER, Ouverture de l'opéra les Diamans de la Couronne (4 r.) Zanetta (4 r. 50 c.).
- BEETHOVEN, Ouverture № 2 de l'opéra Leonore (4 r. 50 c.).
- CLAPISSON, Ouverture de l'opéra, La Symphonie (4 r.).
- DONIZETTI, Ouverture de l'opéra La Favorite — La Fille du regiment — Les Martyrs (à 4½ r. 4 r. 5 r.).
- FESCA, Ouverture oe. 43 posth. (3 r.).
- HALEVY, Ouvertures des opéras Le Guitarrero — La Reine de Chypres (à 3 r. 75 c. 3 r. 50 c.).
- KITTL, Concert - Ouverture (4 r. 50 c.).
- LANNER, Walzer oe. 191 — 200 (à 3 r. et 3 r. 50 c.).
- LORTZING, Ouverture de l'opéra Czaar & Zimmermann (2 r. 50 c.).
- LINDPAINNER, Ouverture jubilaire oe. 102 (6 r.).
- Ouverture guerrière oe. 109 (6 r.).
- MARSCHNER, Ouverture Bâbu (4 r. 50 c.).
- MUSARD, Trois Quadrilles sur l'opéra Zanetta № 1 — 3 (à 2 r. 25 c.).
- RIETZ, Ouverture à Hero & Leander (5 r.).
- WEBER, c. m. Ouverture de l'opéra Abu Hassan (3 r. 50 c.).
- l'Invitation à la Valse, instrumentée par Berlioz (5 r.).
- 2-de Sinfonie en Ut, dédiée à Mr. le comte Math. Wielhorsky (3 r. 50 c.).

Musique pour Violon.

- BERLOT, Six Etudes brillantes p. Vn. et Pf. ou Vn. seul (4 r. 50 c. et 2 r.).
- 1) La Sylphide — La Dramatique — La Prière.
 - 2) Le Torrent — La Tristesse — La Basque.

- ERNST, Feuillet d'Album p. Vn. avec accomp. de Pf. Extrait des 25 Etudes de St. Heller oe. 16 (75 c.).
- KAISER, Duos faciles & agréables, d'après des thèmes favoris des opéras connus; pour 2 Vns. liv. 1 2 (à 1 r.).
- LOUIS, «Alla Siciliana» Variations concertantes p. Pf. et Vln. oe. 74 (1 r. 70 c.).
- Fantaisie italienne p. Pf. et Vn. sur des motifs de Mercadante oe. 116 (1 r. 50 c.).
- Souvenir de l'opéra Le code noir, de Clapisson; Duo concertant p. Pf. et Vln. oe. 124 (1 r. 90 c.).
- LUBIN, L. DE ST. Poème d'amour de Ad. Henselt; Andante et Etude concertante p. le Pf. transcrit p. Vln. av. accomp. de Pf. ou p. le Vln. seul (1 r. et 50 c.).
- MAZAS, 75 Etudes mélodiques et progressives p. Vln. oe. 36 № 1 Etudes spéciales — № 2 Etudes brillantes — № 3. Etudes d'artistes; chaque (3 r. 40 c.).

Musique pour Violoncelle.

- BATTA & WOLFF, Deux grands Duos concertans p. Pf. et VII, op. 73 La Favorita de Donizetti op. 74 La Reine de Chypres de Halevy; chaque (2 r.).
- GANZ, Transcription pour le VII. avec Pf. op. 30. La Mélancolie, de Prume — Elégie de Ernst — La Romanesca (à 75 c.).

Piano av. accomp. d'autres instrumens.

- CARPENTIER, L'Echo des Montagnes, Air varié p. Pf. avec accomp. de Vn. ou Fl. ad. libit. op. 11 (75 c.).
- FORDE, Douze Mélodies italiennes p. Pf. et Fl. № 1 — 12 (à 40 c.).
- HILLER, Grand Duo p. Pf. et VII. op. 22 (4 r.).
- KAYSER, Divertissement modernes p. Pf. et Vn. sur des thèmes favoris des meilleurs opéras op. 4 № 1 — 6 (à 1 r. 25 c.).
- 1) Lucrezia Borgia, de Donizetti
 - 2) La Sonnambula, de Bellini
 - 3) Belisario, de Donizetti,
 - 4) l'Elisire d'amore,
 - 5) Norma, de Bellini.
 - 6) Lucia di Lamermoor, de Donizetti.
- NEULAND, Souvenir germanique, Fantaisie p. Pf. et Guitare op. 29 (1 r. 35 c.).
- OUVERTURES, des opéras modernes arrangés pour 2 Pf. à 8 mains par G. M. Schmidt, chaque № (à 2 R.).
- 1) Oberon, de C. M. de Weber.
 - 2) Ouverture jubilaire d-o.
 - 3) Freischütz d-o.
 - 4) Olimpie, de Spontini.
- SCHMITT, A. Trio pour Pieno, Violon & Violoncelle oe. 105 (3 r. 75 c.).

SCHWENCKE, CH. Deux Divertissements p. Pf. et Vn. ou Vll. sur des thèmes italiens op. 74 (1 r. 40 c.).
THALBERG & DE BERIOT, Grand Duo p. Pf. et Vn. sur des motifs de l'opéra Les Huguenots de Meyerbeer (2 r. 25 c.)

Piano à 4 mains. etc.

BACH, N. G. Divertissements p. Pf. à 6 mains op. 10 (95 c.).
BRUNNER, Récréations musicales pour la jeunesse: Six Rondos et Variations sur des thèmes favoris italiens op. 40 № 1 — 6 (à 57 c.).
HÄNDEL, Judas Maccabäus, oratoire arr. par G. N. Marks (10 r.).
KOTZELUCH, Sonate facile et agréable op. 12 (nouv. edit) (65 c.).
LINDPAINNER, Ouverture guerrière op. 109 (1 r. 50 c.). —
LISZT, Morceau de Salon, Etude de perfectionnement de la Méthode des Méthodes (75 c.).
LOUIS, Variations brill. sur unere miniscence de l'op. Le Codenoir, op. 126 (1 r. 35 c.).
MARKS, Potpourri sur des motifs de l'op. La Muette de Portici op. 94 (2 r.).
— Potpourri sur des motifs de l'op. La Fille du regiment op. 97 (2 r.).
— Mosaïque sur les opéras; Der Wildschütz; La Part du diable op. 100 (1 r.).
— Potpourri sur des motifs de l'op. Don Pasquale de Donizetti op. 190 (2 r.).
MENDELSON, Second Quatuor. arr. par Mockwitz (2 r. 65 c.). —
MARXSEN, Sonate facile op. 48 (50 c.).
RAVINA, Grand Duo sur Euryanthe de Weber op. 9 (1 r. 90 c.).
ROSELLEN, Cavatine de l'op. Torquato Tasso, de Donizetti, variée à 4 m. p. Pf. op. 23 (95 c.).
ROSENHAIN, Grande Fantaisie dramatique sur des thèmes de l'op. La Reine de Chypres op. 35 (1 r. 50 c.).
SCHWENCKE, Trois Rondinos op. 44 № 1 — 3 (à 75 c.).
Chœur de Norma — Duo de Norma — l'Andalouse
— Fantaisie brill. sur la Valse de Strauss, dite Philomèle op. 51 (1 r. 15 c.).

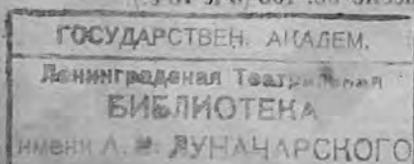
Piano à 4 mains.

SCHWENCKE, Fantaisie sur des motifs du ballet: La chatte métamorphosée en femme op. 52 (95 c.).
WOLFF, E. Deux nouveaux Duos sur les opéras La Fiancée et La Reine de Chypres op. etc. 73 et 74 (à 1 r. 50 c.).

Musique pour Piano seul.

ABELLIE MUSICALE, mois de juillet

№ 51) Fantaisie sur Lucrezia Borgia, par Thalberg (1 r. 40 c.).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. *Иностранные театры.*

Стр.

- I. ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ. Les quatre fils Aymon, комическая опера, слова гг. *Лавена* и *Брунсвика*, музыка г. *Бальфа*. — Diégarias, драма г. *В. Сажура*. — Paris voleur, водевиль гг. *Клервиля*, *Денкери* и *Дюманкура*. — Le billet de faire part, комедія г. *Балра*. — Tout pour de l'or, драма гг. *Дино* и *Лешильона*. — La famille Grandval, драма гг. *Альбоаза* и *Фушэ*. — L'École des fauvettes, водевиль г. *Габрисл*. — Trois femmes sur les bras, водевиль гг. *Любера* и *Лебулэ*. — La Poupée de la Reine, комедія. — Le Client ou les répressailles, комедія-водевиль г. *Ипполита Леру*. — Un mystère, водевиль г. *Комберусса*. — Feu mon premier, водевиль г. *Клервиля*. — Satan ou le Diable á Paris, комедія-водевиль гг. *Клервиля* и *Даммартена*. — Le Vampire, водевиль г. *Делины*. — Les Bédouines de Paris, водевиль г. *Дюмерсана*. — L'École d'un Fat, комедія г-жи *Марин де л'Эпинэ* и г. *Жутара*

49.

2. *Русскіе театры.*

- I. ПЕТЕРБУРГСКІЕ. (Десять дней жепитьбы, комическая опера, переведенная съ французскаго, Музыка *Боуальде*. — Волшебный стрѣлокъ, большая волшебная опера, переводъ съ нѣмецкаго *Р. Зотова*, музыка *Вебера*. — Со вѣсьмъ приборомъ сатана, или Сумбурщица жена, комическая опера, переводъ съ французскаго *Ф. О. Кокошкина*, музыка *Солье*. — Простакъ, балетъ въ одномъ дѣйствии. — Лиза и Коленъ или тщетная предосторожность, комическій балетъ. — Наслѣдство, драма, переводъ съ французскаго *Д. Гренировича*)
- II. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Корреспонденція редакціи «Репертуара и Пантеона»
- III. НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

65.

68.

74.

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» принимается: Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторахъ изданія, состоящихъ при книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ арсенала Аничковского Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суворовской линіи, № 13.

Въ Москвѣ, въ конторахъ изданія: между Дмитровкою и Петровкою на валу въ прежде-бывшей книжной лавкѣ *А. С. Ширлева*, а выиѣ *Свишшикова* и *Базунова*; въ ихъ-же книжныхъ лавкахъ, на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, въ домѣ подлѣ № 4 и 5; равно въ книжныхъ магазинахъ *О. И. Хрусталева*, *В. В. Лопилова*, *А. В. Глазунова* и *К. А. Полеваго*.

Сверхъ-того, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе десять рублей серебромъ. За пересылку и доставку на домъ полагается полтора рубля сереб.

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА

на малороссійскій языкъ переложенная

Котляревскимъ.

Въ шести частяхъ. Харьковъ, 1842 года. Цѣна 3 руб. серебр. Вѣс. за
2 ф.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Составилъ Голаховъ.

Изданіе второе, пополненное, въ 8-ю д. л. М., 1844 года. Цѣна 1 руб.
серебр. Вѣс. за 2 ф.

Поступила въ продажу

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

МУЗЫКАЛЬНАГО РЕПЕРТУАРА

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПІЕСЪ

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

Спб. 1844 года. Изданіе И. Н. Юркевича. Цѣна 2 руб. серебр. Вѣс.
за 2 ф. Тоже, тетрадь первая. Спб. 1844 года. Цѣна 2 руб. серебр.
Вѣс. за 2 ф.